

Научный сборник статей и исследований графа Валентина Платоновича Зубова (10 (22) ноября 1884, Санкт-Петербург – 9 ноября 1969, Париж), в 1912 году основавшего в собственном особняке (Исаакиевская пл., 5) первый в России научно-исследовательский институт истории искусств (Зубовский институт) и ставшего первым директором этого института, ставит задачи: во-первых, познакомить современного зрителя с В. П. Зубовым-искусствоведом; и, во-вторых, представить его искусствоведческие работы как памятник определенного состояния науки об искусстве.

Издание посвящено памяти Тамары Джакешевны Исмагуловой (1951–2020)

Статьи по российской истории и искусству

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

1

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи
по западноевропейской истории
и искусству

Граф
Валентин Платонович Зубов

В ДВУХ ТОМАХ

Том 1

Санкт-Петербург
2023

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СЕРИЯ
«СОТРУДНИКИ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ ИСКУССТВ»

Министерство культуры Российской Федерации
Российский институт истории искусств

Граф Валентин Платонович Зубов

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В двух томах

Том 1

Статьи по российской истории и искусству

Исследовательская серия
«Сотрудники Российского института истории искусств»

Санкт-Петербург

 Астерион

2023

УДК 7.072.3
ББК Щ10г(2)1дЗубов
Г 78

Рецензенты:

Ю. Е. Галанина, старший научный сотрудник РИИИ; *В. Ю. Черняев*, ведущий научный сотрудник СПБ ИИ РАН, кандидат исторических наук; *Ф. Р. Балонов*, кандидат исторических наук.

Рекомендовано к печати Ученым советом РИИИ 11. 12. 2017 года (Т. 1) и 13. 01. 2020 года (Т. 2).

Г78 Граф Валентин Платонович Зубов. Статьи и исследования :
В 2 т. / Под ред. А. Ю. Ряпосова ; составление, вступ. статья и комм. Т. Д. Исмагуловой. – СПб. : Астерион, 2023. – Т. 1. Статьи по российской истории и искусству. – 284 с. – (Исследовательская серия «Сотрудники Российского института истории искусств»).

ISBN 978-5-00188-339-5

ISBN 978-5-00188-340-1 (Т. 1. Статьи по российской истории и искусству)

Научный сборник статей и исследований графа Валентина Платоновича Зубова (10 (22) ноября 1884, Санкт-Петербург – 9 ноября 1969, Париж), в 1912 году основавшего в собственном особняке (Исаакиевская пл., 5) первый в России научно-исследовательский институт истории искусств (Зубовский институт) и ставшего первым директором этого института, ставит задачи: во-первых, познакомить современного зрителя с В. П. Зубовым-искусствоведом; и, во-вторых, представить его искусствоведческие работы как памятник определенного состояния науки об искусстве.

В первом томе издания собраны статьи, посвященные истории и искусству России.

ISBN 978-5-00188-339-5

ISBN 978-5-00188-340-1

**Т. 1. Статьи по российской
истории и искусству**

© А. Ю. Ряпосов – редактura издания, 2023

© Т. Д. Исмагулова – составление, вступ.
статьи, комментарии, 2023

© ФГБНИУ «РИИИ», 2023

Издание посвящено памяти
Тамары Джакешевны Исмагуловой
(1951–2020)

ТАМАРА ДЖАКЕШЕВНА ИСМАГУЛОВА

10 сентября 2020 года умерла Тамара Джакешевна Исмагулова...

Через полтора месяца ей должно было исполниться 69 лет. И тем не менее трудно поверить в эту кончину, оборвавшую энергичную, страстную жизнь увлеченного человека-подвижника, автора полутора сотен научно-исследовательских работ, известного петербургским краоведам экскурсовода, знакомящего с историей Института, создателя нескольких экспозиций по этой теме.

Филолог по образованию, окончившая с отличием Пермский государственный университет, она работала в Институте с апреля 1978 года до 1985 года на секторе источниковедения, с 1985 по 1990-й на секторе фольклора, затем до конца жизни на секторе источниковедения. Несколько лет жила в дворовом флигеле Zubовского института.

В 1990-х годах Тамара Джакешевна входила в группу, занимавшуюся изданием театрального наследия М. А. Булгакова, участвовала в организации булгаковских научных конференций, проводимых РИИИ совместно с ВТО. Участвовала в четырнадцати научных конференциях, посвященных творчеству писателя, проходивших в Ленинграде – Санкт-Петербурге, Киеве, Самаре, Будапеште, Таллинне и Москве.

С середины 1990-х годов она работала по теме сектора «Русское театральное зарубежье» под руководством А. Я. Альтишуллера. В апреле 1996 года организовала в Санкт-Петербурге научную конференцию по этой теме, была докладчиком на других симпозиумах по «Русскому зарубежью» в Праге, Москве и Санкт-Петербурге.

Т. Д. Исмагулова обладала способностью страстно увлекаться избранной темой, с азартом настоящего исследователя разыскивать нужные материалы в архивах и библиотеках, в поисках новых источников и для подтверждения своих идей совершала поездки в другие города России и за границу.

С конца 1990-х годов она начала работу над историей Института истории искусств и биографией его первого директора, графа В. П. Zubова, а также над генеалогией графов Zubовых. В 1999, 2000, 2001 и 2002 годах организовывала в Институте «Zубовские чтения», выступала на них с докладами, устраивала выставки, проводила экскурсии.

В 2004 году Тамара Джакешевна подготовила издание: В. П. Zubов. Страдные годы России (М.: «Индрик», 2004. 320 с., ил.), как составитель книги включила в нее, кроме мемуаров, другие статьи Zubова, составленную ею библиографию его сочинений, родословную графов Zubовых.

Принимала участие в работе над сборником «Российский институт истории искусств в мемуарах» (2003), где ею была подготовлена публикация: Шмидт П. Ф. Воспоминания об отце. Для этого издания ею составлены ком-

ментарии к воспоминаниям В. П. Зубова, Н. И. Толмачевской, И. М. Наппельбаум, В. В. Вейдле, П. Ф. Шмидт и статье В. А. Каверина «Дом №5» и др.

Занимаясь генеалогией и историей семьи основателя Зубовского института, Т. Д. Исмагулова писала о фаворите Екатерины II князе П. А. Зубове и его брате Н. А. Зубове, их потомках, о брате основателя Зубовского института С. П. Зубове и др., поддерживала связи с потомками этого рода.

Принимала участие в работе сектора источниковедения над энциклопедиями «Александринский театр» и «Энциклопедия РИИИ». Автор десятка статей об актерах и режиссерах театра.

В последние годы Тамара Джакашевна готовила к изданию двухтомную работу «Граф Валентин Платонович Зубов. Статьи и исследования». Год назад неутомимое стремление к исследованиям побудило ее совершить поездку в Италию для установления творческих взаимоотношений института с Флорентийским институтом истории искусств, послужившим образцом для основания первого искусствоведческого института в России – Зубовского института.

Российский институт истории искусств потерял самого преданного своего историка, граф В. П. Зубов – своего исследователя.

Юлия Евгеньевна Галанина, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ 1

Исмагулова Тамара Джакешевна. Вступительная статья.....	10
Гр. В. П. Зубов. Петербург. Художественная жизнь. Новый Плюшкин	34
Профессор В. Зубов. Почему не надо разрушать дворцов-музеев	39
В. П. Зубов. Значение мелкой музейной единицы	42
Зубов В., проф. В Эрмитаже Павловской статуе обломали руки.....	45
Профессор В. Зубов. К предстоящей музейной конференции.....	46
К предстоящей музейной конференции. Статья 2	49
Зубов В. Троица Андрея Рублева. К пятидесятилетию раскрытия иконы ..	53
Проф. Гр. В. П. Зубов. Губернатор Лопухин. К истории русских нравов в XVIII веке.....	59
Проф. гр. В. П. ЗУБОВ. Петр Богданович Пассек (18.ІІ.1736–22.ІІІ.1804). К истории русских нравов в XVIII веке.....	65
Проф. гр. В. П. ЗУБОВ. Алексей Емельянович Столыпин [1] и его театр. К истории русских нравов в XVIII веке.....	71
Проф. гр. В. П. ЗУБОВ. Иезуитская коллегия в Полоцке.....	79
Проф. гр. В. П. Зубов. Князь Тюфякин	84
Зубов В.П., проф. гр. Дело Братьев Грузиновых.....	93
Проф. гр. В. П. Зубов. Старые дома и их обитатели	99
Проф[ессор] гр[аф] В. П. Зубов. Чурбан-паша.....	107
Проф. гр. В. П. Зубов. Иван Иванович Шувалов	115
Проф. гр. В. П. Зубов. Иван Иванович Шувалов. Продолжение.....	120
Проф. гр. В. П. Зубов. Иван Иванович Шувалов. Окончание.....	126
Проф. гр. В. П. Зубов. Мария Николаевна Башмакова.....	133
Проф. гр. В. П. Зубов. Бал в Закрете	138
Проф. гр. В. П. Зубов. Шевалье де Сакс в России	146
Проф. гр. В. П. Зубов. Император Павел I и католическая церковь. По поводу новейшей архивной находки	151
Проф. гр. В. П. Зубов. Дневник Порошина.....	158
Проф. гр. В. П. Зубов. Дневник Порошина. Продолжение.....	165
Проф. гр. В. П. Зубов. Дневник Порошина. Продолжение.....	172
Проф. гр. В. П. Зубов. Дневник Порошина. Продолжение.....	178

Проф. гр. В. П. Зубов. Дневник Порошина. Продолжение.....	185
Проф. гр. В. П. Зубов. Дневник Порошина. Окончание.....	190
Проф. гр. В. П. Зубов. Первый брак цесаревича Павла Петровича.....	196
Проф. гр. В. П. Зубов. Первый брак цесаревича Павла Петровича. Продолжение.....	202
Проф. гр. В. П. Зубов. Первый брак цесаревича Павла Петровича. Продолжение.....	208
Проф. гр. В. П. Зубов. Первый брак цесаревича Павла Петровича. Продолжение.....	212
Проф. гр. В. П. Зубов. Первый брак цесаревича Павла Петровича. Продолжение.....	216
Проф. гр. В. П. Зубов. Первый брак цесаревича Павла Петровича. Продолжение.....	222
Проф. гр. В. П. Зубов. Первый брак цесаревича Павла Петровича. Продолжение.....	227
Проф. гр. В. П. Зубов. Первый брак цесаревича Павла Петровича. Продолжение.....	231
Проф. гр. В. П. Зубов. Первый брак цесаревича Павла Петровича. Продолжение.....	237
Проф. гр. В. П. Зубов. Первый брак цесаревича Павла Петровича. Окончание.....	242
Зубов В.П., проф. гр. Барон Николай Николаевич Врангель. К пятидесятилетию со дня кончины. 2 июня 1880–15/28 июня 1915.....	248
Зубов В. П., проф. гр. Барон Николай Николаевич Врангель. К пятидесятилетию со дня кончины. 2 июня 1880–15/28 июня 1915. Окончание.....	253
Проф. гр. В. П. Зубов. Графиня Текла Игнатьевна Шувалова. 1802–1873.....	257
Проф. гр. В. П. Зубов. Графиня Текла Игнатьевна Шувалова. 1802–1873. Продолжение	263
Проф. гр. В. П. Зубов. Графиня Текла Игнатьевна Шувалова. 1802–1873. Продолжение	269
Проф. гр. В. П. Зубов. Графиня Текла Игнатьевна Шувалова. 1802–1873. Окончание	274
Проф. гр. В. П. Зубов. Памяти А. А. Трубникова (Андрея Трофимова).....	279

ТОМ 2

Т. Д. Исмагулова. Вступительная статья	292
Гр. В. Зубов. Выставка итальянского портрета во Флоренции.....	300
Гр. В. Зубов. X Международный съезд историков искусства в Риме	306
Зубов В. П., проф. гр. Лаврентий Великолепный и его круг	311
Зубов В. П., проф. гр. Лаврентий Великолепный и его круг. Окончание.....	319
Зубов В. П., проф. гр. Чудо о змии.....	324
Зубов В.П., проф. гр. Искаженный Ницше.....	332
Зубов В. П., проф. гр. Урбино и его двор.....	338
Проф. гр. В. П. Зубов. Новые путешествия художественных сокровищ	354
Проф. Гр. В.П. Зубов. Шамиль. (Сабли рая)	359
Зубов В.П., проф. гр. Микеланджело. К четырехсотлетию со дня его кончины	370
Зубов В.П., проф. гр. Сивиллы в мифе классической древности.....	396
Зубов В. П., проф. гр. Миросозерцание Средних веков и эпохи Возрождения.....	418
Гр. В. П. Зубов. Готика	431
Зубов В. П., гр. Письма Зубова В. П. – Шмидту Джемсу Альфредовичу.....	438
Письмо 1	438
Письмо 2	441
Письмо 3	442
Библиография трудов	445
Графа Валентина Платоновича Зубова	445
Литература о В. П. Зубове.....	464

Том 1

◆ СТАТЬИ ПО РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ И ИСКУССТВУ

Исмагулова Тамара Джакешевна

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Данный сборник ставит задачу познакомить читателей с искусствоведческими сочинениями, опубликованными, главным образом, за рубежом на страницах различных периодических изданий, графа Валентина Платоновича Зубова (1884–1969), основателя и первого директора Российского института истории искусств, доктора философии Берлинского университета, сотрудника Эрмитажа, преподавателя Петроградского (Ленинградского) университета и одного из основателей его искусствоведческого отделения, члена Высшего совета по делам искусства, а также члена комиссии по приемке и регистрации художественных ценностей дворцов Петербурга, первого директора Гатчинского Дворца-музея.

В России автором данного текста была переиздана книга мемуаров В. П. Зубова («Страдные годы России». М.: Изд-во «Индрик», 2004), которая вызвала интерес, и в 2015-м году она вышла на польском языке в Варшаве (Valentin Zubow. Lata przez mękę. Russia 1917–1925. Warszawa, 2015. Пер. Дануты Улицкой. Вступ. статья: Ismagulova Tamara D. “Lata przez mękę” hrabiego Walentina Platonowicza Zubowa na tle Srebrnego Wieku). Несколько лет назад была переведена с немецкого и издана в Петербурге зубовская историческая работа «Император Павел I. Человек и судьба» (Valentin Graf Zubow. Zar Paul I. MENSCH UND SCHICKSAL. Stuttgart, 1963. Пер. В. А. Семенова. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2007). Но по стечению обстоятельств именно искусствоведческие, профессиональные работы Зубова в России (да и за рубежом) практически не известны. В документах Зубов упомянул как подготовленную к печати монографию «Понятие формальной воли и формального сознания в искусствознании». В некоторых источниках она приводилась как изданная (Ср.: «в 1917 году вышла его книга: “Формальная воля и формальное сознание в искусстве”». – В статье: Ярошецкая В. Осень. 1917 год. Гатчинский дворец // Коннетабль (Гатчинская правда). 1991. 7 нояб. № 178 (17139). С. 1). Но обнаружить ее не удалось.

Также в свое время была анонсирована статья Зубова «Заметки к истории барочной скульптуры» во 2-м выпуске «Ежегодника Российского Института Истории искусств», говорилось о подготовленном им монументальном издании «итальянской барочной скульптуры в 2 тысячи таблиц» (Письмо В. П. Зубова – Н. Э. Радлову. 9 декабря 1923 года // РГАЛИ. Ф. 2786. Оп. 1. № 49. Л. 1об.), но не то, не другое так и не было напечатано.

И поэтому представляют ценность поздние публикации Зубова на искусствоведческие и исторические темы, опубликованные им за границей (главным образом на страницах самой известной газеты русского зарубежья «Русская мысль»). В процессе работы над изданием мемуаров В. П. Зубова удалось

выявить около двухсот его опубликованных статей, но в текст книги 2004 года вошли только шесть.

Массив искусствоведческих и исторических статей Зубова распадается на две приблизительно равные части: первая – исследования на философские и религиозные темы и статьи по западноевропейскому искусству (главным образом итальянскому) и вторая – статьи по российской истории и искусству. Они приблизительно соответствуют темам двух диссертаций, над которыми работал Зубов при подготовке к докторскому званию: первая – о фресках Джорджо Вазари в Палаццо Векьо (не опубликована) и вторая – его защищенная диссертация на звание доктора философии Берлинского университета, посвященная архитектору Карлу Росси, изданная в Санкт-Петербурге в 1913 году на немецком языке (Graf Valentin Suboff. Carlo di Giovanni Rossi architekt. 1775–1849. Ein Beitrag zur Geschichte der Auflösung des Petersburger Empire. Санкт-Петербург. 1913). Кроме того он изучал документы и публиковал статьи, посвященные истории рода графов и князей Зубовых.

Основу издания составили вырезки газетных статей графа В. П. Зубова, переданные его потомками в Кабинет Рукописей РИИИ (две тетради), но они представляют только небольшую часть зубовского наследия и нуждаются в дополнениях по газетным и журнальным материалам библиотек, а также переводами его работ с немецкого и французского языков. К сожалению, относительно полным комплектом «Русской мысли» в России располагает только Российская государственная библиотека в Москве, а полным собранием – две библиотеки в мире (Парижская и Славянская библиотека в Хельсинки).

Граф Валентин Платонович Зубов – второй по популярности представитель семейства Зубовых после знаменитого Екатерининского фаворита. Он известен как основатель в 1912 году и первый директор Института Истории Искусств, единственного тогда в России учреждения, занимавшегося серьезным изучением «изящных искусств». Открыл он его в Петербурге, в семейном особняке графов Зубовых на Исаакиевской площади (под номером 5), поскольку никак не мог найти для Института подходящее место, и его мать посоветовала занять нижний этаж семейного дома на Исаакиевской площади. Причем юридически дом этот молодому графу не принадлежал (он был выделен из наследства), и таким образом к созданию Института оказалась причастной вся семья графов Зубовых, отдавшая родовой особняк для научных штудий.

Валентин Платонович был третьим, младшим сыном, и получил удачливость этого сказочного персонажа. Семейство их происходило от старшей линии графов Зубовых, от старшего брата Екатерининского фаворита – Николая, того, кто по преданию во время переворота 11 марта 1801 года первым нанес удар государю Павлу золотой табакеркой. Женат он был на фрейлине Екатерины II, любимой дочери Суворова, Наталье, «Суворочке». Сама Императрица

устроила их свадьбу (икона, которой она благословила молодых, долгое время хранилась в Суворовском Музее). Брак был счастливым. У них родились семеро детей – выросли три мальчика и три девочки. Но только у старшего, Александра, остался сын, граф Платон Александрович Зубов (1835–1895), отец будущего директора Института. Мальчик закончил Школу гвардейских прапорщиков и участвовал в нескольких военных кампаниях. Получив во время обороны Севастополя тяжелую контузию, граф Зубов оставил военную службу. Он унаследовал после смерти матери, урожденной княжны Натальи Павловны Щербатовой, большое состояние и решил поселиться в столице. В 1869 году он женился на сестре своего соученика по Школе, фрейлине Императрицы Марии Александровны, Вере Сергеевне Плаутиной (1845–1925). Для своей семьи он выбрал красивый особняк на Исаакиевской площади, перестроенный для одного из предыдущих владельцев, графа А. А. Закревского, модным архитектором Гаральдом Боссе «в стиле флорентийского ренессанса». Фасад приобретенного дома новый владелец несколько переделал и украсил фамильным гербом Зубовых (архитектор К. К. Шульц).

В семье графов Зубовых появилось четверо детей. Первой родилась единственная дочь, Анна (1875–1946), в замужестве баронесса Вольф. Ее супруг, барон Николай Борисович фон Вольф, был директором Императорского фарфорового завода. Затем появились трое мальчиков: Александр, Сергей и Валентин.

Александр (1877–1940), получивший имя в честь знаменитого предка, Суворова (Александр Аркадьевич Суворов, внук полководца, был его крестным отцом), закончил Царскосельский лицей, после служил в Императорской канцелярии, участвовал в войнах русско-японской и первой мировой (в последней был начальником санитарного поезда). На него легли главные заботы о семье, именно «молодой граф Александр» продолжал и большую благотворительную деятельность, которую ранее вел его отец. Он не был женат, жил с матерью и племянниками.

Сергей (1881–1964) очевидно получил имя в честь Плаутиных (отца Веры Сергеевны) и по этой линии унаследовал литературный дар – их мать была племянницей поэта Н. П. Огарева. Учился он на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, но курса не окончил. Сергей выпустил поэтический сборник (1911), его пьесы шли на сцене Суворинского и Александринского театров. Рукописи его стихов находятся в фонде К. Р. Пушкинского Дома, в двух других архивах (РГИА и РГАЛИ) сохранилась его переписка с М. Г. Савиной. Граф Сергей Платонович Зубов женился на графине Елизавете Александровне Шереметевой, у них родилась дочь, Мария (1906). Но вскоре супруги расстались. Уже в эмиграции он женился второй раз на дочери аргентинского богача Эмилио Шиффера – Росарио. Молодая графиня Зубова увлеклась Россией и ее изобразительным искусством, вместе с мужем она собрала большую коллекцию русской живописи. Но после неожиданной смерти

в автомобильной катастрофе их единственной дочери, Татьяны (1924 – 1957), супруги подарили картины музеям в Женеве и Буэнос-Айресе.

Младший, Валентин Платонович, родился 10 ноября 1884 года. Имя получил, вероятно, в честь предка, графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, портрет которого украшал парадную лестницу зубовского особняка. Фамилия Мусиных-Пушкиных прославилась открытием «Слова о полку Игореве», и имя словно передало мальчику склонность к научным изысканиям. Любопытно, что он продолжил традицию, назвав свою единственную дочь Анастасией – великолепный портрет княгини Анастасии Валентиновны Щербатовой (урожденной Мусиной-Пушкиной), его прабабушки, также украшал парадную лестницу зубовского дворца. Это изображение, и парный к нему портрет прадеда, князя Павла Петровича Щербатова, считались тогда работой Ореста Кипренского.

Маленький Валентин был записан во 2-ую Санкт-Петербургскую классическую гимназию на Казанской улице, ту же, что окончил его брат Сергей, но классов практически не посещал. В своих воспоминаниях «Страдные годы России», вышедших в Мюнхене, в 1968 году, он писал: «Учился дома и каждую весну сдавал переходные экзамены. К молодому оболтусу ходила целая орава учителей, и мне было, конечно, труднее, чем школьникам: во-первых, знать урок надо было всегда, во-вторых, и подбор учителей был высокого калибра. Тем не менее, я глубоко благодарен матери за эту систему. И моей сибаритской натуре было приятнее не бегать ежедневно в школу по морозу, и толку было больше. Только вот математику лучшим учителям так и не удалось втемяшить в мою башку». Здесь мемуарист явно скромничал. Он окончил гимназию с золотой медалью, получив «отлично» по всем предметам («четыре» выставлено только по физике и географии, по математике «пять» итоговая, «пять» и экзаменационная отметка). В аттестате же были отмечены и «успехи в науках, в особенности же, в словесных науках».

Абитуриент в 1904 году подал документы на историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, где начал заниматься с большим увлечением, но его «молодой энтузиазм на первой же лекции получил холодный душ. Профессор Шляпкин просто не явился на лекцию, и мы его зря прождали два часа. Вскоре начались студенческие забастовки, актовый зал превратился в арену для политических митингов, некоторых правых профессоров пытались оскорблять действием, например, Александра Ивановича Введенского. Я на это смотрел до осени 1905 года...». Здесь стоит прервать сжатый рассказ мемуариста и посмотреть, у кого из именитых петербургских профессоров учился юный граф. Сразу несколько курсов читал начинающим филологам профессор Дмитрий Власевич Айналов: «Историю древнерусского искусства», «Античную живопись» и «Историю древнего христианского искусства». Этого преподавателя он сразу выделил, (в мемуарах граф назвал его

«маститым профессором» и «крупнейшим византологом»), а позже пригласил преподавать в свой Институт. Читавший же «Введение в археологию» Михаил Иванович Ростовцев стал впоследствии не только его коллегой (он тоже преподавал в Зубовском Институте, хотя и недолго), но и другом. Во всяком случае, в мемуарах, рассказывая о народном комиссаре А. В. Луначарском, граф Зубов привел слова его «двоюродного брата Михаила Ивановича Ростовцева, который терпеть его не мог [...]»: «Плюньте ему от меня в рожу. Он такой же большевик, как и я, я его знаю!» На этом же курсе вел просеминарий по греческому языку один из крупнейших специалистов по античности Сергей Александрович Жебелев. Он не преподавал в Зубовском Институте, но его книги позже, очевидно заботами В. П. Зубова, исправно пополняли институтскую библиотеку, даже если они были изданы, например, в Казани.

Стоит сказать несколько слов о характере и внешности Валентина Платоновича Зубова. По словам современников, он отличался вспыльчивым характером и эксцентричностью, унаследованную от предков, которая иногда приобретала «театрализованные» формы, что, впрочем, было в духе той, несколько карнавальная эпохи. «Граф Зубов одевался под Онегина, носил бачки и кружевное жабо вместо галстука. Некоторые рассказывали, что он иногда являлся в коротких шелковых панталонах и в туфлях с пряжками» (Прилежаева-Барская Б. М. «Бродячая собака». Публикация Р. Тименчика // Минувшее. Т. 23. СПб., 1998. С. 392).

Граф был завсегдатаем знаменитых тогда кафе «Бродячая собака» и «Привал комедиантов», где его часто видели в обществе величественной Анны Ахматовой. «Маленький Зубов» казался ее пажом или оруженосцем. В автобиографическом романе-хронике Сергея Волконского «Последний день», вышедшем в Берлине в 1925-м, на вечере в артистическом кафе героиня долго всматривалась в прекрасное лицо Анны Ахматовой: «Ассирийская царица, – сказала она. – И рядом с ней маленький Зубов! Это точно в какой-нибудь фантастической книге Уэльса, где перемешаны все века и все людские поколения» (Волконский С. Последний день. Роман-хроника. Берлин, 1925. С. 157.). Молва даже связывала их имена, и напрасно, но Ахматова посвятила Зубову стихотворение «Как долог праздник новогодний...», которое свидетельствует о сердечной дружбе между ними.

Граф В. П. Зубов успел послушать лекции и в Гейдельберге, и в Лейпциге, и в Галле, и в Берлине. Среди своих университетских скитаний граф женился – 9 ноября 1907 года во Флоренции, в Христо-Рождественской церкви, он обвенчался с Софией Иппа, начинающей пианисткой. Жениху на следующий день исполнилось 23 года, невесте только что минуло 21. (Она родилась 25 октября 1886). Брак был романтический – невеста, дочь доктора медицины, коллежского советника Натана Иппа, была еврейкой, принявшей крещение. Ей изменили отчество, вместо «Натановны», она стала «Игнатъевной», по имени крестного

отца – Игнатия Николаевича Потапенко. Кстати, впоследствии этот факт тщательно скрывали: в войну бывшие супруги оказались на территории Германии, и правда грозила смертью. Их дочь, Анастасия, в мемуарах «Бегство в Финляндию» (Exiles in Finland), опубликованных на английском языке в сборнике «Other Russia» (London-Boston, 1988, p. 122-124), написала, что мать «кавказского происхождения». Граф Zubov зимой 1908/1909 годов закончил диссертацию о фресках Вазари в Палаццо Векьо. Впрочем, как вспоминал он сам, «из нее ничего не вышло». Для получения степени доктора философии он написал новую научную работу, посвященную, как было сказано выше, Карло Росси. Это была первая монография о Росси, к сожалению, почти не востребованная последующими авторами.

К 1910 году в Санкт-Петербург были привезены из Германии и Италии книги по искусству, была составлена значительная библиотека. Около двух лет Zubov добивался разрешения на открытие Института истории искусств, но, получив отказ, 2 (15) марта 1912 года открыл во дворце на Исаакиевской площади библиотеку под именем «Институт Истории Искусств». О торжественном открытии сообщили газеты и журналы. Время от времени в библиотеке устраивались лекции. Потом удалось получить разрешение на чтение систематических курсов (дабы не спрашивать у полиции санкции на каждую), а после Институт был узаконен как существующий.

«Помощниками мне, в организации библиотеки, были библиотекарша Екатерина Гвидовна Пенгу и приходивший из любви к делу милейший Валерьян Адольфович Чудовский, один из хранителей Публичной библиотеки, литературный критик и сотрудник журнала “Аполлон”, а также Николай Эрнестович Радлов», – написал в мемуарах Zubov. Но он умолчал о том, что Екатерина Гвидовна Пенгу, дочь лютеранского пастора костёла святого Михаила на Васильевском Острове и автора книги о нём, была его второй женой. С Софией Иппа он развелся вскоре после рождения дочери Анастасии (родилась 15 февраля 1908 года), причем для обеспечения разведенной жены и дочери было продано родовое имение Zubovых Глуша и обращена в деньги наследственная часть особняка на Исаакиевской площади. Второй брак Валентина Платоновича был еще короче. Они поженились 29 ноября 1917 года, а развелись в октябре 1918, менее чем через год. В середине этого срока – 24 августа 1918 года – родился их сын, Иван, музыкант и художник. Сейчас он живет в Штутгарте.

Граф Zubov пригласил работать в Институте многих из своих бывших университетских преподавателей, а также искусствоведов, служивших вместе с ним в Эрмитаже. В 1913–1914 годах лекции здесь читали: Павел Викторович Деларов (по голландскому искусству), близкий друг Zubova, специалист по русскому искусству XVIII-го и XIX-го веков барон Николай Николаевич Врангель, известный античник Оскар Фердинандович Вальдгауэр, знаток древнерусского искусства Василий Тимофеевич Георгиевский, специалист по архитектуре

Петербург Владимир Яковлевич Курбатов, бывший Директор Императорских театров князь Сергей Михайлович Волконский, главный хранитель Картинной Галереи Эрмитажа Эрнест Карлович Липгарт, директор Французского института в Петербурге Луи Рео (последние читали свои курсы по-французски, а Вальдгауэр по-немецки). На следующий год к ним присоединились византолог Дмитрий Власевич Айналов, главный библиотекарь Эрмитажа Владимир Александрович Головань, молодой искусствовед Александр Александрович Трубников, и Джеймс Альфредович Шмидт, «хранитель Эрмитажа, прекрасный ученый, прошедший за несколько лет до меня через немецкие университеты». В. П. Zubov писал: «С этого времени Институт быстро развивался, несмотря на трудности первого года войны (Первой Мировой. – Т. И.). Число преподавателей росло, библиотека пополнялась, и работа шла хорошо. Я предвидел минуту, когда мое создание перерастет мои возможности, и понимал, что рано или поздно мне придется передать его в руки государства».

В 1915 году в Институте появился новый сектор (другое название «разряд») – музыки, с 1919 года его возглавлял композитор Б. В. Асафьев, затем истории словесных искусств (1920), затем театра (1922). Особенно известные лица собрались на секторе «истории словесных искусств»: В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, Н. С. Гумилёв, секретарем был Ю. Н. Тынянов, а аспирантом М. М. Бахтин. Позднее там учились В. А. Каверин и Л. К. Чуковская, работал Г. А. Гуковский. Приглашение «формалистов» было инициативой В. П. Zubova, который считал «их метод близким своему» (еще в 1917 году он подготовил к публикации монографию «Понятие формальной воли и формального сознания в искусствознании», тираж которой, вероятно, погиб). Сектор театра возглавил основоположник советского театроведения А. А. Гвоздев. Здесь же работал и составлял подробные картотеки В. Н. Всеволодский-Гернгросс, позже выпустивший монументальные труды по истории театра.

После революции В. П. Zubov работал в Санкт-Петербургском университете уже в качестве преподавателя.

В начале 1920-х годов Институт получил в качестве филиала дворец И. Ф. Паскевича на Английской набережной 8 (другой его фасад выходил на Галерную). Там разместились сектора театра и музыки. Во владение РИИИ попали богатые коллекции Паскевичей, поэтому был образован Музей Института, во главе которого встал Михаил Васильевич Доброклонский, сотрудник Эрмитажа и Академии Художеств. Появились новые служебные подразделения: фотографическая лаборатория, услугами которой пользовались и многие зарубежные исследователи, фототека (с огромной коллекцией слайдов на стекле). В 1923 году Институту было передано издательство «Academia».

Пережить первые трудности Институту помогал А. В. Луначарский, находившийся в дружеских отношениях с графом В. П. Zubовым, и превративший

РИИИ в миниатюрное подобие ГАХН (Государственной Академии художественных наук) в Москве. Но к середине 1920-х годов Институт переживал большие трудности: 80% его научного состава лишили жалования, сотрудники продолжали работать бесплатно. Его лишили филиалов, сократили финансирование. Директор Института уже дважды успел попасть в тюрьму. В первый раз он был арестован в Гатчине в 1918 году вместе с великим князем Михаилом Александровичем, второй – в 1922-м, после конфликта с музейным ведомством. В заключении граф сделал предложение студентке своего Института Ане Иосифовне Бичунской. Через некоторое время Зубова выпустили на свободу. Готовилась свадьба, после которой супруги уехали за границу, но не окончательно, как отметили некоторые источники, а в служебную командировку, из которой вернулись «день в день». Но обстановка продолжала ухудшаться. И вскоре директор Института был вынужден подать в отставку – его сменил известный византолог Федор Иванович Шмидт.

Ф. И. Шмидт интересовался социологией искусства, кроме других научных трудов он выпустил несколько книг по марксистской социологии. При Институте начала работать экспериментальная мастерская (она размещалась в соседнем здании, бывшем доме Мятлева). Возглавил ее Казимир Малевич. Но в год «великого перелома», в 1929-м, Шмидт был также вынужден оставить пост директора. Вскоре он был арестован, выслан в Акмолинск, перевезен в Ташкент, а затем расстрелян. Институт продолжал занимать зубовский особняк, но под другими именами. При Шмидте он был переименован в Государственный Институт Истории Искусств, а в 1930-е годы сменил пять имен: Ленинградское Отделение Государственной Академии Искусствознания (ЛО-ГАИС), Государственная Академия Искусствознания (ГАИС), Государственный Научно-Исследовательский Институт Искусствознания (ГНИИИ), Государственный Музыкальный Научно-Исследовательский Институт (ГМНИИ), и, наконец, Государственный Научно-Исследовательский Институт Театра и Музыки (ГНИИ ТиМ). В 1962-м Институт соединили с учебным театральным институтом на Моховой улице, 34 (кстати, этот дом тоже в середине XIX века принадлежал графам Зубовым), и он стал называться Научно-Исследовательским отделом Ленинградского Государственного Института Театра, Музыки и Кинематографии, а с 1992 года, вновь обретая самостоятельность, вернул себе имя, данное при рождении – Российский институт истории искусств, и восстановил на фронтоне особняка на Исаакиевской площади фамильный герб графов Зубовых.

Граф В. П. Зубов вместе со своей третьей женой, А. И. Бичунской, покинул страну в начале 1925 года и уже не смог вернуться. Он начинал новую жизнь в эмиграции. Ида Моисеевна Наппельбаум оставила словесный портрет директора того Института, который, по ее собственному признанию, был для многих «защитной крышей». «Внешне – это был еще молодой, но уже лысею-

щий человек, небольшого роста, быстрый, легкий, с очень приятным взглядом светло-серых больших глаз. Он носил бархатный черный пиджак с повязанным по-художнически легким светлым бантом. Зимой на нем была “крылатка” или “гоголевская шинель” – большая, черная, с широкой, закрывающей плечи и половину спины накидкой. На голове его всегда или почти всегда была черная шапочка, “тонзурка” что ли, вроде тюбетейки, но иначе скроенная <...> я думала, что это или признак его графского достоинства, или примета его какого-то тайного сектанства. (А может быть шапочка мастера? – Т. И.). Во всяком случае, на улице его фигура явно выделялась и привлекала внимание. Тем паче во время военного коммунизма, когда демобилизованная армия заполнила улицы города» (Наппельбаум И. Угол отражения. СПб., 1995. С. 53). Теперь опасность со стороны военного и невоенного коммунизма непосредственно не угрожала графу, но жизнь нужно было обустроить с самого начала. Некоторое время супруги жили во Франции, в Ницце. Там они открыли небольшой антикварный магазин. Через несколько лет граф переехал в Берлин, где продолжал заниматься продажей произведений искусства. И его научные занятия продолжались. В своей автобиографии, присланной в 1930 году Ф. И. Шмидту, Zubov назвал несколько статей, опубликованных им в течение первых лет эмиграции в немецких научных изданиях, энциклопедические сюжеты в *Allgemein Lexikon*, и журналы по искусству, в которых он сотрудничал – *Beaux-Arts* (Париж) и другие. Энциклопедический словарь А. И. Серкова «Русское масонство» (М., 2001) назвал его имя в числе членов правления Русской академической группы, где он был также постоянным докладчиком.

Около 1936 года Zubov расширил антикварный магазин и открыл его филиал в Лондоне, хотя совмещать предпринимательство в двух враждебных странах было, вероятно, непросто. «В момент начала второй мировой войны он случайно оказался в Берлине, где и должен был оставаться все военные годы», – написал сын. После войны супруги Zubovy вскоре переехали в Париж, где «продолжали заниматься продажей произведений искусства». Граф также «делал научные доклады и писал статьи по различным темам истории искусства и просто истории, как в русские, так и во французские газеты». Очевидно, тогда же произошел замечательный эпизод. Недавно мы получили свидетельство, что и за рубежом граф Zubov продолжал заботиться о сохранении культурного наследия России. Осенью 1996 года в Гатчинский дворец-музей Анастасией Валентиновной Беккер (урожденной графиней Zubовой), дочерью бывшего директора Гатчинского дворца, был передан восковой рельеф собственноручной работы Марии Федоровны, жены императора Павла I. По словам А. В. Беккер, «этот рельеф был куплен В. П. Zubовым после Второй мировой войны в одной из антикварных лавок Парижа. На произведении сохранились инвентарные номера Гатчинского дворца и надпись, сделанная Zubовым на обороте: «Происходит из Гатчинского дворца, откуда

он был похищен немцами во время войны 1941–1945 гг. Вернуть в Россию, как только сменится режим. В[алентин]З[убов]».

С середины 1950-х годов наступил самый плодотворный период в жизни графа В. П. Зубова. До 1957 года, более чем за 70 лет жизни, половина его работ оставалась в рукописях, у него вышла только одна книга, в 1913 году, его докторская диссертация об архитекторе Карле Росси, но она была доступна немногим, так как была опубликована на немецком языке. Очевидно пропала, как случилось в тот нестабильный период, уже подготовленная к печати в 1917 году теоретическая книга «Формальная воля и формальное сознание в искусствоведении», не вышли уже анонсированные статьи в «ежегодниках» Института. За последние 12 лет своей жизни граф Зубов издал три книги и опубликовал на страницах «Русской мысли», которая к тому времени превратилась (или превращалась) в главную газету русской эмиграции, более 200 статей. Тематика этих публикаций, очевидно, определялась подготовкой монографий, только часть из которых ему удалось увидеть в печати.

В 1963 г. на немецком языке в Штутгарте вышла книга графа Зубова «Царь Павел I. Человек и судьба» (Valentin Graf Zubow. Zar Paul I. MENSCH UND SCHICKSAL. Stuttgart, 1963. 122 s.). Предварительно в «Русской мысли» появились циклы статей автора на ту же тему («Дневник Порошина», 1960, №№ 1518–1562; Первый брак цесаревича Павла Петровича, 1960–1961, №№ 1598–1635; Ольга Александровна Жеребцова, 1961, №№ 1647–1655; Юные годы Императрицы Софии Доротеи Вюртембергской, 1962, №№ 1902–1914; и др.). Личность «романтического» императора, главы Мальтийского ордена и масона, всегда привлекала графа В. П. Зубова. Он был первым директором Гатчинского дворца-музея, где, как написал сам, «искупал вину своих предков».

Через пять лет, в 1968 г., на русском языке в Мюнхенском издательстве из печати вышли сразу две книги Зубова: самая известная, мемуарная книга «Страдные годы России. Воспоминания о Революции (1917–1925)» (Wilhelm Fink Verlag, München, 1968. 160 s.) и «Карлик фаворита. История жизни Ивана Андреевича Якубовского, карлика Светлейшего князя Платона Александровича Зубова, писанная им самим. (С предисловием и примечаниями графа В. П. Зубова и послесловием Дитриха Герхардта. München, 1968. 424 s.). Их появление также предваряли публикации. Главы из мемуарной книги, которые были слишком велики для газеты, появились в «Новом журнале» (1960. № 61) и в альманахе «Мосты» (1963. № 10). Фрагменты из второй ранее публиковались в «Русской мысли»: «Как карлик Якубовский в 1812 году бежал из Москвы» (1962. № 1815); «Что карлик Якубовский видел, вернувшись в Москву в ноябре 1812 года» (1962. № 1817); и др.

Но в те же годы в этой же газете автором были опубликованы циклы статей, посвященные сакральным сюжетам изобразительного искусства, свидетельствующие о глубоком интересе и серьезном подходе (Апокрифы и их отраже-

ние в изобразительном искусстве, 1957–1958, №№ 1128–1199; Страшный Суд, Ад и Чистилище в литературе и искусстве раннего христианства и средних веков, 1958, №№ 1287–1289; Апокрифические деяния апостолов Петра и Павла и их отображение в искусстве, 1961, №№ 1674–1686; Апокрифические деяния Иоанна Богослова и их отображение в искусстве, 1961, №№ 1704–1714; Чудо о змии, Саломея. Легенда и история; и др.). Эти публикации, результатом которых, осмелюсь предположить, должна была стать еще одна книга, были связаны с важным событием биографии графа Зубова – 16 марта 1961 года он, вместе своим другом с юных петербургских лет, искусствоведом А. А. Трубниковым, был посвящен в ложу Юпитер. Рекомендовал его известный политический деятель, Василий Васильевич Вырубов (1879–1963). Тексты рекомендательных характеристик графа пока не известны, но недавно были опубликованы рекомендации, данные самому Вырубову, и, как мне кажется, они вполне отвечали и его неопиту. Цитирую документ, написанный Е. В. Ратнером: «... если привязанность профессора к официальной религии и к ее ритуалу можно считать неглубокой, зато склонность его к общему спиритуалистическому мирозерцанию лежит вне всякого сомнения...».

Тут уместно вспомнить некоторые детали биографии графа В. П. Зубова. Воспитывала его мать, племянница соратника Герцена Н. П. Огарева, когда-то навещавшая друзей в Лондоне. Занимаясь в немецких университетах, он некоторое время увлекался антропософией и познакомил со Рудольфом Штейнером своего друга, Трифона Георгиевича Трапезникова, который впоследствии возглавил антропософскую организацию в Москве и принял туда замечательного артиста Михаила Чехова. 12 мая 1916 года граф приглашал в свой Институт поэта Михаила Кузмина на лекцию А. М. Баталина, на «доклад об истории католического движения в России». В апреле 1917 года, сообщает сайт интернета «Католики в России», в столице России возник «Союз Вселенского Церковного Единения». Заседания этой организации «происходили в Институте Истории искусств», точнее в Российском Институте Истории Искусств на Исаакиевской площади. «Инициаторами создания были православные офицеры и любители религиозной философии. В состав “Союза” вошли православное и католическое духовенство и миряне. Председателем союза стал граф В. П. Зубов. На заседаниях союза несколько докладов прочел экзарх Леонид». «Экзарх Леонид» – это священник-униат Леонид Фёдоров (1979–1935). После Февральской революции в Петрограде на I Русском греко-католическом соборе, происходившем под председательством митрополита Андрея Шептицкого, Федоров был избран Экзархом для католиков восточного обряда с возведением его в сан протопресвитера. В «Страдных годах России» В. П. Зубов рассказывал, как спасал в революционные годы предметы искусства, книги и людей: «Другой способ спасения – запись в студенты, что я сделал для некоторых священников, которые таким образом законспирировались.

Среди них был, между прочим, униатский священник отец Леонид, бывший секретарь архиепископа Львовского, кардинала Шептицкого, впоследствии сам епископ, которого потомгноили в Сибири, и вопрос о канонизации которого несколько лет назад был поднят в Риме, но, кажется, оставлен». В 2001 году он был канонизирован Ватиканом. Католиком, как его хороший знакомый и один из первых преподавателей его Института, князь Сергей Михайлович Волконский, граф Зубов не стал, он остался православным, но толерантность и свободомыслие демонстрировал.

В 1961 году граф был посвящен, в 1962-м удостоен 2-й степени, (в том году ложа «Юпитер» соединилась с ложей «Лотос»), а еще через год – третьей. В этот период Зубов уже читал лекции в Мюнхенском университете, и на Совете Объединения русских лож и русских мастерских высших степеней на праздновании Иоаннова дня выступил с докладом «Иоанн Креститель в истории, легенде и искусстве» (1962), очевидно на основании цикла своих статей, опубликованных годом ранее. Тема Иоанна Крестителя для масонов одна из основополагающих (12 лет назад, в 1950, на ту же тему выступал режиссёр и писатель Н.Н. Евреинов). Еще через год произошло объединение «Юпитера» с ложей «Астрей», в результате которого была образована ложа Совершенствования (Друзья Любомудрия). На ее заседании 10 декабря 1963 года Зубов сделал доклад «Понятие Великого Архитектора Вселенной». Очевидно, к этому времени он занял здесь ведущее положение. Через два года, в 1965-м, произошла реорганизация масонских лож – 33 «брата» (в том числе В. П. Зубов) вышли из ложи «Юпитер» и организовали в Париже «регулярную» русскую ложу (новая Астрей). А ещё через два возобновились регулярные собрания державного капитула Астрей. В это время Зубов занял пост его великого секретаря (канцлера). За месяц до смерти, случившейся 9 ноября, – 16 октября 1969 года он читал здесь доклад «Апокрифы об успении Богородицы», который так и не успел превратить в статью.

Тексты искусствоведческих и исторических статей графа Валентина Платоновича Зубова до сих пор труднодоступны. К счастью, значительная часть публикаций автора в газете «Русская мысль» была передана в Кабинет рукописей нашего Института в виде вырезок, наклеенных в две объемные тетради. Сначала казалось, что это практически все публикации автора, но при составлении его библиографии выяснилось, что это только около половины всех опубликованных текстов. Остальные удалось выявить по библиографическим изданиям русского зарубежья и благодаря визуальным просмотрам газет и журналов («Красная газета», «Жизнь искусства», «Аполлон», «Старые годы» и другие) в России, и «Русская мысль» в Славянской библиотеке в Хельсинки. Некоторые статьи в редких изданиях («Вестник русского студенческого христианского движения», «Грани», альманах «Мосты») были найдены и скопи-

рованы в отделе русского зарубежья Российской Государственной библиотеке в Москве. К сожалению, Славянская библиотека Хельсинки запрещала копирование (ксерокс) газетных статей, поэтому многие тексты были переписаны вручную и набраны по рукописи, (если представляли особый интерес, или дополняли части имеющихся в наличии публикаций), переписать все недостающие тексты возможности не было. Небольшая часть статей (в том числе открывающая здесь корпус текстов, статья «Новый Плюшкин», в журнале «Аполлон»), была обнаружена относительно недавно и не вошла в составленную ранее библиографию трудов графа Валентина Платоновича Зубова (См.: Библиография трудов В. П. Зубова // Зубов В. П. Страдные годы России / Составление, подготовка текста, вступ. ст. и комментарии Т. Д. Исмагуловой. М.: Индрик, 2004. С. 258-275).

Говорят, для литератора очень важна самая первая публикация, именно она определяет его будущий путь. Первая публикация графа Валентина Платоновича Зубова в журнале «Аполлон» называлась «Новый Плюшкин» (1910), и неожиданно вводила в круг интересов тогда студента Берлинского университета «музейную» тему, которая действительно сыграла крайне важную роль в его жизни. В это время он, вместе со своим близким приятелем, бароном Николаем Николаевичем Врангелем, входил в круг увлеченных искусствоведов, группировавшихся вокруг журнала «Старые годы» и занимавшихся спасением российской культуры XVIII-го века, писали о старых усадьбах, чьи ансамблям или коллекциям угрожала опасность, но спасая старину, молодые люди выступали с европейских позиций, зачастую вступая в конфликт с «охранителями». И здесь, по сути, Зубов и Врангель не правы, потешаясь над собранием псковского коллекционера и склоняя его «гоголевскую» фамилию, в семейном «музее» было много достойных предметов, но молодых искусствоведов задевает пренебрежение к подлинно драгоценным произведениям искусства, для которых власть и Эрмитажное начальство не нашло средств дабы их приобрести. Самый яркий пример – отказ купить коллекцию древнеегипетского искусства Владимира Семеновича Голенищева, который совершил свои фантастические находки раньше Шлимана и сумел мирно вывезти их в Россию. Известнейший в мире (но, к сожалению, не в России) египтолог, чей «Голенищевский центр» сейчас находится в Лондоне, а бюст в Каире, перед университетом, в котором он создал кафедру египтологии, родился во дворце на Исаакиевской площади (дом 5), окончил Петербургский университет, много лет служил в Эрмитаже, где встречался и беседовал с графом Зубовым, также сотрудником императорского музея. Но когда Голенищев собирался уехать за границу и предложил музею приобрести свою редчайшее собрание, последовал отказ. Если бы не усилия Ивана Цветаева, отца поэтессы, Россия потеряла бы коллекцию Голенищева, которая сейчас считается самой ценной частью собрания Музея

имени А. С. Пушкина (Музея изящных искусств) в Москве. Второй, не менее ценной коллекции Западноевропейской живописи сотрудника Зубовского Института, Павла Викторовича Деларова, повезло еще меньше, практически вся она ушла за границу, лишь осколки ее за много лет удалось собрать Эрмитажу, а ведь о ее спасении писали и Зубов, и Врангель (многократно).

Второй период критической активности графа наступил в 1922 году, когда вновь назрел «музейный» вопрос. Поводом к началу публикации цикла статей послужил прецедент с вывозом в Эрмитаж античных статуй из пригородного музея-дворца Павловска. Причиной был проект создания огромного Музея мирового искусства, который должен был на первых порах располагаться в Эрмитаже и по этим причинам сотрудник Эрмитажа и Института истории искусств, Оскар Фердинандович Вальдгауэр, решил организовать перевозку античных статуй из пригородных дворцов в Эрмитаж, где их предполагали освободить от поздних «добавок» XVII – XVIII века. Тогдашний директор Павловского дворца-музея, Владимир Николаевич Талепоровский обратился к своим коллегам (в том числе сотруднику Археологического института и Института истории искусств Константину Константиновичу Романову, но тот, насколько мне известно, помощи никакой не оказал), зато энергично вмешался Зубов, бывший первым директором дворца-музея города Гатчина. В первой статье, опубликованной «Красной газетой», он обнаружил сам факт перемещений и доказывал, что античная статуя в интерьере дворца имеет свою ценность как часть интерьера XVIII-го века и превращение ее в чисто античный обломок не увеличивает ее ценность, а уменьшает. Во второй статье («Значение мелкой музейной единицы») он показал, что предмет искусства воспринимается лучше не в огромных залах грандиозного музейного строения, а в небольших интерьерах, и высказывал обеспокоенность по поводу закрытия мелких музейных структур, которые были образованы сразу после «экспроприации» частных домов и усадеб, содержащих многие предметы искусства. Эпатажно звучало название третьей статьи «В Эрмитаже павловской статуе обломали руки», так трактовал автор факт привоза статуи Гипноса из Павловска в Эрмитаж и лишения ее поздних «добавок». На новый уровень выводил автор разговор в двух последующих статьях (цикл «К предстоящей музейной конференции», 2 статьи), где он также критиковал проект грандиозного музея мирового искусства и предлагал варианты размещения художественных коллекций в зданиях, которые сейчас полуразрушены и или практически не используются, таких как Литовский Замок или Окружной Суд (архитектор Василий Баженов). Возможно Зубов был автором еще одного цикла статей, опубликованных тем же журналом «Жизнь искусства» под фамилией Назаренко (Назаренко Я. А.) «Музейное строительство (К предстоящей музейной конференции)» Цикл из 2-х статей, где автор предложил вместо постройки грандиозного здания и пе-

ремещения туда всех предметов искусства, организовать единое правление главных музеев Петрограда, создав грандиозный единый музей виртуально, что для той эпохи, не имеющей высоких технологий, было весьма интересно и впечатляюще (см.: Исагулова Т. Д. Институтская стенка и Яшка Назаренко // Временник Zubовского Института. Выпуск 8. Zubовский Институт. Страницы истории. СПб., 2012. С. 33-36. Приложение).

После отъезда за границу граф В. П. Zubов публиковал свои работы редко и преимущественно на иностранных языках (главным образом, немецком). Сотрудничал с энциклопедическими словарями по искусству. Но с середины 1950-х годов он стал постоянным автором газеты «Русская мысль», которая не только завоевывает огромную популярность, но и на протяжении десятилетий становится главным изданием русского зарубежья. Там он публикует статьи несколько неожиданные на первый взгляд по тематике. Их предметом становится XVIII-й век, а героями самые разные персонажи. Но надо учитывать, что в этот период происходит работа Zubова над двумя монументальными трудами: биографией Императора Павла Первого, которым он интересовался давно, считая свое семейство виновным в безвременной кончине государя, и публикацией «Записок» Ивана Андреевича Якубовского, легендарного карлика, прожившего в семействе графов Zubовых около столетия, и оставившего о своей жизни оригинальные воспоминания, текст которых был найден молодым графом Валентином Платоновичем в одном из старинных шкафов во дворце на Исаакиевской площади.

Для нас, безусловно, интереснее всего очерк «Алексей Емельянович Столыпин и его театр». Зимой 1792 года карлик жил в Москве, где его покровители, графы Zubовы «наняли дом Ланского в Конюшенной, против Столыпина Алексея Емельяновича, у него тогда был славный театр» (См. Якубовский, с. 35). В. П. Zubов писал, что все эти затеи с крепостными театрами происходили от «одного нашего родного свойства – самодурства. Оно лежит в основе и многих прекрасных достижений, и многих диких, варварских явлений. Почвой ему служило крепостное право». Источником своей публикации он выбрал записки «Александра Ивановича Тургенева». И вот здесь прекрасный ученый и скрупулезно точный мемуарист граф Валентин Платонович Zubов невероятно ошибается. Далее приводится великолепный мемуарный текст XVIII-го века со своими оборотами и выражениями, но он никак не мог принадлежать другу Пушкина, Александру Ивановичу Тургеневу (1784–1846), который воспоминания свои писал на французском, а созданы Александром Михайловичем Тургеньевым (1772–1863), человеком практически на поколение его старше. Он был адъютантом у князя Григория Волконского, отца декабриста, известного своим противостоянием с императором Павлом I, и вполне мог слышать, а может быть, даже наблюдать развлечения графа Алексея Григорьевича Орлова с героем очерка Столыпиным. Нужно сказать, что немногочисленные ошибки

Зубова имеют корнем неприязнь к своим предкам, участвовавшим в заговоре против императора Павла.

Очерк Зубова «Иезуитская коллегия в Полоцке», хотя формально также принадлежит к сюжетам книги Якубовского (в тексте даже приведена обширная цитата о том, как карлик вместе со своим покровителем, светлейшим князем Платоном Александровичем Зубовым, посещал в 1811 году «Полоцкую коллегию», а также ее суконную фабрику, а также «куцкамор (кунсткамеру)» со всякими чудесами, а также театр, где куклы играли пантомимный балет), но он открывает новую тему автора – существования на территории России храмов и учреждений других конфессий. Автор подробно проследил появление иезуитов в России (вопреки указу Петра 1719 года), помощь им Екатерины II, которая пошла ради них на конфликт с Римским папой, до их неожиданной высылки из страны в 1820-х годах.

Сюжет об одном из первых директоров Императорских театров князе Петре Ивановиче Тюфякине почти целиком построен на приведенном тексте записок Якубовского, хотя его неоднозначная фигура нуждалась в более разнообразном освещении. Несколько лет назад была опубликована статья (Исмагулова Т. Д. Директора императорской сцены в эпоху романтизма (Александр Львович Нарышкин и князь Петр Иванович Тюфякин) // Театральное наследие и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 255-летию Российского государственного академического театра драмы имени А. С. Пушкина и Санкт-Петербургской театральной библиотеки. СПб., 2011. С. 75-84), где «мало симпатичная, но красочная» личность князя освещена с разных сторон (по документам Российского государственного исторического архива). Кстати, и предыдущий директор Императорских театров, Александр Львович Нарышкин, в родстве с графами Зубовыми через сына и дочь А. В. Суворова.

Единственный текст, источником которого является не опубликованная статья, а рукопись автора, точнее, правленная машинопись, это «Дело братьев Грузиновых». (К сожалению, не было возможности сверить его с опубликованным вариантом, хотя его наличие зафиксировано в библиографии). Сюжет этот интересен во многих отношениях. Он не вошел ни в книгу о Павле, ни в комментарии к сочинению Якубовского, и возник, насколько можно судить, из-за знакомства с Марией Николаевной Башмаковой (см. статью), которая являлась потомком семейства Грузиновых. Возможно, впрочем, текст не был использован потому, что компрометировал императора Павла, изображенного автором в монографии предельно доброжелательно.

Две следующие статьи Зубова посвящены домам в Москве и Петербурге, что заставляет вспомнить о диссертации, в 1910-м году защищенной им в Берлине и посвященной творчеству Карла Ивановича Росси. Но газета не слишком удобная арена для сложного искусствоведческого анализа, и понятно, что

здесь из сочетания «дома и их обитатели», важнее второе. В первой статье, «Старые дома и их обитатели», автор рассказал о двух московских особняках и одном петербургском. Первый когда-то купил его прапрадед, граф Александр Николаевич Зубов в 1793 году (когда ему и сыновьям его был пожалован титул графов Священной Римской империи), а сам дом, «дом-чудак», до сих пор остается легендой старой Москвы, построенный князем Гагариным «на манер венецианский», его описание дали и историк старой архитектуры Пыляев, и Якубовский, да и другие. И хотя в том виде его давно не существует, сведения о нем чрезвычайно интересны, приведены даже рассказы о двух привидениях, посещавших новых хозяев «венецианского» дворца. Остается пожалеть, что автор не уделил внимание московскому дому графов Зубовых на Поварской улице, который был построен его прабабушкой, графиней Натальей Александровной Зубовой, урожденной графиней Суворовой-Рымникской, княжной Итальянской. Дом этот был бессмысленно уничтожен при советской власти. Второй московский дом постройки архитектора В. И. Баженова принадлежал родственникам автора, Пашковым, и сейчас с легкой руки Михаила Булгакова считается одним из самых красивых зданий Москвы. Третий, петербургский, хорошо известен, это второй дом со львами, дом графов Лаваль архитектора Тома де Томона, длительное время принадлежащий Российскому государственному историческому архиву. Примыкающий к первому очерк «Чурбан-паша» посвящен целиком дворцу на Исаакиевской площади и его владельцам, прежде всего графам Закревским, которые во второй половине 1840-х годов перестроили его в своеобразное флорентийское палаццо. Так что графы Зубовы когда-то владели «венецианским» дворцом в Москве и «флорентийским» в Санкт-Петербурге. В биографии Закревского в некоторых случаях автор допускает неточности, но в других случаях его сведения чрезвычайно важны. Именно он назвал в качестве владельца дворца Василия Васильевича Кокорева, личность яркую и оригинальную, одного из первых коллекционеров русской живописи, чье собрание вошло как основное в состав фондов Русского Музея (по документам его нет в числе владельцев, по ним особняк перешел от Закревского прямо к Голенищевым). Но Зубов ссылается на свидетельства Владимира Семеновича Голенищева, крупнейшего российского египтолога, чья семья дружила с семейством Кокорева, а также приводит сумму, за которую Закревский продал особняк, а купец Кокорев приобрел (в одной из статей Кокорев подробно рассказывает историю покупки им дворца на Исаакиевской площади со всеми перипетиями). Своим друзьям, Голенищевым, новый хозяин продал строение за двойную цену, то есть настоящую. Кстати, как может автор настаивать на взяточничестве Закревского, а тем более обвинять в том же его жену и дочь, которые не служили и не имели возможности произвести действия, за которые обычно дают взятки, если он знает историю продажи особняка на Исаакиевской площади. Ведь Кокорев сказал Закревскому, что

он продает дом за половину настоящей цены, а он стоит в два раза дороже, и тем не менее, генерал отказался от «лишних» денег – «Мне дают за него только 70 тысяч, да и те не сразу, если Вы дадите их немедленно, дом ваш». Мог ли он быть взяточником при таком поведении?

Сюжет, посвященный «последнему фавориту» императрицы Елизаветы, графу Ивану Ивановичу Шувалову, первый опыт Зубова в создании развернутого исторического портрета (очерк публиковался в трех номерах «Русской мысли» и, очевидно, имел успех, поскольку был продолжен). Сюжет этот не имеет прямого отношения ни к работе над монографией «Павел I», ни к мемуарам Якубовского. Но видно, что автор проводит параллель между братьями Шуваловыми и Зубовыми, один из которых был «последним фаворитом» императрицы Екатерины, что не слишком уместно. Во всяком случае, Шувалов обрисован с искренней симпатией, особенно импонирует автору его позиция невмешательства в политические разборки, от чего не удалось уклониться предкам автора.

Очерк «Мария Николаевна Башмакова» тематически связан со статьей о братьях Грузиновых, чьим потомком она была, но в целом это некролог, посвященный уважаемой женщине, хорошо известной своей неутомимой деятельностью русской эмигрантской колонии в Париже, автору придется написать еще несколько подобных текстов. Трагически потеряв мужа, а потом и единственного сына в самом начале Первой мировой войны, она много занималась благотворительностью, работала в госпиталях (на ней было отделение из 630 кроватей), ездила за линию фронта, стараясь помочь раненым и пленным солдатам, интернированным в лагеря Австрии и Венгрии. После февральской революции с ней разговаривал Гучков, думая с ее помощью «поднять патриотический дух солдат». Она работала в «комитетах родственников военнопленных», чтобы помочь им ездила по всей стране. Ну, и как многие, следуя за белой армией, оказывается на Кавказе, а потом в эмиграции, где она продолжила свою многообразную, прежде всего благотворительную деятельность. Незадолго до смерти ей удалось издать в Париже, на французском языке, свои мемуары. Их рукопись сейчас хранится в архиве Русской и Восточно-Европейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке.

«Бал в Закрете» – историческое событие, который Зубов получил возможность осветить подробней, располагая все той же рукописью карлика Якубовского, волею судеб присутствовавшего на этом историческом действе, и даже общавшемся, если верить ему, с императором Александром I. «Закрет» или «Вингис» – имение, располагавшееся когда-то на территории огромного парка, недалеко от Вильнюса. «Оно было некогда родовым имением Радзивиллов», писал автор, но не упомянул при этом, что потом имение принадлежало иезуитам, затем виленскому епископу, от которого его унаследовали графы Потockие, продавшие его графу Зубову (вероятно, Валериану Александровичу),

и только после этого его купил Леонтий Леонтьевич Беннигсен, бывший тогда виленским генерал-губернатором.

Почти детективный сюжет – возможное неудавшееся покушение на российского императора со всей его свитой невероятно оригинальным способом – путем обрушения заграждений сооруженного посреди парка танцевального зала, которое не удалось случайно (или закономерно), поскольку «колонны» рухнули раньше времени. Роль в этом покушении (или несчастном случае?) архитектора «танцевального зала» Шульца осталась невыясненной, его тело было обнаружено в реке. Была ли эта смерть самоубийством или с ним расправились сообщники за неосуществившийся план, непонятно. Zubov привел в статье два фрагмента воспоминаний двух дам, присутствовавших тогда на балу – одна, русская по рождению, но французенка по мужу, графиня де Шуазель-Гуффье рожденная графиня Тизенгаузен, супруга французского эмигранта, негодовала, что осуществившееся бы покушение привело к множеству невинных жертв, «г-н Шульц, этот герой на манер г-жи д'Абрантес, погубил бы с Императором Александром, нескольких генералов и цвет литовской знати, включая и нас, бедных женщин, жертв весьма бесцельного покушения», другая, герцогиня д'Абрантес, жена наполеоновского маршала Жюно, считала архитектора героем: «Есть античная красота в таком человеке, как Шульц... Узнав, что его мечь не удалась..., что весь этот царский род, который он ненавидит, будет существовать, не только, чтобы еще преследовать его братьев, но чтобы потребовать от него его кровь и его жизнь, он захотел лишить их радости мести, и самая его смерть – еще лишняя прекрасная черта... В России мало говорили об этом происшествии... и в тот же день праздник состоялся в этом же самом павильоне, где должна была витать тень смелого архитектора!..» Во всяком случае, император Александр в виновность архитектора не поверил, посчитав все несчастным случаем, и, приказав разобрать завалы, устроил бал на открытом воздухе. В ходе празднества он получил известие о форсировании Немана войсками Наполеона.

Анекдот про приключения шевалье де Сакса в России может быть объяснен лишь неприязненными чувствами, которые автор питал к своему далекому титулованному предку. Случай, конечно, любопытный, но в нем слишком много домыслов, например, слухов, что «князь очень красивой наружности, “как писанный” ... помещен во дворце. Целью его приезда было обратить на себя благосклонное внимание императрицы. К нему определен был для показания Петербурга чиновник министерства иностранных дел. Сам ли князь Zubov, или из угождения к нему другие, успели искусной интригой повредить приезжему князю. Несмотря на то, он, по-видимому, начинал нравиться императрице», – как об этом писал генерал Котлубицкий. Почему приезжему авантюристу должно было удался то, чего не смог добиться Потемкин, не понятно. Прямого конфликта между героем рассказа и Платоном Zubовым не было, даже

из пристрастного изложения ясно, что шевалье не мог считать себя оскорбленным Zubовым, поскольку прямым виновником был князь Николай Григорьевич Щербатов. Даже если поединок между Саксом и светлейшим князем Zubовым состоялся (из трех приведенных свидетельств, только в одной версии, Рибопьера, дуэль якобы происходит), понятно, что тот пошел на него неохотно, бретером, в отличие от соперника, князь никогда не был. К тому же Рибопьер был женат на Потемкиной, то есть принадлежал к партии, враждебной Zubовым при дворе. Странно, что упомянутый как секундант в якобы состоявшейся дуэли, принц де Линь никак и никогда о ней не упомянул. Самому же автору описанное Рибопьером малодушное поведение князя Zubова, вероятно, напомнило о Керенском в Гатчине 1917 года.

«Новейшая архивная находка», как обозначает в подзаголовке свою статью «Император Павел I и католическая церковь», затрагивает В. П. Zubова по двум причинам. Во-первых, найденные документы о намерениях императора «объединить» церкви католическую и православную, должны были напомнить о заседании в Институте истории искусств в феврале 1917 года Союза Вселенского Церковного Единения, на котором он был в качестве председателя, а во-вторых посредник в осуществлении этого грандиозного намерения российского императора был представитель Неаполитанского королевства при русском дворе с 1783 года Дона Антонио Мареска Доннорсе, дука (дюка. – Т. И.) ди Серракаприола (1750–1822), «получившего это назначение в возрасте 32 лет и остававшегося на этом посту около сорока лет». А вот дальше подробность, никак автором не прокомментированная: «После смерти первой жены он в 1788 г. женился на княжне Анне Александровне Вяземской (1770–1840), дочери Екатерининского генерал-прокурора князя Александра Алексеевича (1727–1793). Его салон был одним из самых блестящих в русской столице. У Павла I он пользовался особым фавором. Со своей стороны в своих донесениях в начале царствования он восторженно отзывался о новом Государе». Дело в том, что на другой княжне Вяземской, родной младшей сестре Анны Александровны, княжне Прасковье Александровне Вяземской (1772–1835) женился родной брат «последнего екатерининского фаворита» граф Дмитрий Александрович Zubов (1764–1836).

Два очень больших текста Дневник Порошина (6 статей) и (Первый брак Павла Петровича, 10 статей) должны быть скрупулезно сверены с текстом книги Zubова «Император Павел I», вышедшей в 1963 году в Германии (Штутгарте), недавно переведенной на русский язык и изданной в 2007 году издательством «Алетейя», но, к сожалению, с недостаточным справочным аппаратом. Кроме того, здесь неизбежны казусы обратного перевода. Автор, граф В. П. Zubов, мог текст книги писать сразу на немецком языке, но те же записи дневника Порошина, в которых он предельно точно фиксирует детский язык цесаревича, наверняка был искажен. Кроме того, параметры монографии

не оставляли пространства для детального анализа черт детской психологии будущего императора, которые замечательный воспитатель старательно запечатлел, и которые В. П. Zubov приводил, замечая, какие из них получили развитие, а какие были искажены. Например, выдающиеся способности будущего императора к математике и физике никак не были использованы, его интерес к военным забавам принял сугубо формальный характер, живых солдат маленькому наследнику легко заменял строй шашек. Достаточно интересным и спорным представляется вопрос о законности происхождения императора Павла Петровича, хотя понятно, что однозначного решения здесь не будет.

Второй цикл статей прямо примыкает к первому и естественно прослеживает взросление юного Павла, чьи детские порывы влюбленности, по мнению автора, неосторожно поощряли. Граф Григорий Орлов шутиливо советовал ему навещать фрейлин, Порошин писал о его первом платоническом романе с фрейлиной Чоглоковой, да и сам воспитатель, по-видимому, посвятил его в свои намерения жениться на графине Анне Петровне Шереметевой. Откровенность дорого обошлась ему, намерения его были сочтены непозволительными, а сама Анна Петровна вскоре оказалась невестой второго воспитателя наследника, Никиты Ивановича Панина. Но и ему Бог счастья не дал, невеста скончалась, так и не став женой, да и сам Порошин умер через год после смерти своей возлюбленной, не достигнув 29-ти лет.

Второй цикл невероятно ценен именно для русского читателя. Zubov внимательно прослеживает все перипетии заключения брака наследника российского престола по частной переписке высочайших особ Пруссии и многочисленных немецких княжеств, которая ему доступна в эмиграции, а знание языков позволяет свободно ориентироваться в тонкостях политеса такого важного вопроса, как заключения брака, перемены веры невесты и прочее. Надо сказать, события напоминают те, которые произошли с самой императрицей Екатериной, даже король Фридрих на месте, и также пробует соблюсти свои интересы. Надо сказать, что Екатерина с изумительной интуицией угадала лучшую партию для Павла, ту, что станет его второй женой, но пока она еще слишком молода, ей всего 12 лет, и Екатерина неохотно обращает внимание на других претендентов. Выбор остановлен на трех дочерях ландграфа Людвига IX Гессен-Дармштадтского (1719–1790) и его первой супруги принцессы Каролины Цвайбрюкен-Биркенфельдской (1721–1774). Невестой становится пятый ребенок и четвертая дочь Августа-Луиза-Вильгельмина.

Встречает ее близкий друг Павла граф Алексей Кириллович Разумовский. Вильгельмину рекомендовал король Фридрих, Вильгельмина понравилась жениху больше своих старших и младших сестер. Она принимает православную веру и становится Натальей Алексеевной, сразу же проходит обряд обручения, а вскоре торжественное бракосочетание, Zubov писал «в Казанском соборе»,

но это ошибка, в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, стоявшей на месте Казанского собора (Андрей Воронихин построил здесь Казанский Собор позже).

Постепенно идиллия этого брака исчезает. Великой княгиней пытались манипулировать, она сама имела неограниченное влияние на мужа, и опасались, что благотворным оно не будет. Больше всего раздражало Екатерину, что принцесса жила в России уже около двух лет, а по-русски не говорила ни слова, хотя обещала учиться со всей прилежностью. Внушало опасение и здоровье супруги Павла, порадовала только ее беременность на третий год брака.

Развязка была трагической: принцесса не могла родить, почти пять дней Екатерина провела у ее кровати, не в состоянии ни есть, ни спать. Врачи стали опасаться, что ребенок великой княгини уже умер, и сейчас представляет смертельную угрозу матери. К несчастью, опасения оправдались.

Павел был безутешен, и Екатерина приняла сильные меры, за которые ее осудил автор статьи. «Лишь только несчастная отдала Богу душу, свекровь явилась в ее покои, стала рыться в ее ящиках и шкатулках и вытащила оттуда пачку писем, доказывавших черным по белому, что ребенок, причинивший смерть молодой великой княгини, был не от Павла, а от Андрея Разумовского. Не задумываясь, Екатерина представила эти письма Цесаревичу. Павел поруган в своих лучших чувствах, в любви и в дружбе одновременно. Он идеализировал жену, он идеализировал друга, перед ним раскрылось предательство с обеих сторон. Для него, и без того страдавшего, как я имел случай излагать на этих страницах, комплексом неполноценности, этот удар не мог пройти бесследно и, что хуже, комплекс должен был перенестись на сексуальную почву. Последствия не должны были сказаться непременно сейчас же, они могли запасть глубоко и выявиться позже». Но как, по мнению автора, должна была бы действовать императрица? Солгать? Скрыть от него правду? Вероятно, это имело бы худшие последствия.

Две следующие статьи В. П. Зубова (по хронологии их разделяет еще один «многосерийный» исторический сюжет) посвящены двум сотрудникам Российского института истории искусств, Николаю Николаевичу Врангелю и Александру Александровичу Трубникову, с которыми он дружил со времени открытия Института, а может и раньше. Его близкий друг, барон Врангель, не получил никакого «правильного» образования. Даже гимназии по болезни не окончил. Но сам воспитал и «образовал» из себя первоклассного специалиста. «...Доказательство, что и без аттестата зрелости и университета можно стать культурнейшим человеком и значительным ученым... Нет возможности в газетной статье перечислить все печатные труды Врангеля». Статья о бароне Врангеле, наверное, самая эмоциональная из всех, вышедших из-под пера этого автора. Врангель погиб трагически рано, на войне, но не участвуя в боевых действиях, а служа в санитарном поезде, собственно, также, как и сам граф

Валентин Платонович Zubov, как и его брат, Александр. На той войне убивало не только холодное и огнестрельное оружие, Врангель умер совсем молодым от «острой желтухи», говорят, когда произвели вскрытие, на месте печени была сплошная рана. Он присутствовал при выгрузке раненных, которые были отравлены ядовитыми газами, и они могли так подействовать на него.

В сочинении о супруге своего непрямого предка, знаменитого «последнего фаворита» императрицы Екатерины, Текле Игнатьевне Валентиновне, по первому мужу княгине Zubовой, по второй – графине Шуваловой, допущено немало ошибок. Удивительно, они, как правило, связаны именно с этим, самым знаменитым поколением его рода. В начале статьи автор писал, что «потеряв всякое значение, забытый Двором и обществом, временщик доживал свой век в обширных, некогда пожалованных ему владениях в западных губерниях, главным образом в роскошном замке Руэнталь Курляндской губернии». Но замок Руэнталь (Рундале) был пожалован Екатериной не ему, а его брату Валериану, тогда же, когда и особняк на Миллионной улице, после тяжелого ранения юного генерала в Польше. Платон только временно занимал его по семейному соглашению. Отсюда и неверные сведения о якобы мирном разделе наследства после смерти князя Платона Александровича. Как мог отойти в виде наследства вдове дворец, принадлежащий не ему, а его брату, а после смерти Валериана, в 1804 году, всему семейству Zubовых? Тут действительно должны были потребоваться титанические усилия Новосильцева и его креатур.

Также отсутствие князя Zubова в столице было добровольным, император Александр несколько раз призывал его, когда в нем нуждался (он присутствовал, к примеру, на совете в Филях, где поддержал мнение М. И. Кутузова об оставлении Москвы). Далее: «Единственной его страстью были деньги. Скарденность его была такова, что его крестьяне в плохие годы голодали, не имея зерна для посева». Это опровергают не только записки Якубовского, где карлик приводил многие свидетельства о том, что князь Zubov был замечательный хозяин, но и само процветающее состояние его поместьев. Автор очерка усердно делал из него скупого рыцаря, замечая «уже не с него ли поэт списал свой образ?», но в доме скупца – пустота, вспомним убогие стены домика Плюшкина, да и у пушкинского героя в доме все обветшало, а сын не может здесь найти себе шлем для будущего поединка. Воспоминания его управляющего вовсе не свидетельствуют ни о чем подобном. И последнее: «Обычно настроение его было мрачным, в 50 лет он был седым и сгорбленным и казался дряхлым стариком. У меня была миниатюра неизвестного мастера (сейчас она в Русском Музее в Петербурге), изображавшая его в эти годы. Лицо его изможденное, но в чертах видны следы былой красоты...» Сейчас выяснилось, что миниатюра, на которую ссылался автор, хранящаяся и сейчас в фондах Русского Музея, является копией портрета скульптора Антонио Кановы, кисти весьма известного австрийского художника Иоганна-Баптиста Лампи-старшего, неодно-

кратно рисовавшего «последнего фаворита» Екатерины и его младшего брата. Во дворце на Исаакиевской площади был даже «Семейный портрет» этого художника, что должно свидетельствовать о дружеских чувствах, связывающих творца и его персонажа. Удивительно, что В. П. Зубов не опознал миниатюру, он ведь занимался исследованиями итальянской скульптуры, эпохи Возрождения и XVI–XVIII веков.

Несмотря на эти неточности, в целом сочинение В. П. Зубова представляет весьма ценный свод воспоминаний или иных свидетельств о любопытном историческом персонаже, очень красивой женщине, которой увлекались многие, не только титулованные персоны, но и поэты, тот же Петр Андреевич Вяземский, и которая, как свидетельствовал Дмитрий Александрович Бенкендорф (1844–1921), бывала во дворце на Исаакиевской площади, правда, когда он еще графом Зубовым не принадлежал.

Последний очерк данного сборника, опубликованный графом В. П. Зубовым в газете «Русская мысль», по сути некролог близкому другу, Александру Александровичу Трубникову. Он служил в Государственном Эрмитаже, вместе с П. П. Вейнером, самим графом В. П. Зубовым и остальными. Принял участие в тематическом «гатчинском» выпуске журнала «Старые годы» за 1914 год, объединивший июльский, августовский и сентябрьские номера, там Трубников поместил статью «Старые портреты старого замка», написанной в форме прогулки по залам огромного дворца из пудожского камня, дворца, ибо, как отметил сам автор, весь «живописный» материал поместился бы только в огромной книге. Но уже в эмиграции Трубников вспомнил свой гатчинский опыт и откликнулся на книгу, изданную в 1963 году графом Зубовым, рецензией (См.: Андрей Трофимов (А. А. Трубников). Новая книга об императоре Павле // Русская мысль. 1963. 16 нояб. № 2074. С. 6.).

Представляемый сборник искусствоведческих и исторических статей основателя и первого директора Российского института истории искусств (Зубовского) графа Валентина Платоновича Зубова, созданных им на протяжении пятидесяти шести лет (с 1911 по 1967 годы), дань истории Института истории искусств. Во многих из них затрагивалась тема Института истории искусств, некоторые очерки посвящены его сотрудникам. На протяжении всей жизни граф Зубов интересовался судьбой своего «детища», хотя путь на берега Невы для него был закрыт советским «железным занавесом».

Гр. В. П. Zubov

ПЕТЕРБУРГ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ
НОВЫЙ ПЛЮШКИН*

Упустив эмали Звенигородского [1], у нас хватились как будто за ум: в нескольких заседаниях Совета министров обсуждался вопрос о приобретении знаменитой коллекции Плюшкина во Пскове.

Знаменитость этой коллекции пошла от статьи Меншикова, появившейся 11 сентября 1907 г. в «Новом Времени». Наш талантливый публицист опытным глазом истинного любителя и знатока искусства открыл в этой коллекции Рембрандтов и Грезов. С тех пор об этом собрании не переставали говорить, и ныне, по поручению Совета министров, образована комиссия [2] чуть ли не из 15 человек, которые и были командированы в Псков для оценки коллекции.

Случайно и мне довелось заглянуть в этот музей. Я не хочу соперничать с г. Меншиковым в знании живописи, но все же меня удивило, что Рембрандт оказался написанным ... на фарфоре, положим – с подписью *Rembrant fecit* [3], которая очевидно и послужила неопровержимым доказательством подлинности картины, – да вспомнилось мне еще, что это – реплика с холста, находящегося в Берлине в *Kaiser-Friedrich Museum* [4]. Вероятно, Рембрандт, писавший эту картину по заказу, сделал на память для Плюшкина маленькую копию на фарфоре... Другие Рембрандты [5] музея написаны на холсте, но только странными они мне какими-то показались, точно даже мировые шедевры от долгого пребывания в провинции хиреют и превращаются в лубки.

Видал я более тысячи картин, смотрел настолько подробно, насколько хватало внимания смотреть на этот нескончаемый музей хлама, годного разве что для топки печей. Может быть, 3 десятка было среди картин таких, которые можно повесить в провинциальное собрание местных достопримечательностей; ни одной, положительно ни одной, и подумать нельзя поместить... хотя бы в Музей Императора Александра III, для которого, собственно говоря, и предполагалась покупка коллекции, а ведь просят за нее наследники Плюшкина не больше, не меньше, как 370 тысяч рублей [6], грозя – что иначе купят американцы! [7]

Но не одни только картины есть в этом нелепом собрании, видал я там около 800 миниатюр, из них только 150 штук – не окончательный хлам, и только 13 – достойны музея. Но ведь если бы эти 13 штук нашлись в лавке жидовки

* Аполлон. Приложение. Русская художественная летопись. Сентябрь. 1911. №13. С. 197-198.

на Александровском рынке [8], вряд ли правительству пришло бы в голову купить всю лавку.

Утомившись созерцанием этих подавляющих богатств, я, раньше чем приступить к осмотру Плюшкинского фарфора, пошел пообедать в гостиницу Палермо; обед был хорош, а главное подан на роскошном фарфоровом сервизе с изображением локомотива. Вы можете себе представить, как я был восхищен встретить в собрании Плюшкина часть этого сервиза! Но кроме того было там бесконечное количество вещей, не уступавших в ценности этому шедевру керамики. А табакерки, а часы, а печати! Среди 400 табакерок оказалась одна, из 600 печатей – 5, из 250 часов – 1 хоть сколько-нибудь годных вещей. Среди значительного количества оружия не найдено ничего ценного, а вся зоологическая коллекция состояла чуть ли не из двух набитых куриц. Вот что хотят купить и куда же – в национальный Музей! Поневоле закричишь: караул! А тебе ответят, что ты декадент.

Говорят, что Плюшкинское собрание монет недурно и что среди икон и русских древностей попадаются хорошие вещи. Но и это – очень большой вопрос...

Однако, кто же был этот Плюшкин [9], 40 лет таскавший к себе всякий хлам, – ведь тут в одной куче – и старые подковы, и черепахи какие-то, и всякая другая российская дичь? Неужели – действительность могла сыграть такую шутку и через три четверти века после Гоголя явить нам во Пскове, живым, созданный им тип?

Комментарии

1. Звенигородский Александр Викторович (1837–1903), петербургский меценат, помощник статс-секретаря Государственной канцелярии. Его издательский проект монографии «Византийские эмали» – одно из самых дорогих изданий в истории русского книгопечатания. В начале 1880-х годов коллекция Звенигородского была уже весьма значительной: рейнские эмали, майолика, древняя терракота, изделия из слоновой кости, небольшие мраморные и деревянные скульптуры, золотые и серебряные предметы. Увлечение древними византийскими эмалями заставило собирателя расстаться со своей коллекцией, чтобы иметь возможность приобрести дорогостоящие памятники византийской эмали. В апреле 1885 года Звенигородский продал свою коллекцию за 130 тысяч рублей музею Центрального училища технического рисования барона Штиглица. Чтобы увидеть, а по возможности, и приобрести интереснейшие образцы византийской эмали, Звенигородский предпринял ряд путешествий – в Европу, на Кавказ, в Константинополь. Через несколько лет коллекция византийских эмалей Звенигородского – одна из самых замечательных в мире. Коллекция Звенигородского, как первая по красоте и значительности, привлекала внимание многих ученых Европы, особенно после того, как была выставлена в Германии, в Аахене, в 1884 году. Усту-

пив настояниям ученых и уговорам друзей, понимая ценность имеющихся у него редкостей, Звенигородский решил издать книгу, в которой было бы воспроизведено его уникальное собрание. В 1885 году Звенигородским через А. П. Боголюбова в библиотеку Радищевского музея был передан экземпляр книги «Коллекция византийских эмалей Звенигородского», изданной в Аахене в 1884 году. Текст для русского издания написал Н. П. Кондаков. «Книга в продажу не поступала», – вспоминал Федор Григорьевич Шилов полвека спустя. Все экземпляры были раздарены учреждениям, высокопоставленным лицам и выдающимся учёным. Случайно попавшие на рынок экземпляры продавались по 1000 рублей золотом. После смерти Звенигородского коллекцию византийских эмалей продавала его сестра, жена тайного советника Н. В. Мясоедова-Иванова, урожденная Звенигородская, за 400 тысяч рублей. Сам Николай II повелел рассмотреть этот вопрос Совету Министров. Делом занимался премьер-министр П. А. Столыпин. Была образована особая комиссия из знатоков византийских эмалей, которую возглавил граф А. А. Бобринский. В состав комиссии вошли академик живописи М. П. Боткин, член Императорской Академии наук Н. П. Кондаков (автор текста к книге «Византийские эмали»), и другие специалисты. Комиссия провела два заседания, 9 мая 1909 года и 19 мая 1910 года. М. П. Боткин отметил, что коллекция Звенигородского была заложена в Лондоне всего лишь за 100 тысяч франков (38 тысяч рублей), так что скачок до 400 тысяч рублей ничем не мотивирован. Граф А. А. Бобринский, в свою очередь, предложил повысить стоимость коллекции до 150 тысяч рублей. В результате собрание единогласно приняло следующие пункты: коллекция эмалей, предлагаемая к приобретению у Мясоедовой-Ивановой, есть в значительной степени достояние православных церквей и монастырей Кавказа, и как таковое не подлежит продаже за границу; приобретение коллекции в собственность русского правительства следует признать крайне желательным; цена коллекции ни в коем случае не ниже 75 тысяч рублей, однако, во внимание к особым обстоятельствам (невыгодный заклад, редкость предметов такого рода в продаже и в музеях) за нее могла бы быть уплачена более значительная сумма, но не выше 150 тысяч рублей. Коллекцию византийских эмалей Звенигородского в результате приобрел Джон Пирпонт Морган I (1837–1913) – знаменитый американский предприниматель, банкир и финансист, который был известен всему миру как коллекционер картин, книг и других произведений искусства, многие из которых он дарил «Метрополитен-музею» (Нью-Йорк), спонсором и президентом которого являлся лично. Д. П. Морган передал покупку в музей Метрополитен. Тем не менее, некоторые эмали, хранящиеся в Метрополитен-музее, являются национальным достоянием Грузии.

2. По распоряжению дирекции императорских музеев во Псков выехала представительная комиссия искусствоведов для определения и оценки предме-

- тов (никакой описи своей коллекции Плюшкин не вел). Среди участников комиссии были барон Н. Н. Врангель, Н. М. Могилянский, С. Н. Тройницкий, С. Ф. Ольденбург. Эксперты единодушно высказались против приобретения собрания целиком.
3. Rembrant fecit (лат.) Рембрант сделал, сотворил (форма подписи художественного произведения).
 4. Один из главных художественных музеев Берлина. Построен в 1904 по проекту архитектора Эрнста фон Ихне (Ihne) и назван по имени кайзера Фридриха, позже императора Фридриха III. В 1956 музей был переименован в Музей Боде в честь своего первого директора (куратора). Граф В. П. Zubov учился у Боде в Германии.
 5. В современных описаниях коллекции Плюшкина картины Рембрандта не упоминаются.
 6. Называли и другую цену, ср.: «Сын Федора Михайловича и его помощник по музею Сергей продавать собрание за смешные деньги вовсе не собирались. Просили за коллекцию 80 тысяч рублей, комиссия с ответом не торопилась» (Пухова Н. В. Прототипы Плюшкина. Совсем другой Плюшкин // <http://pandia.ru/text/77/506/010474.php>).
 7. Именно американский предприниматель Д. П. Морган (см. комментарий 1) купил коллекцию византийских эмалей Звенигородского, скорее всего, не дешевле, чем за 400 000 рублей. С семейством Плюшкина вел переговоры «британский представитель», который предложил 175 000 рублей, осмотрев только три комнаты их музея. «Российская» же сторона предлагала покупать монеты, в том числе античные, (84 ящика) на вес, по 13 рублей за фунт.
 8. Александровский рынок был построен в Спасской части Санкт-Петербурга в 1865–1868 годах по проекту архитектора академика Александра Константиновича Бруни. Он занимал весь квартал между Садовой улицей, Малковым переулком (сейчас переулок Бойцова), Фонтанкой и Вознесенским проспектом. О нем, как о прекрасном источнике для коллекционеров, упоминали многие, в том числе М. В. Добужинский.
 9. Плюшкин Федор Михайлович (1837–1911) – русский предприниматель, получивший известность как владелец одной из самых больших частных коллекций в Российской империи. Потомственный купец. Существует легенда о том, что вывеска с фамилией отца Плюшкина, расположенная в Валдае, бросилась в глаза проезжавшему через Валдай Пушкину, и тот подсказал эту фамилию Гоголю, искавшему имя для персонажа «Мертвых душ». Федор Плюшкин рано осиротел, работал у дядей мальчиком на побегушках, был отдан «в дело» в Москву, где дорос до приказчика. С 1859 года жил во Пскове, где владел галантерейным делом. С 1867 года избирался в Псковскую городскую думу, был членом городской управы. Был начитан, интересовался историей и литературой, входил в Псковское археологическое общество.

Коллекция Плюшкина, которую он собирал 40 лет, включала иконы, рукописные и старопечатные книги, личные вещи А. В. Суворова и А. А. Аракчеева, предметы, связанные с сектантством и масонством (часть масонских предметов принадлежала Павлу I), миниатюры, произведения прикладного искусства, оружие разных веков, картины Верещагина, Венецианова, Айвазовского, Шишкина и др., письма Суворова и Гоголя. Особо выдающимся был нумизматический отдел. Коллекция составляла миллион экспонатов и, по некоторым оценкам, была третьей в России и одиннадцатой в Европе (не по количеству, а по значимости). Плюшкин разрешал доступ посетителям в свой частный музей, расположенный в его доме на углу Петропавловской и Сергиевской улиц (сейчас на этом месте находится здание педагогического института). Его фотографии и описания появлялись в периодической печати. О нем написана «историческая миниатюра» В. Пикуля «Известный гражданин Плюшкин». См. также: Прокопьева С. Совсем не тот Плюшкин (Псковская губерния. 2003. № 49 (170). 24-31 дек.); Тумко В. Плюшкин, да не тот... (Санкт-Петербургские ведомости. 2015. № 71 (5444). 22 апр. С. 6.). Правнук Федора Плюшкина – Сергей, вместе с группой авторов выпустил книгу о своем знаменитом прадеде под названием «Совсем не тот Плюшкин» (Псков, 2003).

Профессор В. Зубов

ПОЧЕМУ НЕ НАДО РАЗРУШАТЬ ДВОРЦОВ-МУЗЕЕВ*

В нашем музейном ведомстве буря. Разыгралась она оттого, что по настоянию Эрмитажа решили вывезти из Павловского дворца-музея ряд античных скульптур [1], а Павловский исполком охладил художественный пыл эрмитажных деятелей, и грузовик, как приехал, так и уехал пустым.

Часто до сих пор приходилось слышать, что власть на местах не умеет ценить художественного достояния, но, в данном случае, откровенно надо сказать, Павловский исполком обнаружил больше художественного чутья, чем присяжные историки искусства из Эрмитажа и руководители музейного ведомства, пляшущие под их дудку. Я не хочу касаться подробно данного случая в отдельности, почему именно эти Павловские скульптуры так нужны Эрмитажу, и насколько важно, что у Павловского экземпляра одной из статуй одним ребром больше, чем у эрмитажного, и необходимо ли поэтому поставить их рядышком. Это только частный случай определенной системы, начавшей проявляться уже давно и грозящей испортить ценнейшее художественное и культурно-историческое достояние, которым мы еще обладаем, не в пример многим другим странам, где оно уже в большей части загублено аналогичной системой. Эрмитаж уже поживился за счет других дворцов-музеев, например, Гатчины и Петергофа. Пора поставить вопрос ребром и окончательно выяснить, как мы смотрим на дворцы-музеи, только ли как на временное складочное место, из которого могут черпать центральные музеи все, что им понравится, или же дворцы-музеи имеют самостоятельное значение, от значения центральных музеев совершенно отличное, и если да, то какое именно.

Тут прежде всего возникнет вопрос, как мы смотрим на искусство, можем ли мы ограничиться одним лишь изучением художественной формы, презрев ту почву, на которой эта форма выросла. Для марксиста тут двух мнений быть не может: искусство есть прежде всего классовый продукт. Не спорю, изучение формы имеет свое большое значение, не мне это отрицать; но помимо этого, и для марксиста раньше этого, стоит социальная роль искусства. Поэтому различивать на редкость целостно сохранившийся памятник классового быта известной эпохи, значит уничтожать ценнейшие исторические документы. Но и для не марксиста должно быть ясно, что такой комплекс, как дворец-музей, состоящий из отдельных предметов искусства, представляет из себя в целом единое художественное произведение, поскольку он собран по единому или почти единому художественному замыслу [2]. Только в определенной обстановке произведение искусства может выявить весь свой аромат, а попадая

* Красная газета. 1922. 2 июня. № 121 (1273). С. 5.

в центральный музей оно становится номером, экземпляром, предметом исключительно научного изучения. Я слишком привык уважать художественное понимание моих собратьев по науке, сидящих в Эрмитаже, чтобы допускать мысль, что им не ясны эти азбучные истины, и я думаю, что только чрезмерная ведомственная ревность заставляет их с ними расходиться. Но на то и существует у нас центральное музейное ведомство, чтобы уравновешивать ведомственный пыл отдельных своих учреждений, на то во главе его и стоят представители советской власти и партии. Товарищи, надо иметь свою собственную и определенную точку зрения и считаться с мнением спецов лишь постольку-поскольку, иначе спецы из разных лагерей заставят вас понаделать столько глупостей, что потом вы сами рады не будете. Еще Козьма Прутков сказал: «Специалист подобен флюсу».

Но возвращаясь к дворцам-музеям. Часто мы видим, что в силу изложенных выше соображений создают музеи быта, где искусственно стараются воспроизвести обстановки известных эпох. На безрыбьи, конечно, и рак рыба, и такая реконструкция лучше, чем ничего. Но она всегда будет носить отпечаток искусственности, да вдобавок еще и личного вкуса устроителя жизни, как таковой мы не ощутим. В дворцах-музеях у нас живой документ эпохи, она ушла и уходя оставила все на своем месте; сравнительно очень небольшое передвинуто последующими поколениями и почти все может быть документально поставлено на свое место. Мы имеем здесь навсегда живой памятник жизни.

И это мы хотим в угоду сухому научному исследованию разрушить, отсюда, где каждая вещь имеет свое значение, где каждая вещь живет, где каждая вещь полностью выявляет свою художественную ценность, мы хотим перенести ее на кладбище или в анатомический кабинет, где она потонет в море материалов. Ведь только самые великие шедевры могут сохранить в большом музее полноту своего художественного действия; всякая же прекрасная вещь, но не стоящая на недостижимой высоте, в большом музее неизбежно теряет. Поэтому наивностью, детской болезнью музейного дела давно уже признано стремление вливать все в единый музей и упразднить мелкие музейные единицы. На Западе теперь большими усилиями стремятся воссоздавать некогда разрозненные дворцы-музеи, но никогда это полностью уже удастся не может, можно вернуть на место отдельные вещи, но вернуть туда жизненную атмосферу, раз разрушив, уже нельзя.

Поэтому будем блюсти то исключительное богатство, которым мы еще владеем, и остановимся, пока не поздно. И не думайте, товарищи, что к этим памятникам можно относиться небрежно, потому что это памятники ненавистного нам прошлого. Пролетариату ценна история, независимо от его чувств к той или иной эпохе, потому что его нынешнее вылилось из прошлого, и всякая историческая эпоха для пролетариата есть в конце концов его собственное прошлое.

Р. С. в последнюю минуту пришло известие, что вывоз скульптур все же осуществлен. Это прискорбно, надо требовать их водворения на место, но это, повторяю, только частный случай целой системы. Вопрос об этой системе должен быть поднят в полном объеме, обсужден и в печати, и в компетентных комиссиях, где были бы представлены все точки зрения. Нельзя таких дел решать по-домашнему, при закрытых дверях, в маленьких односторонних комиссиях, из якобы генералов-от-искусства. Художественный мир вправе требовать, чтобы такие, всех затрагивающие вопросы, разбирались при широкой огласке без «тайной дипломатии».

Комментарии

1. Это важное событие в жизни директора РИИИ, бывшего директора Гатчинского дворца-музея графа В. П. Зубова. В результате он принял участие в серьезном межведомственном конфликте, закончившемся расколом в самом Институте, а для него лично усложнением отношений с коллегами и начальством, и, возможно, вторым тюремным заключением. Подробнее об этом см.: Исагулова Т. Почему же все-таки «в Эрмитаже Павловской статуе обломали руки»? (Граф Валентин Платонович Зубов и дворцово-парковый ансамбль Павловска в 1920-е годы) // Павловские чтения. Материалы V и VI научных конференций. СПб., 2003. С. 134-145.
2. Граф В. П. Зубов был первым директором гатчинского дворца-музея, и на протяжении длительного времени отстаивал специфику и боролся за интересы пригородного дворца-музея как художественного комплекса. См.: «Докладная записка» гр. В.П. Зубова о деятельности Комиссии по приемке и охране Гатчинского Дворцового имущества и Дирекции Гатчинского Музея-дворца. Публикация В. А. Семенова и Т. Д. Исагуловой // Зубов В. П. Страдные годы России. М., 2004. С.142-169.

В. П. Zubov

ЗНАЧЕНИЕ МЕЛКОЙ МУЗЕЙНОЙ ЕДИНИЦЫ*

Экс [1], произведенный Эрмитажем в Павловском Дворце-Музее, дает повод поговорить подробнее о значении мелкой музейной единицы. Под мелкими музейными единицами – мы можем понимать, с одной стороны, вновь образуемые хранилища, в особенности, в провинции, с другой – коллекции, органически сложившиеся и имеющие свое историческое прошлое. О первых для России в данное время почти говорить не приходится, развитие сети провинциальных музеев – дело, кажется, далекого будущего. Зато вторые у нас имеются в достаточном числе, и они находятся в опасности вследствие монополизаторских тенденций Централных музеев.

Для решения вопроса о значении этих малых музеев надо себе, во-первых, уяснить, каким целям и каким дисциплинам служит так называемый художественный музей помимо простого сохранения находящихся в нем предметов. Тут мы имеем, во-первых, научно-воспитательную цель, т.е. выявление исторического процесса, во-вторых, практически воспитательную цель влияния на производство в искусстве и ремесле (конечно, не в смысле рабского подражания) и, наконец, в-третьих, цель чисто эстетическую, т.е. непосредственное художественное удовольствие, получаемое от созерцания данных произведений. Начнем с первой, наиболее важной точки зрения, и постараемся в отношении ее выяснить роль мелкой исторически сложившейся музейной единицы и ее взаимоотношение с центральными музеями. Говоря о выявлении исторического процесса, мы охватываем целый ряд исторических дисциплин, которые все имеют известное право на музей. Тут будет и история искусства, т.е. изучение процесса развития художественных форм, истории быта, и политическая история, по-скольку музеи содержат предметы, имеющие характер исторических документов, и целый ряд менее обширных дисциплин, как-то: нумизматика, геральдика и т. д. Ни одна из этих дисциплин не может претендовать на абсолютную монополию в музее, хотя за отдельными из них и можно в разных случаях признавать некоторый приоритет, в зависимости от характера хранилища. Чаще всего на этот приоритет могут рассчитывать история искусства и история быта, и одной из труднейших задач музейного строительства является уравновесить интересы этих двух дисциплин.

Посмотрим, какую роль с точки зрения истории искусства играет мелкая музейная единица, с историческим прошлым. Поскольку история искусства занята выявлением художественной воли известной исторической минуты, для нее важны не только отдельные произведения данной эпохи,

* Жизнь искусства. 1922. 20 июня. №24 (847). С. 1.

но и целые художественные комплексы, созданные в это время, безразлично, будут ли это архитектурные памятники с содержимой ими обстановкой и окружающей их местностью или коллекции предметов искусства, в подборе и расстановке которых сказывается художественное ощущение эпохи. В большом музее, с научной систематизацией, предмет обезличивается, он там играет роль только сам по себе; в исторически же сложившемся хранилище он помимо своего собственного художественно-исторического значения вы-являет еще и отношение к нему известного времени. Поэтому и для истории искусства, даже для представителя чисто формального метода в этой науке, такая музейная единица имеет свое крупное значение.

Какое значение она имеет для истории быта, ясно без дальнейших доказательств. Центральный музей, поскольку он построен по художественно-историческим принципам, почти не может служить для иллюстрации жизненной обстановки прошедших эпох, а так называемые культурно-исторические музеи новой формации, в которых обстановки подобраны искусственно, дают лишь слабую тень, и во всяком случае не могут служить документом: слишком много простору имеют в них личное усмотрение и вкус устроителя.

Теперь подойдем к вопросу с точки зрения практически воспитательной, в особенности в части, касающейся влияния на художественно-промышленное производство. Где это влияние может быть интенсивнее и живее, в большом ли музее, где предметы одного и того же производства уставлены бесконечными утомительно-однообразными рядами, или в мелком музее, где с первого взгляда ясно их назначение, где они являются частью обстановки и, следовательно, расположены целесообразно. Двух мнений, я думаю, быть не может.

Наконец, эстетическая точка зрения. Когда вы направляетесь в большой музей, вы заранее знаете, что найдете там большое число первоклассных произведений искусства – и сразу же уровень ваших требований устанавливается чрезвычайно высокий; вы с самого начала склонны уделить ваше внимание главным образом мировым памятникам, ваше качественное ощущение в эту минуту чрезвычайно обостряется, и это несомненно хорошо. Но если бы такое состояние восприятия длилось всегда, то все, что не стоит на высших ступенях художественного творчества, могло бы не существовать, и вы лишились бы весьма ценных художественных наслаждений, которые могут даваться и не мировыми произведениями. Кроме того, в большом музее и этих первоклассных произведений обыкновенно такое количество, что ваше внимание ослабевает даже и к ним, и вы не в состоянии эстетически исчерпать их так, как вы бы это сделали, увидав их в отдельности. Поэтому в некоторых музеях стараются смягчить этот недостаток, отводя особенно значительным вещам самостоятельный зал; так в Дрездене помещена «Сикстинская Мадонна» Рафаэля и в Амстердаме – «Ночной Дозор» Рембрандта.

Другое дело в небольшом музее. Уже ваши ожидания совершенно иные. Вы не рассчитываете на много первоклассных вещей и поэтому уделяете внимание вы наслаждаетесь такими произведениями, которые в большом музее прошли бы незамеченными. Если же среди этих вещей оказывается какой-нибудь перл, то он приобретает такую мощностъ эстетического действия, которую он в большом музее иметь никогда не может. В свою очередь его присутствие поднимает общую ценность музея и интерес к нему. Если же небольшой музей, в котором вы находитесь, носит отпечаток эпохи своего возникновения, то ваше художественное восприятие настраивается по определенной гамме, что в значительной мере увеличивает ваше эстетическое наслаждение.

Еще многое, не вмещающееся в рамки газетной статьи, можно сказать по этим вопросам; здесь я только еще хочу отметить, что труднейшая задача уравнивания взаимоотношений отдельных музеев, развития крупных музеев с одной стороны и соблюдения значения и интересов мелких музейных единиц с другой, точного разграничения их функций в отношении различных научных дисциплин и проведения в жизнь единого плана музейного строительства, ни в коем случае не должна быть возлагаема на должностных лиц центральных музеев. Самый добросовестный человек и ученый, входя в работу отдельной музейной единицы, непременно становится пристрастным к своему учреждению, в котором он видит свое детище; и это хорошо, и это так должно быть для того, чтобы работа в пределах данного учреждения делалась беззаветно. Но при решении вопросов общего музейного строительства, такой человек уже не свободен в своих взглядах, как бы он в этом ни был убежден, говорю это по собственному опыту. Поэтому эти вопросы должны решаться, другой инстанцией, т. е. музейным ведомством, которое, как я уже недавно писал в «Красной Газете», должно иметь собственное суждение, и само вырабатывать общий план строительства, считаясь с мнением представителей отдельных музейных единиц только постольку-поскольку.

Комментарии

1. Экс – вероятно одно из новых слов, бытовавших в 1920-е годы в Советской России, сокращенная «экспроприация», но уже мужского рода.

Зубов В., проф.

В ЭРМИТАЖЕ ПАВЛОВСКОЙ СТАТУЕ ОБЛОМАЛИ РУКИ*

Вот и выясняется с первого же дня различие точек зрения между двумя лагерями историков искусства в вопросе о вывозе Павловских статуй в Эрмитаж. В итальянском зале в Павловском Дворце-Музее стояла статуя Гипноса, бога сна. Конечно, античная скульптура не дошла до нас в полной сохранности и, вероятно, в XVIII веке отломанная правая рука и пальцы левой были дополнены, а, может быть, это было сделано в начале XIX века, после пожара, когда она была выкинута из окна и разбита на несколько частей. Как бы там ни было, обломками, даже античными, в то время зал украшать не любили; время было не «научное», как теперь, а отношение к произведениям искусства было эстетическое. Как известно, статуя на днях вывезена в Эрмитаж, и там, с музейной, научной точки зрения до известной степени справедливо, реставрированные части сняли [1].

В Павловске же эти реставрации не только являлись частью декорации зала, но представляли для нас интерес, как показатель отношения XVIII века к антику и как образчик реставрационного искусства того времени. Эрмитаж, поровний горячку с вывозом скульптур, нахрапом, без гласного обсуждения вырвавший на это у Музейного ведомства согласие, и тут продолжает свою тактику, ставя нас перед совершившимся фактом, чтобы сделать возвращение вещей в Павловск невозможным. Зная, что вопрос возбуждает сомнения и споры в художественном мире, эрмитажные деятели из простой научной корректности должны были повременить с удалением реставраций. Большим вопросом теперь является: могут ли снятые части без искажения реставрационных приемов XVIII века быть приставлены обратно, если они вообще еще целы, на что мы ждем от Эрмитажа ответа.

Комментарии

1. Вероятно, именно этот текст имел в виду граф В. П. Зубов, который упомянул в мемуарах, что опубликовал «чрезвычайно резкую статью» (см.: Зубов В.П. Страдные годы России. М., 2004. С. 112.), во всяком случае, ее название вполне эпатажное.

* Жизнь искусства. 1922. 27 июня. № 25 (848). С. 2.

Профессор В. Zubov

К ПРЕДСТОЯЩЕЙ МУЗЕЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ*

По предложению СОРАБИСа Музейный отдел собирает музейную конференцию для обсуждения деятельности Отдела и для выяснения дальнейших путей музейного строительства. Что в нашем музейном ведомстве плохо, что там все идет вразброд, ни для кого не тайна; конференция должна вскрыть все болячки и установить план на будущее, не только в отношении музеев, но также по вопросам охраны и реставрации памятников искусства и старины. По первому вопросу необходимо, наконец, выяснить взаимоотношение между нашими центральными музеями с одной стороны и меньшими музейными единицами с другой и установить конструкцию объединяющего управления этими музеями органа. До сих пор неясно, управляет ли музейное ведомство музеями по существу, или же оно только – административно-хозяйственный аппарат. Судя по его деятельности, можно бы скорее предположить второе; сколько-нибудь заметного интереса к художественно-научной жизни музеев ведомство до сих пор не проявляло, предоставляя каждому музею устраиваться по-своему, результатом чего является, что отдельные музеи работают хорошо, а спевки нет. Тем страннее были случайные, обыкновенно нелепые, вмешательства ведомства, тем страннее провозглашенный тов. Ятмановым план единого музея мирового искусства, этот ублюдочный плод музейного авантюризма [1], годный пожалуй для стран вроде Америки, где нет традиций, где музеи, как и города, могут создаваться в несколько часов на пустом месте, но не имеющий оправдания в Европе, где музеи вырастали органически вместе с развитием нашей культуры, где почти каждый из них является отображением ее истории. Перестраивать их по высиженной научной схеме, сваливая весь материал в общий котел, значит обезличивать их и разрушать присущую им историческую атмосферу. Разделение музеев, как оно исторически сложилось, может быть не совсем последовательным с точки зрения систематики, но из этого не следует, что можно это разделение взять и сразу перефасонить. Я этим не хочу сказать, что ни под каким видом нельзя вносить некоторых осторожных коррективов, только производить это нужно обдуманно, постепенно, а не путем внезапной, коренной ломки.

Как раз у нас в Петербурге даже и не замечается особенных нелогичностей, как, например, в некоторых западноевропейских странах. Мы спокойно можем развивать наши живые музеи на прежней основе, то есть Эрмитажа, как, в целом, музея нерусского искусства, Русского Музея, как музея нацио-

* Жизнь искусства. 1922. № 27 (850). 11 июля. С. 1.

нального искусства, и музея бывшего Штиглица, как ядра будущего большого музея прикладного искусства. Я уже слышу голоса, которые будут в таком случае во имя систематики требовать передачи предметов прикладного искусства из Эрмитажа в этот музей или русского фарфора оттуда же в Русский Музей. Нет, этого не надо, или, во всяком случае, над этим надо долго подумать; не упускайте из виду прошлого Эрмитажа. Право же ничего не будет страшно, если в ущерб систематике Эрмитаж останется при своем имуществе. Размежевание между Русским Музеем и Музеем Прикладного Искусства допускает большую свободу; Русский Музей – формация сравнительно недавняя и тут мы не так связаны историей.

Мне представляется, что этим перечень наших живых музеев исчерпан; вместе взятые они, конечно, и представляют собой тот музей мирового искусства, о котором мечтает тов. Ятманов, так что и создавать-то нечего, казалось бы, и не надо; вы ломитесь в открытую дверь, товарищ! Ну, а подводить их под одну крышу, это уж оставьте, не вам с этим справиться. Единственное достоинство ваших проектов то, что они не осуществимы [2].

У нас есть еще на руках такие собрания, как бывший придворно-конюшенный музей и остатки музея Академии Художеств, разрозненного и частью распиханного в свое время по клубам музейным ведомством. Первый, хотя и имеет свой исторический облик, мог бы войти, не потеряв его, в качестве Отдела в музей прикладного искусства [3], который, кстати, не следовало бы оставлять в его прежнем здании, с музейно-технической стороны, малопригодном (опять-таки – формация слишком недавняя, чтобы уж очень с нею нянчиться). Второй, пожалуй, теперь уже не воссоздашь [4], и придется материал разместить по принадлежности.

Кроме того, есть еще так называемые бытовые музеи и выставки музейного фонда: Шереметьевский, Строгоновский, Юсуповский, Шуваловский дома, собрание Олив и т.д. О каждом из них надо подумать особо, взвесить их бытовое и художественное значение. Наконец, Дворцы-Музеи. Почти в каждом из них есть с одной стороны обстановки исторических помещений, предметы, имеющие свое незабываемое место, с другой – предметы, такового в данную минуту не имеющие, предметы, историческое место которых до сих пор не могло быть определено, или предметы позднейшего поступления. О первых, конечно, не может быть иного суждения как оставление их там, где они стоят, ничего не может быть сдвинуто с исторически ему принадлежащего места, это аксиома, которая должна лежать в основе всего музейного дела во Дворцах. Сложнее вопрос о второй категории предметов. Тут могут возникать поползновения на изъятие, но надо и в этих случаях рекомендовать величайшую осторожность. Во-первых, вещи, не имеющие своего места, в любую минуту могут его найти, во-вторых, при переводе в большой музей они могут потерять большую долю своей эстетической действенности, как я об этом недавно здесь

писал подробнее. Поэтому, казалось бы, желательным и тут по возможности не изымать, а располагать такой материал во дворце в неисторических помещениях в музейном порядке. Могут быть, однако случаи, когда перемещение может оказаться желательным, о чем мы поговорим в следующем номере.

Комментарии

1. В статье В. П. Зубов называет автором «плана единого музея мирового искусства», который он весьма резко характеризует как «ублюдочный плод музейного авантюризма», «товарища Ятманова», но на самом деле автором идеи был не кто иной, как А. Н. Бенуа, которого многие поддержали, в том числе Оскар Фердинандович Вальдгауэр. Его, как античника, не могла не привлечь возможность собрать в едином музее все античные артефакты, волею судеб разбросанные по разным хранилищам, в том числе и по пригородным дворцам-музеям.
2. События это подтвердили. Дальше проектов и некоторых весьма негативных перемещений, вроде привоза в Эрмитаж павловских статуй и их «исправлений», дело не пошло.
3. Вероятно, речь идет о музее прикладного искусства, открытом при училище барона Штиглица. Официальное торжественное открытие музея Училища Штиглица состоялось 29 декабря 1881 года. Довольно скоро коллекция приобрела известность. Она отличалась широким разнообразием и высоким качеством экспонатов.
4. А вот здесь, к счастью, Зубов ошибся. Музей Академии Художеств восстановлен, и хранит в своем составе коллекцию художественных картин управляющего его отца, графа П. А. Зубова, В. Э. фон Краузольда (См.: Богдан В. Коллекция В. Э. фон Краузольда в Музее Академии Художеств // Россия-Германия. Пространство общения. Материалы X Царскосельской научной конференции. СПб., 2004. С. 67-79).

К ПРЕДСТОЯЩЕЙ МУЗЕЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. СТАТЬЯ 2*

Те, являющиеся исключением случаи, когда перемещение предметов искусства может оказаться желательным, вовсе не исчерпываются пополнением центральных музеев за счет дворцов или других мелких единиц, но показанным может быть и перемещение из одного дворца в другой, или образование самостоятельного хранилища, или даже перемещение из Центрального музея во дворец.

Перемещение, на которое мне хотелось бы указать, это – собранная Екатериной II в Чесменском дворце [1] коллекция портретов современных ей коронованных особ. После превращения Чесменского дворца в богадельню эта коллекция была разбита на две части: одна попала в Английский дворец в Петергофе, другая – в Гатчину. После ликвидации Английского дворца картины оттуда были вывезены. Коллекция эта представляет колоссальный интерес не столько с художественной стороны, хотя в ней и попадаются некоторые прекрасные полотна, сколько со стороны иконографической и исторической. Если бы Гатчина могла ее вместить целиком, я бы сказал: надо везти все в Гатчину, но беда в том, что в Гатчине нет места, и даже часть там находящаяся размещена в узком коридоре, где картины очень трудно рассматривать. Есть три пути: или соединить всю серию в одном из Центральных Музеев, но это опять-таки противопоказано за недостатком места, или соединить их снова в Чесменском дворце, превратив его в Музей, но это практически едва ли осуществимо, да и слишком неудобно в смысле сообщений, или, наконец, и это представляется единственно правильным, создать отдельный, небольшой музей в Петрограде. Есть же у нас ряд зданий первостепенной художественной ценности, отданных вопреки всякой художественной этике под утилитарные цели, и которые необходимо вернуть к жизни (из них на первом месте назову Михайловский Замок [2]) или стоят же развалинами, грозя рухнуть, чудесные Баженовские стены Окружного Суда на Литейном [3] или Литовский Замок [4]. Эти здания, если их удастся когда-нибудь возродить, следовало бы использовать для целей, вроде только что указанной, а в одном из них можно было бы расположить будущий музей прикладного искусства. Еще можно было бы указать на ряд желательных перемещений из одного хранилища в другое, но это значило бы слишком углубляться в детали, место которым будет на самой конференции. Нам же еще надо побеседовать об организации охраны и реставрации памятников искусства и старины, находящихся вне музеев.

Нельзя не признать, что до сих пор, несмотря на громадные штаты, дело охраны и реставрации у нас было поставлено кустарно. Такие центры, как Пе-

* Жизнь искусства. 1922. № 28 (851). 18 июля. С. 4.

тербург и Новгород (я имею в виду только северо-западную область), еще мало-мальски обслуживались, все же, что находилось вне их, охранялось слабо. Правда, период был пожарный, приходилось бежать на тот пожар, который происходил под боком, а их тут был не один, а десятки и сотни; не до правильной было организации и винить тут никого не приходится. Но настало время теперь оглянуться, подумать, построиться, посчитать потери и убытки и в дальнейшем вести дело организованно. В чем же были главные пробелы до сих пор? Первым и самым существенным я считаю отсутствие исчерпывающих сведений о том, что подлежит охране. Несмотря на бесконечные учеты и регистрации памятников искусства, никакой полной сводки нет. Делом первостепенной государственной важности является составление Всероссийского топографического инвентаря художественных памятников – задача, которую себе поставил Российский Институт Истории Искусств [5]. Но ясно, что силами одного учреждения, при ограниченности средств, этого выполнить в большом масштабе невозможно. Все имеющие к этому касательство научные учреждения должны быть привлечены к этому труду, должны быть отпущены средства и на работу, и на издание; тогда по прошествии ряда лет мы будем иметь многотомный справочник, в котором каждый памятник будет подробно описан, обмерен и научно исследован, где все находящиеся в зданиях художественные предметы будут зафиксированы, причем это издание должно быть богато снабжено иллюстративным материалом. Производиться инвентаризация должна по областям, либо соответствующим административным делениям, либо определяемым по художественно-историческим критериям. Второй путь мне представляется более рациональным в виду неустойчивости административных делений.

Но до тех пор, пока этот труд будет окончен, дело охраны останавливаться не может, и тут необходимо внести большую, чем до сих пор, систематику. Укажу на примере Германии: известные области, кажется, соответствующие административным делениям, и во главе каждой такой области поставлен хранитель или инспектор художественных памятников, который, имея в своем распоряжении весьма небольшой штат помощников, наблюдает за вверенными ему памятниками, за их целостью, архитектурным состоянием, ремонтом, реставрацией, учетом и т.д. Эта работа регулируется центральным органом. При высокой квалификации художественно-исторических работников в Германии сравнительно небольшое число людей легко совершают огромную работу, на которую у нас в последние годы мобилизовали бы сотни сотрудников. Одним из самых больных вопросов, до сих пор, в подборе сотрудников музея и охраны, был вопрос их квалификации. При царском режиме, в особенности в прошедшем столетии, о квалификации вообще мало думали, да и почти негде ее было в то время в России приобрести. В Эрмитаж хранителями брали бывших таможенных чиновников или полицмейстеров, что иногда приводило

к презабавным курьезам во время революции, когда вдруг понадобилась для охраны целая армия сотрудников, стали набирать всех, кто имел хотя бы самое общее понятие об искусстве: начинающих студентов Института Истории Искусств, учеников Академии и школы Штиглица [6] и просто любителей. Вся эта молодёжь обладала одним в то время незаменимым качеством – энтузиазмом и на пожарной работе последних лет принесла громадную пользу. Честь ей и слава за это. Но времена переменились, пора преступить к мирному организованному строительству, тут пригодны только силы вполне образованные, для недоучек нет места. Многие из среды той молодёжи успели и практически, на самой работе, и в то же время теоретически подготовиться и развиваться в серьёзных работников, их надо использовать. Но будьте строги в вашем выборе и заполняйте свои кадры, которые при нэпе не могут, да и, по существу, не должны быть широки, действительно высокого качества работниками. Это отнесится в равной мере и к охране, и к музеям.

Что касается реставрации, то она была до сих пор выделена от охраны в особый Отдел, что, может быть, и вызвалось обстановкой данной минуты; вообще же при намеченной выше конструкции нет, по-моему, необходимости ее выделять. В руках областных инспекторов должен находиться реставраторский аппарат, который они приводят в действие по мере надобности.

Вот в общих чертах те мысли и планы может быть далекого будущего, которые я хотел пустить в оборот, чтобы по возможности, еще до начала конференции вызвать их обсуждение. Моя цель была бы достигнута, если бы коллеги высказались о них в печати. Мы должны идти на конференцию не с пустыми руками, общие линии работы должны быть намечены заранее, чтобы не повторилось того сумбура, который имел место на конференции 1919 года, имевшей для нашей музейной жизни самые печальные последствия.

Комментарии

1. Чесменский дворец – это императорский путевой дворец, построенный на пути в столицу (близ Московского тракта), теперь давно входит в черту города. Был возведён по проекту архитектора Ю М Фельтена по заказу императрицы Екатерины II в стиле псевдоготики. Сейчас имеет статус памятника архитектуры. Вместе с Чесменской церковью составлял некогда уникальный ансамбль, обращенный к бывшему Царскосельскому (Московскому) тракту.
2. Михайловский Замок стал музеем в 1991 году (часть его освобожденных помещений была передана Русскому Музею), а в 1994 году уже все здание (за исключением библиотеки ВМФ). К 300-летию юбилею города замок был отреставрирован, восстановлены многие интерьеры в том виде, в ка-

ком были при Павле, а также надпись на фасаде (ранее закрытая листовым железом) и статуи со стороны Летнего сада. Были реконструированы и открыты сохранившиеся под землей фрагменты Воскресенского канала и Трехпролетного моста — часть инженерно-фортификационных сооружений, окружавших замок. Торжественное открытие Михайловского замка состоялось 27 мая 2003 года. В состав его постоянной экспозиции сейчас входит портрет графа П. А. Зубова кисти И. Б. Лампи, который долгое время находился во дворце Зубовых на Исаакиевской площади.

3. С «чудесными Баженовскими стенами» граф В. П. Зубов познакомился очень близко и не по своей воле. Он провел несколько месяцев там в заключении. («Д.П.З. то есть Дом предварительного заключения на Шпалерной, примыкавший к выгоревшему в дни февральской революции зданию Окружного суда [...] Это здание находилось на Литейном проспекте на углу Шпалерной и было прекрасным образцом русской архитектуры конца XVIII века, произведение гениального неудачника Баженова. К большому огорчению всех любивших старый Петербург, чернь сожгла его во время «буржуазной» революции февраля-марта 1917 года. Все внутренние помещения, включая судебный архив, выгорели, но наружные стены еще свидетельствовали о красоте архитектурных форм». См.: Зубов В. П. Страдные годы России. М., 2004. С. 129, 132).
4. Во время Февральской революции Литовский замок был сожжен, а через семь лет началась его разборка. Скульптурную группу ангелов в 1927 году увезли в музей. Еще три года спустя развалины полностью разобрали, намериваясь устроить на данном месте сад или стадион, но вместо этого в 1933–1934 годы выстроили на фундаменте тюрьмы большой жилой дом, сохранивший конфигурацию тюремного здания. После войны застроили и остальную территорию.
5. Эту работу в разных формах Институт вел длительное время. Одной из отраслей этого замысла было копирование икон и фресок в храмах Пскова и Новгорода. Благодаря сделанным и сохраненным копиям фрески были восстановлены после Второй Мировой войны.
6. Ученики школы Штиглица работали вместе с графом Зубовым в Гатчинском дворце, студенты Института истории искусств – в Павловском.

Зубов В.

ТРОИЦА АНДРЕЯ РУБЛЕВА. К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ РАСКРЫТИЯ ИКОНЫ*

1904 год знаменателен в истории изучения древнерусского искусства; в этом году реставраторами В. Тюминым и А. Израсцовым, под наблюдением В. П. Турьянова, по инициативе покойного собирателя и одно время директора Третьяковской Галереи Ильи Семеновича Остроухова была снята пожертвованная Борисом Годуновым золотая риза с иконы Пресвятой Троицы, которую предание приписывало Андрею Рублеву, славному в свое время художнику-иконописцу конца 14-го и начала 15-го в.

Икона искини находилась среди местных икон иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевской Лавры, построенного в 1422 г. над гробом преподобного Сергия преемником последнего, преподобным Никоном.

По снятии ризы представилась доска, много раз переписанная поверх первоначальной живописи и ничем не отвечавшая славе Рублева. О нем, впрочем, никто тогда представления не имел, так как никто никогда его произведений не видел. Все иконы, которые тогдашние знатоки ему приписывали, ничего общего с его творчеством не имели. Реставраторам пришлось снять несколько слоев живописи раньше, чем они добрались до оригинальной иконы. Первые записи, по-видимому, восходили к эпохе Годунова. Взорам реставраторов представился памятник искусства, равных которому мы не много знаем в мировой сокровищнице. Это одно из тех творений, форма которых приближается к абсолютному, математическому совершенству. Таков Парфенон, таков купол собора Св. Петра, такова Сикстинская Мадонна. Но в то время, как по поводу этих трех произведений мы можем говорить лишь о совершенстве формы, икона русского мастера будит в нас глубокое религиозное настроение, торжественное ощущение божественного присутствия. Недаром она слыла за чудотворную, недаром в 41-й главе постановлений Стоглавого собора иконы Рублева ставятся в обязательный пример позднейшим иконописцам: «Писати иконописцемъ иконы съ древнихъ преводовъ како греческіе иконописцы писали, и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочіе пресловущіе иконописцы..., а отъ своего измышленія ничтоже претворяти» [1]).

Предание, приписывавшее икону Пресвятой Троицы в иконостасе Троицкого собора кисти Рублева, находило себе некоторое подтверждение в «Сказании о св. иконописцахъ» [2]): «Преподобный отецъ Андрей Радонежский,

* Вестник русского студенческого христианского движения (РХД). (Париж –Нью-Йорк). 1954. № 32. С. 3-9.

иконописецъ прозваніемъ Рублевъ, многія свѣтлыя иконы написалъ, все чудотворныя... А прежде живяши въ послушаніи у Преподобнаго Отца Никона Радонежскаго. Онъ повеле при себе образъ написати Пресвятой Троицы, въ похвалу отцу своему, Св. Сергію Чудотворцу».

Не в пример бесчисленным иконописцам, оставшимися для нас анонимными, имя Рублева было прославлено и среди современников и среди последующих поколений. Мы знаем о его жизни немного, но все же достаточно, чтобы уяснить себе дух его искусства. Да и какие могли быть события в жизни скромного инока, всю ее отдавшего на писание святых икон, в котором видел служение Богу? На Западе, в Италии, у него есть современник, схожий с ним по святости жизни и хрустальной чистоте художественного творчества — доминиканский монах Fra Beato Giovanni Angelico da Fiesole. Современники называли его ангельским, католическая церковь причислила его к лику блаженных; Андрей Рублев, хотя и не канонизован, но во всех древних источниках назван преподобным. От образов Beato веет такой же глубиной наивной веры, как и от творений Рублева.

Мы не знаем года рождения нашего мастера, но, сопоставляя все данные о нем, новейшие историки русского искусства принимают за время его рождения десятилетие между 1360 и 1370 годами. Пострижен он был ранее 1405 г. и в это время он, видимо, был уже признанным мастером своего дела, так как ему поручается ответственная работа по украшению дворцового Благовещенского храма в Московском Кремле, совместно с заезжим славным изографом Феофаном Греком и старцем Прохором с Городца. Время его смерти нам приблизительно известно, источники называют 1427 и 1430 годы. Тогда же скончался и неразлучный друг и «сопостник» его Даниил Черный, тоже иконописец, может быть учитель, а может быть лишь более старший по возрасту сотрудник Андрея. Оба они были иноками Троице-Сергиева монастыря и незадолго до кончины перешли в Спасо-Андроников монастырь в Москве.

Облик этих чернецов-иконописцев обвеян поэтическим преданием. Уже в начале 16-го в. преподобный Иосиф Волоколамский, автор «Отвѣщанія любозазорнымъ и сказанія вкратцѣ о свѣтыхъ отцехъ бывшихъ въ монастырѣхъ иже въ Рустѣи земли сущихъ» пишет: «Митрополить Алексей, новый чудотворецъ, егда созда два монастыря, Андрониковскій и Чудовскій, и на Андрониковскій монастырь взялъ игумена у Святаго Сергія, блаженнаго Андроника. Бяше же свѣтый Андроникъ великими добродѣтелями сія, и съ нимъ бяху ученицы его Савва и Александръ, и чудни они и пресловущій иконописецъ Данииль и ученикъ его Андрей, и ини мнози таковы же, и толико добродетель имуще и толико тѣшаніе о постничествѣ и о иноческомъ жительству яко имъ божественныя благодати сподобитися и толико въ божественную любовь (sic) преуспѣваши, яко никогда же въ земныхъ упражнятися, но всегда умъ и мысль возносити къ невещественному и божественному свѣту, чувственное же око

всегда возводивши, ко еще отъ вещныхъ вѣковъ написаннымъ образомъ Владыки Христа и Пречистыя Его Богоматери и всѣхъ святыхъ. Яко и на самый праздникъ свѣтлаго Воскресеша Христова на сѣдалищахъ сѣдѣща и предъ собою имуще божественныя и всесестныя иконы, и на тѣхъ неуклонно зряще, божественныя радости и свѣтлости исполняхуся. И не точно на той день тако творяху, но и въ прочая дни, егда живописательству не прилѣжаху. Сего ради Владыка Христосъ тѣхъ прослави и въ конечный часъ смертный. Прежде убо преставися Андрей, потомъ же разболѣся и спостникъ его Даниилъ, и въ конечномъ издохновеніи сый, видѣ своего спостника Андрея во мнозѣ славѣ съ радостію призывающа его въ вѣчное оно и безконечное блаженство» [3]).

После упомянутыхъ работъ 1405 г. в Кремлевскомъ Благовещенскомъ соборе, мы узнаемъ о росписи Успенскаго собора во Владимирѣ, къ которой Даниилъ Черный и Андрей Рублевъ приступили 25 мая 1408 г. Приблизительно в 1425/26 годахъ оба друга по просьбѣ преп. Никона, уже будучи иноками Андроникова монастыря, украшали соборъ Троице-Сергиевской Лавры. Рукописное житіе Сергія Радонежскаго говоритъ: «Умолени быша отъ него (Никона) чюдніи добродѣтельніи старцы и живописцы Даниилъ и Андрѣя преждепомянутый при-снодуховно братство и любовь къ себѣ велику стяжавше и яко украсиша под-писаніемъ церковь сію вконецъ своего богоугоднаго житія блаженнаго».

Наконецъ последней, по-видимому, совместной работой друзей была роспись церкви Андроникова монастыря. В «Книгѣ о Святыхъ» [4]) находимъ: «Преподобніи отцы Андрей Рублевъ и Даниилъ Черный, спостникъ его, иконописцы славніи, преставишася въ лѣто 6938, положены въ монастырь Андрониковъ и ту писаша церковь».

Удивительно, что Даниилъ и Андрей, о которыхъ источники почти всегда говорятъ какъ о двухъ неразлучныхъ сотрудникахъ, в памяти последующихъ вековъ обрели совсемъ различныя судьбы. В то время, какъ слава Рублева растетъ, имя Даниила меркнетъ, в 17 в. никто о немъ не помнитъ, и лишь современная намъ художественно-историческая наука воскресила его из забвенія.

Раскрытие иконы Пресвятой Троицы в 1904 г. ненадолго вернуло ее нашему любованію. Во-первыхъ, расчистка не была радикальной и сохранились некоторые слѣды реставраціи эпохи Годунова, во-вторыхъ, икона была опять густо заолифлена, покрыта прежней ризой и водворена на свое мѣсто в иконостасѣ Троицкаго собора и лишь после революціи, в 1919 г. новая, на этотъ разъ полная расчистка явила ее во всей ея красотѣ. Правда, время и записи не прошли для нее бесслѣдно, некогда гораздо болѣе яркіе краски поблекли, приобрели какъ бы пастельныя тона, чрезвычайно пріятныя на нашъ современный вкусъ, но не вполне отвечающіе замыслу ея творца.

Изображеніе Троицы подъ образомъ трехъ ангеловъ, посетившихъ Авраама подъ дубомъ Мамврийскимъ было обычно в восточной церкви и до Рублева, какъ и вообще иконографія различныхъ священныя изображеній была закреплена

на и традиционно передавалась от поколения к поколению. Художник, если он был творцом, а не копиистом, мог изменять трактовку, но не содержание. Рублев не составляет исключения из этого правила. Но именно те изменения, которые он, в пределах ему дозволенных, внес в композицию, являют нам всю меру его художественного чутья. На иконе мы видим трех ангелов на фоне скалистого пейзажа сидящих у стола. На прежних изображениях вокруг гостей хлопотали Авраам и Сарра, на столе стояли блюда с различными яствами, что придавало сцене какой-то бытовой оттенок. Рублев выводит ее из этого окружения, поднимает ее над всякой повседневностью, представляет ее в плане вечности. Библейский эпизод забыт, перед нами не посещение Авраама, а нечто сущее вне времени, не событие, а, как бы вечно длящееся состояние. На столе вместо прежних блюд стоит одна лишь чаша, что придает ему смысл престола, ангелы, несмотря на свои посохи, не странники, а три ипостаси. Божество само с собою творящее совет. Нежная лирика разлита над этой сценой, медленными нам представляются жесты небожителей. Тихо правый ангел склоняет чело перед средним, в котором мы невольно ощущаем первое лицо Троицы. Но оно не предписывает своей воли, а будто с вопросом обращается к третьему, от которого, кажется, должен последовать ответ. Все это, однако, едва лишь намечено, ничто не нарушает торжественности ощущаемого нами божественного присутствия.

Композиция иконы подчинена кругу, обладающему потенциальным движением против часовой стрелки. Группа ангелов, включая скалу, дерево, венчики, седалища с их подножиями может быть описана кругом, наклон скалы, дерева, голов правого и среднего ангела и легкий сдвиг подножий указывают направление движения. Принцип круга повторяется в формах голов, включая в них прическу, и в третий раз появляется в кудрях. Круг – символ вечности, служит здесь носителем изображения Божества.

Как и во всей восточной и западной средневековой живописи, не знавшей законов перспективы, мы встречаем тут построение ошибочно названное обратной перспективой. Предметы сужаются не назад, а вперед. Скороспелый вывод одного крупного ученого породил теорию, что это явление было сознательное, последовательное и математически построенное. Это утверждение осталось недоказанным и энергично оспаривается. Но как бы там ни было, это сужение предметов по направлению к зрителю как бы выталкивает последнего из уже чрезвычайно неглубокой сцены, предоставленной фигурам на иконах, оно подчеркивает, что между изображенным там миром и миром внешним нет ничего общего.

Красочная гамма нашей иконы построена на нежных тонах кроме одного. Каждая из фигур одетая в нижнюю одежду (хитон) и верхнюю (гиматий), тем самым является носителем двух цветов. Все три ангела отмечены голубой краской, но в разных оттенках, самый яркий представлен гиматием

среднего ангела, немного менее яркок хитон правого и еще слабее хитон левого. Светло-зеленый гиматий правого ангела и розово-сиреневый левого завершают гамму нежных тонов, с которыми яркок контрастирует темно-вишневый хитон среднего, резко отделяющийся от белизны скатерти на столе. Крылья, седалища и чаша – темно-золотистые и какой-то трогательной ноткой являются нежнейшие голубые «подпапортки» крыльев. Почва – светло-зеленая, Мамврийский дуб – темно-зеленый, в архитектурных элементах на фоне налево повторяются в виде небольших пятен желтое и голубое. Лики и руки – светло-желтоватые с розовым отливом. Следует отметить, что все доступные на западе репродукции Троицы очень несовершенно передают тональности и сильно отличаются между собой.

До революции эта икона была единственным произведением, по которому мы могли судить об искусстве Андрея Рублева. К тому же мы тогда не имели права с уверенностью утверждать, что она принадлежит его кисти; устное предание и «Сказание о св. иконописцах» не являются достаточными доказательствами в научном смысле. Лишь с тех пор, как трудами Центральных Государственных Реставрационных Мастерских, под руководством Игоря Грабаря, были раскрыты другие произведения Рублева, упоминаемые в древних источниках, и выявилась между ними и нашей иконой общность художественной манеры, мы можем считать ее автором окончательно установленным. Икона подтверждает вновь открытые памятники, они в свою очередь подтверждают икону.

Наиболее значительные из пока раскрытых произведений Рублева, по данным Грабаря, суть следующие (по крайней мере по сведениям дошедшим до нас из-за железного занавеса): 8 икон из иконостаса московского Благовещенского собора, фрески в центральном нефе Успенского собора во Владимире, 3 иконы из иконостаса того же собора, копия руки Рублева с иконы Владимирской Божьей Матери, написанная для того же собора, 3 иконы из иконостаса Звенигородского Успенского на Городке собора и часть фресок в этом храме, 10 икон из иконостаса Троицкого собора в Троице-Сергиевской Лавре [5]).

К сожалению, доступные на Западе репродукции этих памятников далеко не совершенны, и по ним трудно составить себе собственное суждение об их качестве. Поэтому заключения о принадлежности их кисти Андрея Рублева приходится оставить на ответственности тех ученых, которые имели счастье их открыть и видеть в оригинале.

Комментарии

1. См. Стоглав, изд. О. Е. Кожанчикова, СПб. 1863, стр. 128 (Прим. В П Зубова).
2. Рукопись гр. Строганова, см. Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 2, СПб. 1861, стр. 379 (Прим. В. П. Зубова).

3. См. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1847, № 7, 4 (смесь), стр. 11, 12 (Прим. В. П. Зубова).
4. Рукопись Савваитова, лист 10 (Прим. В. П. Зубова).
5. См. статью Игоря Грабаря «Андрей Рублев». Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918 – 1925 годов, в сборнике «Вопросы Реставрации» Центральных Государственных Реставрационных Мастерских, т. 1, Москва, 1926, стр. 7-112 (Прим. В. П. Зубова).

Проф. Гр. В. П. Зубов

ГУБЕРНАТОР ЛОПУХИН. К ИСТОРИИ РУССКИХ ПРАВОВ В XVIII ВЕКЕ*

В конце царствования Екатерины II, при императоре Павле Петровиче и в первый год Александра был губернатором сначала в Орле, а затем в Калуге Дмитрий Ардалионович Лопухин [1]. Широкая русская натура.

О его губернаторстве в Орле [2] сведений сохранилось немного, зато картина его правления в Калуге представляется в ярких красках, главным образом благодаря Г. Р. Державину, которому императором Александром было поручено обследовать его деятельность. Известно, что певец Фелицы был в то же время государственным деятелем, сенатором и одно время министром юстиции. В своих записках он рассказал вам историю производившегося им расследования.

23 ноября 1801 г. Державин был вечером вызван к государю, который передал ему множество изветов, поступивших в нему на калужского губернатора и приказал ему ехать на место в качестве сенатора для рассмотрения злоупотреблении. Юный император, возмущенный дошедши-ми до него сведениями, уже сам предварительно через лиц посланных неофициально удостоверился в правильности полученных доносов, оставалось только раскрыть факты, официально для предания губернатора суду.

Пробежав бумаги, Державин увидел, что Лопухин располагает сильнейшими связями в высших сферах и чинил свои злоупотребления, уверенный в безнаказанности. Державин откровенно заявил государю, что из следствия ничего не выйдет, что труды его будут напрасны, что он только увеличит число своих сильных врагов, от ненависти и клевет которых он и так страдает. Поэтому он просил избавить его от этой комиссии. Император с неудовольствием возразил: «Как, разве ты мне повиноваться не хочешь» – «Нет, Ваше Величество, я готов исполнить Вашу волю, хотя бы мне жизни стоило, и правда перед Вами на столе сем будет. Только благоволите уметь ее защищать: ибо все дела делаются через бояр, Екатерина и родитель Ваш бывали ими беспрестанно обмануты, т. ч. я по многим поручениям от них, хотя все, что честь и верность требовали, делал, но правда всегда оставалась в затмении, и я презираем». – «Нет!», с уверенным видом возразил Александр: «Я тебе клянусь, поступлю, как должно».

Державин поехал в Калугу под видом отпуска во избежание огласки, но снабженный от Государя широкими полномочиями.

Приехав на место, сказался губернатору, что он в городе только проездом по делам в деревню и намерен лишь несколько дней в Калуге отдохнуть, а меж-

* Русская мысль. 1957. 9 июля. № 1079. Вторник.

ду тем, остановившись в доме городского головы Бородина, человека честного и пользовавшегося большой доверенностью среди горожан, он от него и разных приходящих к нему лиц разведывал о всех поступках губернаторских. Затем явился в губернское правление, велел позвать губернатора и объявил ему Высочайший указ о свидетельстве дел губернии. Не теряя времени, он тотчас велел представить себе и дела, и чиновников, их производивших, и дал последним заранее заготовленные письменные вопросы, на которые они должны были ответить немедленно, не выходя из комнаты на расставленных столах. Сам Державин, расхаживая, наблюдал, чтобы не было каких-нибудь стачек и канцелярских уловок.

Открылась поистине фантастическая картина, к сожалению, Державин зафиксировал лишь небольшую ее часть. 34 важных дела, в числе коих: покровительство смертоубийству за взятки помещиком Хитровым своего родного брата, за что он в подарок давал губернатору на 75 тысяч ломбардных билетов; отнятие имения безденежно у помещицы Хвостовой в пользу городничего Башурина; требование взяток себе и разорение чугунного завода купца Засыпкина и другие «неистовые, мерзкие и мучительские поступки» в соучастии с архиереем Феофилактом Русановым, несмотря на это умершим впоследствии в сани экзарха Грузии.

Одним из крупнейших злоупотреблений был поступок Лопухина с помещиком и владельцем полотняного завода Николаем Афанасьевичем Гончаровым [3], прадедом жены Пушкина.

Губернатор сперва выпросил у Гончарова заимообразно 30.000 рублей, в которых дал ему вексель на год, а после, поехав как будто осматривать губернию, заехал к нему в деревню и объявил, что до него дошли слухи, будто у Гончарова происходит запрещенная карточная игра, за что грозил ссылкой в Сибирь. Бедный Гончаров клятвенно уверял, что никаких азартных игр у него не бывало, а что с женой и домашними он иногда по вечерам для препровождения времени игрывал на малые деньги в банк.

Лопухин на эти уверения оставался глух и приказал Гончарову явиться к нему в ближайший город Мосальск для следствия и допросов, а между тем через своего секретаря велел ему сказать, что, если он вексель уничтожит, то он следствия производить не будет Гончаров, человек богатый и от природы честный, видя себя в такой напасти, зная к тому же, что княжна Анна Петровна Гагарина, рожденная Лопухина, фаворитка императора, сродни губернатору, отослал ему вексель.

Вскоре при вступлении на престол Александра I, Лопухин, отправляясь в Москву на коронацию, взял у Гончарова, опять-таки под вексель, еще 3.000 рублей.

Рядом с этими крупными делами оказался еще целый ряд случаев, которые впоследствии признано было считать «шалостями и непристойностью в поступках» и потому рядом с преступлениями уголовного характера, не достойными уважения, но для истории быта, пожалуй, еще более характерных, например: «ездил губернатор в губернском правлении при всех служителях на раздьяконе (расстриженном дьяконе), присланном архиереем для отсылки на военную службу за вины его, верхом, приговаривая разные прибаутки и похабные слова; вводил в государский праздник, во время торжественного загородного собрания публичную распутную девку, француженку, давая ей место между почтенными дамами и приглашая с собой и прочими кавалерами танцевать; пьянствовал вместе с архиереем по ночам, ходя по улицам, выбивая в домах окна и прочее, чего описывать здесь было бы подробно; а оставляется при сем экстракт и копия с дела, которые не худо бы прочесть для узнания нравов, в сем деле замешанных... «Вот этих-то последних документов, вероятно изобиловавших столь же сочными рассказами, к сожалению, при записках поэта не оказалось».

Выяснив все эти дела, Державин через нарочного курьера испросил у императора разрешения удалить губернатора от должности и временно поручить ее вице-губернатору Козачковскому, на что и последовало высочайшее соизволение. Но и Лопухин со своей стороны не дремал, и тоже отправил тайно нарочного к своим покровителям: князю Лопухину [4], отцу фаворитки покойного государя, члену Государственного Совета сенатору Трощинскому [5], как ни странно, генерал-прокурору Сената Беклешову [6], по всем данным человеку безупречно честному, и другим приятелям. Через них он доставил письмо императору, в котором жаловался на Державина, будто он завел у себя тайную канцелярию и жестокими пытками домогался свидетельств против губернатора, пыток, от которых умер Гончаров. Случай придавал этому обвинению тень правдоподобия. Гончаров действительно умер от апоплексического удара в приемной Державина.

Известна слабость характера Александра; он, хотя не поверил доносу, но тем не менее потребовал от Державина объяснений. Державин отвечал, что в этих обвинениях сам оправдываться не будет, а предоставит вице-губернатору собрать свидетелей и в присутствии председателей палат спросить их, как их мучили при опросах.

Однако вице-губернатор, по-видимому, из трусости перед угрозами сильных людей из Петербурга, повел дело иначе, чем имел в виду Державин. Вместо того, чтобы опросить свидетелей относительно истязаний, он начал переследование всего дела с самого начала с целью его запутать. Эта попытка была Державиным пресечена, после чего он, изготовив по каждому делу докладные записки для государя, в первых числах апреля явился в Петербург.

Приехав во дворец, он велел о себе доложить, но не был принят: ему приказано было явиться на другой день. Он был встречен сурово: «На вас есть жалобы». – «Я знаю, Государь. Вы мне изволили прислать их подлинником». – «Почему же это?» – «Я вас теперь пространным объяснением не беспокою, которое изволите прочесть со временем, не торопясь, а теперь смею только представить Вашему Величеству рапорт губернатора от 31 генваря, в котором он Вам доносил, что жестокими моими поступками в заведенной мною тайной канцелярии губерния вся встревожена, и что он ожидает дурных последствий от народа!» – «Что вы мне на него скажете?» – «Я ничего не скажу, а вот другой рапорт того же губернатора ко мне от того же самого месяца и числа, в котором он меня уведомляет, как и повседневно то делал, что в губернии все обстоит благополучно». – «Как!» – вскрикнул государь, взглянув на оба рапорта: «Так он бездельник! Напиши указ, чтоб судить его». – «Нет, государь! По-звольте мне теперь не повиноваться». – «Как?» – «Так: когда Вы изволили во мне усомниться, то не угодно ли будет Вам лучше удостовериться во мне и приказать пересмотреть мое следствие, нет ли в нем каких натяжек к обвинению невинности». – «Хорошо», – и в ту же минуту император приказал составить комитет под председательством гр. Ал[ексан]дра Роман[овича] Воронцова [7], в который вошли: гр[аф] Валерьян Ал[ексан]др[ович] Zubov [8], гр[аф] Ник. Петр. Румянцев [9] и сам Державин для объяснений.

С лишком четыре месяца длились работы комитета и, несмотря на то что некоторые его члены относились к Державину недоброжелательно, не только не было найдено никаких истязаний, но отмечена особая снисходительность следствия. За ложный донос Лопухину по букве закона угрожала смертная казнь, но Державин просил по этой его личной обиде делу хода не давать. По докладу комитета губернатор и его сообщники были отданы под суд.

ДЕРЖАВИН, хотя и обещает в своих записках рассказать, чем это дело кончилось, но обещания не сдержал. О результате мы узнаем из двух писем гр[афа] Фед[ора] Вас[ильевича] Ростопчина [10] к кн. Цицианову [11] от 21 мая 1803, и 21 декабря 1804 года: «Лопухин, бывш. губернатор, живет очень весело в Петербурге: сообщники его Уголовной Палатою осуждены по всей строгости законов, и мне кажется, что весьма приятное и безопасное место быть атаманом разбойников...» [12]. «... Малый Сенат нашел Лопухина, что был в Калуге губернатором правым: и я-то знаю, что теперь его защитник делает с тем указом, при коем сей шельма губернатор отослан был к суду...» [13]

Таким образом оправдалось предвидение Державина и были сведены на нет решительная воля и обещание государя...

Комментарии

1. Лопухин Дмитрий Ардалионович (1730–1813) – российский государственный деятель. Московский вице-губернатор (1798–1799), калужский губернатор (1799–1802). Вошел в историю так называемым «делом Лопухина» (1802) – одним из крупнейших коррупционных дел России начала XIX века, которое по прямому указанию императора Александра I расследовал Гавриил Державин. Основатель усадьбы Звизжди в Калужской губернии.
2. Современные источники сообщают о службе Лопухина до Калуги не в Орле, а в Москве.
3. Гончаров Николай Афанасьевич, женатый на Екатерине Андреевне Сениявиной. Современные источники приписывают конфликт с губернатором его брату, Ивану Афанасьевичу или называют обоих братьев (см.: Светлова Т. Первый губернатор бил окна и катался верхом на дыконе // Комсомольская правда. Калуга. 2009. 28 авг.).
4. Лопухин Петр Васильевич, светлейший князь (1753–1827), государственный деятель, председатель Комитета финансов Российской империи (1816–1827). Его дочь, Анна Петровна Гагарина, была фавориткой Императора Павла I.
5. Трошинский Дмитрий Прокофьевич (1749–1829) – русский государственный деятель, старший кабинет-секретарь (1793–1798), генерал-прокурор (1814–1817), тайный советник, сенатор, владелец крепостного театра.
6. Беклешов (или Беклешев) Александр Андреевич (1743 или 1745–1808) – русский государственный и военный деятель, при Павле I дважды (в 1799 и 1801) исполнял должность генерал-прокурора.
7. Воронцов Александр Романович, граф (1741–1805) – канцлер Российской империи, сын генерал-аншефа графа Р. И. Воронцова; брат известной княгини Е. Р. Дашковой, графини Е. Р. Воронцовой и дипломата С. Р. Воронцова.
8. Зубов Валериан Александрович, граф (1771–1804) – член Государственного Совета, двоюродный прадед автора статьи.
9. Румянцев (Румянцов) Николай Петрович, граф (1754–1826) – русский государственный деятель, в годы Наполеоновских войн занимавший пост министра иностранных дел. Меценат, коллекционер, основатель Румянцевского музея, покровитель первого русского кругосветного плавания. Почетный член Императорской Российской академии (1819). Сын военачальника Петра Александровича Румянцева.
10. Ростопчин Федор Васильевич (в «Войне и мире» Л. Н. Толстого упоминался как Растопчин) граф (с 1799) (1763–1826) – русский государственный деятель, фаворит императора Павла и руководитель его внешней политики, генерал-губернатор Москвы во время наполеоновского нашествия. Известен также как писатель и публицист патриотического толка, высмеивав-

ший галломанию. С 1823 г. в отставке, жил в Париже. Автор мемуаров. Владелец подмосковной усадьбы Вороново. Отец французской писательницы графини де Сегюр и литератора, мецената, коллекционера А. Ф. Ростопчина (мужа писательницы Евдокии Ростопчиной).

11. Цицианов Павел Дмитриевич, князь (1754–1806) – российский военный деятель грузинского происхождения, генерал от инфантерии (1804), переводчик, один из покорителей Закавказья. Представитель рода грузинских князей Цицишвили.
12. См.: Деятнадцатый век, сб. изд. П. Бартевым. Т. II, 1872. С. 11-12.
13. Там же. С. 78.

Проф. гр. В. П. ЗУБОВ

**ПЕТР БОГДАНОВИЧ ПАССЕК (18.II.1736–22.III.1804).
К ИСТОРИИ РУССКИХ ПРАВОВ В XVIII ВЕКЕ***

ОДИН из видных участников переворота 28 июня 1762 г., возведшего на престол Екатерину II [1], он был осыпан милостями в виде чинов и денежных наград. В 1766 году он по болезни уволился с чином генерал-поручика, пробыл двенадцать лет не у дел с полным жалованием и в 1778 г. назначен правителем (губернатором) Могилевского наместничества при Белорусском наместнике (генерал-губернаторе) графе Захаре Григорьевиче Чернышеве [2].

Служивший при нем Г. М. Добрынин так его характеризует: «Он был бояроват, представляя вельможу, но был в долгах неоплатных и был такой же во-яжир, как и советник Полянский. Они скоро свели дружбу. Связь их тем была крепче, что Полянский имел способность и не меньше того горел честолюбием управлять, ежели не всем светом, по крайней мере Могилевскою губернией. А Пассек ничем не хотел заниматься, кроме карт, лошадей, любовницы, побочного сына и титула губернаторского, и чем более они каждой своим склонностям угождали, тем боле друг другу нравились, потому что один в другом имели нужду. Итак, Пассек, желая пользоваться переменою воздуха, разъезжал, а Полянский схватил в руки весло правления» [3].

Любовницей Пассека в это время была Марья Сергеевна Салтыкова, рожд. Волчкова [4], вдова первого конверсии-секретаря Академии Художеств Ал[ексан]дра Мих[айловича] Салтыкова, уличенного в растратах казенных де-нег, смещенного и в 1775 году умершего. Пассек же был женат на баронессе Наталии Исаевне Шафировой [5]. В 1796 году, в год смерти своей первой жены, Пассек женился на Марье Сергеевне.

В должности Могилевского губернатора Пассек пробыл до 1781 года, когда он был назначен сенатором, а через несколько месяцев Белорусским генерал-губернатором на место гр. З. Г. Чернышева.

О ВСТУПЛЕНИИ Пассека в должность генерал-губернатора тот же Добрынин пишет: «Пассек, принявши первые поздравления, первые по-сещения, осмотревшись дома и заглянувши в должность, первым долгом поставил удовлетворить требованию природы по сердечной экспедиции. Он сыскал свою любовницу Марью Сергеевну Салтыкову (она в самых цветущих летах разладила с мужем и в таком горьком случае искала пособия и защиты по Петербур-

* Русская мысль. 1957. № 1083, четверг, 18 июля.

гу). Пассек тогда был при дворе камергером. Он ей предложил свое покровительство, которое показалось для нее тем надежнее, что и он, разладя с женою из фамилии Шафировых, не меньше имел нужду в покровительстве себя молодыми и пригожими женщинами. Сей случай двух горевавших половин сочел их на всю жизнь) и малолетнего сына, который назывался по отцовскому и по своему имени Петром, а по нежности Пипинком и Панушком, и несколько манежных лошадей с конюшни смоленских его деревень. Сии суть три струны, которые были приятнейшею в жизни для его сердца музыкою, и без них он жить не мог... Пассек любил пользоваться приятностью годового времени, какая бывает под 53-м степенем северной широты и любил всякого рода удовольствия. Весеннее и летнее время пробыв он в Могилеве, наполненном садами, окруженном лесами, кустарниками, полями. Часто по вечерам бывали у него собрания с музыкою, дабы вкусить приятность жизни Марье Сергеевне и Панушке. Карточная в банк игра не была забыта, столы нарядно освещенные, при каждом слуге, дабы каждой игрок имел без затруднения удобность: приказывать, требовать и довольствоваться всем тем, что ему угодно, кроме птичьего молока. Вообще, всякой игрок был хорошо принят, а особливо те, которые имели честь быть с хозяином в мотиве, отлично были уважаемы: и, если кто счастлив был приобрести их благосклонность, за того слово их перед генерал-губернатором имело полный вес.

По таким рекомендациям, мало-помалу штат присутственных мест начал замещаться или игроками, или надобными для них людьми. Первые были самые дурные по службе работники и самые лучшие компаньоны. Вторые, хотя могли знать свою должность, но были пролазы и подлецы, подставленные людьми, не знающими штатской службы. Таков был плод вечерних собраний.

А в продолжение дня приказывал он подводить к окнам своих лошадей, показывая их каждому, кто хотел их видеть, а особливо гостям проезжающим. При сем случае стоило только кому на кого угодно сказать, что вот тот-то имеет лошадку... парочку соловеньких и проч., и тотчас владелец лошади получал дружеское требование: «покажи-ка братец, покажи-ка». И в короткую пору пред окнами на улице являлась нечаянно маленькая лошадиная ярмарка.

Пассек, препроводя таким образом весеннюю и летнюю пору в губернии, отправился по первому зимнему пути в Петербург для перемены воздуха и для осмотра, не требует ли укрепления то место, на котором он сидит» [6].

Далее Добрынин пишет: «Подрядившийся выстроить церковь святого Иосифа, он же и откупщик питейных сборов, с-петербургской купец Петр Чирьев, разладил с покровителем своим генерал-губернатором Пассеком... Народ в городе, во время свободной продажи напитков привыкши к ним, возроптал на Чирьева, что у него нет хороших ни водок, ни пива, ни меда. Пассек сначала защищал зло... Но когда Чирьев, по известным никому больше как ему причинам, начал везде открывать против Пассека свое неудовольствие и грозил явно

жалобами на него и на проживающую – по его словам – праздно в Могилеве майоршу Салтыкову, то правительство губернское, вступая в свои права, взялось восстановить порядок; оно осмелилось принуждать откупщика, по силе контракта, ко взносу в казенную палату недоимок, которых накопилось до 20 тыс. рублей. Но Чирьев, вместо исполнения требований по контракту, потребовал долгов своих от генерал-губернатора и других. За требование, произведенное не в пору, приставили к нему без требования двух солдат. Чирьев не лишен свободы, но солдаты везде за ним следовали по пятам, а недоимка осталась недоимкою. Рассудили судить его за ложное показание уплаты партикулярных на нем долгов, а виновной откуп отобрали...

Чирьев не проронил времени. Он послал жалобу в Сенат. Сенат указом потребовал объяснений. Пошла потеха!..

Забавно было читать приложенные при сенатском указе: письма, заметки, карточки, – начиная с генерал-губернатора до последнего должника – которые велено возвратить при объяснении в сенат. Например: генерал-губернатор препоручает Чирьеву выписать из Петербурга имянно каких вещей для ново-строющейся его мызы Пипинберга, для Марьи Сергеевны Салтыковой. Губернатор Энгельгардт для Аннушки своей. Другие чиновники, например, для себя и для жен: сукон, шелковых материй, пудры, помады, тросточек, какие во употреблении в Петербурге у первых щеголей и щеголих... директору экономии карету, вице-губернатору карету... Ассессор казенной палаты Колбасов, прося Чирьева о доставлении ему из Петербурга надобных для него вещей, заключает записку словами: «А я твою жену...поцелую» [7]. Сенат в своем указе сказал: чтоб в требуемом, по просьбе Чирьева изъяснении показано было: «из каких чинов или состояния ассессор Колбасов?» Вопрос, которого без ответа оставить было нельзя, а балагуры догадывались, что Сенат подозревал, не от собак ли происходит Колбасов.

Все сие делало людям, не замешанным в эту невкусную кашу, смех; а от-ветчикам говорила пословица: «хоть волком вой». Но ничто так не огорчило генерал-губернатора, как изречение Чирьева в поданной в сенат просьбе: «про-живающая в Могилеве праздно майорша Салтыкова». Досада, мщенье, любовь, оскорбление, важность сана, все это совокупясь, слило против Чирьева такую пулю, от которой бы ему не воскреснуть никогда, если бы она в него попала. Но в человеческих делопроизводствах НО производит великие чудеса, кото-рых описание следует ниже:

Пока что сделается в Сенате по посланному объяснению, Чирьева содержат в Могилеве в тюрьме за долги. Судят за ложные показания о уплате долгов и проч[ее] и присуждают под казнь кнутом. Уже дом его окружен многочислен-ным караулом: время назначало ему через два или три дня площадь и палача. Губернский стряпчий Герасимов, который и служил и жил у Пассека и Салты-ковой, принял на себя обязанность начальствовать над караулом, окружав-

шим дом Чирьева... Но увы! в последний вечер перед страшным для Чирьева утром нужно было Герасимову потанцевать на вечеринке у Салтыковой. Ночь была летняя, самая коротенькая, и окончание вечера почти примыкалось к началу утра. Воссиявшу солнцу, он приспешил на место верной и многочисленной стражи: нашел ее в надлежащем порядке. С Герасимовым был городничий Ералевский, которой, в преданности и усердии к особе и к дому Пассека не уступал Герасимову... Надлежало узника взять и вести на место казни. Они входят в первую комнату, находят жену в слезах, а двух малолетних детей еще спящих: входят в другую и третью, из которых выхода никуда нет, но Чирьева не находят. Они остолбенели. Опомнившись, приступили к жене. Она отвечала: «Я жена несчастного мужа, а не караульщица». Многочисленная стража отвечала, что колодник никуда не выходил; но проломанная подле трубы в потолке твердь, куда они почти нечаянно взглянули, разрешила все их сомнения, а побег караульного солдата, находившегося при нем в горнице, открыл ясно, что Чирьев ушел не без товарища.

Пассек, получа от них неожиданной рапорт, не собрал сил подняться с дивана, на котором лежал. Салтыкова, прибежав туда же, объявила в полном беспамятстве, что она определила непременно у Герасимова и Кравецкого отгрызть великодушно собственными зубами носы и уши.

* * *

ПАССЕК, измученный как внутреннюю гангрену, имел еще твердость духа и рассудка, отвлечь ее своим советом от исполнения ее намерений. «Неблагопристойно, сударыня, женщине кушать носы и уши у мужчин. Студень такого рода не принадлежит ко вкусу благородных. Посудите, что оба виноватые оба же наши друзья, и что грех да беда на кого не живет?» Городничий и губернский стряпчий остались по-прежнему с носами и ушами.

Вскоре получен от Сената указ, чтобы по всем Чирьева делам... не делать исполнения, но присылать их в Сенат на благоусмотрение, а за-пущенную до 20-ти тыс[яч] руб[лей] по винному откупу недоимку взыскать с членов казенной палаты. После чего вскоре явился и сам Чирьев из Петербурга в Могилев, с верою и надеждою, что его кнутом сечь не будут. Он в дополнение своей истории рассказывал...:

«Многочисленный караул при моем доме и свобода жены моей открыли мне, чему завтра надлежало со мною последовать. Никто не может вообразить, какое непреодолимое отвращение чувствовал я от кнута... Воображение о балах и маскарадах, на которых я танцевывал у ген[ерал]-губернатора, не похожее ни мало на кнут и на палача, подали мне счастливую мысль проломать дыру в потолке, где небольшие штуки досток имели главным укреплением только насыпку земли. Мне были помощью руки солдата. Данные ему

сто рублей ассигнациями и обещание взять с собою, обратили его в мою пользу. ...Я полез в дыру, а оттуда сквозь крышу в подобную, которая как будто к, моему спасению случаю была предуготована: из нее на забор и с забора на землю; телохранитель мой вышел по обыкновению дверьми и, сошедшись со мною, тотчас меня уведомил, что все спокойно спит. Мы прошли благополучно, позирая на спящих... Выбравшись из города, шли мы, то по дням, то по ночам, смотря по обстоятельствам проходимых мест. На пути рассудил я переодеть солдата; и таким образом достигли Петербурга, не быв никем преследованы или остановлены. Являсь в Сенат с прошением и видя, что дело пошло по-моему, начал я партикулярно просить и о солдате... Солдату велено остаться при сенатской роте».

Рассказами о проделках Пассека можно бы было заполнить еще много столбцов. Одна лишь карточная игра в доме генерал-губернатора, составлявшая главную часть его дохода, дает богатый материал бытописателю. Будущий император Александр Павлович говорил, что «не желал бы иметь его лакеем». Самым возмутительным его поступком было преследование им своего родного племянника Вас[илия] Вас[ильевича] Пассека с целью завладения его наследством. Этот несчастный провел долгие годы по тюрьмам, в то время как дядя пользовался его состоянием. Это преступление, как и многие другие, должного возмездия не получило.

Лишь со вступлением на престол императора Павла, Пассек, как и большинство участников переворота 1762 года, впал в немилость. По многим его действиям было начато следствие, а он отставлен от службы с запрещением въезда в столицу и приказом безвыездно жить в своей Смоленской вотчине.

После кончины Государя Пассек получил разрешение жить в Петербурге, где и окончил через три года свои дни, оставаясь не у дел, и где погребен в Александро-Невской Лавре.

Комментарии

1. Именно из-за его ареста 27 июня, вызванного неосторожным поведением Пассека, и начался военный переворот.
2. Чернышев Захарий Григорьевич, граф (1722–1784) – русский генерал-фельдмаршал из рода Чернышевых. Прославился успешными действиями в годы Семилетней войны. В 1763–1774 годах возглавлял военное ведомство. Первый генерал-губернатор Могилевский и Полоцкий (1772–1782), владелец Чечерска. После назначения генерал-губернатором Москвы (1782) выстроил известный дворец на Тверской. На основе Ярополецкого поместья в 1772 году учредил чернышевский майорат.
3. См.: Русская старина, 1871, IV, с. 108.
4. Дочь иностранной коллегии секретаря Волчкова.

5. Дочь барона Исая Петровича Шафирова и Евдокии Андреевны (урожденной Измайловой). Умерла 21 июля 1796 года.
6. См.: Русская старина, 1871, IV, с. 139.
7. В полном тексте: «А я твою жену в... (в манускрипте последние литеры так затерлись, что никак прочитать было нельзя, как будто для того, что каждому без труда догадаться можно по первоначальной литере...) поцелую». Там же. С. 177.

Проф. гр. В. П. ЗУБОВ

АЛЕКСЕЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ СТОЛЫПИН [1] И ЕГО ТЕАТР К ИСТОРИИ РУССКИХ ПРАВОВ В XVIII ВЕКЕ*

РУССКАЯ жизнь XVIII века, отставшая от старого заповеданного веками уклада и вместе с тем лишь внешне приставшая к западной культуре, главным образом приводилась в движение одним нашим родным свойством – самодурством. Оно лежит в основе и многих прекрасных достижений, и многих диких, варварских явлений. Почвой ему служило крепостное право. Десятки тысяч маленьких деспотов свою безграничную власть обращали то на создание взбредших им в голову чудесных затей, то на совершенные нелепости. Но и то, и другое бывало результатом настроений, блажи. В самых высоких достижениях мы не встретим последовательной воли, продуманного плана.

Чего только не было в усадьбе большого барина! Не говоря о мастерах всех специальностей ее обслуживавших, мы встретили бы среди крепостных и шутов, и шутих, и художников, и архитекторов, и музыкантов, и актеров, как оперных, так и драматических, и балетных, и даже звездочетов. Угроза кнута превращала русских парней и девок в подчас совсем недурных артистов. Один мемуарист [2] пишет в еще не опубликованных записках: «... Заехали к одному довольно богатому помещику Софонову. Как я тут удивился! Мужик простой с бородою учит барышень на клавикордах... в дали России мужики учат дам, но он был подданный графа Шереметева». Оркестры и театр графа Николая Петровича Шереметева [3] в его подмосковной Останкине славились. Известно, что под конец жизни он женился на своей крепостной актрисе Прасковье Ивановне Ковалевской [4].

За большими вельможами тянулись и менее крупные помещики. Картинку крепостного театра оставил нам в своих записках Александр Иванович Тургенев [5]:

«Приехал в Москву симбирский дворянин Алексей Емельянович Столыпин, себя и дочерей своих показать, добрых людей посмотреть, хлебом-солью покормить и весело пожить: у дворянина, был, из доморощенных парней и девок, домовый театр – знатная потеха. После, года через три, как дворянин попроелся, казна его поистряслась, он всю стаю актеров и актрис продал к Петровскому театру. Было человек десяток мужского и женского пола между актерами с хорошими способностями и некоторые пьесы разыгрывались превосходно! Кто у Столыпина, по выражению военного арга полковника Скалозуба, актеров выломал – осталось загадкою.

* Русская мысль. 1957. 30 июля. № 1088. Вторник.

Алексей Емельянович, – не тем будь помянут, царство ему небесное, не гной его косточки, – нигде ничему не учился, о Мольере и Расине не слыхивал, с молодых лет бывал ирой [6], забиякой, собутыльником Алексею Орлову, а под старость страдал от подагры, гемороя и летом обувал ноги свои в бархатные на байке сапоги. Вот полнейшая биография почившего, – ни прибавить, ни убавить нечего. На диво выкинулся человек!

Иное дело, и нет в том удивления, что Емельянович ведал приемы кулачных бойцов, как ударить к месту (значит по артерной жиле на шее), под никитки (в левый бок, груди, близ сердца), земляных послушать часов (удар по виску), рожество надкрасить (разбить скулы, подбить глаза), красного петуха (своротить нос). Он был в превосходной школе у Алексея Григорьевича Орлова [7]. Как ему, с которой стороны наваяло идею театр домашний сочинить! Он сам в театральном искусстве не знал ни уха, ни рыла!

Девицы, дочери его, почтенные благородные дамы; сложение дам Елизаветинского века, плечистые, благообъятные! Бюст возвышенный опирался на твердом массивном пьедестале, но природа, наградившая и щедро во всех отношениях, наделила девиц неграциозным, длинным носом; едва ли не нос был виновником театрального заведения в доме г[осподина] Столыпина. В Симбирской отчизне проживая, девицы-боярышни извоили сами занимать высокие амплуа в трагических пьесах.

Содержание театра г. Столыпину в Симбирской его отчизне почти никаких необходимых расходов не причиняло, бюджет прихода и расхода состоял в равновесии: актеры трагики, солисты певцы, актеры комики служили по двум министерствам его дома: утром порскают (с собаками на охоте), вечером комедию, трагедию, оперу играют. Это было благородно и хозяйственно соображено, солист Ганька так гаркнет под опушкой, что из всякого зараза (чаща, куща леса) не только зайца, да медведя подымет: трагик Доронька примет и ловко, и смело арзамасского воеводу на рогатину (арзамасским воеводою называли медведя): он в трагедиях набил руку колоть, даже закалываться.

Первые амплуа актрис занимали сенные девки уборщицы; уборщицей называли девушку, которую отдавали в обучение в Москву к Мадам, содержательнице модного магазина, на Кузнецком мосту, где девка всему научалась, но главная ее обязанность была изучить искусство уметь одеть боярышню по моде и к лицу. Обучаться убирать волосы на голове отдавали благовременно мальчиков знаменитому артисту сего художества парикмахеру г[осподина] Трегуובה.

Для обстановки пьес на сцене, – целая фабрика коверная, и самопрялок девок без малого сотня, выбирай любую. Гардероб, костюмы для цариц и княжен в трагедиях, перешивались из роброн боярышень: для костюмов актеров приказчика Еремеича ежегодно на первой неделе поста посылали в Москву, где он на толкучем рынке скупал у торговков разные платья, приобретенные торговками задешево у промотавшихся шегольков в сырную неделю. Этого

еще недовольно: спекулятивный ум извлекает во всех случаях пользу: при построении актерам новой театральной амуниции, обдержаннные преобразовали в ризы священнику церкви села.

Одна из девиц дочерей Алексея Емельяновича, заметив в зеркало на лице расположение к образованию морщинки, выслушала благосклонно генерал-майора армянского племени и закона Хастапова [8], и приняла предложение соединиться узами законного брака. Боже мой! Какой гвалт в Москве Белокаменной подняли заматорелые княжны, графини и просто дворянские дщери! Кричат как беснующийся Ледрю-Ролень [9] в клубе коммунистов, кричат, как благородной девице вступить в супружество с армянином! Да знает ли несчастная, что у Ария [10] на вселенском соборе утроба лопнула! Да ведь она погубила свою душу! Как ее не остановили, не растолковали ей греха (тогда дамы не знали различия исповедания армянской Церкви и учения Ария): казалось – о чем было столь много беспокоиться заматорелым девам благородного сословия?

Г-жа Хастапова в супружестве была счастлива, генерал Хастапов был человек добрый, благонамеренный, его любили в обществе, и она, супруга его, лучше всех заматорелых княжен и графинь ведала, что у супруга ее, генерала Хастапова, трещины на животе нет, и все части тела его состоят в должном виде и надлежащей исправности! Заматорелые девы и боярыни, варакушки в Москве, страшные народы! Екатерина, премудрая Екатерина, говаривала: «а что об этом старые девы в Москве заговорят!»

Я начал рассказывать о прибытии в древнюю столицу, Богоспасаемый град Москву Белокаменную, симбирского дворянина, богатого, это правда, но не то, что на святой Руси в старине нашей называли боярин. Алексей Емельянович был хлебосол, звал к себе хлеб-соль покушать и песенку послушать: каждую неделю доморощенная труппа крепостных актеров ломала, потехи ради Алексея Емельяновича и всей почтеннейшей ассамблеи – трагедию, оперу, комедь; и сказать правду, без ласкательства комедь ломали превосходно. Помню, почтенная публика тогда жаловала пьесу: «Нину или от любви сумасшедшую» («La folle par amour») [11].

У Столыпина на театре Ниной все знатоки тогдашнего времени восхищались. Нина была ростом немного чем поменьше флангового гвардейского гренадера; черные, длинные на голове волосы, большие черные глаза, без преумножения – величиной в полтинник. Да надобно было видеть, как Нина выворачивала глаза, чудо! Когда она узнавала возлюбленного по жилету, который она вышила шелками и ему подарила, как, бывало, выпалит очи на любезного да вскрикнет: «это он!»: – так боярыни вздрогнут, а кавалеры приударят в ладони, застучат, ногами, хоть вон беги. Страстные любители эффекта крикивали: бис, бис. По окончании театра следовал бал.....»

На Столыпинском театре была в царствование Павла Петровича разыграна опера князя А. М. Белосельского (1752–1809), отца княгини Зинаиды Вол-

конской: «Олинька или первоначальная любовь» [12]. Про это рассказывают кн[язь] П. А. Вяземский и анонимный автор «Старой Записной Книжки, начатой в 1813 г.». Последний пишет: «Князь Белосельский был просвещенный вельможа, но бедовый поэт. Его поэтические вольности (*licences poétiques*) были безграничны до невозможности. Однажды в Москве написал он оперетку, кажется под заглавием “Олинька”. Ее давали на домашнем крепостном театре Столыпина. Не придворная, а просто дворовая труппа его отличалась некоторыми художественными актерами, которые после занимали почетные места в Императорском Московском театре. Помню, между прочим, одного из них, Лисицина: он был очень забавен в комических ролях простаков и долго смешил Московскую публику. Оперетка князя Белосельского была приправлена пряностями самого соблазнительного свойства. Хозяин дома в своем нелитературном простосердечии, а, м[ожет] б[ыть] и вследствие общего вкуса стариков к крупным шуткам, которые кажутся им тем более забавны, что они не очень целомудренны, созвал московскую публику к представлению оперы князя Белосельского. Сначала все было чинно и шло благополучно.

Благопристойности ничто не
нарушало.
Но Белосельский был не раз бедам
начало.

Вдруг посыпались шутки даже и недвусмысленно-прозрачные, а прямо набело и наголо. В публике удивление и смущение. Дамы, многие, вероятно, по чутью, чувствуют что-то неловко и неладно. Действие переходит со сцены на публику: сперва слышен шепот, потом ропот. Одним словом, театральный скандал в полном разгаре. Некоторые мужья, не дождавшись конца спектакля, поспешно с женами и дочерьми выходят из зала. Дамы, присутствующие тут без мужей, молодые вдовы, чинные старухи, следуют этому движению, зала пустеет. Слухи об этом представлении доходят до Петербурга и до правительства. Спустя недели две кн. Белосельский тревожно вбегает к Карамзину [13] и говорит ему: «Спаси меня! Император (Павел Петрович) повелел, чтобы немедленно прислали ему рукопись моей оперы. Сделай милость, исправь в ней все подозрительные места: очисти ее, как можешь и как умеешь». Карамзин тут же исполнил желание его. Очищенная рукопись отсылается в Петербург. Немедленно в таком виде, исправленную и очищенную, предают ее, на всякий случай, печати. Все кончилось благополучно: ни автору, ни хозяину домашнего спектакля не пришлось быть в ответственности.

М. И. ПЫЛЯЕВ в книге «Старое Житье» рассказывает без указания источника, следующее:

«До 1806 года на московском императорском театре (Петровском) почти вся труппа, за небольшим исключением, состояла из крепостных актеров Ал[ексея] Емел[ьяновича] Столыпина. Этих артистов на театральные афишах отличали от свободных артистов тем, что не удостоивали прибавлять к их фамилии букву Г, т[о] е[сть] господин или госпожа. По словам Жихарева [14] с ними тогда не особенно церемонились и, если они зашибались, то делали выговор особого рода.

В 1806 году эти бедняки услышали, что их помещик намеревается их продать: они выбрали из своей среды старшину Венедикта Баранова, который от лица всех актеров и музыкантов подал 30-го августа на имя государя прошение: «Всемиловитейший Государь! – говорил он в нем. – Слезы несчастных никогда не отвергались милосерднейшим отцом, неужель божественная его душа не внемлет стону нашему. Узнав, что господии наш, Алексей Емельянович Столыпин, нас продает, осмелились пасть к стопам милосерднейшего Государя и молить, да щедрота его искупит нас и даст новую жизнь тем, кои имеют уже счастье находиться в императорской службе при московском театре. Благодарность услышана будет Создателем вселенной, и Он воздаст спасителю их».

Просьба эта через статс-секретаря князя Голицина была препровождена к обер-камергеру Александру Львовичу Нарышкину [15], который вместе с ней представил государю следующее объяснение: «Г[осподин] Столыпин находящуюся при московском Вашего императорского Величества театре труппу актеров и актрис и музыкантов, состоящие с детьми их из 74 человек, продает за сорок две тысячи рублей. Умеренность цены за людей образованных в своем искусстве, польза, и самая необходимость театра, в случае отобрания оных могущего затрудниться в отыскании и долженствующего за великое жалование собирать таковое количество нужных для него людей, кольми паче актрис, никогда со стороны не поступающих, требуют непременно покупки оных. Всемиловитейший Государь! По долгу звания моего, с одной стороны, наблюдая выгоды казны и предотвращая немалые убытки театра, от приема за несравненно большее жалованье произойти имеющие, а с другой, убеждаясь человеколюбием и просьбою всей труппы, обещающей всеми силами жертвовать в пользу служ-бы, осмеливаюсь всеподданнейше представить милосердию Вашего Императорского Величества жребий столь немалого числа нужных для театра людей, которым со свободою от руки монаршей даруется новая жизнь и способы усовершенствовать свои таланты, и испрашивать как соизволения на. покупку оных, так и отпуска означенного количества денег, которого ежели не благоволено будет принять на счет казны, то хотя на счет московского театра с вычетом из суммы, ежегодно на оной отпускаемой. Подписал обер-камергер Нарышкин, 13-го сентября 1806 года».

Бумага эта была докладована государю 25 сентября 1806 года. Его Величество, находя, что просимая г[осподином] Столыпина цена весьма велика, повелел г[осподину] директору театров склонить продавца на умеренную цену. Столыпин уступил десять тысяч, и актеры, по высочайшему повелению, были куплены за 32.000 рублей.

Из купленных актеров были в свое время известны следующие (гораздо ранее, в 1793 году, из Столыпинской труппы была известна очень талантливая актриса «Варенька»: она вскоре вышла замуж за известного литератора того времени Н. И. Стрехова, издателя «Сатирического Вестника»), Кураев, Иов Прокофьевич — очень талантливый комик-буф; А. И. Касаткин — певец и актер такого же амплуа; Як. Я. Соколов, молодой певец-тенор, замечателен был в опере «Иосиф» [16] и в «Водовозе» [17]; Лисицин, лю-бимец райка, — как говорил Жихарев, — гримаса в разговоре, гримаса в движении, представлял роли дураков; Кавалеров [18] играл роли слуг; актрисы: Баранчеева [19] — на ролях благородных матерей и больших барынь в драмах и комедиях: Караневичева, по словам Жихарева, роли молодых любовниц превращала в старых; Носова, водеvilная актриса, с превосходным голосом, чистая натура; Бутенброк — недурная певица; сестра ее Лисицина играла роли старух — обе были очень талантливые актрисы.

Последняя выдвинулась случайно: во время представления «Русалки», игравшая роль Ратимы Померанцева [20] внезапно была поражена ударом на сцене. Кто-то сказал, что молодая Лисицина, еще неопытная актриса, может заменить ее: Сандунов убедил Лисицину согласиться сыграть за нее и сам разрисовал дебютантке лицо сухими красками так, что она долго плакала от боли, и когда надела костюм, то ее сестра и другие товарищи приняли ее за Померанцеву и с участием стали расспрашивать о здоровье. Лисицина провела свою роль хорошо и с тех пор стала любимицею публики» [21].

В конце страницы рукописная заметка:

Алексей Емельянович был предком Лермонтова. У него было два сына, Афанасий и Аркадий, и три дочери: Екатерина, за Акимом Акимовичем Хастановым (или Хастатовым), Елизавета (1773–1845) за Михаилом Васильевичем Арсеньевым (1768–1810) и Наталия (1786–1851) за Григорием Даниловичем Столыпиным (f до 1831). Елизавета была бабушкой Лермонтова, сына её скончавшейся в 1817 г. дочери Марии, которого она воспитала.

Комментарии

1. Столыпин Алексей Емельянович (1744–1817) — пензенский помещик из рода Столыпиных, губернский предводитель дворянства (1787–1790), прадед М. Ю. Лермонтова и П. А. Столыпина.

2. Мемуарист – это Иван Андреевич Якубовский, карлик, проживший длительное время в семействе графов Зубовых.
3. Граф Николай Петрович Шереметев (1751–1809) – покровитель искусств, меценат; музыкант. Обер-камергер, действительный тайный советник, сенатор, директор императорских театров, директор Московского дворянского банка, основатель Странноприимного дома в Москве и Невской богадельни в Петербурге.
4. Ковалевская – измененная фамилия невесты графа Н. П. Шереметева крепостной актрисы Прасковьи Ковалевой, граф выдавал ее за польскую дворянку.
5. «Александр Иванович Тургенев», здесь автор ошибается. «Русская старина» публиковала в 1885 году записки Александра Михайловича Тургенева (1772–1863) – русского чиновника и офицера из рода Тургеневых, тобольского гражданского губернатора (1823–1825). Дожив до глубокой старости, он оставил обстоятельные, хотя, к сожалению, не законченные мемуары, благодаря которым сегодня главным образом и известен. Эта ошибка показывает, что графу В. П. Зубову, вероятно, не были известны воспоминания А. М. Тургенева о рассказе атамана Платова (их встреча была на войне 1812 года) о спасении им и другими офицерами (Ермоловым, Н. Н. Раевским и остальными) своего любимого главнокомандующего, графа Валериана Александровича Зубова, от персов, которым новый император Павел буквально его выдал. А. И. Тургенев (1784–1846) не мог знать развлечений А. Г. Орлова и пр.
6. Возможно, искаженное «герой», а возможно это имя нищего из «Одиссеи» Гомера, вступившего в драку с Одиссеем, переодетым в нищенскую одежду по возвращении в свой дом.
7. Орлов Алексей Григорьевич (Орлов-Чесменский) (1737–1807) – граф, военный и государственный деятель, сподвижник Екатерины Великой, младший брат ее фаворита Григория Григорьевича Орлова, владелец усадьбы на Донском поле. Генерал-аншеф (1769), лейб-гвардии Преображенского полка подполковник, Кавалергардского корпуса поручик, орденов российских Св. апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского и Св. великомученика Георгия I класса кавалер.
8. В открытых источниках сведений не найдено.
9. Ледрю-Роллен Александр Огюст (фр. Alexandre Auguste Ledru-Rollin; 1807–1874) – французский политический деятель эпохи Июльской монархии и Второй республики; левый республиканец (неоякобинец); один из вождей мелкобуржуазной демократии.
10. Арий (256–336) – александрийский пресвитер, участник первого ученого спора христианской церкви о единосутии Бога-отца и Сына на вселенском соборе. «Утроба Ария» – Феофилакт Болгарский рисует сходную картину гибели Иуды и еретика Ария: у обоих лопнула утроба. В греческом списке

«Видения Григория» описываются совместные мучения в Аду Ария, Сатаны и Иуды: громы, приводящие в содрогание, страшный огонь, сдавливание, нанесение ран, поджаривание. По указанию С. Соловьева, сопоставление Иуды и Ария содержится также в Коттоновской псалтыри X в. и в апокрифическом Котельском сборнике (XVIII в.).

11. «Нину или от любви сумасшедшую» («La folle par amour») (Комическая опера в 1 действии «Нина, или От любви сумасшедшая» («Nina, o sia la pazza per amore»)), текст Дж.-Б. Лоренци по комедии Б.-Ж Марсолье, пер. с ит. И. А. Дмитриевского, муз Паизиелло. Впервые поставлена в Петербурге 7 июня 1796 г., в Москве – 1 сентября 1797 г. – (См. История русского драматического театра: В 7 т. Т. 2. 1801–1825. М.: Искусство, 1977. С. 500).
12. «Олинька или первоначальная любовь» (Олинька, или Первоначальная любовь. Российское сочинение в древнем вкусе, с хорами певчих и балетом, с русскою пляскою в 2 д. Текст и музыка А. М. Белосельского-Белозерского. М, 1796. Поставлена в Москве 7 и 11 января 1801 г. – См.: История русского драматического театра: В 7 т. Т. 2. 1801–1825. М.: Искусство, 1977. С. 503).
13. Карамзин Николай Михайлович – историк и писатель.
14. Жихарев Степан Петрович (1767–1860) – русский писатель и драматург-переводчик, сенатор и страстный театрал, известный главным образом своими дневниками-письмами («Записки современника»).
15. Нарышкин Александр Львович (1760–1826) – царедворец из рода Нарышкиных. Обер-камергер, директор Императорских театров (1799–1819).
16. «Иосиф, или Добрый сын», драма в 5 д. Н. Н. Сандунова, первое предст. в Пб 1 дек. 1802. – См.: История русского драматического театра: В 7 т. Т. 2. 1801–1825. М.: Искусство, 1977. С. 480.
17. «Водовоз, или Двухдневное приключение», опера в 3 д., текст Ж.-Н. Буйи. Пер с фр. В. А. Левшина, муз Л. Керубини. Первое предст. в Москве 22 мая 1804, в Пб – 7 февр 1813. – См.: История русского драматического театра: В 7 т. Т. 2. 1801–1825. М.: Искусство, 1977. С. 461).
18. Кавалеров Константин Прохорович (1782–837) – актер, критики отмечали в его игре пристрастие к карикатуре (См.: История русского драматического театра: В 7 т. Т. 2. 1801–1825. М.: Искусство, 1977. С. 166).
19. Анна И. Баранчеева играла роли девушек и не пользовалась признанием зрителей (См.: История русского драматического театра: В 7 т. Т. 2. 1801–1825. М.: Искусство, 1977. С. 150, 163, 440).
20. Померанцева Анна Афанасьевна (1754–1806). – См.: N. N. Биографическое известие о Померанцевой // Вестник Европы. 1806. № 20. С. 286).
21. Пыляев М. И. Старое житье: Очерки и рассказы о бывших в отошедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. СПб., 1892. С. 181–183. – Вся последняя часть статьи – цитата из этой книги.

Проф. гр. В. П. ЗУБОВ

ИЕЗУИТСКАЯ КОЛЛЕГИЯ В ПОЛОЦКЕ*

С ПРИСОЕДИНЕНИЕМ при первом разделе Польши в 1772 году Белоруссии к России, в состав империи вошло значительное католическое население как латинского, так и восточного (униатского) обрядов. Вместе с этим в пределах России оказались и монашеские ордена, в том числе иезуиты.

Указом Петра Великого Общество Иисуса было в 1719 году на вечные времена изгнано из России; ныне оно автоматически вернулось, и вопрос о нем подлежал новому рассмотрению. Большинство голосов в Совете Императрицы высказалось за оставление в силе петровского распоряжения, но Государыня, поддержанная в этом графом Захар Григорьевичем Чернышевым, наместником новых областей, решила иначе: всегда де будет время запретить орден, если бы он оказался неудобным. С одной стороны она, видимо, усматривала в нем цивилизаторский фактор в новоприобретенных землях, с другой, иезуиты оказались чрезвычайно умными, высказавшись за безусловное повиновение русскому правительству и принесение требуемой присяги. Этим они приобрели благоволение императрицы.

Правда, Екатерина собственным изволением, не спрашивая Папы, подчинила, в изъятие из общего права, монашеские ордена юрисдикции ею же самовольно назначенного епископа всех католических церквей России, Станислава Сестренцевича, но это, как мы сейчас увидим, послужило иезуитам на пользу.

Иезуиты владели большой коллегией в Полоцке и меньшей в Орше. Когда в 1773 году Климент XIV Ганганелли, под давлением Бурбонских Дворов, упразднил орден Иезуитов, Екатерина воспротивилась опубликованию папской буллы на ее территории и этим обеспечила дальнейшее, хотя и полуофициальное, существование его на западе Российской Империи.

Через год после уничтожения Общества Иисуса Климент XIV скончался от неизвестной причины. Его преемник Пий VI, Браччи, в первое время своего понтификата решительно старался сохранять в силе распоряжение предшественника. Не будем здесь разбирать вопрос о том, был ли он сам противником Иезуитов, была ли враждебная им партия в пределах курии столь сильна, или, что самое вероятное – было ли давление извне столь мощно, что он никак не мог поступить иначе.

Как бы то ни было, Рим был чрезвычайно недоволен предоставлением ордену убежища со стороны Екатерины (и китайского богдыхана) и всячески пробовал добиться вхождения в силу своей буллы в обход тому принципу, что без согласия Государыни никакое распоряжение иностранного монарха не мог-

* Русская мысль. 1958. 3 авг. № 1247. Вторник.

ло быть опубликовано в ее землях. Иезуиты имели еще и сильных защитников перед Императрицей в графах Безбородко и Захар Григорьевиче Чернышеве (последний может быть был тайным католиком) и, наконец, в лице самого Потемкина. Папский нунций в Варшаве потребовал от Сестренцевича действий против иезуитов. Епископ попробовал было исполнить волю Святого Престола, но получил по приказу Екатерины такую головомойку от гр[афа] Чернышева, что должен был приостановить все свои мероприятия.

9 августа 1778 года Пий VI издал декрет, по которому все монашеские ордена в России в виде исключения подчинялись епископу, т. е. со своей стороны повторял доселе им непризнанное распоряжение Императрицы. Рим рассматривал это как последний удар по Обществу и ожидал теперь от Сестренцевича решительных мер. Но Екатерина сумела обернуть острие и, как раз на основании этого декрета, приказала своему епископу открыть в Полоцке иезуитский новициат, чтобы обеспечить ордену прирост. Попад между двух огней, прелату, после годового сопротивления, 30 июня 1779 года пришлось исполнить волю Государыни, что вызвало первый конфликт его с курией.

Екатерина защитила своего епископа, приказав, своему посланнику в Варшаве гр[афу] Штапельсбргу сказать нунцию Аркетти, что «упомянутый епископ только исполнил Нашу волю, волю своей неограниченной повелительницы, покорность которой со стороны всякого Нашего подданного не допускает никакого изъятия... Вы должды дать знать Римскому Двору... чтобы он, в виду такой нашей твердости, прекратил свои домогательства под опасением самых неприятных от того могущих произойти последствий, как, например, потери и того скромного остатка власти, который Мы предоставляем Папе над римскою церковью в Нашем государстве».

Екатерина воспользовалась вопросом об Обществе Иисуса, чтобы отбить у Папы охоту вмешиваться в дела католической Церкви в России.

Иезуиты, продолжая существовать вопреки воле Папы в пределах Российской Империи, нисколько не нарушали этим одного из главных своих обетов, абсолютного послушания Св[ятому] Отцу. Так как декрет об их упразднении в России опубликован не был, с их стороны было бы самовольным поступком упразднить себя. Благодаря такому софизму они могли со спокойной совестью игнорировать распоряжение Св[ятого] Престола в ожидании перемены точки зрения Рима, которую они предвидели, и которая наступила через 36 лет.

Когда в 1781 году Цесаревич Павел Петрович и Мария Феодоровна, отправляясь в заграничное путешествие под именем графов Северных, прибыли в Полоцк вечером 8 октября, они были встречены в иезуитской коллегии иллюминацией: океан света, а перед церковью шесть огненных столбов вышиною в 60 футов. На следующий день после обеда высокие гости подробно осматривали церковь, сакристию, коллегию, классные залы, физический и химический кабинеты, библиотеку, трапезную, дортуары, долго беседовали о жизни уче-

ников и учителей, о принципах и методах преподавания. Затем юные риторы декламировали на древних и новых языках стихи в честь августейших посетителей. 10 октября великокняжеская чета присутствовала при богослужении.

Это первое соприкосновение Павла Петровича с католицизмом произвело на него глубокое впечатление, результаты которого сказались много лет позже. После своей коронации весной 1797 года император Павел с великими князьями Александром и Константином, при поездке по западным губерниям, осматривал иезуитскую коллегию в Орше. При этом Сестренцевич между прочими представил Государю о[тца] Грубера, которому суждено было сыграть в царствование Павла значительную роль.

В неизданных, к сожалению, записках Ивана Андреевича Якубовского, карлика, состоявшего при последнем Екатерининском фаворите, св[етлейшем] князе Платоне Александровиче Зубове, находим описание посещения князем Полоцкой коллегии в 1811 году. Якубовский пишет стилем полуобразованного человека, к тому же он белорусс, что отражается на его языке.

«Вот теперь приехали в Полоцк, вот тут иезуиты и бискуп Красовский запросили его светлость к себе на обед: у них был этот день большой праздник. Вот князь и остался у них на обед, чудесный был: уха была из стерлядей на шампанском, суповые чаши были сделаны из свиной кожи, точно как черепаха, обделка в серебре чудесная. Вот нам прежде обеда показывали суконную свою фабрику, прекрасное заведение на несколько станов; все машинами работают, и сверху ножницы стригут ворс на сукне, и один человек только за этим смотрит, останавливает и кладет шпули в челнок. Тут беда была немаленькая: князь заговорился и ему чуть эта машина, которая стрижет ворс, руку не оторвала, но успели его отвести. Сукно ткут самое тонкое разных сортов. Вот после славного обеда и шампанского напились, пошли куцкамор (кунсткамеру) смотреть: вот я тут не знал, на что было глядеть, уму моему было непостижимо, какие тут вещи были. Во-первых, когда я вошел, на стене большая голова человеческая начала мне говорить: «Добрый день, как я рад, что вас вижу, мой коханный пан, Иван Андреевич Якубовский, с давних пор не видал вас, пана моего» и т[ак] д[алее]; я ему отвечал. Теперь другую вещь показали: «небольшой шкаф: «Отворите его». Вот я и отворил его, вот тут выскочил маленький мальчик и спрашивает, что мне угодно. «Я торгую сукнами». Вот мне иезуит Анжолити сказал: «Просите какого-нибудь цвета»: вот я ему сказал: «Подай мне синего цвета», вот он и пошел все ящики выдвигать так скоро и подал мне синее сукно. Я только удивился, а шкаф сам закрылся. Теперь третья вещь: большой ящик под стеклом, тут была картина, представлен их сад, вот мне велели глядеть, я стал и вижу: тут все монахи гуляют, а иные работой занимаются, и лес весь шатается; я глядел в окно, а саду нигде не видал, не могу понять, откуда это проведено было. Вот четвертая: шар билиардный снизу идет по лестнице вверх: тут я очень смотрел, но не мог приметить, каким образом сделано это за стеклом. Вот еще показали:

“Гляди на колокольню, что там есть”, я вижу на самом верху стоит человек и кланяется, и вынимает из кармана табакерку и потчивает табакком. Теперь поставили меня на одну машину, я и пошел вверх и начали все смеяться: “Улетел от нас Иван Андреевич”, но скоро опустили».

«Теперь показали весы и на обеих сторонах насыпана дробь по равной части, но в сутки одна часть опускается: они утверждают, если дробь долго лежит наружи, то ее воздух сильно вытягивает, от этого она слабеет и становится очень легкою, так далеко птицу не застрелишь; вот ее надобно хранить в бутылках и хорошо закупорить, так она не теряет своей силы. Что я там видел, какие драгоценности у них лежат: минералы и камни, и разные вещи, пропасть богатства».

«После пошли в театр, представлен был княжий вензель транспарант: играли куклы пантомимный балет, удивительно как хорошо, как настоящие люди; я все не могу подумать, уму моему непостижимо, как могут чучелы играть. Костел очень обширный и самый богатый; органы бесподобные, в целой Белоруссии нет такого. У них была школа, тысяча триста учеников, пели в костеле и чудесные голоса. Они имели много крестьян за собою; мы много раз встречали несколько фур, к ним везли с фольварков телят, баранов, гусей, индеек, кур, уток и разных других припасов бездну; хорошо им было жить».

Император Павел по восшествии на престол проявил большие симпатии к ордену, он видел в нем элемент порядка и ценил его воспитательную деятельность. В 1800 году была основана и в Петербурге иезуитская коллегия с пансионом. Питомцами ее были и православные дети, из среды которых вышло много выдающихся личностей.

Александр I в связи с занимавшими его в то время мыслями о возрождении Польши, нашел в 1812 году своевременным Полоцкую иезуитскую коллегию, «толикую пользу принесшую воспитанием юношества», возвести на степень академии: права и преимущества ее были уравнены с университетами. Всемилостивейше пожалованная академии грамота была подписана 1 марта 1812 года. Государь надеялся, что иезуиты будут работать в Польше «dans le bon sens» [1]. Торжественное открытие последовало 10/22 июня в присутствии белорусского военного губернатора герцога Александра Вюртембергского и сардинского дипломата графа Жозефа де Местра, находившегося в Полоцке по поручению Государя.

Скоро, однако, взгляды правительства в отношении ордена изменились. Сначала последовал 20 декабря 1815 года неожиданный указ «об удалении всех иезуитского ордена монахов из Петербурга, и воспрещении им въезда, в обе столицы». Среди ночи они были снабжены шубами и теплыми сапогами и в кибитках отправлены в Полоцк. Эта мера положила конец их педагогической деятельности в столице и была вызвана беспокойством правительства ввиду успешного прозелитизма иезуитов, как среди православных

учеников их петербургской коллегии, так и среди высшего общества, в особенности дам.

Присутствовавший на открытии академии в Полоцке публицист и будущий декабрист Николай Иванович Тургенев (1789–1871) сказал генеральному викарию Березовскому пророческие слова: «C'est le commencement de la fin, vous en ferez tant qu'on vous renverra» (Это начало конца, вы так будете стараться, что вас вышлют).

13 марта 1820 года повелено было окончательно выслать иезуитов из России с тем, чтобы и впредь ни под каким видом и наименованием их не впускать; одновременно упразднена коллегия в Полоцке и все подведомственные ей училища.

Таким образом, орден, переживший, благодаря гостеприимству России, кризис, грозивший его существованию, по миновании этого кризиса и своего восстановления в 1814 году Папой Пием VII Кирамонти, принужден был покинуть приютившую и оградившую его страну.

Комментарии

1. «dans le bon sens» В хорошем смысле (франц.).

Проф. гр. В. П. Zubov

КНЯЗЬ ТЮФЯКИН*

НА ПАРИЖСКОМ кладбище Monmartre стоит памятник скончавшегося тут 19 февраля 1845 года бывшего директора императорских театров князя Петра Ивановича Тюфякина. Фигура м[ожет] б[ыть] мало симпатичная, но красочная. К тому, что о нем известно в исторической литературе, я имею возможность прибавить несколько штрихов.

Родился он в 1769 году и был сыном князя Ивана Петровича (1750–1804), бывшего командиром Императорских Московских дворцов, от брака с княжной Марией Александровной Долгорукой. Род Тюфякиных был отраслью князей Оболенских и пресекался со смертью Петра Ивановича. Последний начал службу в Семеновском полку, а в 1793-м пожалован в камер-юнкеры Двора вел[икого] кн[язя] Александра Павловича и, спустя 5 лет в камергеры. Однако 20 апреля 1799 он чем-то вызвал неудовольствие Императора Павла Петровича, уволен от службы и сослан в Москву. Провинность, вероятно, была небольшая, т[ак] к[ак] кара для этого времени представляется очень мягкой.

Восшествие на престол Александра I не отразилось на его судьбе, так, как он, по-видимому, ожидал. Фил[ип] Фил[иппович] Вигель [1] пишет в известных своих записках: «видя себя обманутым в надежде сделаться любимцем царя, он с досады поселился в Париже». Однако, 4 апреля 1812 года он был, как знаток театра, назначен вице-директором Императорских театров.

Ссылка в Москву в 1799 году привела к тем событиям, о которых я хотел бы рассказать со слов одного маленького роста мемуариста, карлика Zubovской семьи, Ивана Андреевича Якубовского, оставившего чрезвычайно интересные записки. Он смотрит на события со своей, в двойном смысле, лягушачей перспективы и пишет забавным языком, не лишенным сочности, хотя и малограмотным. Он в то время жил в Москве при гр[афине] Елисавете Васильевне Zubовой, рож[денной] Вороновой (1742–1813), матери последнего Екатерининского фаворита. При ней жила внучка, Екатерина Осиповна Хорват (10 февраля 1777–6 марта 1802), дочь Осипа Ивановича Хорвата, в то время Воронежского губернатора, и рано умершей Анны Александровны, рожденной Zubовой.

Когда графиня осенью 1799 года приехала из подмосковной деревни Хорошева в Москву, то, пишет карлик, она «получила огорчение не малое. В Москве был дворецкий Хорватова, Г[осподин] Дигай, который пришел поздравить графиню, что Екатерина Осиповна помолвлена за князя Петра Ивановича Тюфякина; она даже испугалась, она и не слыхала. Спросила внучку свою: “Правда ли Катя?” Она отвечает: “Какой это вздор, я и не думала”. “Ну вот, мой батюшка,

* Русская мысль. 1958. 13 сентября. № 1264. Суббота.

слышал, что это неправда? Мало ли Москва говорит! Мы от этого не прочь: дай Бог хорошенького жениха”. “А я еду к нему и хотел Осипа Ивановича обрадовать”. Что же внучка сделала против бабушки за ее воспитание и труды? На другой день послала эшпафет к отцу и написала: “Если вы, батюшка, не отдадите за князя, так вы меня на век сделаете несчастною, или я сама себя погублю. Я у вас одна”. Что тут было отцу делать, он ее очень любил, подумайте: все весьма был печален, он хорошо его знал, но не хотел и дочь лишить: подает Государю и просит позволение выдать свою дочь за князя Тюфякина, она была фрейлина: мимо бабушки, та ничего не знала.

Но когда Государь Павел Петрович получил от отца, он прислал к бабушке: “Если вы позволите, так и я”. Она не знала, что подумать; ее так огорчило, даже в лице переменялась; против воли отца не хотела ничего делать. “Если вы согласились, она ваша, так и я”, и послала письмо, которое она получила от Государя, чтоб он отвечал. Когда она бедная поправилась, стала воображать, каким это манером сотворилось, когда она сама спрашивала внучку, и она отвечала: “Какой вздор, я и не думала, бабушка”».

«Теперь отец приехал на свадьбу и привез письмо, которое она писала к отцу: “Вот матушка графиня, что мне тут было делать, она у нас одна, я не хочу ее губить, пусть она сама себя погубит. Бог с ней, мы его не желали”. Теперь бабушка ее призывает, вздохнула: “Ах, Катя, я от тебя этого не ожидала, какая ты фальшивая стала против меня, за мои труды и любовь; осьмнадцатый год за тобой ходила и смотрела и ни в чем тебя не огорчала, но меня Бог наказал за мои грехи: мать твоя и моя дочь, когда она страдала и сказала: “Маменька! не выпускай мою дочь, в люди до двадцати лет”, а я согрешила, за то и наказана, что тебя рано выпускать в свет начала. На что вы стали похожи! Всех своих ближних обманывала! Они тебя любили и желали, чтобы вы были счастливы. Нас не спрашивали прежде, влюблены или нет, а как хотел отец и мать, они более знали нас: я сама вышла не по желанию моему, но Бог учредил нас очень счастливо, дай Бог всем. Дети мои хорошо все вышли. Ах, Катя! Вы сами после будете раскаиваться, но тогда поздно будет».

«Вот и свадьбу сыграли. Как она была хороша и любезна. Все прельщались, когда стояла под венцом. А князь Петр Иванович Тюфякин был весь в угрях и только облизывался языком и был среднего роста. Своей паре ни в чем не отвечал своей красотой, при том же и плешивый. Весь народ удивлялся, как она за его пошла. Отец ее недолго был на свадьбе, поздравил и благословил, и уехал, а после не приезжал, и бабушки не было. Я там долго был, народу немного было, но все хорошо, как должно. На другой день меня послала бабушка поздравить их: она мне дала двадцать пять рублей, а князь два бархатные кафтана. Я тогда ходил все по-французски и носил все бархатное платье. Теперь она приехала бабушке с мужем. Как же она обрадовалась, увидела ее: ему подарила табакерку, осыпана бриллиантами, в пятнадцать тысяч рублей, и дала ему

наставление, чтоб он любил ее как истинный муж по закону: “И внучка моя, которую я так любила и дяди ее родные также любили ее, как я, и женихи были очень недурные, она всех пренебрегла и вышла за вас, князь. Вы ее должны сохранять, ее жизнь и любовь к вам; она поверила вам свою жизнь”. Он ее поблагодарил: “Я буду, графиня, служить ей всей душой за ее любовь ко мне, как и все мужья”».

«Она, любезная, веселилась только шесть недель: после не стал выпускать никуда, но весьма редко отпускал к бабушке; и к ней никого не принимать (sic) и посадил ее на самой худой диэти (sic). Можно ли вообразить после его слов, которые он говорил графине: решительно можно сказать, что он самый был дурной человек, не князь Тюфякин, а просто тюфяк, самый жесткий и колючий. Когда он узнал, что отец ее ничего приданого не дает и только карету и шесть лошадей, кучер и фереитор, а более ничего, так он более стал злым: думал, что получит две тысячи душ. Со стороны ее отца весьма дурно, что он так ее бросил, а прежде показывал великую любовь к дочери. Но что он сделал! Женился на своей дворечихе, бывшей жене Дигая, когда он умер, и все ей отдал».

«Теперь она осталась бедная великой горести и печали, перестала играть на арфе и петь, также и на кливокортах (клавикордах). Меня часто посылала бабушка узнать, как она поживает и здорова ли; я ее находил в слезах и сильной грусти, но она бабушке ни в чем не жаловалась. Но что он однажды сделал! Пришла к ней старушка мадам Шеверин, Марья Ивановна; любила её очень; она жила у бабушки. Она ее спросила: “Обедала ли, моя любезная, или нет?” Она сказала: “Нет, моя душа”. Она призвала дворецкого и велела что-нибудь дать ей: он пошел в лавочку и принес ей на семь гривен. А когда князь приехал домой и узнал, что дворецкий издержал семь гривен по повелению княгини, так он сбесился: “Я в доме, а не княгиня”: и жестоко его наказал. Он после, этот бедняк, пошел на Ивана Великого и сбросился оттуда и умер. Теперь за ним ездили два лакея, когда он женихом, молодцы; он их обоих сослал на поселение, чтоб они не выдали секрета...»

ДАЛЕЕ карлик рассказывает про 1801 год: «Внучка приехала, Екатерина Оси-повна, прощаться и открыла всю тайну, почему она пошла за князя Тюфякина: “Это, бабушка, всему виновата Вельяминова: я знала, что вы ее очень любили, и никак не ожидала, чтоб она так была фальшива против меня и вас; она меня уверила, что он самый любезный и очень добрый и ничего не желает, и что не будете иметь такого другого жениха, как он. Когда я ездила к ней, вы отпускали иной раз Екатерину Ивановну Рудольф, или Ивана Андреевича, они не виноваты: когда, приеду, меня ее дочери тотчас ведут в гардеробную: он там сидел в женском платье, а их старуха не пускала туда; это всякий раз я его видела, там, а им и знать никак нельзя было; это она делала все секретно, и люди не знали в доме. Я узнала после, что она с него взяла тридцать тысяч рублей за это; могла ли я это когда-нибудь вообразить”. Теперь стала на коленки и стала просить

у бабушки прощение и плакать горько. Так мы все заплакали, кто тут был, она стояла почти полчаса бедная: “Я виновата, бабушка, пред вами всей душою и телом за вашу любовь и воспитание ко мне”... тут она сказала: “Бабушка! Простите только меня, я не долго буду жить, вас более не увижу!” Тут так ее тронуло, она все простила и начала ее целовать, и обе плакали. “Я тебе и прежде говорила, что он худой человек, теперь воротить нельзя. Бог с тобою, душа моя благословила, и будь здорова”. Она простилась со всеми и сказала: “Я вас более не увижу”. Тут мы опять все плакали об ней, она была весьма добрая. Он в этот день присылал раза четыре за ней, она отвечала: “Я хочу пробить у бабушки целый день”, а он сидел напротив в доме Киселева, а прощаться не приехал».

«На другой день они уехали в Петербург: она там недолго жила, у ней сделалась сильная чахотка, была на балу последний раз у дяди родного, князя Платона Александровича Зубова; там ей все говорили: “Побереги себя, милая”, но она отвечала: “Я жить не хочу”, танцевала много и пила все холодное, и мороженое много кушала. На этом балу все прельщались ей: приехала домой, тут сейчас открылась горлом сильная кровь, с неделю помучилась и умерла, но в жару только и говорила: “Пустите бабушку, она верно приехала”, а после стала спрашивать: “Верно Павла прислала, пустите его ко мне!” когда Павел взмог, она спокойно закрыла глаза, и он не мог с ней говорить. Графиня Елизавета Васильевна и приехала бы, если б ей написали заранее, но она не знала, а так послала Павла узнать, здорова ли она, потому, когда она от нас поехала, очень слаба была: тут, когда она узнала, что ее нет на свете, слегла в постель и чуть не умерла, насилу после поправилась, бедная».

Карлик в данном случае немного спутал хронологию. Кн[ягиня] Тюфякина не могла скончаться через неделю после бала у князя Зубова, т[ак] к[ак] последний был 17 июня 1801 года выслан из Петербурга по приказу Павла I, а Екатерина Осиповна скончалась 6 марта 1802 года.

Будущий митрополит Киевский, Евгений Болховитинов [2] писал своему приятелю В. И. Македонцу [3]: «9-го (марта 1802) погребли мы дочь Осипа Ивановича Хорвата, княгиню Тюфякину. Погребение устроили Зубовы, Николай и Валерьян, и горько плакали». Высылкой Платона объясняется его отсутствие на похоронах племянницы. Не следует забывать, что кн[язь] Зубов был, после гр[афа] П. А. Палена [4], главным руководителем заговора, приведшего к царевубийству 11 марта 1801 года. Александр Павлович, в душе ненавидевший убийц отца, по свойственному ему малодушию, в течение первых месяцев не решался что-либо против них предпринять. Однако наглое поведение Палена в отношении вдовствующей Императрицы и самого Государя побудило наконец последнего выслать его навсегда из столицы. Заодно был выслан и Зубов.

Якубовский так рассказывает эпилог печальной истории княгини Тюфякиной: «Когда Екатерина Осиповна открыла всю тайну; так графиня приказала швейцару: “Когда приедет Вельяминова, чтоб ее духу не было на моем дво-

ре!» Она и приехала с дочерьми и выходит из кареты: швейцар останавливает ее и говорит ей: «Графиня не принимает»: она рассердилась: «Как ты смеешь мне сказать, меня графиня всегда принимает без доклада»; хотела его ударить; швейцар поднял палку (то есть булаву) и стал ей говорить: «Вас именно не велено принимать, и чтоб вашего духу не было на дворе, сударыня». Тут она язык закусила и со стыдом поехала назад. Она тотчас догадалась, но не могла знать, кто открыл: слегла тотчас в постелю и была долго больная и умерла. Бог ее наказал за добрые дела: она не могла никуда глаз показать. Мельхиситек!»

Кто была эта Вельяминова, с точностью установить не удалось. Судя по времени ее кончины, можно, высказать предположение, не сводная ли сестра она В. А. Жуковского [5], рожд[енная] Бунина, родившаяся в 1756 году и умершая после 1795 года. Она была за Николаем Ивановичем Вельяминовым, служившим в московской соляной монополии; их дочь была за Свечиным. (см. N. Ikonnikov. La Noblesse de Russie).

«Когда она умерла», продолжает карлик, «князь Тюфякин скоро уехал в Париж, и, где он жил, в этом доме у хозяина дочь была очень хороша; он вздумал ее прельщать, но каким манером! Она жила в другой комнате; от него дверь заперта всегда с ее стороны: у дверей стояли клеветорды (sic), она играла очень хорошо. Он вздумал провертеть дыры в дверях против ее глаз, а сам повесил миниатюрный (sic) жены своей портрет и на коленях стоял перед ее лицом и руки держал вверх, показывая страшную любовь к жене своей. Но ему не удалось обмануть. Это мне сказывал верный человек, который жил с ним вместе: он был при миссии с графом Толстым». (Граф Петр Александрович Толстой был посланником в Париже в 1807–1808 годах).

В должности вице-директора Императорских театров Тюфякин оказался деловым и энергичным администратором и быстро улучшил финансы. 22 июня 1816 он был пожалован в гофмейстеры, а 6 апреля 1819 года назначен директором Императорских Театров. Время его дирекции называли «апогеем всех трупп». 24 октября 1821 Тюфякин, находясь в Париже для подбора французской труппы, был неожиданно уволен, якобы в результате интриги. «Гофмейстер с двумя звездами», пишет его сослуживец Рафаил Михайлович Зотов [6], «был как бы выгнан из службы. Разумеется, он уже не приезжал в Россию, а остался на всю жизнь в Париже. Ближайший его родственник был шталмейстер князь Долгоруков, и ему он передал свое имение за пожизненный доход в 100.000 рублей».

Дом Тюфякина в Москве находился на стрелке четырех улиц: двух частей Мясницкой, Златоустовского переулка и Лубянки и был им продан в 1830 году М. П. Погодину [7] за 30 тысяч рублей. Когда в 1830 году, вследствие июльской революции императором Николаем Павловичем было приказано всем русским выехать из Парижа, посол граф Поццо ди Борго выхлопотал ему позволение оставаться в нем вследствие болезни. Впрочем, говорят, что

он действительно был здоровьем очень плох. Посол пригласил его однажды на обед, и он нашел под салфеткой своего прибора высланное из Петербурга разрешение оставаться бессрочно в Париже. Князь так и вскочил со стула от удивления и радости.

В ПАРИЖЕ он славился гостеприимством как в отношении приезжих русских, так и в отношении парижан. Отзывы о нем разноречивы. Александр Иванович Тургенев в январе 1828 году писал своему брату [8]: «Вчера был на бале у князя Тюфякина, который собрал всех красавиц и *fashionables* [9] Парижа, всю знать и проч[их]. ... Он живет на бульваре, против театра: убрал картинами, книгами и коврами дом свой... словом сибаритствует и дает изредка балы, над коими парижане иногда смеются, но куда все же попасть желают и подличают ему из-за приглашения. Он угощает роскошно, но чаем и конфетами, а не по-русски. Я видел тут двор и город: многих о коих знал только по слуху: были и фельдмаршалы Наполеона и капитаны гвардии короля».

Д. Н. Свербеев [10] пишет, будто Тюфякин был близок с парижский актрисой M-ll Irma, с которой всюду появлялся, вследствие чего стал «предметом постоянных насмешек в мелких парижских журналах, как напр[имер] “*Miroir*” и проч[ие], там окрестили его князем “*tout-faquin*” [11]. Вигель говорит, что он был “скучен, несносен, своенравен и знал только чувственные наслаждения”, а П. П. Каратыгин [12] передает, что в бытность директором театров “обращение князя Тюфякина с артистами доходило иногда до безобразного самоуправства и цинизма”, и указывает на его “монгольские замашки”.

К. Я. Булгаков [13] пишет из Петербурга 8 октября 1820: «В городе поговаривают, что Тюфякин собирается в чужие края года на два повояжировать. О нем, конечно, никто жалеть не будет, ибо все им крайне недовольны, и публика, и актеры, которых он порядочно румянит» (то есть бьет по щекам). Он же пишет 22 октября 1821: «Тюфякин, говорят, беснуется на французские журналы, которые описали его дурное обращение с актерами: *c'est au point que souvent il a ajouté le geste à la parole, même avec les actrices*» [14]. Теперь никого не может завербовать. М[ожет] б[ыть] это и правительство под рукой велело напечатать, чтоб не лишиться хороших актеров.

А 9 декабря 1821 Булгаков, по-видимому, не зная еще о состоявшемся увольнении, пишет: «О Тюфякине поговаривают, что он лишится управления над оным (здешним театром), а что Московский не будет зависеть от Петербургского. Теперь говорят в городе, что его в Париже какой-то актер, которого он ангажировал для здешнего театра, а после контракт уничтожил, поколотил. Трудно сему поверить, но это доказывает, что его здесь не очень жалуют». Однако Зотов утверждает, что Тюфякин «был обходительного нра-

ва и благороднейших правил, часто очень вспыльчив, но отходчив и снисходителен». Но Зотов его креатура.

Тюфякин стал одним из героев посмертного «Романа в Письмах» кн[язя] Павла Петр[овича] Вяземского [15]. Его портрет в 1838 году писал Lipouille (воспр[ои]зведение) вел[икий] кн[язь] Николай Михайлович. Русские портреты, т. III. табл. 27).

Верон [16], французский писатель и содержатель Парижской оперы, посетил Тюфякина за день до его смерти. Князь очень страдал и страшно был ослаблен. Завидя Верона, он с трудом выговорил: «А Плонкет (известная танцовщица) танцует ли сегодня?»

Комментарии

1. Вигель Филипп Филиппович (1786–1856) – один из самых знаменитых русских мемуаристов, знакомый Пушкина, член Арзамасского кружка, автор широко известных и популярных в XIX веке «Записок» (полное издание в семи частях, 1892), которые дают богатейший материал для истории русского быта и нравов первой половины XIX века, характеристики разнообразных деятелей того времени.
2. Митрополит Евгений Евгений Болховитинов (в миру Евфимий Алексеевич Болховитинов; 1767–1837) – епископ Русской православной церкви, митрополит Киевский и Галицкий, церковный историк, археограф и библиограф.
3. Македонец Василий Игнатьевич. Письмо к нему Евгения Волховитинова – см.: Русский Архив. 1870. Столб. 812.
4. Пален Петр Алексеевич, граф (с 1799) (Петер Людвиг фон дер Пален; нем. Peter Ludwig von der Pahlen; 1745–1826) – генерал от кавалерии (1798), один из ближайших приближенных Павла I, возглавивший заговор против него. В 1798–1801 годы петербургский военный губернатор, до этого правитель Рижского наместничества (1792–1795) и первый генерал-губернатор Курляндии (1795).
5. Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – русский поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии, сочинивший множество элегий, посланий, песен, романсов, баллад и эпических произведений. Также известен как переводчик поэзии и прозы, литературный критик, педагог. В 1817–1841 годах учитель русского языка великой княгини, а затем императрицы Александры Федоровны и наставник цесаревича Александра Николаевича. Тайный советник (1841). Автор слов государственного гимна Российской империи «Боже, Царя храни!» (1833). Крещен Василий был в усадебной церкви Покрова Пресвятой Богородицы и записан как «незаконнорожденный сын дворовой вдовы». Восприемником стал обедневший киевский помещик Андрей Григорьевич Жуковский,

- приживал Буниных, он же усыновил Василия, передав ему свою фамилию и отчество.
6. Зотов Рафаил Михайлович (1705–1871) – русский романист, драматург и театральный критик, писатель, переводчик, мемуарист, дед Рафаила Владимировича Зотова. На 27 странице романа Павла Петровича Вяземского «Письма и записки Оммер де Гелль» (М.: Худож. лит., 1990. С. 288. (Забытая книга)), который В. П. Зубов называет «Роман в письмах», упомянут князь Тюфякин: «Мои письма к нему (графу Сальванди) возвращены по его смерти, равно как и письма к князю Тюфякину и ко многим другим. Тщательно пересмотренная и значительно дополненная по случаю возвращенных мне бумаг с 1833 по 1848 год и моими воспоминаниями с 1848 по 1860 г., книга обратилась в записки моей жизни».
 7. Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – русский историк, коллекционер, журналист и публицист, писатель-беллетрист, издатель. Сын крепостного, получившего вольную в 1806 году. Начиная с 1820-х годов отстаивал норманскую теорию. В 1826–1844 годах профессор Московского университета. Почетный член Московского университета (1845). Вместе с Н. Г. Устряловым развивал теорию официальной народности. Придерживался консервативных взглядов. В середине XIX века интерес к славянству и славянской истории, понимание самобытности русской истории сблизили Погодина со славянофилами. В 1841–1856 годах он издавал близкий к славянофилам журнал «Москвитянин». Разрабатывал идеи панславизма.
 8. Вероятно, Николаю Ивановичу Тургеневу. Николай Иванович Тургенев (1789–1871) – русский экономист и публицист, активный участник движения декабристов. Один из крупнейших деятелей русского либерализма. Продолжал деятельность и в эмиграции (с 1826; осужден заочно), и после амнистии при Александре II.
 9. fashionables – модниц (франц.).
 10. Свербеев Дмитрий Николаевич (1799–1874) – русский историк и дипломат, автор мемуаров о пушкинском времени, изданных в Москве в 1899 году.
 11. tout-faquin – мошенник (франц.).
 12. Каратыгин Петр Петрович (1832–1888) – русский писатель. Сын Петра Андреевича Каратыгина – известного артиста и драматурга.
 13. Булгаков Константин Яковлевич (31 декабря 1782 (11 января 1783)–1835) – русский дипломат и администратор, московский и петербургский почт-директор, управляющий почтовым департаментом, тайный советник. Его обширная переписка, изданная в «Русском архиве», по словам Вяземского, – «стенографическая и животрепещущая история текущего дня».
 14. c'est au point que souvent il a ajouté le geste à la parole, même avec les actrices. кстати, он часто добавлял жест этому слову, даже с актрисами.

15. На 27 странице романа Павла Петровича Вяземского «Письма и записки Оммер де Гелль» (М.: Худож. лит., 1990. С. 288. (Забытая книга)), который В.П. Zubov называет «Роман в письмах», упомянут князь Тюфякин: «Мои письма к нему (графу Сальванди) возвращены по его смерти, равно как и письма к князю Тюфякину и ко многим другим. Тщательно пересмотренная и значительно дополненная по случаю возвращенных мне бумаг с 1833 по 1848 год и моими воспоминаниями с 1848 по 1860 г., книга обратилась в записки моей жизни».
16. Луи-Дезире Верон (Louis-Désiré Véron) (1798–1867) – французский театральный деятель и писатель.

Зубов В.П., проф. гр.

ДЕЛО БРАТЬЕВ ГРУЗИНОВЫХ*

Одним из самых мрачных эпизодов царствования Императора Павла Петровича, обстоятельства которого остались не вполне выясненными, представляется процесс братьев Евграфа и Петра Грузиновых, один из многих случаев, когда именем несчастного Государя действуют скрытые силы, подготавливающие преступление 11-го Марта 1801 года.

Четыре брата, донские (в тексте с большой буквы – Донские. – Т. И.) казаки Евграф, Петр, Роман и Афанасий Грузиновы служили во вторую половину царствования Екатерины II-ой в придворных казачьих командах, присоединенных к регулярной армии. Одна из этих команд входила в состав отдельного корпуса, известного под названием Гатчинского гарнизона наследника цесаревича Павла Петровича. В 1793 году команда эта состояла из 50-ти казаков, 7-ми унтер-офицеров, 5-ти обер-офицеров, в их числе Романа Грузинова, и одного штаб-офицера и была вверена Евграфу Грузинову, бывшему (слово дописано ручкой. – Т.И.) тогда в чине подполковника. С 1796 года по смерти императрицы Екатерины эта команда была соединена с таковой же, состоявшей при покойной Государыне а затем, вместе с так наз[ываемой] Чугуевской командой вошла в состав Л[ейб]-Гв[ардии] Гусарского Казачьего полка. В этом полку было два казачьих эскадрона, которыми командовал Евграф Грузинов I-й. В 1798 году из казачьих эскадронов был образован Л[ейб]-Гв[ардии] Казачий полк, в котором Евграф командовал 2-м эскадроном своего имени.

Грузинов был одним из самых доверенных лиц императора Павла, сопровождал его на всех прогулках и даже спал в его кабинете; другими словами был чем-то вроде телохранителя Государя, как известно всегда жившего в страхе покушения на его жизнь. Почести и пожалованья всякого рода, в том числе и земельные, сыпались на него. Он отличался замечательной красотой и исполинской силой, говорят, двумя руками завязывал узлом кочергу.

Неожиданно в начале 1798 года происходят трудно объяснимые события. Сначала, 24 Апреля Петр Грузинов 2-й, неизвестно за какие проступки, ему они не сообщены, исключен из полка и заключен в потешную крепость Бип в Павловском парке. Надо полагать, что вина была не велика, т[ак] к[ак] 29-го Июня он всемилостивейше прощен. Таких случаев в это царствование было множество; и ему можно бы было не придавать значения, если бы, несмотря на прощение, Петр не был отправлен с фельдъегерем на родину в Старо-Черкасск Донской обл[асти]. И если бы с того времени не стало колебаться и положение Евграфа, 1798-й год был вообще годом перелома в характере Госу-

* Дело братьев Грузиновых // Русская мысль. 1957. 26 сент. № 1113. Четверг. С. 4-5.

даря, многие из близких к нему людей впали в немилость, покинула столицу Екатерина Ивановна Нелидова, сошли со сцены братья Куракины, военн[ый] губернатор Петербурга генерал Буксгевден и многие другие, и в то же время стали портиться отношения между Павлом и императрицей Марией Феодоровной. Мы не знаем никаких подробностей о том, что произошло в отношении Евграфа, рассказ, до нас дошедший, стоит в таком противоречии с официальным документом, что трудно придавать ему значение, но все же создается впечатление, что имела место какая-то подпольная интрига. Было высказано предположение, что она исходила от лиц, которые втайне готовили дворцовый переворот и цареубийство, для которых присутствие такого верного и преданного царю человека служило препятствием. Это рассуждение было бы вполне логично, если бы дело шло не о 1798-м годе. В это время заговор против царя еще не намечался и не было на лицо заговорщиков. Приходится до доказательства противного предположить, что тут действовала одна из многих придворных интриг, окружавших Павла Петровича, подобная тем, что (подчеркнутые слова вписаны ручкой. – Т. И.) поссорила его с Екатериной Ивановной Нелидовой и испортила его отношения с императрицей. Впоследствии заговорщики этой предварительной работой, проделанной глупым турком-брадобреем, ставшим графом и рыцарем Мальтийского ордена Иваном Кутайсовым, воспользовались. Точно также опала Грузинова через два года оказалась им на руку, и они постарались сделать ее бесповоротной. Но все это лишь умозаключения.

Грузинов впоследствии произнес имя Ливена как виновника своей немилости, но не сказал которого. Ливенов, сыновей Шарлотты Карлович, будущей графини и светл[ейшей] княгини, воспитательницы августейших детей, было двое: Карл Андреевич, генерал-майор, человек по-видимому довольно тупой, давший Павлу Петровичу некоторые довольно неудачные советы, и любимец Государя Христофор Андреевич, ставший как раз около этого времени генерал-адъютантом, а впоследствии начальником военно-походной канцелярии Е[го] В[еличества], что, по существу, соответствовала функциям военного министра. Репутации интригана у него нет.

Официальный документ – приказ от 17-го Сентября 1798 года, по которому состоящий в свите Е[го]И[мператорского] В[еличества], полковник Грузинов 1-й исключен из службы за ложное рапортование себя больным.

Предание же рассказывает следующее: Евграфа очернили в глазах Государя» приписав ему какие-то недобрые умыслы. В Павле Петровиче легко было возбудить страх и подозрения. Его надоумили дать Грузинову продолжительный отпуск с тем, чтоб он ехал на родину, там-де он кончит тем, что обнаружит свои планы. Император пошел на эту игру и ласково предложил Евграфу поездку. Тот отказывался, говоря, что у него на Дону никого нет, кроме отца, разбитого параличом и потерявшего дар слова. Наконец он сдался на уговоры

царя, который даже дал ему денег на дорогу, и ничего не подозревая, отправился в Черкасск, откуда ему не суждено было вернуться. Помимо противоречия между этим рассказом и приказом от 17 Сентября, такая хит-рость со стороны Павла кажется совершенно неправдоподобной; все, что он делал, он делал импульсивно, и расчет на долгое время вперед был ему чужд, кроме того он подобный прием счел бы ниже своего достоинства, во всей его жизни никакого похожего на это поступка мы не найдем.

Как бы то ни было, Грузинов прибыл на родину и застал там брата Петра, живущим у старика отца, но под надзором полиции, к нему приставлен согладатель, у которого он должен просить разрешения на отлучки. Скоро Евграф почувствовал, что вокруг него атмосфера сгущается. И за ним учрежден особый надзор, люди как бы избегают его, самые близкие, даже брат, чего-то не договаривают; так проходит два года. В 1800 году он решает покинуть Черкасск, но, еще не поспев, арестован. Ему предъявляют фантастические обвинения, будто он хвастался, что поднимет армию в 200 тысяч казаков и о нею завоюет Константинополь, населит его разных вер людьми и учредит там свой сенат и управление, а затем пройдет всю Россию, да не так как Степан Разин или Емельян Пугачев, а так, что и Москва затрясется. Кроме того поносил он Государя бранными словами, отказался от пожалованных ему крестьян, говоря, что они ему не нужны, и прогнал их, когда они пришли к нему из Минской губернии за приказаниями и проч. Евграф подтвердил, что «будучи в горячности, сругал скверно-м..... самого Государя», а его дядя Афанасьев показал, что Евграф сказал про царя, что он «дурак, послушался Ливена». Весьма вероятно, что он болтал про старья казацкия вольности, нарушенные в нынешнее время, что казаки де добровольные подданные, а не исконные. Местные власти, с войсковым атаманом Василием Петровичем Орловым во главе, поддерживали, как могли, обвинение против Грузинова. Донесли в Петербург. Император велел заковать Евграфа в кандалы и нарядить следствие. Была образована комиссия, а руководить ею прислали из столицы генералов Кожина и Репина. С этой минуты дело принимает характер преднамеренного действия с целью во что бы то ни стало погубить Евграфа. Теперь, в 1800 году заговор против Государя созрел, им руководит дьявол во образе человеческого, граф Петр Алексеевич Пален. Доказать ничего нельзя за отсутствием данных, но вся видимость говорит за то, что заговорщики решили воспользоваться работой, произведенной два года тому назад придворными интриганами с совсем иными целями, и окончательно устранить человека, могшего, если б он вернулся в милость, разрушить их планы. Судопроизводство, по крайней мере то, что до нас от него дошло, до того сумбурно, что обо всем можно говорить лишь предположительно, но создается впечатление, что присланные генералы действуют по чьим-то определенным директивам, которые отнюдь не исходили от царя. Они крайне торопят след-

ствие, как будто опасаясь, что из Петербурга придет новый приказ, могущий прекратить дело.

Евграф на допросах ничего не отвечал, кроме того, что «будучи закован в кандалы, ни я, ни брат мой ничего не скажем, да и сказать нечего». Комиссия решила применить священническое увещание, а сама уселась подслушивать за дверьми комнаты, где происходила беседа Евграфа с протоиереем Волоше-невским. Ему Грузинов сказал: «Ты, отец, вотще хлопочешь, я того сказал, что никаких за собой преступных дел не знаю и не грешен преж, а следственно и покаяние мне приносить не о чем. Я помню его /императора Павла/ благо-деяния, и он знает мою службу, а что теперь, так на то его воля... Какая мои вины такая? Вечной присягой я ему не обязан, а только службою временною... Служил я верой и правдой, а заслужил тюрьму да кандалы... Ты, отец, вот что! прекрати ты эту рацею и вели отвести меня. Я больше с тобой трактовать не охотен».

Священник, предполагая, что члены комиссии, сидевшие за дверьми, могли чего-нибудь не дослышать, подал еще «всепочтенно-подченнейшее донесение» (так в тексте. – Т. И.), которое заканчивал: «Ни в очах изверга сего, ни в лице должного по крайней мере зазрения или остыдения не оказывает себе во всей ожесточенности, свойственной одним злобным с гордынею соединенным тварям».

Грузинов был приговорен к наказанию кнутом и конфискации имущества. Черкасский прокурор Миклашевский, считая приговор незаконным, заявил протест, который был послан в Петербург, но не остановил приведения его в исполнение», которое последовало, не дожидаясь высочайшей конфирмации, без которой применение телесного наказания к дворянину было недопустимо.

Казнь состоялась 7 Сент[ября] 1800 года. Так спешили, что пренебрегли тем, что это было днем тезоименитства супруги наследника престола, когда никакие казни не позволялись. Наконец, преступление горше всех, до начала казни в Черкесск пришло высочайшее помилование Грузинова, но генералы его скрыли и объявили лишь, когда все было кончено. На городской площади был возведен высокий эшафот, по четырем углам которого стояли заряженные пушки, дулами обращенные в толпу для острастки, при низе прислуга с зажженными фитилями. Народ насильно сгоняли на площадь, полиция врывалась в дома и понуждала кнутом и батогами.

Грузинов взошел на эшафот на рассвете, его сняли с него в поддень. Там лежали розвальни полозьями кверху. С Евграфа сняли кандалы и привязали его к полозьям. Кат поднял кнут из бычачьих жил и опустил на спину казни-мого. Брызги крови и куски мяса полетели в толпу. Грузинов не издал ни одно-го звука, лишь повторял при каждом ударе: «Господи помилуй!» В толпе были слышны вздохи мужчин и причитания баб. Через некоторое время палач ли-шился чувств, его заменил другой, но и он, выбившись из сил, отошел. Больше

казенного палача не было, стали искать добровольца. Нашелся некто, но взойдя на эшафот, покачнулся и не мог решиться. Из толпы слышались голоса: «Не тронь его, отойди, воля Божья!». Доброволец сошел с помоста. Четвертого не нашлось. Евграфа сняли, вся его спина была рубленным мясом, но он еще жил и попросил свежей воды. Генерал Репин велел ему дать воды со льдом; хоть он и не был медиком, но знал, что делал. Грузинов с жадностью выпил, и то, чего кнут не достиг, быстро совершила ледяная вода. С Евграфом сделалась судорога, и он в несколько мгновений испустил дух.

В один из следующих дней дядя Грузинова, старик Афанасьев, и трое других его родственников были на том же эшафоте обезглавлены за то, что, слышав от Евграфа бранные слова на Государя, не донесли об этом немедленно, а лишь сказали на следствии. Смежников привезли одетых в какие-то колпаки и положили в ряд. Первым был казнен Афанасьев, но палач, размахнувшись топором, ударил мимо и попал по плечу. Старик застонал, и палач поспешил вторым ударом отсечь ему голову.

Когда Павел Петрович получил донесение о казни, он вспылал гневом и указами от 13 Октября приказал отдать обоих генералов под суд. Относительно Репина указ гласит: «Генерал-от-кавалерии Репин исключается из службы с отображением патентов за приведение в исполнение сентенции смертной казни на Дону, вместо заменяющего оную наказания, положенного моею конфирмацией». Атаману Орлову [1] сделан выговор. Бывшему в Ревеле военным губернатором князю Горчакову [2] было приказано немедленно ехать на Дон для производства следствия. Горчаков заехал в Гатчину для получения инструкций, Павел, находившийся по левую сторону дверей, тотчас схватил его за руку и, указывая на образ, сказал: «Вот тебе Матерь Божия свидетельница, я не виноват! – Я не виноват, защити меня!»

Следствие над генералами еще не было закончено, когда сам Государь пал от руки убийц. Дело генералов было прекращено, существовала тенденция считать невиновными всех тех, кого покойный царь отдавал под суд. К тому же оба генерала хорошо послужили заговорщикам, которые в эту минуту на короткое время находились у власти. Конфискованное же у Евграфа имение император Александр велел вернуть его наследникам.

Отдельно от следствия над Евграфом другой комиссией велось в то же время и следствие над Петром Грузиновым. Существо обвинений против него не известно, но, по-видимому, они были иными, чем предъявленные Евграфу. Петр был также приговорен к наказанию кнутом, но в меньшей степени. Казнь состоялась в Черкасске 26 Октября, и он выжил. Неизвестно, от последствий ли казни, или нет, он помер в 1802-м году.

Обоих младших братьев, по-видимому, не беспокоили. Роман вышел в отставку еще 13 Окт[ября] 1799 года с чином майора, а Афанасий был уволен от службы в чине поручика 22 Сент[ября] 1800 года, т.е. две недели после казни

брата, но 29 Марта следующего года, 18 дней после царевубийства, принят обратно и окончательно уволился 7 Окт[ября]1802 штабс-ротмистром.

Прибавлю, что в данное время проживает в Париже правнучка Романа Осиповича Мария Николаевна Башмакова, рожд[енная] Грузинова.

Комментарии

1. Орлов Василий Петрович (1745–1801) – генерал от кавалерии, войсковой атаман Донского казачьего войска, герой Измаильского штурма, предводитель Индийского похода Павла I.
2. Горчаков Василий Николаевич (умер в с. Тунка Иркутской губернии) – князь, годы жизни не установлены, принадлежал к высшему кругу придворной и военной аристократии. При Павле I сделал блестящую карьеру. В 1796–1797 годы находился в Вене в должности комиссара военного ведомства. В 1797 году в чине подполковника и флигель-адъютанта был направлен к французскому принцу Кондэ с приглашением поступить на русскую службу и до 1800 состоял при нем. В 1800 году в чине генерал-майора был назначен военным губернатором Ревеля, затем инспектором кавалерии. В 1803 году был арестован за мошенничество и приговорен к ссылке в Сибирь с лишением всех прав, состояния, чинов и орденов с конфискацией имущества. Причиной было использование поддельного векселя на 60 тыс. рублей, а всего неоплаченные долги его составили огромную сумму – почти 140 тыс. рублей. В Иркутске получил известность тем, что вместе со ссылкой А. П. Шубиным был основателем одного из первых в городе театров.

Проф. гр. В. П. Зубов

СТАРЫЕ ДОМА И ИХ ОБИТАТЕЛИ*

В каждом старом доме содержится – кусок истории; или т[ак] наз[ываемой] «маленькой» истории, или иногда и «большой». Но не всегда удается ее выявить, заставить зазвучать магнетической ленту. В большинстве случаев нам в этом помогают воспоминания современников. Строго говоря, воспоминания самый плохой материал, которым располагает историк, слишком много в них субъективной окраски, недочетов памяти, оплошностей. Всякий юрист знает цену свидетельским показаниям, даже по свежим следам; чего же стоит рассказ о событиях, иногда отстоящих на десятки лет? Пишущий «большую» историю должен подходить к мемуарам с сугубой осторожностью, его материал по преимуществу – документы архивов, и во вторую очередь письма, а воспоминания могут служить ему пособием лишь как дополнение и поскольку они не противоречат первым. Но там, где дело идет о «маленькой» истории, где аромат эпохи важнее, чем точность фактов, мемуары служат желанным источником, сохраняющим нам анекдотическую сторону прошлого.

В старину на Руси бывали чудаки-люди, но бывали и чудаки-дома; таким был дом, построенный в Москве на Тверской одним из петровских вельмож, плохо кончившим свою карьеру, князем Матвеем Петровичем Гагариным [1]. С 1693 по 1695 годы он был воеводой в Нерчинске, с 1707 по 1718 г[оды] – президентом Сибирского приказа, в 1707 году – московским комендантом, с 1711 по 1719 г[оды] – сибирским губернатором, а в 1721 году казнен за злоупотребление властью и упорство в сокрытии пособников, первым из которых был князь Меншиков.

Гагарин был повешен на площади перед сенатом; все его имение было конфисковано. Несколько тысяч крестьян, принадлежавших ему, были отданы Егору Дашкову, производившему над ним следствие.

Гагарин удивлял современников своей пышностью. У него за столом кушанья подавали на 50-ти серебряных блюдах; сам он ел только на золотых тарелках. Колеса его кареты были серебряные, а лошади в серебряных и золотых подковах. Его парадный мундир был залит алмазами, пряжки его башмаков стоили десятки тысяч. Он был видом невзрачен: невысокого роста, черноватый, с быстрыми движениями.

М. И. Пыляев [2] в своих книгах «Старое житъе» и «Старая Москва» приводит, к сожалению, без указания источника, следующее описание Гагаринского дома: «... Стены были зеркальные, а потолки из стекол, на которых плавали в воде живые рыбы. Эти великолепные палаты, на образец венецианских, воз-

* Русская мысль. 1958. 2 окт. № 1272. Четверг..

двигнуты были, вероятно, по проекту какого-нибудь иностранного архитектора. Четырехэтажные комнаты выходили фасадом на Тверскую улицу, образуя портал с двумя павильонами: в уступах между ними, в арках, устроена была открытая терраса с балюстрадой. В бельэтаже у портала и обоих павильонов висели балконы из белого камня, украшенные вычурною резьбою. Наличники и сандрики над окнами состояли из орнаментов, искусно высеченных из камня».

«Над подъездными воротами видно было клеймо, увенчанное княжескою короною и запечатленное следующей надписью: “Боже, во имя Твое спаси”. Из бельэтажа на улицу, по обе стороны ворот, были красивые крыльца с оборотами, с фигурами, балюстрадами и т[ак] д[алее]. На заднем фасаде дома на дворе был длинный балкон с художественными орнаментами. Внутреннее великолепие палат соответствовало и внешнему: разного рода дорогое дерево, мрамор, хрусталь, бронза, серебро и золото, все было употреблено на украшение покоев, зеркальные потолки отражали в себе блеск жирандолей, люстр, канделябр, в висячих больших хрустальных сосудах плавали живые рыбы; разноцветные наборные полы представляли узорчатые ковры».

«Одни оклады образов в его спальне, осыпанные бриллиантами, стоили по оценке тогдашних ювелиров более 130 тыс. рублей. В числе его несметных сокровищ был самый драгоценный из всех донныне известных в целом свете рубин, привезенный ему из Китая. Сын этого князя, путешествовавший за границу, так сорил деньгами, что его иностранцы прозвали набобом».

По поводу этого дома Василий Назарович Каразин (1773–1842), основатель Харьковского университета, писал в 1810 г[оду] доктору О. И. Роману: «Скажу только, что мы часто ходим в наших учреждениях и постановлениях на известного князя Гагарина Петровских времен, который вздумал построить в Москве, на горе, дом на манер венецианской. Вы можете его видеть еще и теперь на Тверской... Вы найдете в нем и крытую галерею, как будто над каналом, и ступеньки для схода к гондолам, и боковой парапет для защиты этих ступенек от высокой воды и, наконец, даже кольца для привязывания гондол, – словом, все на своем месте, кроме самого дома» [3].

В 1793 дом купил граф Александр Николаевич Zubov [4], отец Екатерининского фаворита. Zubовский карлик Иван Андреевич Якубовский, о котором я уже упоминал на этих страницах, тоже описал его: «Дом этот был чудесный, он (Гагарин) его строил на манер венецианский: на улицу были чугунные уступы и висели концы для прицепки кораблей, а наверху были пруды в стеклянных фонарях и проведена была вода в его спальню, она ходила взад и вперед. В нем стены толстые, железа тьма, полосы самые толстые во всех углах торчат: лестниц потаенных много: что он по ним таскал? Дворы

была устланы чугуном, а под землю были кузницы, что он там ковал, неизвестно. Граф за него заплатил семьдесят пять тысяч рублей ассигнациями...». Когда дом исчез, неизвестно [5].

Разумеется, в таком доме не могло обойтись без привидений. Якубовский рассказывает: «Когда мы начали жить к нем, тогда видели два привидения: первое, жила у графини одна старушка, майорша Екатерина Ивановна Удольша, богомольная, читала все Библию... Двери были заперты, вдруг отворились, и собака к ней прибежала и начала ласкаться около нее: она не знала, что подумать, встала и выгнала ее в другие комнаты, заперла, опять двери и легла, но в другой раз двери отворились, та же собака прибежала к ней, она оробела, испугалась, однако ж встала, опять хотела прогнать до передней, но собака подскочила под канапе и пропала. Вы не можете вообразить, что тут могло быть: открывают пол под этой канапе, находят большую лестницу из белого камня в самый последний погреб, по которой можно ходить четверем человекам рядом, но она не была видна ни с какого боку; так все подумали: это явление, что там лежит клад. Нам говорил один старик, ему было больше осьмидесяти лет, он говорил, что жил при нем, что эта лестница шла в поземной ход (sic), но он крепко завален, а там много было завалено добра. Покойная графиня эту лестницу выломала и на дне, на самой земле, нашли трубу, вся закопчена; так люди просили ее, чтоб позволила ее разобрать и влезть туда, но она не позволила, а сказала: “Его братья давно все выбрали”. А если она не знала? А другое явление было сыну его (Зубова) Валериану Александровичу. Он ехал командовать в Персию и заехал в Москву и ночевал у матери в доме; ложится спать на кровати, где мать спала, также двери были заперты. Вдруг отворилась, и прекрасная дама входит, и прямо идет к графу; он очень обрадовался и спрашивает: “Что вам угодно и кто вы такие?” Она ничего не говорит. “Сходит, что вы немые?”, спросил ее граф. Так встал с постели, вложил ногу свою в костыль (нога Валерьяна была оторвана под Варшавой) и пошел к ней; она от него уходит, а он за ней. Дошли до последней комнаты, она исчезает в его глазах. Он не знал тоже, что подумать, а был очень молод. Когда возвратился из Персии, сам мне рассказал».

II.

Другой дом в Москве отличался не чудачеством, а красотой своей архитектуры, зато обитатели его были не без причуд. Всем жителям Москвы, вероятно, памятно здание Пашковского дома на Моховой улице, одного из самых замечательных произведений архитектора В. И. Баженова, построенного в 1784–1786 годах [6]. В нем позже помещался Румянцевский музей. Дом завершается круглым бельведером, не совсем сохранившим, к сожалению, свои первоначальные формы. После пожара 1812 г[ода], в котором здание сильно пострадало, облик бельведера был несколько искажен.

Баженов задумал свой дворец наподобие усадебного дома, внутри обширного сада, по склону холма; спускающегося к улице, от которой он отделен низкой решеткой из кованого железа. Своим передним фасадом дом смотрит на Кремль, с противоположной стороны – парадный двор, встречающийся в большинстве пышных помещичьих жилищ, напр., в подмосковных: Архангельском, Останкине и др. Со стороны Моховой здание представляется в виде центрального трехэтажной ризалита, украшенного во втором и третьем этажах колоннадой из четырех коринфских колонн и коринфскими же пилястрами; над карнизом бежит ажурная галерейка с вазами, а за ней возвышается бельведер. Этот средний корпус соединен двумя одноэтажными крылами с боковыми двухэтажными корпусами, украшенными колоннами композитного ордера.

Дом был построен для Александра Ильича Пашкова, женатого на Дарии Ивановне Мясниковой, известной в свое время богачке. Кн[язь] П. А. Вяземский, восторгаясь красотой и величавостью архитектуры, пишет: «А в саду фонтаны, пруды, лебеди, павлины и птицы заморские; по праздникам играл в саду домашний оркестр. Как, бывало, не идешь мимо дома, так и прильнешь в железной решетке, глазеешь и любишься; и всегда решетка унижена простым народом».

Из семьи Пашковых несколько скандальную известность приобрел внук Александра Ильича, Андрей Иванович (21.III.1793–5.II.1850), ген[ерал]-майор и с 1826 г[ода] егермейстер Выс[очайшего] Двора. Первым браком он был женат на гр[афине] Екатерине Дмитриевне Зубовой, вторым на гр[афине] Аделаиде Гавриловне де-Моден, дочери французского эмигранта, и Елис[аветы] Ник[олаевны] Салтыковой. Андрей Иванович участвовал в Отечественной войне, находился в 14-ти сражениях, был контужен при Бородине, очень быстро проходил военную карьеру и в 1826 г[оду] вышел в отставку. Будучи нрава очень неуживчивого, он после назначения егермейстером вскоре не поладил с обер-егермейстером Нарышкиным [7], на которого подал донос, не оправдавшийся при следствии и принудивший Пашкова выйти в отставку.

Владея нераздельно с братьями и матерью отцовским состоянием, он при дележе наследства затеял с ними процесс, в котором обе стороны вели себя одинаково запальчиво. Мать с двумя сыновьями принесла Императору Николаю Павловичу жалобу на своего сына. Андрея; тем не менее, наследство все-таки не было поделено, а после смерти матери вражда между братьями достигла крайних пределов. В 1840 г[оду] дело дошло вторично до Гос[ударственного] Совета, который, видя, что помирить братьев нет никакой возможности, решил прибегнуть к крутым мерам, обратив дело к разбору с нижней инстанции и взяв спорное имение в опеку с устранением всех трех братьев от управ-

ления. Сверх того, Андрей Иванович имел многочисленные другие процессы, которые проигрывал, несмотря на личные связи и родство жены.

Кроме этой печальной известности, слишком, по словам почитателей его, преувеличенной многочисленными врагами, Пашков приобрел себе славу как магнетизер, очень удачно лечивший больных. Увлечшись в 40-х годах явлениями магнетизма, к которому в то время у нас стал распространяться интерес, Пашков с 1843 г[ода] начал им заниматься и исцелил многих больных. В их числе была, между прочими, престарелая Екатерина. Алексеевна Висковатая, рожд[енная] Корсакова, которая после 12-го сеанса стала ходить и, несмотря на преклонный возраст, совершенно выздоровела и даже пережила самого Пашкова. В 1843-м же году он исцелил нервнобольную девицу Чекину; журнал ее лечения хранился в семье Пашковых, а отец ее напечатал в «Русском Инвалиде» письмо об исцелении дочери. В том же году Андрей Иванович вылечил армянского патриарха Нерсеса, которого разбил паралич. При помощи советов и предписаний вылеченной им Висковатовой, которая, по-видимому, со своей стороны занялась магнетизмом, он в течение 6 недель восстановил силы патриарха до такой степени, что к нему возвратилось употребление разбитой параличом стороны. После этих трех случаев Пашков приобрел большую практику, которую не оставлял до смерти. Законов против нелегальной медицинской практики еще не существовало.

III.

«Строгий, стройный вид» Петербурга не допускал ни венецианских затей Гагарина, ни усадебной планировки Пашковского дома; что было возможно в Москве, было немыслимо на берегах Невы. Недаром Николай Павлович во всех повергавшихся на его апробацию архитектурных начинаниях строго следил за сохранением «единообразия». Лишь после его кончины стал распространяться в столице строительный беспорядок. Имена Фельтена, Вален-Деламота, Кокоринова, Старова, Кваренги, Камерона, Воронихина, Захарова, Тома-де-Томона, Росси и др[угих] знаменуют собой рост волшебного города, воспетого Пушкиным.

Среди этой плеяды строителей француз Тома-де-Томон (1760–1813), творец Биржи и памятника «Супругу – Благодетелю» в Павловском парке, один из самых восхитительных певучестью, если можно так выразиться, своих форм. Из частных заказов, им выполненных, следует отметить дом, построенный для графа и графини Лаваль на Английской набережной [8], непосредственно прилегающий к зданию Сената. Прекраснейших пропорций фасад, украшенный колоннадой, внутри – парадная лестница и отделка комнат могут считаться одной из архитектурных жемчужин столицы.

Но кто были заказчики, кто дал мастеру возможность постройки, и кто жил в этом доме? Их история заслуживает интереса. Молодая Александра Григорьевна Козицкая, наследница богатых купцов Мясниковых и Твердышевых, вероятно родня только что упомянутой Дарьи Ивановны Пашковой, влюбилась в сына французского виноторговца, эмигранта Лавалья. Этот сын, Жан-Франсуа (Иван Степанович) попал в Россию учителем в Морской корпус. Козицкая-мать, другая дочь которой была за русским посланником в Турине, кн[язем] Белосельским-Белозерским, не хотела и слышать о браке второй дочери с бедным учителем, но Александра Григорьевна опустила просьбу в просьбоприемный ящик Императора Павла I, который затребовал от матери объяснения. Последняя написала: «Во-первых, Лаваль не нашей веры; во-вторых, никто не знает, откуда он; в-третьих, чин у него не больно велик». На это последовала высочайшая резолюция: «Во-первых, он христианин; во-вторых, я его знаю; в-третьих, для Козицкой у него чин достаточен, и потому обвенчать».

Приказ был выполнен немедленно, несмотря на канун постного дня. Лаваль сделал быструю карьеру: 26 февраля 1800 г[ода] назначен камергером вел[икой] кн[язини] Елены Павловны, 10 октября переведен к Высоч[айшему] Двору, получил орден Св[ятого] Александра Невского и чин действ[ительного] тайн[ого] советника. Во время пребывания Людовика XVIII в Митаве Лаваль ссудил его деньгами, за что получил графский титул. В министерстве иностр[анных] дел он в течение 30-ти лет управлял на правах директора департамента 3-й экспедицией особой канцелярии, состоявшей в ведении самого канцлера и был редактором «Journal de St. Pétersburg», а также членом главного управления училищ. В деле гонения просвещения он был деятельным союзником Магницкого и Рунича.

В доме Лавалей давались пышные приемы с присутствием высочайших особ, но их салон служил также местом встречи петербургских литераторов; завсегдатаями были Пушкин, Крылов, Жуковский, Гнедич, Козлов, Лермонтов. Тут 16 мая 1828 года Пушкин читал «Бориса Годунова». Среди слушателей были Мицкевич и Грибоедов. Тут Лермонтов вызвал на дуэль де-Баранта. В 30-х годах дом Лавалей служил местом собраний «Музыкальной Академии», в 40-х годах на вечерах выступали Виардо, Рубини, Тамбурины. Летом собрания переносились на дачу Лавалей на Аптекарском острове, тоже выстроенную Тома-де-Томоном. Лавали собрали ценную художественную коллекцию, в которой находились картины Teniers'sa, Guercino, Claude Lorrain, Albani, Guido Reni, Fra Bartolommeo, а также античные скульптуры и старинное оружие.

Одна из дочерей Лавалей, Екатерина Ивановна, была за кн[язем] С. П. Трубецким, одним из видных участников декабрьского восстания. Трубецкие жили в доме родителей, и здесь происходили собрания «Тайного Общества». 14 декабря дом, находившийся рядом с Сенатской площадью, оказался в цен-

тре событий и служил убежищем для участников. Он был оцеплен и обыскан, но Трубецкого не нашли: он скрылся у австрийского посла Лебцельтерна, женатого на его свояченице, а оттуда был доставлен в Зимний Дворец. Екатерина Ивановна последовала за мужем в долготлетнюю ссылку в Сибирь.

После смерти Лавалей дом и дача перешли к их дочери графине Борх, затем домом владел известный железнодорожный деятель С. С. Поляков, а в начале XX столетия он был куплен для расширения помещений Сената.

Комментарии

1. Князь Матвей Петрович Гагарин (умер 16 марта 1721 года) – известный государственный деятель петровского времени. С 1691 года был товарищем воеводы в Иркутске, в 1693–1695 годы воевода в Нерчинске. Был замешан в махинациях в торговле с Китаем, по его делу начиналось следствие. С 1701 года руководил строительством шлюзов и каналов, в 1707-м – соединением Волги с Доном. В 1706 году возглавил Сибирский приказ в звании «генерального президента и сибирского провинциального судьи». С мая 1707 года – московский комендант. В ведение Гагарина была тогда отдана Оружейная палата. После учреждения губерний был назначен в 1708 году сибирским губернатором (к службе приступил в 1711 году). В Сибири, используя заниженные сведения о доходах (особенно в торговле с Китаем), составил на злоупотреблениях большое состояние. В 1717 году начато дело о его казнокрадстве и превышении власти. В 1718-м был членом Верховного Суда по делу царевича Алексея Петровича. В январе 1719 года арестован, в феврале 1721 года имущества конфискованы, он подвергнут пыткам, 14 марта был приговорен Сенатом к смертной казни, и 16 марта повешен в Петербурге.
2. Пыляев Михаил Иванович (1842–1899) – русский писатель и журналист, собиравший занимательные истории и анекдоты о петербургской жизни XVIII – первой половины XIX веков.
3. По поводу этого дома Василий Назарович Каразин (1773–1842), основатель Харьковского университета, писал в 1810 г. доктору О. И. Роману. – См.: Русская Старина. 1875. Т. 12. С. 756. (Пер. с фр.). См. также: Мартынов А. Московские улицы // Русский архив. 1878. Т.1. С. 287. В последней статье дата приобретения дома Зубовыми и имя владельца отличаются, ср.: «В 1805 г. <дом> статс-дамы графини Елизаветы Васильевны Зубовой (матери Екатерининского любимца)».
4. Зубов Александр Николаевич, граф (с 1793 года) (1727–1795) – тайный советник, сенатор, родоначальник всех графов Зубовых, прапрадед В. П. Зубова.

5. В книге П. В. Сытина «Из истории московских улиц» (М., 1952), гибель дома «князя Гагарина», который замыкал Тверской «бульвар у Никитских ворот» датировалась октябрём 1917 года: «Крупные отряды юнкеров засели в ... доме №6 Ярославской мануфактуры и в доме князя Гагарина... артиллерийский огонь красногвардейцев... зажег два последних дома, и они сгорели...» (с. 208). Возможно, речь шла о перестроенном уже доме.
6. ...здание Пашковского дома на Моховой улице, одного из самых замечательных произведений архитектора В. И. Баженова, построенного в 1784–1786 годах... В последние годы этот дом приобрел всемирную известность благодаря роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как «одно из самых красивых зданий в Москве», с террасы которого Воланд со свитой прощался с советской столицей. «Дом на углу Моховой и Знаменки... теперь – одно из зданий Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина». (Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. М., 1990. С. 663). Сейчас – одно из зданий Российской Государственной Библиотеки.
7. ...с обер-егермейстером Нарышкиным... Нарышкин Дмитрий Львович (1758–1838) – сын обер-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина от брака с Марией Осиповной Закревской, камергер, гофмейстер, а с 1804 года обер-егермейстер.
8. ...дом, построенный для графа и графини Лаваль на Английской набережной... Дом № 4 сейчас называют «самым знаменитым» на Английской набережной. Подробнее о нем см.: Соловьева Т. А. К причалам Английской набережной. СПб., 1998. С. 264–274. (Глава «Дом Лавалей»).

Проф[ессор] гр[аф] В. П. Зубов

ЧУРБАН-ПАША*

ГРАФ Арсений Андреевич Закревский (13 сент[ября] 1783 – 11 янв[аря] 1865) происходил из мелкопоместных дворян тверской губ[ернии]. 19 сент[ября] 1802 выпущен из отделения Гродненского Кадетского корпуса в Архангелогородский пех[отный] полк прапорщиком. Сближение с командиром полка, молодым графом Н. М. Каменским [1] положило начало его карьере. Он с отличием участвовал в кампаниях против Наполеона и за Аустерлиц награжден орд[еном] Св[ятой] Анны 3-й ст[епени]. В качестве адъютанта Каменского он в 1808 г[оду] участвовал в боевых действиях в Финляндии, а в 1810 г[оду] в Молдавии, где был контужен и заслужил орден Св[ятого] Георгия 4-й ст[епени].

После внезапной смерти Каменского в 1811 г[оду], при которой он присутствовал, он привез Государю бумаги покойного и таким образом стал известен императору Александру, который назначил его адъютантом к Барклаю де Толли [2]. За Бородино он был награжден орденом Св[ятого] Георгия 3-й ст[епени], а в декабре 1812 г[ода] назначен флигель-адъютантом Е[го] В[еличества]. Он участвовал в сражениях под Лейпцигом, Дрезденом и др[угих]. За Кульм произведен в генерал-майоры, а при вступлении в Париж награжден Анненской лентой. В 1815 г[оду] назначен дежурным генералом при штабе Е[го] В[еличества] и сблизился с начальником штаба кн[язем] Петром Михайловичем Волконским [3], а через него с Государем, которого сопровождал во время заграничных путешествий.

С Волконским у него оказался общий враг – Аракчеев, которому удалось отдалить их от Императора. В 1823 г[оду] Закревский назначен Финляндским генерал-губернатором. При вступлении на престол Николая Павловича он награжден орденом Св[ятого]. Александра Невского и назначен членом Верховного Суда по делу декабристов, в котором, впрочем, не присутствовал. В апреле 1828 назначен министром внутренних дел с сохранением прочих должностей, а в 1829 г[оду] за отличие произведен в генералы-от-инфантерии. В министерстве он ввел строжайшую дисциплину и формализм и хотел «держатъ ведомство в ежовых рукавицах». В августе 1830 г[ода] он возведен в графское Велико-го Княжества Финляндского достоинство.

Холерная эпидемия 1830–1831 г[одов] надолго прервала его служебную деятельность. Он пытался совладать с ней путем карантинных и других стеснительных мер, вызывавших недовольство населения, вредивших торговле и не приводивших ни к какому положительному результату. Когда эпидемия,

* Русская мысль. 1958. 13 нояб. № 1290. Четверг.

шедшая с востока, достигла столицы и вызвала холерный бунт, остановленный лишь присутствием духа Государя, Закревский в ноябре 1831 г[ода] подал в отставку. Он находился не у дел до 1848 г[ода], когда был назначен Московским военным генерал-губернатором. В этой должности, как и в бытность министром, он проявлял чрезвычайный деспотизм, считая, что «законы писаны не для него, и что ему все дозволено». Остряки говорили [4], что святая Москва произведена в великомученицы. Закревскому дали прозвище – Чурбан-паша. Доверие к нему Николая Павловича было таково, что у него на руках были бланки за подписью Государя, куда он мог вписывать, что хотел.

Однако, наряду с деспотизмом он проявлял заботы *patris familias* угодя всю Москву, вмешивался в частную жизнь отдельных лиц и этим, хотя и незаконным вмешательством, по-видимому, иногда улаживал домашним порядком щекотливые дела. Он был глубоко убежден, что только одним руководством всего и всех можно достигнуть общего благосостояния. Он был доступен всем и каждому. В Москве пользовались угрозой: «Я пойду в генерал-губернатору!» Это прибавляло ему работы, но он был неутомимым тружеником и обожал бумаги. Служащие при нем говорили: «Наш старик так привык к своим бумажкам, что ими только и живет». По-видимому, подчиненные его любили за патернализм, несмотря на строгость и требовательность. Провинившихся чиновников он сажал под арест, иногда многодневный, при канцелярии. Чтобы быть уверенным, что они не удерут, с них снимали сапоги.

ВО ВРЕМЯ долгого перерыва служебной деятельности он в начале 30-х годов [5] купил в Петербурге у статс[кого] сов[етника] Мих[аила] Петр[овича] Путятина [6] дом по Исаакиевской пл[ощади] № 5, против самых западных дверей тогда еще строившегося нового Исаакиевского собора. Дом этот он в 1845 г[оду] перестроил по проекту известного архитектора Ю. А. Боссе [7]. Здесь царила его супруга, «Клеопатра Невы», Аграфена (Агриппина) Феодоровна, рожд[енная] графиня Толстая (1800 – Флоренция, 1879), единственная дочь гр[афа] Федора Андреевича Толстого, воспитанная Баратынским, увлеченным смуглой красавицей, «то плакавшей как Магдалина, то хохотавшей как русалка» [8], «Медная Венера», как окрестил ее Вяземский в письме к Пушкину, «беззаконная комета в кругу расчисленном светил», как назвал ее Пушкин [9], тоже ею увлекавшийся, но не пользовавшийся успехом, как Баратынский, и ставший против воли поверенным ее сердечных тайн.

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик;
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала Ты!
(Наперсник. 1828)

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены Севера, меж, нами
Она является порой,
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.
(Портрет. 1828)

В голубом тюрбане и изумительных жемчугах Закревская принимала гостей рядом с мужем в мундире, покрытом орденами. «Лицо гладко выбрито, нижняя губа выступает. Единственную прядь волос, начинавшихся у подзатыльника, искусный камердинер нагретыми щипцами загибал вверх на маковку головы, где, завитая кольцом, она должна была держаться на совсем обнаженном черепе». Молодой итальянец, граф Pallavicini поражался богатством стола Закревских, где было все, «что весна, лето и осень приносят у нас редкого». Женившись на Агриппине Феодоровне, голоштанник Закревский стал богатейшим человеком, однако, безумные траты жены и дочери, которую он обожал, несмотря на то что прекрасно знал, что не он ее отец, расшатали его состояние. Впрочем, взятки пополняли карманы: брали и он, и жена, и дочь, Лидия Арсеньевна, вышедшая впоследствии за графа Дмитрия Карловича Нессельроде, сына канцлера [10].

3.

ПО ПЕРЕЕЗДЕ в Москву Закревский продал свой дом на Исаакиевской площади за 70.000 рублей откупщику Кокореву [11]. После Кокорева домом владел купец С. Голенищев [12], отец египтолога и хранителя Императорского Эрмитажа Владимира Семеновича [13], в этом доме родившегося, а в 1869 г[оду] дом был куплен графом Платоном Александровичем Зубовым, и в нем родился пишущий эти строки и основал там же в 1912 г[оду] Институт Истории Искусств.

После кончины Николая I наступила перемена. Всюду говорили о реформах, и реформы стали проводиться в жизнь. С этим Закревский не мог согласиться. Когда появились слухи о намерении правительства освободить крестьян, он не хотел верить и запрещал даже говорить об этом, утверждая, что в Петербурге «одумаются и все останется по-старому». Закревский постепенно терял свое значение.

В 1859 г[оду] он окончательно сломал себе шею и был уволен за из ряду вон выходящий поступок и превышение власти. Его дочь, графиня Нессельроде, жившая отдельно от мужа при отце, влюбилась в князя Д. В. Друцкого-Соколинского [14], служившего при генерал-губернаторе, и хотела выйти за него замуж. Были начаты переговоры о разводе с графом Нессельроде, сначала через ген[ерала] Бутурлина, затем через друга молодости Закревского, некогда всесильного при Николае I начальника 3-го отделения собств. Е[го] В[еличества] Канцелярии, а в то время председателя Гос[ударственного] Совета кн[язя] Алексея Федоровича Орлова [15]. Переговоры были безуспешны. Явилась мысль просить Государя через Орлова, но Император Александр II признал свое вмешательство в бракоразводное дело невозможным, так как оно зависело от духовной власти.

Кстати, стоит отметить, какие предосторожности соблюдали в обычной переписке между собой эти высокопоставленные лица. Письма адресовались третьему лицу, которое их передавало устно, и таким же путем шел ответ.

В это время доверие Закревского приобрел некий стряпчий уголовных дел Михаил Федорович Троицкий [16], по-тогдашнему сведущий в законах. Узнав о переговорах, Троицкий заявил, что развод самое пустое дело, которое он может легко устроить. Закревский его выслушал и был убежден его доводами.

Идея Троицкого состояла в следующем: без соглашения развод невозможен, но брак вполне возможен и без развода. Такой брак, конечно, будет преступлением, но всякое преступление может быть прощено высочайшей властью и не преследуемо. Таинство же брака, покуда оно не уничтожено духовной властью, остается таинством. Он де, Троицкий, знает много таких браков, благополучно существующих. Закревский ухватился за эту мысль в желании устроить судьбу любимой дочери, фактически разведенной, но юридически зависевшей от мужа.

Однако, из осторожности, он прежде решил запросить Орлова, к которому и послал того же Троицкого. Орлов одобрил план, исполнение которого было поручено стряпчему. Решение было принято осенью 1858 года, а венчание состоялось 6 февраля 1859 г[ода] в сельской церкви Рязанской губ[ернии]. Дабы избежать огласки, Друцкой еще в конце предыдущего года вышел в отставку и не показывался и Москве. После венчания он оставил «жену» у своих родителей в деревне Смоленской губернии и провел масленицу один в Москве, появляясь на всех вечерах и балах. Затем новобрачные уехали за границу, при-

чем Закревский выдал им паспорта на имя князя и княгини Друцких-Соколинских, что было с его стороны несомненным превышением власти и соучастием в преступлении. Лишь в апреле было сообщено о пребывании Друцких за границей III отделению Собств[енной] Е[го] В[еличества] Канцелярии и последовал запрос управлявшего ею кн[язя] Василия Андреевича Долгорукого [17].

Когда дело стало известным, Св[ятейший] Синод признал брак недействительным, а Орлов спрятался в кусты, утверждая, что он только высказал свое личное одобрение, предполагая, что браку будет предшествовать так или иначе что-то вроде развода. Между тем Закревский был убежден, что Орлов лишь из осторожности не все высказал посланному, и что его одобрение значило, что намерение Закревского было известно самому Государю. В этом убеждало его будто бы повторенное Орловым указание, что в этом деле следует прежде всего избежать огласки.

Чета, переехав границу, прожила недолго в Брюсселе, затем устроилась вблизи Брайтона в Англии и под конец купила имение Гальчето в Тоскане. Путь в Россию им был закрыт. Много позже, уже после кончины Закревского, они получили высочайшее помилование.

ЗАКРЕВСКИЙ, уверенный, что он всю свою жизнь строго соблюдал законность, видел в своем поступке результат недоразумения. Законность он понимал не как повиновение закону, а как точное согласование своих действий с волей источника закона, т[о] е[сть] царя. В данном же случае он предполагал согласие Государя. Надо отдать ему справедливость, он признавал свое падение заслуженным наказанием и всю вину принимал на себя.

Друцкой-Соколинский в своих воспоминаниях о тесте старается выставить его в лучшем свете, чем другие современники. По его словам, Закревский был врагом крепостного права, преследовал взяточничество и был типом либерала первых лет Александра I, чем будто бы объясняется его враждебность к Аракчееву. Слишком много иных свидетельств опровергают этот лестный портрет.

Во всяком случае, он был не глуп, хотя и совершенно не образован, ни на одном иностранном языке не говорил, да и по-русски писал, как гимназист 2-го класса.

После падения Севастополя, страшно его поразившего, у него во взглядах на внешнюю политику развилась мономания – страх перед Наполеоном III и ожидание с его стороны всяких бедствий для России. Он уже видел французских префектов, управляющих нашими губерниями.

Закревскому перевалило за 80 лет, но ум еще был свеж. Летом 1864 г[ода] он поехал на воды в Теплиц, а оттуда через Париж к дочери во Флоренцию. Там

на приемах старик своими живыми беседами забавлял дам, несмотря на то что вел их через переводчика. 11 января 1865 г[ода], стоя в разговоре перед сидевшей дочерью, он внезапно упал мертвым головой на ее колени.

Комментарии

1. Каменский Николай Михайлович, граф (1776–1811) – генерал от инфантерии, сын генерал-фельдмаршала Михаила Федотовича Каменского. Отличился во время Швейцарского похода А. В. Суворова. Участвовал в сражениях при Аустерлице, у Бергфилда, при Прейсши-Эйлау. Успешно сражался во время русско-шведской и русско-турецкой войны (в 1810 нанес тяжелое поражение армии Осман-паши при Батине).
2. Барклай-де-Толли Михаил Богданович, князь (с 1815) (при рождении Михаэль Андреас Барклай де Толли, нем. Michael Andreas Barclay de Tolly, 1781–1818) – российский полководец, военный министр (январь 1810–август 1812), генерал-фельдмаршал (с 1814). Второй (после М. И. Кутузова) полный кавалер ордена Святого Георгия. С весны 1812 года – командующий 1-й Западной армией. Фактически исполнял обязанности Главнокомандующего Русской армией в начале Отечественной войны 1812 года, от отъезда из армии Александра I до назначения М. И. Кутузова. В заграничном походе русской армии 1813–1814 годов командовал объединенной русско-прусской армией в составе сил союзников под общим командованием князя Шварценберга.
3. Волконский Петр Михайлович, князь (1776–1852) – генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, член Государственного Совета, светлейший князь (с 1834). Участвовал в подготовке дворцового переворота 1811 года. Один из организаторов службы Генерального штаба. Участник войны 1812 года. С декабря 1812 года начальник Главного штаба действующей армии. В 1815–1823 годы начальник Главного штаба Его Императорского Величества, фактически возглавлял управление русской армией.
4. Остряки говорили... – слова приписывали А. С. Меншикову. Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869) – князь, адмирал, чрезвычайный посол в Турции (1853), Главнокомандующий действующей армией в Крыму (1854), военный губернатор Кронштадта (1855–1856).
5. Дом был куплен в июле 1833 года за 130 000 рублей формально у статской советницы Маргариты Путятиной (жены брата Михаила Петровича Путятина), урожденной Реметевой, то есть незаконной дочери графа Шереметева.
6. Михаил Петрович Путятин (1781–1845) – капитан Преображенского полка (1800-е гг.), затем служил у Закревского чиновником по особым поручениям Министерства Внутренних дел.

7. Боссе Юлий Андреевич (Гарольд-Юлий Эрнестович) (1812–1894) – архитектор и художник. Академик (с 1839) и профессор (с 1854) архитектуры. С 1858 года архитектор Императорского двора.
8. Неточная цитата из стихотворения Боратынского «Как много ты в немного дней...» (1825).
9. Кроме приведенных двух стихотворений Закревская считается прототипом героини прозаического наброска Пушкина «Гости съезжались на дачу», она также появляется в романе «Евгений Онегин» рядом с героиней Татьяной Лариной в образе «блестящей Нины Воронской, сей Клеопатрою Невы», «мраморной», «ослепительной» красоты. Закревская была также прототипом героини первой версии поэмы «Полтава» под именем «Наталья». – См.: Исмагулова Т. Д. История портрета «Медной Вены» // Временник пушкинской комиссии. Вып. 28. СПб.: Наука, 2002. С. 224–234.
10. Дмитрий Карлович Нессельроде (1816–1891), сын канцлера Карла Васильевича (Карла Роберта) Нессельроде и Марии Дмитриевны, урожденной Гуревой.
11. Кокорев Василий Александрович (1818–1889) – известный винный откупщик, предприниматель, коммерции советник (1851). С его именем связана первая успешная попытка превратить частную коллекцию в публичную картинную галерею. Здание галереи в Москве, в 1862–1870 годах открытой для посещения, строил архитектор И. А. Черник, создавший для владельца дворца на Исаакиевской 5 С. В. Голенищева «каменную кладовую со стеклянной галереей». Разработал проект освобождения крепостных. Во мнении представителей властей слыл «западником, демократом, возмутителем, желающим беспорядков». Владел домом на Исаакиевской 5 с 1851 до 1855 года.
12. Голенищев Семен Васильевич (1821–1867) – царскосельский купец 1-й гильдии, предприниматель. Друг В. А. Кокорева. Владелец пивоваренного завода «на Васильевском острове» и двух бумагопрядилен.
13. Египтолога и хранителя Имп. Эрмитажа Владимира Семеновича... Голенищев Владимир Семенович (1856–1947) рус. востоковед-египтолог, ассириолог и семитолог. Открыл, впервые перевел, прокомментировал и опубликовал папирусы Эрмитажа, имеющие большое значение для изучения древнеегипетской литературы. По своей инициативе и на личные средства производил археологические исследования в Египте, собрал громадную коллекцию древностей (свыше 6 тысяч предметов). Эта коллекция хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве (с 1909). В 1915-м переехал в Египет, где создал и возглавил кафедру египтологии Каирского ун-та.
14. Князя Д. В. Друцкого-Соколинского... – См.: Друцкой-Соколинский Д. В., князь. Из моих воспоминаний о гр[афе] Арс[ении] Андр[еевиче] Закревском // Русский Архив. 1901. № 1. С. 661–689.

15. Некогда всесильного при Николае I начальника 3-го отделения собств. Е. В. Канцелярии, а в то время председателя Гос. Совета кн. Алексея Федоровича Орлова... Алексей Федорович Орлов (1786–1861) – князь, генерал-адъютант, начальник III Отделения (1844–1856), председатель Государственного Совета и Комитета министров с 1856 г., председатель Негласного комитета по крестьянскому делу.
16. стряпчий уголовных дел Михаил Федорович Троицкий... Троицкий Михаил Федорович 1851–1921. Член Симбирской Духовной Консistorии, протоиерей кафедрального собора, председатель Комитета по управлению епархиальным свечным заводом, председатель секции пчеловодства Симбирского Отдела Императорского Российского Общества.
17. кн. Василия Андреевича Долгорукого... Василий Андреевич Долгорукий (1804–1868) – князь, военный министр (1853–1856), начальник III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф жандармов (1856–1866), обер-камергер, член Государственного Совета.

Проф. гр. В. П. Зубов

ИВАН ИВАНОВИЧ ШУВАЛОВ*

В нынешнем году исполняется 200 лет с основания Императорской Академии Художеств. Это служит поводом вспомнить ее инициатора Ивана Ивановича Шувалова. Его облик неотделим от картины Двора Императрицы Елисаветы Петровны, греховной и чувственной, набожной до исступления и во всем русской Царь-Девицы «Дщери Петровой». «Всепресветлейшей Елисавет». «Всемиловитейшей Государыни». «Венеры». «Женщины с гла-зами полными воробьиного соку».

Незаконная дочь первого русского Императора и не помнящей родства латышской горничной – она не крупная личность, но художественный образ: в ней русский лубок слился с французской вычурой. Делая из всей жизни один непрерывный праздник, смешивая понятия править и веселиться, она, однако, часами до обморока стаивала в церкви на коленях: не терпя смертной казни, приказывала жестокие пытки и урезание языков, раздавала пощечины своим придворным дамам и ругалась как извозчик. Она создала нелепый, но восхитительный облик подлинно-русской матушки-государыни, апофеоз русского самодурства.

В царствование императрицы Анны цесаревне Елисавете пришлось пережить много неприятностей, ходили даже слухи о предстоящем принудительном пострижении. Она старалась большую часть времени проводить вдали от Двора, в своих поместьях, где дарила свое благоволение многим красивым мужчинам, даже конюхам, творила вещи, бросавшие в краску самых бесстыжих, и часами молилась перед иконой: потребность грешить, чтобы сильнее раскаиваться.

Сильнее других сердце царевны захватил Алексей Григорьевич Розум [1], случайно замеченный ею среди придворных певчих императрицы Анны, ставший после восшествия на престол Елизаветы Петровны ее морганатическим супругом под именем графа Разумовского.

В ночь 24/25 ноября 1742 г[ода] переворотом, совершенным кучкой гвардейцев, но при единодушном сочувствии всей страны, были низложены младенец-император Иоанн Антонович и его мать правительница Анна Леопольдовна. Дщерь Петрова села на родительский престол. Главными участниками заговора были франко-немецкий авантюрист, врач царевны Лесток, французский посланник маркиз де ля Шетарди, Разумовский и камер-юнкеры Елисаветы Мих[аил] Илл[ар]и[онович] Воронцов и братья Петр и Александр Ивановичи Шуваловы. Последние, происходя из мелких дворян, были обязаны своей

* Русская мысль. 1958. 23 окт. № 1307. Вторник.

близостью к царевне – жене Петра Ивановича, Мавре Егоровне, рожд[енной] Шепелевой, подруге детства Елисаветы, имевшей на нее огромное влияние. Злая как черт, ядовитая, ненасытно жадная, уродли-вая, она пользовалась своей близостью для плетения интриг. После переворота она принадлежала к числу тех дам, которые по ночам чесали пятки государыне и в это время нашепты-вали ей то, что было в их интересах, «Les gratteuses» [2] – звали их иностранные дипломаты, у которых они бывали на откупе.

За свое участие в перевороте братья Шуваловы получили графский титул и камергерское звание. С этой минуты они стали добиваться власти. В начале царствования их влияние ограничивалось Разумовским, который поддержи-вал их соперника, великого канцлера Алексея Петровича Бестужева. С послед-ним они вели непрестанную борьбу, пока за 3 года до кончины Елисаветы им в 1758 г[ода] не удалось его свалить.

Главой Шуваловской партии был Петр Иванович Шувалов (1711–1762); вместе с тем он был и главой оккультного параллельного правительства, су-ществовавшего рядом с официальным правительством великого канцлера. Без определенной должности он был министром по крайней мере пяти мини-стерств. Злоупотребления, растраты и всякие комбинации сделали из него од-ного из богатейших людей в России. Может быть, Бестужев принимал подарки от иностранных держав, не предавая, однако, интересов государства. Елисаве-та об этом знала и находила вполне нормальным. Шувалов, наоборот, набивал свои карманы за счет русского народного достояния. Всего, что он крал, не хватало ему на жизнь: его доход оценивали в 400 тысяч, цифра по тогдашнему времени – астрономическая: при его смерти за ним был миллион долга.

Александр Иванович (1710–1771) в политику вмешивался только посколь-ку он был начальником страшной тайной канцелярии, пугалом Двора, столи-цы и всей страны.

Несмотря на все, шуваловская группа не чувствовала себя полновластной и нуждалась в орудии для укрепления и проведения своих намерений.

Был у них двоюродный брат Иван Иванович, молодой мальчик, отца кото-рого уже не было в живых. Он рос под надзором матери Татьяны Ратиславской, вероятно польского роду, живя изредка в Москве, но больше в деревне, в Смо-ленской губернии. В небогатой семье он получил самое простое воспитание. Деревенские мамушки, только русская речь, сказки, песни, общение с народом. Из этого он вынес безусловную покорность уставам Церкви, уважение к вла-сти без раболепства, горячую любовь к родине и желание быть ей полезным. Впоследствии на этой почве европейское образование принесло прекрасные плоды. В Москве он учился у одного учителя с Суворовым, который тогда жил у своего деда, кремлевского протоиерея. Учитель, видимо, был не плохой, у него он научился говорить по-французски и по-немецки и получил некото-рые сведения по математике.

Надежд для будущего было мало. Правда, двоюродные братья были камер-юнкерами, но при дворе царевны, самой бывшей в опале. Переворот 1741 г[ода] все переменял. В 1742 г[оду] императрица Елисавета пребывала в Москве с февраля по декабрь: в апреле была коронация. Тут братья Шуваловы заметили своего 15-летнего двоюродного брата, красивого мальчика, решили вывести его в люди и сделать своим покорным орудием. Его определили в пажы.

Со времени Петровских реформ атмосфера века была исполнена жаждой образования, ею был охвачен и молодой Шувалов. Пажом он продолжал учиться. Впоследствии его знания были энциклопедичны – главным образом – в области изящной словесности. К тому же он обладал необыкновенной способностью к иностранным языкам.

В 1745 г[оду] в бытность вел[икой] княгини Екатерины Алексеевны, будущей Екатерины II, в Ораниенбауме, Иван Иванович состоял при ней пажом. Она часто находила его в передней с книжкой в руках и отзывалась о нем: «тихий, скромный молодой человек».

Братья не теряли его из виду, но действовали осторожно и медленно. Мавра обращала внимание царицы на красавчика. Последовали первые знаки милости: золотые часы и звание камер-пажа. Но лишь в 1749 г[оду] при дворе начинают замечать растущее царское благоволение. Государыня опять собирается в свою любимую Москву, где проведет весь год. В июле она отправилась в загородную Воскресенскую обитель, более известную как новый Иерусалим. Разумовский сопутствует. Дорогой остановились в принадлежащем ему селе Знаменская-Денисьева: тут царица ночевала, на другой день обедала, а «вечернее кушанье изволила кушать» у князя Ник[олая] Фе[доровича] Голицына, переехав Москву-реку в его селе Петровском. Ровно через три месяца, вдовец Голицын женился на сестре Ивана Ивановича Шувалова – Прасковии Ивановне. Ночевать государыня вернулась в Знаменское. Весьма вероятно, что это пребывание в Знаменском и посещение Петровского связаны с возвышением Шувалова: последний уговорил Разумовского уступить ему Знаменское, напоминая ему о начале его «случая», а впоследствии подарил его своей сестре.

Воскресенская обитель полюбилась Елисавете, там был выстроен деревянный дворец. 2 сентября она опять предприняла «шествие» туда, намереваясь праздновать там свои именины. Накануне камер-паж Иван Шувалов, пожалован в камер-юнкеры. При дворе это – событие: все на ухо поздравляют друг друга с новым фаворитом. Хитрые Шуваловы сумели устроить так, что Разумовский и сам Бестужев просили о пожаловании Ивана Ивановича.

Это было первым ударом по могуществу великого канцлера. Разумовский, как супруг государыни, сохранил до конца ее жизни ее привязанность и свое положение, но все же он мало-помалу отходил на второй план. Борьба между партиями Бестужева и Шуваловых будет длиться десять лет, полная самых хитрых и грязных интриг. Иван Иванович будет лишь бессознательным орудием

своих братьев. Там, где он сознает, он скорее тормоз, чем подпора. Но при мягком, несколько ленивом характере он находился в их руках.

По возвращении Двора из Москвы Шувалов получает помещение во дворце. Бестужев, однако, пробует заменить нового фаворита своей креатурой. В шляхетском кадетском корпусе кадеты устраивали спектакли, причем женские роли исполнялись ими же. Эти спектакли были перенесены во дворец. Елисавета любила сама одевать юношей для сцены. Среди других 18-летний Бекетов исполнял роли первых любовников. Однажды, во время игры Бекетов вдруг опускается в кресло и засыпает. Занавес опускают, но императрица велит его поднять и любитесь спящим мальчиком. В зале шепот: «Она его одевала». После этого случая на Бекетове появляются драгоценности: бриллиантовые пряжки, кольца, часы, кружева и т[ак] д[алее]. Он выходит из корпуса и по настоянию Бестужева Разумовский берет его к себе в адъютанты, что дает ему капитанский чин. Бекетов в свою очередь получает помещение во дворце и более года Шувалов и он живут там бок о бок. В мае 1751 года Шувалов уехал из Петербурга, но ненадолго.

Летом Бекетов, любивший литературу и занимавшийся стихосложением, стал перелагать свои стихи на музыку – его песни певали у него молодые придворные певчие. Некоторых из них Бекетов полюбил за их прекрасные голоса и в душевной простоте гулял с ними по петергофским садам. Шуваловы ухватились за это и поспешили истолковать в превратном, смысле. Но видимо этого оказалось недостаточно. Тогда Петр Шувалов прибег к дьявольскому плану. Он вкрался в доверие к Бекетову, восхваляя его красоту и белизну лица и, для сохранения всегдашней свежести, дал ему какое-то притириание. Доверчивый юноша воспользовался, и его лицо покрылось углями и сыпью. Мавра обратила внимание Елисаветы и посоветовала удалить Бекетова, как человека зазорного поведения и опасного для здоровья государыни. На этот раз удар был верно рассчитан. Императрица переехала в Царское Село. Бекетову было запрещено за ней следовать. Он остался один в Петергофе, заболел горячкой и чуть не умер. В бреду он постоянно говорил об императрице, занимавшей все его мысли. По выздоровлении его удалили от двора и назначили армейским полковником. При Екатерине II он был астраханским губернатором. Иван Иванович был избавлен от опасного соперника, но это не было делом его рук.

Его возвышение продолжается. В 1754 г[оду] он действительный камер-гер и получает орден Св[ятого] Александра Невского, в 57 г[оду] – генерал-поручик, в 60 г[оду] – ген[ерал]-адъютант и член конференции императрицы. В последние годы царствования все важные дела проходят через его руки. Но счастье его не портит, как не испортило оно и Разумовского, с которым он живет в добром согласии. Он бескорыстен, не в пример братьям; отказывается от [графского титула, от больших поместий, от – вписано от руки. – Т. И.] выбития медали в свою честь. Характер его мягкий, всегда ровный, но именно вследствие своей добродушной

и несколько ленивой природы, он никогда не сумел выйти из-под влияния Петра Ивановича и был его покорным орудием. А тот, опираясь на значение двоюродного брата, первенствовал в конференции и сенате и делал, что хотел. Нередко Иван Иванович покорялся ему вопреки своему убеждению.

Отличительная его черта – человеколюбие, как тогда говорили «людскость». Он был причиной так наз[ываемой] отмены смертной казни. Она не была отменена юридически, но Елизавета не утвердила ни одного смертного приговора. Иван Иванович старался смягчить участь сосланных, выслушивал всех, кто к нему обращался, и всем помогал. Он старался по тогдашнему выражению о «льготе», т[о] е[сть] о добре для всех и каждого.

(Продолжение следует)

Комментарии

1. Разумовский Алексей Григорьевич, граф (фамилия при рождении – Розум; 1709–1771) – днепровский малоземельный казак, возведенный в графское достоинство, фаворит и тайный супруг императрицы Елизаветы Петровны. Старший брат Кирилла Разумовского, первый хозяин Аничкова моста, генерал-фельдмаршал Русской императорской армии (1756).
2. Скребки (франц.).

Проф. гр. В. П. Zubov

ИВАН ИВАНОВИЧ ШУВАЛОВ*

Продолжение

Главной заслугой Шувалова перед Россией было покровительство образованию и наукам. Он их любил действительно и нелицемерно и доказал это на деле. Достаточно уже того, что если он не создал Ломоносова, то во всяком случае, проложил ему путь, облегчал его деятельность, поддерживал его в борьбе с немцами Академии Наук и устранял перед ним препятствия. Ломоносов, посвящая ему свою поэму «Петр Великий», писал:

«И многи и сия дана тебе доброта
К словесным знаниям похвальная
охота.
Природный видит твой
и просвещенный ум.
Где мысли важные, и где пустых
слов шум.
Мне нужен твоего рассудок
тонкой слуха.
Чтоб слабость своего возмог
признать я духа.
Когда, под бременем поникну
утомлен.
Вниманием твоим восстану
ободрен».

Близкие их отношения начались в 1750 г[оду], в войне лета Шувалов берет Ломоносова к себе в Царское Село, и с этой минуты их дружба не прекращалась. Ломоносов представляет свои сочинения на суд Ивана Ивановича, беспрестанно приглашен к нему, и на дачу по Петергофской дороге, и в Царское Село, и в Петербурге. Спор, возникший за обедом у Шувалова между Ломоносовым и другими гостями по поводу стеклянных пуговиц на одежде последнего, – гости говорили, что они вышли из моды и надо носить металлические, – дает повод к «Оде о пользе стекла»:

* Русская мысль. 1958. 30 дек. № 1310. Вторник.

«Неправо о вещах те думают,
Шувалов.
Которые стекло чтут ниже
минералов.
Приманчивым лучом блистающих
в глаза...»

В 1753 г[оду] Шувалов в Москве на куртаге представил Ломоносова Елисавете Петровне.

Не одному Ломоносову покровительствовал Иван Иванович. Также и Сумароков пользовался его благоволением. Это был совсем иной характер: зазнавшийся, надменный, невероятного мнения о самом себе, к тому же, как дворянин, смотревший свысока на крестьянина Ломоносова. Они вечно между собой спорили. Как в каждом русском человеке, и в Шувалове сидел где-то скиф, и он любил их срамливать и наслаждался их столкновениями. Он сам об этом рассказывает: «Чем больше Сумароков злился, тем больше Ломоносов язвил его, и если оба не совсем были трезвы, то оканчивали ссору запальчивостью и бранью так, что я бывал принужден высылать их обоих, или чаще Сумарокова. Если же Ломоносов занесется в своих жалобах, то я посылаю за Сумароковым, а с тем, ожидая, заведу речь об нем. Сумароков, услышав у дверей, что Ломоносов здесь или уходит, или, подслушав, вбегает с криком: – «Не верьте ему, ваше превосходительство, он все лжет: удивляюсь, как вы даете у себя место такому пьяному негодяю». – «Сам ты подлец, пьяница, неуч, под школой учился, сцены твои краденые!» Но иногда мне удавалось примирить их, и тогда они оба были очень приятны».

Несмотря на жизнь во дворце, Шувалов обзавелся домом на Невском проспекте, на углу Малой Садовой, позже Екатерининской». В 1754 г[оду] он был вполне отделан к приезду хозяина из Москвы. Здесь он давал блестящие приемы - сюда приезжала императрица на обеды и поздние ужины: известно, что она превращала ночь в день. 24 октября дом был открыт великолепным маскарадом, описанным Ломоносовым в стихах:

«Европа, что родит, что протчи
части света.
Что осень, что зима, весна и
кротость лета.
Что воздух, что земля, что море
и леса.

Все было у тебя, довольство
и краса.
Вчера я видел все, и ныне вижу
духом.
Музыку, гром и треск внимаю
слухом».

К этому же 54-му году относится самое ценное, что создалось для России из сотрудничества вельможи с ученым – совместная их мысль о создании университета, в Москве, именно в Москве, сердце государства, а не в Петербурге, вблизи двора, на периферии страны, не учреждение, подобно шляхетскому кадетскому корпусу для привилегированного класса, а университет для всех сословий.

Проект был выработан ими совместно: кому принадлежит большая доля труда, чья была. первая мысль, точно неизвестно, вероятно – Ломоносова, который говорил: «я первый причину подал к основанию университета». Но Шувалову, этому 27-летнему юноше, принадлежит честь ее осуществления.

Проект был подписан государыней 12 января 1755 г[ода], в Татьянин день, именины матери Ивана Ивановича, и Татьянин день навсегда стал праздником Московского университета. Открыт он был у Воскресенских ворот 26 апреля в составе трех факультетов: медицинского, юридического и философского. Шувалов был первым его куратором, но не видел его целых 23 года, а управлял им из Петербурга, входя во все мелочи его жизни. Ничего не совершалось без его ведома. В результате создалась огромная переписка. Вся его деятельность носит характер необыкновенной доброжелательности ко всем. Его поговоркой было: «тихонько, мало-помалу». Таким образом, он заслужил славу не только основателя первого русского университета, но и истинного его попечителя. Семь лет его деятельности оказались столь полезными, что, когда он после кончины Елисаветы Петровны надолго уехал за границу, учреждение уже стояло на собственных ногах и продолжало жить самостоятельно.

Для подготовки студентов были в Москве открыты две гимназии, одна для дворян, другая для остальных сословий. В числе гимназистов были Фонвизин и Потемкин. Впрочем, Потемкин был исключен за плохие успехи. Кроме того, Шувалов предлагал основать другие гимназии в больших городах, а в маленьких – школы. В 1758 г[оду] была открыта гимназия в Казани, куратором которой был также Шувалов. Из нее вышел Державин, бывший ему всю жизнь благодарным и впоследствии писавший ему оды и послания:

«Приди мой благодетель давний.
Творец чрез тридцать лет добра...»

В связи с Университетом находится и то событие, двухсотлетие которого исполняется в этом году – основание Академии Художеств в Петербурге. В 1757 г[оду] проект, представленный Шуваловым, был одобрен Сенатом и утвержден императрицей. В нем Иван Иванович предлагал: «взять в оную способных учеников из Московского Университета, которые уже и определены учиться языкам и наукам, принадлежащим к художествам». Первые годы, до царствования Екатерины II, Академия Художеств не имела собственного регламента, а существовала при Московском университете.

В последние шесть лет жизни Елисаветы Петровны Шувалов был главной пружиной того правительственного круга, который практически управлял Россией. Позднее Вольтер, ожидая его посещения, мог писать: «C'est l'empereur de Russie qui nous vient» [1].

Редкий фаворит имел такую полноту власти, хотя вряд ли искал ее. Его принуждали к тому малообразованность, бездеятельность и болезнь императрицы. Только он мог ее видеть и докладывать дела в последние 2 – 3 года. Между тем шла семилетняя война. Симпатии престолонаследника шли вразрез с интересами России и волей государыни. По выражению Бестужева, Шувалов являлся единственным путем для влияния на императрицу и движения государственных дел.

В связи с началом военных действий между Россией и Пруссией в Западной Европе возник интерес и России, и ее прошлому. Фридрих II выпустил ряд книг, унижавших Россию до Петра Великого включительно. Узнав об этом, Шувалов решил бороться с Фридрихом его же оружием. Он пригласил Вольтера в Россию и предложил ему написать Историю Петра Великого. В Россию Вольтер не поехал, отговорившись старостью (ему было всего 63 года), но Историю Петра Великого писать взялся и написал.

С этой минуты начинается переписка Шувалова с Вольтером, долгая и частая. Сначала Иван Иванович увлечен Фернейским философом, но затем, при личном знакомстве, почтение умалилось, но оценка таланта осталась. «Вот как не люблю его, бестию, а приятно пишет», – сказал он впоследствии, читая книгу Вольтера. И последнему приятны были близкие отношения с Шуваловым: его письма к нему напечатаны, письма Шувалова пропали. «На берегах Невы и Москвы говорят и пишут по-французски ничем не хуже Версаля», – писал Вольтер 29 мая 1759 г[ода]. Шувалов посылал Вольтеру материалы о Петре Великом, просматривал его тетради, делал заметки, указывал на ошибки. Он также посылал ему подарки: меха и чай. Первый том вышел в Женеве в 1760 г[оду] и в два месяца видел 3 издания. Вольтер получил от государыни две тысячи червонцев. Второй том был также в черновике просмотрен, и дополнен Шуваловым. В конце 1761 г[ода] философ писал ему каждую неделю, спрашивая советов. Но в то время Шувалову было уже не до Вольтера. Умирала Елисавета. Она скончалась в день Рождества Христова 1761 г[ода] на 53-м

году жизни, а через 10 дней в могилу сошел злой гений Ивана Ивановича, Петр Иванович Шувалов.

Для Ивана Ивановича это – время тревог, неизвестности, переселения из дворца. Уже до кончины императрицы его душевное равновесие было нарушено: здоровье императрицы, неудачный ход военных действий, беспорядки в управлении, борьба партий. Он чувствует, что сам не обладает способностями государственного человека. Его письма в это время полны грусти: «крайняя гипохондрия мучит и конца несчастной жизни не делает». «Государство уже не чувствует власть самодержавства. Все повеления без исполнения, главное место без уважения, справедливость без защищения». Но не ему бороться с таким злом: «Вижу хитрости, которых не понимаю».

Состояние его не велико. Елисавета оставила ему сундук, оказавшийся полным драгоценностей, и вотчину в 6 тысяч душ. От вотчины он отказался, а сундук передал новому императору. Петр III оказал ему милости, он помнил, что Иван Иванович часто бывал миротворцем между теткой и ним. Но Шувалов понимал, что его «случай» прошел безвозвратно. Он не имел достаточно честолюбия, чтобы стараться сохранить влияние. Он решил отстать от Двора и предаться любимым занятиям. Ему давно хотелось в чужие края, и Вольтер его в этом поощрял.

Он ясно видит, что Петр III – не государь, нужный для России, предчувствует надвигающийся переворот, и не хочет быть его свидетелем. Он намеревается покинуть Петербург с молодым племянником Андреем, сыном Петра Ивановича. В сборах застает его переворот 28-го июня 1762 года. Рано утром он видит из окна своего дома на Невском проспекте триумфальное шествие Екатерины от Измайловских казарм к Казанскому собору. Раздумывать не было времени: повинувшись общему движению, Шувалов немедленно перешел улицу и явился в соборе у присяжного листа. Екатерина его заметила и подозвала, говоря: «Иван Иванович я рада, что и ты с нами». И все же его положение в эту минуту не представляется нам вполне ясным. В царствование Елисаветы он не принадлежал к числу ревностных сторонников великой княгини уже по одному тому, что находился в руках двоюродных братьев. Были попытки сближения Екатерины с партией Шуваловых, то с той, то с другой стороны, но они до кончины Елисаветы Петровны окончательного результата не дали, главным образом из-за несогласия взглядов на престолонаследие: Шуваловы стояли за передачу престола Павлу Петровичу, минуя его отца. Однако, Иван Иванович имел случай оказывать Екатерине различные услуги. В заговоре 1762 г[ода] он не участвовал, но в дальнейшем развитии переворота он находится при императрице – сопровождает ее в походе на Петергоф и вечером 29 июня вместе с другими из окна Зимнего Дворца успокаивает измайловцев, требовавших появления государыни. Немного позже он, по ее поручению, возобновляет

переписку с Вольтером. История Петра Великого вскоре издана полностью. Через Шувалова Екатерина приглашает Дидро доканчивать в России «Энциклопедию», запрещенную во Франции, и через него же предлагает Даламберу поступить в воспитатели к наследнику Павлу Петровичу, что тот отклонил. И все же между Шуваловым и Екатериной есть какое-то недопонимание. По-видимому, Екатерина убеждена, что Иван Иванович, если и не выступал против нее, то, во всяком случае, не действовал за нее. А она тоталитарна и как всякая тоталитарная власть считает: «кто не со мной, тот против меня». В августе 1762 г[ода] она отозвалась: «Шувалов самый низкий и подлый из людей». Дошел ли до него этот отзыв, мы не знаем, но, как бы то ни было, в начале апреля 1763 г[ода] он приводит в исполнение свое намерение. Его денежные дела плохи. Через Григория Орлова он просит государыню купить один из его домов и часть картин за 12 тысяч рублей, в виду крайней нужды.

Во время сборов к нему явился молодой солдат Преображенского полка с просьбой взять его с собой за границу. Это был бывший воспитанник Казанской гимназии Гавриил Романович Державин. Шувалов, прежде его знавший, согласился, но, как впоследствии писал Державин, «как дошло сие до тетки его по матери двоюродной, Феклы Савишны Блудовой... женщины по природе умной и благочестивой, но по тогдашнему веку непросвещенной, считавшей появившихся тогда... масонов отступниками от веры еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умертвляют и тому подобны бредни, а Шувалова признавали за их главного начальника, то она ему, как племяннику своему, порученному от матери (Державину было 30 лет) и дала страшную нагонку, запрета накрепко ходить к Шувалову». Державин покорился.

Уезжая, Иван Иванович не подозревал, что покидает Россию на 14 лет. Через Берлин и Вену он едет во Францию, предмет его давней любви.

(Окончание следует)

Комментарии

1. C'est l'ex-empereur de Russie qui nous vient – К нам приходит бывший император России (франц.).

Проф. гр. В. П. Zubov

ИВАН ИВАНОВИЧ ШУВАЛОВ*

Окончание

ЗА ГРАНИЦЕЙ Шувалов везде принят с распростертыми объятиями. Из его писем к сестре княгине Прасковии Ивановне Голицыной мы имеем представление об его обстоятельствах. В Вене он проводит полгода, «потому что дешево». После роскошной жизни в Петербурге у него всего 8 тысяч годового дохода. Он «едва сводит концы с концами» и «боится Парижа», так как «сказывают, в Париже несравненно все дороже, особливо ныне». Но при всем том у него в Вене 2 камердинера, 3 лакея, 2 скорохода, повар и кучер – стандарт бедности довольно высокий. Ему 36 лет, он чувствует себя пожилым человеком.

В Париж он прибыл в начале 1764 г[ода]. Писем оттуда не сохранилось, знаем только, что он вел светскую жизнь, представлялся Людовику XV, свел знакомство со всей знатью и особенно подружился с герцогом Орлеанским, который подарил ему табакерку Петра Великого с финифтяным его портретом, которую император подарил деду герцога – регенту. Вдовствующая маршальша de Luxembourg, приятельница Ж. Ж. Руссо на новый год подарила ему золотую записную книжку со стихами, нарочно для этого написанными Мармонтемом:

«Le souvenir est duox à l'homme
heureux et sage
Qui sait jouir de tout et n'abuser
de rien,
Et qui de la faveur fit un si bon
usage,
Que même les rivaux n'en ont dit
que du bien » [1].

Шувалов пробыл тут около года: его стало тянуто домой. В ноябре 1764 г[ода] в Петербурге ждали его возвращения. Но в это время он узнал, что Екатерина неблагосклонно отозвалась о нем в письме к одному иностранному корреспонденту. Ей доложили, что Шувалов где-то в большом свете очень хвалил кн[ягиню] Дашкову и приписывал ей весь успех переворота. Известно, что Дашкова сама этим хвасталась, в то время как в действительности она играла роль мухи на плуге: «Мы пахали». Слух раздосадовал императрицу, еще не успевшую утвердить свою славу. К тому же между ней и Дашковой недав-

* Русская мысль. 1959. 1 янв. № 1311. Четверг.

но пробежала черная кошка. Екатерина не была равнодушна к тому, что о ней говорили за границей. Вырвавшийся у нее в пылу досады отзыв стал известен в Петербурге и не оставлял Шувалову сомнений в том, что ему не следует до поры, до времени появляться при дворе. Чуждый честолюбию, он покорился обстоятельствам и, побывав в Лондоне, отправился в Италию, где прожил 8 лет в Риме, за исключением коротких отлучек в Неаполь.

Он был весьма счастлив, кроме разлуки с сестрой. В Риме он постоянно окружен художниками, сам занимается гравированием на меди и выгравировал собственный портрет. У него рождается мысль основать тут академию для русских. Он пишет об этом в Петербург, ссылаясь на пример Франции, но его преемник, тогдашний президент Академии Художеств Иван Иванович Бецкий, почему-то не согласился.

Шувалов выпросил у Папы разрешение снять слепки с лучших римских статуй и вместе со слепками, сделанными по его заказу в Неаполе, послал их в Академию Художеств. На этот раз Бецкий не возражал. Слепки были отлиты из чугуна: впоследствии они были утрачены. Папское разрешение было лестным знаком внимания к России и Шувалову. Незадолго до того шведский король Густав III не мог его добиться.

У Шувалова в Риме стало много друзей. Его связи там дали ему возможность быть полезным России и на дипломатическом поприще. Несмотря на бывшее неудовольствие, Екатерина обратилась к нему с поручением исходатайствовать у Климента XIV отзывание из Варшавы «бешеного нунция» Лурины, действовавшего там против русских интересов. Папа не только исполнил желание императрицы, но даже предложил Шувалову выбрать нового нунция. Екатерина благодарила Ивана Ивановича письмом, которое его очень обрадовало, несколько позднее он был пожалован в действительные тайные советники.

В 1802 г[оду], пять лет после его кончины, его племянница, дочь сестры графиня Варвара Николаевна Головина, рожд[енная] Голицына, встретила в Риме дукессы da Santa Croce «vielle coquette de soixante ans, avec une perruque rousse arrangée à l'antique. Cette figure gottique me pétrifia; Mme Divov...me présentait en disant que j'étais la nièce de M. Chouvalov que la duchesse... avait connu à Rome. A peine mon oncle eut-il été nommé que cette épouvantable figure se jeta à mon cou en poussant des cris de joie sauvages et en répétant: "Oh, que j'étais heureuse avec lui» [2].

Теперь он мог бы вернуться, но по разным обстоятельствам он еще около трех лет остается в Италии. На исходе 1773 г[ода] он наконец решается покинуть Рим. Он отправляется через Швейцарию. Понятно, что, очутившись там он не захотел пропустить случая лично познакомиться с Вольтером. После издания Истории Петра Великого переписка между ними стала редкой. Настоящего сближения быть не могло вследствие различия мировоззрений. Шувалов успел наслышаться о цинизме, кощунстве и личных свойствах философа, которые коробили его благочестие. Незадолго молодой его племянник

Федор Николаевич Голицын (1751–1827), сын сестры, заезжал в Ферне и был отлично принят. Во второй половине ноября 1773 года Шувалов провел там около двух недель. Подробности посещения неизвестны, но Вольтер отзывался о госте с великой похвалой. 19-го ноября он писал Даламберу: «C'est un des hommes les plus aimables, que j'ai jamais vus» [3].

Шувалов говорил Екатерине, что Вольтер обворожил его, но позднее он писал: «Я прожил к Ферне до двух недель и с тех пор много убыло моего уважения к Вольтеру».

Весной 1774 г[ода] Шувалов с племянником Голицыным приехал из Швейцарии в Париж. В это время Людовик XV умирал, он скончался 10 мая. Дядя и племянник присутствовали при погребении и при празднествах нового царствования. Новый король и Мария-Антуанетта принимали их на малых субботних вечерах: королева особенно обласкала молодого Голицына.

Еще три года пробыл Иван Иванович за границей и лишь в воскресенье 17 сентября 1777 г[ода] вернулся на родину. Возвращение его носило несколько торжественный характер и дало повод к ряду поэтических произведений в Петербурге и Москве. Между прочим, в то время еще неизвестный Державин приветствовал его эпистолой от имени России:

«Я сколько лет тебя, любезный
сын, не зрела!
И видеть уж тебя надежды
не имела:
Просила небеса, чтоб ты
во здравьи жил:
Но днешь ты возвращен, ты
радость в душу влил...»

При дворе он принят прекрасно. Императрице приятно было его видеть, – она знала, как уважали его за границей. Его образованность, близкое знакомство с первыми людьми в Европе, знание иностранных дворов и политических отношений, могли быть ей полезны. В самый день приезда она послала Григория Орлова звать его на завтра во дворец и пожаловала молодого Голицына в камер-юнкеры. Нарочно было назначено вечернее собрание в Эрмитаже «для такого дорогого гостя». Орлов и Потемкин спорили, кому из них представить его императрице. В течение некоторого времени Екатерина беспрестанно с ним виделась, расспрашивая о чужих краях, рассказывая о новых учреждениях в России, требуя его мнений и замечаний. Он получает ордена Св[ятого] Андрея Первозв[анного] и Владимира 1-й ст[епени]. Екатерина оказывает ему милости до конца своей жизни, но значения он не имеет никакого, он памятник прошед-

шего времени, он просто любимый собеседник государыни, приглашается на вечера и к ее карточному столу и сопровождает ее в путешествии в Крым.

Доселе он не видел своего дитища, Московский университет: теперь он спешит туда: там архитектором Казаковым строится новое здание на Моховой, служившее до недавней замены его советским мастодонтом на Воробьевых горах. Правда, оно сильно пострадало во время пожара 1812 г[ода] и было восстановлено архитектором Жилярди, причем был изменен главный фасад. Дворовый же фасад Казакова сохранился.

Шувалов отныне почти всегда живет в Петербурге в своем доме на Невском с сестрой и ее семьей, окруженный книгами, картинами, статуями. У него постоянно собираются образованнейшие люди: кн[ягиня] Дашкова, Завадовский, Храповицкий, Козодавлев, Дмитриев, Шишков, Оленин, Державин. С Дашковой он разделяет труды по изданию «Собеседника Любителей Российской Словесности». Он покровительствует поэтам, выводит из бедности Кострова, селит его в своем доме, где тот переводит Илиаду. Одним из первых он оценил Державина и содействовал его известности, рас-пространив между знакомыми его оду Фелице, обратившую на поэта внимание Екатерины: он начинает печатание сочинений Державина, который любил вспоминать о его покровительстве и не раз увековечивал его имя в своих стихах, где среди высокопарных фраз, свойственных стилю эпохи, звучит голос истинного чувства.

Такова, например, ода на выздоровление Мецената (1781). Она рисует картину берегов адской реки Коцита с лодкой Харона: среди других на берегу Шувалов, но вдруг:

«Здоровье, дар небес бесценный
Слетело в твой чертог и, взяв
В златом сосуда сок врачебный.
Кропя тебя, рекло: «Будь здрав».
Ты здрав! Хор муз тебе любезных,
Драгую жизнь твою любя,
Наместо кипарисов слезных
Венчает лаврами тебя...»

Кроме Державина и Кострова, Фонвизин, Богданович, Херасков и много других, менее известных, были обязаны Шувалову. Любимым его делом было отыскивать людей с талантами и помогать им. Так в 1784 году открыл он крестьянина-самоучку Свешникова [4], который потом изумлял петербургское общество отличным знанием многих языков и необыкновенно светлым умом. Для Шувалова было счастьем узнать этого человека: он любил и ценил его, и портрет тверского крестьянина висел у него наряду с портретами знаменитых людей.

Иван Иванович имел обыкновение гулять по городу в самой простой одежде. Толки народа, его забавляли. Виденное утром, служило предметом вечерних разговоров и доходило до дворца. В одну из утренних прогулок он заметил на Шукином дворе, в одной из лавочек, где продавалось разное старье, молодого крестьянина, очень прилежно рассматривавшего какие-то разложенные на рогожках книги. Это подстрекнуло любопытство Шувалова. Он подходит и видит в руках крестьянина латинских классиков в подлиннике. Он хочет непременно объяснить загадку, догоняет его в переулке заводит разговор, убеждается в его познаниях, узнает, что он экономический крестьянин Тверской губернии, торгует хлебом, содержит целую семью, в Петербург приехал по торговым делам, а книги читает между дел, научившись первым основам наук у священника и одного бедного студента, а потом сделавши самоучкою огромные успехи, в языках французском, латинском, греческом и в математике. Все лучшее на русском языке ему коротко известно. Скрывая радостное изумление, Шувалов предлагает Свешникову купить у него книги, будто оставшиеся у него после отца, школьного учителя, и неприметным образом доводит его до своего дома. Тут роли меняются, смущенный крестьянин не может опомниться среди богатых палат, но ласковость и простота побеждают его застенчивость и кончается тем, что Свешников селится в доме Шувалова и предается чтению книг из его библиотеки. Шувалов предложил ему место в Университете, но тот не согласился, желая оставаться в прежнем быту. Он не захотел также занять хорошую комнату, а поместился в тесной каморке и спал на войлоке. Камердинер, которого Шувалов к нему посылал, всегда заставлял его сидящим на полу на разостланном кафтане и обложенного книгами. Многие из знакомых Ивана Ивановича не хотели верить его открытию, и он должен был показать им Свешникова. Ему задавали вопросы, на которые он давал изумительные ответы. Так Дашкова экзаменовала его во французском языке, оказалось, что он хорошо знаком с Руссо и составил о нем собственное суждение. Шувалову очень хотелось, чтобы Свешников попытался писать стихи. Два месяца продлился опыт и кончился неудачей. Зато у него открылись новые способности, он составлял целые картины из соломы и цветных мхов. Две такие картины, перспективные виды, были приобретены Шуваловым. Позднее Потемкин переманил к себе Свешникова, обещая обеспечить существование его семейства, и увез в Новороссийский край, где тот скоро умер в Херсоне.

В 1797 г[оду] Шувалову 70 лет: он слаб и не может ехать в Москву на коронацию Павла Петровича. Он приветствует государя письмом, вспоминая о его младенчестве, и получает милостивый рескрипт с уведомлением о пожаловании деревни в 3 тысячи душ. Осенью того же года, возвращаясь из Павловска, с обеда у императрицы Марии Феодоровны, он вдруг ослабел, занемог и после краткой болезни скончался 14 ноября. По приказанию государя, камер-пажи дежурили у его гроба.

Он был похоронен в малой Благовещенской церкви Александро-Невской Лавры при огромном стечении народа. Памятник Ломоносова видел провозимый гроб его мецената. Отпевание совершал Петербургский митрополит Гавриил, надгробное слово говорил знаменитый тогда проповедник, белорусский епископ Анастасий. На другой день его кончины государь Павел Петрович, едучи верхом по Невскому, остановился против дома Шувалова, поглядел на окна и, сняв шляпу, низко поклонился. Державин написал оду «Урна»:

«Сраженного косою Сатурна
Кого средь воющих здесь роц
Печальная сокрыла урна.
Во мрачну, непробудну ночь

.....

.....

Над кем сей мавзолей священный
Вкруг отеняет кипарис.
И лира гласы шлет плачевны?
Кто Меценат иль Мелипис
Тут орошается слезами?
Чьи бледные лица черты
Луной блистают меж ветвями?
Кто зрится мне? – Шувалов, ты!

.....

.....

Смерть мужа праведна прекрасна!
Как умолкающий орган.
Как луч последний солнца, ясна
Блещет, тонет в океан:
Подобно в неизмерны бездны.
От мира тленного спеша.
Летит сквозь мириады звездны
Блаженная твоя душа.

.....

.....

О сколько юношей тобою
Познания прияли свет!
Какою пламенной струею
Сей свет в потомство протечет!

.....

.....

Стой, урна, вечно невредима,
Шувалова являя вид!
Будь лирами пиитов чтима:
В тебе предстатель их сокрыт.
ВНУШИ, тверди его доброты
Сей надписью вельможам вслух –
Он жил для всенародной льготы
И покровительства наук.

Комментарии

1. Le souvenir est duox à l'homme
heureux et sage
Qui sait jouir de tout et n'abuser
de rien,
Et qui de la faveur fit un si bon
usage,
Que même les rivaux n'en ont dit

Сувенир вдвойне полезен для мужчины счастливого и мудрого,
Тому, кто знает, как всем пользоваться и ничем не злоупотреблять,
Кто так хорошо использовал милости,
Что даже соперники это признали (Франц.).

2. da Santa Croce «vielle coquette de soixante ans, avec une perruque rousse arrangée à l'antique. Cette figure gottique me pétrifia; Mme Divov...me présenta en disant que j'étais la nièce de M. Chouvalov que la duchesse... avait connu à Rome. A peine mon oncle eut-il été nommé que cette épouvantable figure se jeta à mon cou en poussant des cris de joie sauvages et en répétant: "Oh, que j'étais heureuse avec lui ». ...Герцогиню да Санта-Кроче, «старую шестидесятилетнюю шляпу, с красным париком, устроенным в античном стиле. Эта готическая фигура ошеломила меня; Госпожа Дивова познакомила меня, сказав, что я племянница господина Шувалова, которого герцогиня знала в Риме. Как только мой дядя был назван, так эта ужасная фигура бросилась мне на шею, издавая дикие крики радости и повторяя: «О, как я была счастлива с ним» (франц.).
3. «C'est un des hommes les plus aimables, que j'ai jamais vus» – Он один из самых дружелюбных людей, которых я когда-либо видел (франц.).
4. Свешников Иван Евстратьевич – крестьянин-самоучка; родился в крестьянском звании (из экономических волостей Тверской губернии) и пастада своего отца; уже в детстве познакомился с древними языками, по-видимому, от какого-то священника, у которого находился в услужении, а математике и французскому языку его обучил один бедный студент.

Проф. гр. В. П. Зубов

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА БАШМАКОВА*

На 89-м году скончалась в самый день русского Рождества Мария Николаевна Башмакова [1], рожденная Грузинова, правнучатая племянница Евграфа Грузинова, верного телохранителя императора Павла, умученного 7 сентября 1800 года в Черкасске кликой, готовившей цареубийство [2]).

Родилась Мария Николаевна в 1870 году в Павловке, Тамбовской губернии, поместье, жалованном Государем Павлом Петровичем этому ее предку.

Русской колонии Парижа хорошо известна неутомимая деятельность покойной на благо многих организаций, благотворительные приемы и балы, ею устраивавшиеся, ее заботы о Русском Доме в Севре, православном соборе, об Обществе Охранения Русских Культурных Ценностей, и т[ак] д[алее], и т[ак] д[алее]. Все свои силы она отдавала этому служению, а силы, наперекор годам, были большие. До самой кончины читала без очков, передвигалась, как молодой человек, дома справлялась без помощи прислуги. Однако, несмотря на, казалось, железное здоровье, она, учитывая свой возраст, не делала себе иллюзий и прошлым летом говорила мне, что ей осталось жить несколько месяцев. Незадолго до кончины она пробыла на устроенном ею в пользу «Русских Витязей» балу до 5-ти часов утра, а накануне постигшего ее внезапно удара вернулась с другого бала.

Менее известна, чем ее труды в Париже, ее деятельность в царской России и в первое время эмиграции по пути сюда. Как родственнику ее второго покойного мужа Александра Александровича Башмакова (у нас с ним общий прапрадед – Суворов) Мария Николаевна мне много рассказывала о своей жизни, с тех пор как мы лет десять тому назад встретились в Париже. Перед самой же своей кончиной ей удалось осуществить свою заветную мечту издать на французском языке свои воспоминания [3]). Русский их текст хранится в Архиве Русской и Восточно-Европейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке.

Так как книга Марии Николаевны далеко не всем русским парижанам, и в особенности не-парижанам, доступна, то хотелось бы хотя бы вкратце ознакомить их с жизненным путем этой замечательной женщины. Во вступительных строках она выражает то, что было руководящим правилом всей ее жизни: никогда, ни в малом, ни в большом она не уклонялась от того, в чем видела свой долг.

Проведя раннее детство в тамбовской деревне, она одиннадцати лет поступила в Екатерининский институт в Петербурге. Память о пяти проведенных

* Русская мысль. 1959. 21 февр. № 1333. Суббота.

там годах не слишком радостна. По выходе из Института ее начали вывозить в свет и в 1889 году она вышла замуж за преображенца, лейтенанта Д. И. Гонецкого [4], адъютанта 1-го батальона полка, сына генерала [5], принявшего сдачу Осман-паши под Плевной.

После свадьбы жизнь Марии Николаевны протекала в гвардейских и придворных кругах, и мало чем отличалась от жизни большинства полковых дам. Она пишет, что, несмотря на внешний блеск, она казалась ей монотонной, за исключением сплетен и интриг. Преображенцами в то время командовал великий князь Сергей Александрович: с ним, и в особенности с великой княгиней Елисаветой Феодоровной у Гонецких установились добрые отношения. Когда же, с назначением Сергея Александровича генерал-губернатором в Москву, полк перенял вел[икий] князь Константин Константинович, с ним [у] них завязалась настоящая дружба. Вскоре Д. И. Гонецкий получил в чине полковника командование 4-м батальоном, а в 1907 году был назначен командиром полка в Москве. Через год после брака у Марии Николаевны родилась дочь [6], а [в] 1900 году – сын [7].

Такие характеры, как ее, выковываются не счастливой жизнью, а несчастьями, и их ей было отпущено много на долгом пути.

«Я даже не замечала долгих периодов счастья, – пишет она, – я считала их вечными, но судьба решила иначе». Первым, постигшим ее ударом, была внезапная кончина мужа в 1909 году, после 19-ти лет полного согласия. Через 5 лет, в первые месяцы войны 1914 года 15-летний сын Георгий, воспитанник Пажеского корпуса, скончался от тифа, как тогда говорили – от воды, отравленной немцами.

С этой минуты начинается для Марии Николаевны «служение чужому страданию», – как она озаглавила одну из глав своей книги. Война открыла перед нею широкое поле деятельности. Пройдя курсы сестер милосердия, она получила приглашение великой княгини Елисаветы Феодоровны в Москву и была назначена старшей сестрой госпиталя в 630 кроватей. Работая положительно круглые сутки, она заглушает собственное горе. Весной 1915 года она переходит из московского лазарета на санитарный поезд, ходивший на передовые позиции в 1916 году, работает в Георгиевской общине в Петербурге, а в июне этого года вдовствующая Государыня в качестве покровительницы Красного Креста, поручила Марии Николаевне осмотр лагерей русских военнопленных в Австрии, что происходило по взаимному соглашению воюющих сторон.

Делегация русского Красного Креста выехала 17 июня и на шведской границе повстречалась с австро-германскими сестрами, ехавшими с той же целью в Россию. Стороны раскланялись друг с другом через окна поезда.

Миссия Марии Николаевны была для русских пленных в Австро-Венгрии большим утешением. Между прочим, ей удалось добиться обмена больных

туберкулезом, что дало им, по крайней мере, возможность умереть на родине. Свидетельством их благодарности был адрес, поднесенный ей в Петербурге вернувшимися из плена. Везде она утешала и помогала, насколько ей это было позволено, нашим солдатам. Условия в австрийских лагерях были весьма неудовлетворительны, к пленным применялись жестокие наказания, граничившие с пытками, например – подвешивание на столбах с вывихом суставов: в книге воспроизведены снимки с подобных экзекуций. В Венгрии обращение было лучше.

Вернувшись в начале октября в Россию, Мария Николаевна совершила огромную работу по осведомлению семейств тех пленных, которых ей пришлось встретить в австрийских и венгерских лагерях. Она была вызвана в Киев для доклада вдовствующей Государыне. Разговор с последней накануне революции знаменателен.

После февральского переворота Марии Николаевне, против своего желания, пришлось, по почину Временного Правительства, сделать ряд докладов о положении русских пленных. Военный министр Гучков пробовал отправить ее и других сестер на разлагавшийся фронт для поднятия патриотического духа среди солдат, но получил от них логический ответ, что после подписанного им же приказа № 1 эта попытка была бы бессмысленной.

Во дворце великого князя Николая Михайловича на Набережной [8] заседали комитеты родственников военнопленных, в которых председательствовала Мария Николаевна. По инициативе Гос[ударственной] Думы, она в начале мая отправляется в пропагандную поездку по России для сборов в пользу пленных и мобилизации общественного мнения все с той же целью – побудить войска к наступлению. Группа состояла из двух врачей, одного офицера, двух солдат, секретаря и самой Марии Николаевны. Москва. Харьков. Полтава. Киев. Екатеринодар. Кременчуг. Екатеринослав. Симферополь. Евпатория. Феодосия и т[ак] д[алее]. В каждом городе она организует комитеты родственников военнопленных, каждый доклад заканчивается словами: «Надо сражаться до победы!» Всего 114 собраний.

Осенью, вернувшись в Петербург, Мария Ник[олаевна] комитетом попечения о пленных послана по России с целью оптовых закупок для посылок. Она начинает с Тамбовской губернии, где находится ее имение. Там ее застает Октябрь. В качестве сестры милосердия она едет на Кавказ в надежде добраться до белой армии, что ей и удается: и сейчас же она начинает уход за ранеными. Однако, следуя за отходом белых, она несколько раз застревает в районах, куда продвигаются красные. Вырвавшись из Кисловодска, она по военно-грузинской дороге приезжает в Тифлис, занятый англичанами, попадает затем в Новороссийск и Екатеринодар, где находилось управление Юго-Восточного Красного Креста. Здесь она встречается с будущим своим вторым мужем Александром Александровичем Башмаковым [9].

По поручению управления она организует госпиталь для больных сыпным тифом. Она следует за Добровольческой Армией в ее продвижении на Север и затем в ее отступлении. 22 февраля 1920 года она, вместе с больными, морем покидает Новороссийск, направляясь в Сербию, и, прибыв в Белград, становится начальницей института для девиц, состоявшего из 4-х школ.

В феврале 1922 года Мария Николаевна вышла замуж в Белграде за Александра Александровича Башмакова, крупного ученого и убежденного славянофила, до войны много сделавшего для славянской идеи Сербии. В сентябре 1924 года Башмаковы переселились в Париж, где Александр Александрович работал в *Institut de Paléontologie* и преподавал в *Ecole d'Antropologie*. С этого момента начинается всем русским парижанам известная неутомимая деятельность Марии Николаевны.

В августе 1943 г[ода] во время немецкой оккупации Александр Александрович скончался. Последнюю его научную работу *La Synthèse des Périples Pontiques, Méthode de précision en Paléontologie* и свыше десяти его статей Мария Николаевна опубликовала после его смерти.

Всем еще памятно устроенное 16 февраля прошлого года Обществом Охранения Русских Культурных Ценностей, собрание, посвященное столетию Александра Александровича Башмакова и бывшее в то же время чествованием его вдовы. Все русские организации принесли ей в этот день дань своей благодарности, и благодарность будет навсегда связана с ее памятью.

Комментарии

1. Скончалась в самый день русского Рождества Мария Николаевна Башмакова, рожденная Грузинова... Мария Николаевна Грузинова (24 июля 1876–7 января 1959), дочь Николая Осиповича Грузинова и Надежды Александровны Ветчининой.
2. Об этой трагедии я рассказал в № 1113 «Русской Мысли» от 26 сентября 1957 г. (Примечание графа В. П. Зубова).
3. Marie de Baschmakoff. 80 ans d'Epreuves et Observations. Mémoires. Préface de Louis Marin, Président de l'Académie des Sciences Morales et Politiques, Paris, Besson et Chantemerie, 1958. (Примечание графа В. П. Зубова).
4. Ганецкий (Гонецкий) Дмитрий Иванович (?–1909). Полковник, командир 6-го гренадерского Таврического генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полка.
5. Иван Степанович Ганецкий (1810–1887) – русский генерал, участник Кавказских походов и русско-турецкой войны 1877–1878 годов, генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1878), брат Николая Степановича Ганецкого, отец Дмитрия Ивановича Ганецкого (Гонецкого). 28 ноября (10 декабря) отряд Ганецкого выдержал первый отчаянный натиск плев-

ненского гарнизона и, перейдя в наступление, принудил Осман-пашу к сдаче. За этот блестящий подвиг он 29 ноября 1877 года награжден орденом св. Георгия 3-й степени, возложенным на него собственноручно главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем Старшим: «В награду мужества, храбрости и распорядительности, оказанных при взятии Плевны и пленении армии Османа-Паши, 28 Ноября 1877 года».

6. ...родилась дочь... Сведений о дочери нет.
7. ...в 1900 г. – сын... Георгий Дмитриевич Гонецкий (1900–1914) – офицер. Учился в Пажеском корпусе.
8. Вероятно, имеется в виду дворец великого князя Михаила Александровича, отца великого князя Николая Михайловича (Ново-Михайловский дворец, Дворцовая набережная, 18, архитектор А. И. Штакеншнейдер), где проживали все его сыновья, в том числе и известный историк, великий князь Николай Михайлович.
9. ...с будущим своим вторым мужем Александром Александровичем Башмаковым... Башмаков Александр Александрович (1858–1943) – ученый и общественный деятель. Потомок по женской линии А. В. Суворова, сын Одесского губернатора А. Д. Башмакова. Один из близких сотрудников П. А. Столыпина, главный редактор журнала «Правительственный вестник» (с 1906).

Проф. гр. В. П. Zubov

БАЛ В ЗАКРЕТЕ*

На левом берегу Вилии, полторы версты ниже Вильны, находилось имение Закрет [1], вернее Задрент, расположенной на изгибе реки Закреньи, откуда и название. Оно было некогда родовым имением Радзивиллов.

В начале XVIII века Станислав Радзивилл, маршал войск литовских, подарил его виленским иезуитам, которые перенесли туда свою летнюю резиденцию, построили здания и разбили сады. Стены, окружавшие монастырь, были украшены фресками в нишах. Посреди зданий находилась каплица. После упразднения папой Климентом XI V в 1773 году ордена иезуитов, Закрет перешел во владение виленского епископа князя Игнатия Мосальского (родившего в 1729). За свои симпатии к России Мосальский 24 марта 1794 года пал жертвой давления толпы на судей в Варшаве [2].

После его смерти Закрет стал принадлежать городу Вильна, который после 1801 г[ода] продал его виленскому военному губернатору Беннигсену. Последний увеличил прежнее монастырское здание и перестроил его в красивый дворец, в котором неоднократно бывал император Александр Павлович, несмотря на свою ненависть к Беннигсену, как к одному из убийц его отца. В конце концов, Беннигсен в 1812 г[оду] продал Закрет государю, и к моменту этой продажи относится случай, о котором ниже будет речь. Во время оккупации Вильны французами дворец служил военным госпиталем и сгорел от случайной причины, вместе с находившимися в нем ранеными. До революции 1917 года, Закрет находился в ведении виленского дворцового управления.

Беннигсен был третьим браком женат на Марии-Леонарде-Екатерине Буттовт-Андржейкович, сестре Гродненского, а затем Волынского гражданского губернатора Михаила Фаддеевича Буттовт-Андржейковича. Не в пример другим цареубийцам, которые, хотя и не официально, почти все так или иначе несли последствия своего преступления, ганноверский барон, впоследствии русский граф и генерал-от-кавалерии Леонтий Леонтьевич Беннигсен, не пожелавший принять русского подданства и едва по-русски говоривший, не понес никакого возмездия. Его военные таланты казались Александру незаменимыми. Но наказание он обрел в часто повторявшемся вопросе своей молодой жены: «Друг мой, знаешь ты новость?» – «Что такое?» – «Император Павел умер».

В 1807 г[оду] Беннигсен одержал победу над Наполеоном при Эйлау, случай до тех пор небывалый; но он радовался не долго, так как уже 2/14 июня того же года был жестоко разбит императором французов при Фридланде. В 1812 г[оду]

* Русская мысль. 1959. 2 июня № 1376. Вторник.

он был начальником штаба фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова, на которого писал доносы, вследствие чего был удален. За сражение под Лейпцигом в 1813 г[оду] он получил графский Российской империи титул. В 1814 г[оду] назначен командующим 2-й армии, но в 1818 г[оду] уволен от этой должности после ревизии П. Я. Киселева, нашедшего, что он стар и слаб, плохо знает русский язык и законы. Он удалился в свое родовое имение Бантельн близ Ганновера, где и умер в 1826 г[оду] на 82-м году жизни.

11 июня ст[арого] ст[илия] 1812 г[ода] государь Александр Павлович находился в Вильне: было ясно, что война с Наполеоном неизбежна, с минуты на минуту ждали наступления французов. События этого дня сохранены в ряде воспоминаний современников, между прочим, и в записках уже не раз упоминавшегося мною на страницах «Русской Мысли» Ивана Андреевича Якубовского, карлика князя Зубова, последнего фаворита Екатерины II. Карлик со своим господином был в это время в Вильне.

«Вот тут французский фельдмаршал Коленкур приехал на переговоры. Государь делал маневры и войска было до 70-ти тысяч на маневрах, и был Великий Князь Константин Павлович. На нашей улице стояло 50 генералов на одной, я очень много знал их. Вот Бениксонша, Марья Фаддеевна продала свой Закрет Государю и назначила дать бал под названием “Расставание с Закретом”. Упросили весь генералитет подпискою сложиться, сколько кому угодно будет дать; вот и подписались. Вот в Закрете не было обширного места и залы большой не было, чтоб могли поместиться тысячи четыре народу; вот они упросили Государя, чтоб позволил построить большую залу в саду архитектору Шульцу, но он был под штрафом, ему более не велено строить, а великой был по Академии и первый теорист. Вот Государь и позволил ему, вот он и начал строить, поставил 24 колонны, сосновые бревна, по бокам по четыре, а в середине по обе стороны по восьми; он их не вка-пывал в землю, а вставлял в сырые бревна, и железа не было употреблено ни куска; пол был паркет. Вот Бениксонша убрала бесподобно зал, колонны были покрыты разными цветами и гирляндами, померанцы — чудесные были, розанов и других цветов бездна была. Вот низ весь был убран, покамест верх кончен был. Вот последний день, когда работа кончилась, граф Потоцкий, генерал-адъютант, и Мария Фаддеевна и я гуляем по зале и пошли в покои, остановились на крыльце и смотрим, народ стал слезать с крышки. Кто мог это вообразить! Зала разваливалась на обе стороны и задавила некоторых людей. А этот день назначен был бал одиннадцатого июня. Вот она, Бениксонша начала звать Шульца, а его и слуха нет. Вот Граф Потоцкий поехал сказать Государю, вот он перекрестился и сказал: “Россия спасена”. Вот бал был на открытом воздухе, пол очистили и на нем танцевали: сад был освещен прекрасно, музыка была полковая, во всех углах сада играла, и ужин был на чистом воздухе. Но Государь не сидел за столом, а ходил кругом и со многими разговаривал.

После пришел в замок наверх и подошел ко мне: я стоял в большой гостиной и смотрел в сад на это великолепие собрания множества народа, я еще никогда не видал в лентах и крестах тоlikое множество; вот Государь спросил у меня: “Что ты здешний?” Я ему отвечал: “Нет, Государь”. – “А чей ты?” Я сказал: “Живу у Светлейшего князя Платона Александровича Зубова”; вот он ударил меня по плечу: “Так, ну тебе известен Закрет, покажи мне комнату, чтоб никто не проходил”. Вот я с радости и побежал искать для Государя, но какое мое было несчастье, весь замок был наполнен разным народом, а была детская, и ребенок уже спал; вот я ему все и сказал, вот Государь спросил, как меня зовут, вот я и сказал. – “Ну пойдем, Иван Андреевич, туда”, но и тут мое несчастье было, я наперед отворил двери, няня обрадовалась, когда меня увидела, но, когда Государь взошел, она тотчас загасила свечку; вот государь сказал: “Нас не хотят принять”, и пошел назад. Вот какое мое было огорчение, я не могу и сказать, может быть, Государь что-нибудь и поговорил со мною, я бы ему все рассказал. Вот тут пришел Федор Петрович Уваров, вот ему Государь стал говорить, вот он обо-ротивши стал мне говорить, я ему тоже сказал, а Государь ему говорит: “Вы видно давно знакомы с ним”. Вот Федор Петрович сказал: “Давно, Государь”. Вот на лестнице встретили придворные служители и принесли Государю варенья и шампанского, вот он ложечки две скушал да шампанским запил, сел в коляску и поехал в город, а в сад уже не пошел; я примечал, что Государь не был весел. Вот я тут моим счастьем наслаждался, что мог с Государем говорить, но мое счастье было как во сне, оно скоро пролетело, я остался как во сне.

Вот мы с князем отправились домой. Кто может воображать, что на другой день будет, один Бог знает; вот мы легли спать после таких веселостей и, лишь только заснули крепко, услышали, кто-то стучит в дверях и говорит: “Отопри-те поскорее”. Вот человек не знал, что и подумать: не пожар ли: вскочил тотчас и отворил: кто же вошел? Федор Петрович Уваров приехал от Государя как можно скорее разбудить князя. Вот его тотчас разбудили; вот он едва опомнился: “что такое?” – “Федор Петрович от Государя приехал к вам”; – “Ну позовите поскорее”; вот он пришел и говорит князю: “Государь велел спросить вас: Бонапарт перешел реку Неман в трех местах, с восьмисот тысячами ночью в четыре часа, главная сила перешла в Ковне, Троки и Юрбург; хотите, Ваша Светлость, остаться с Государем при главной квартире или домой ехать?”; вот князь просил увольнения, что он не очень здоров и едет домой.

Я теперь спрошу вас, благомыслящих, хорошо ли Бонапарте сделал: Колленкур переговоры трактует с Государем, а он тайно переходит; разве он знал, что эта зала всех покроет; но Всевышний Спаситель спас нас; вот она упала 11 июня, а он переходит 12-го числа».

После отступления французов карлик со своим князем в 1813 году опять оказался в Вильне. Он пишет: «Вот я не нашел большого разорения, как мне сказали.

Город почти цел был, но Закрет был весь сожжен, где давали бал 1812 года. Вот мы не знали тогда, куда делся архитектор Шульц, который строил зал в саду; вот его нашли после нас утопшим в реке Вилии под Панарской горой; будто жена его узнала по бриллиантовому кольцу; ему Государь пожаловал».

Этот случай следующим образом рассказан в воспоминаниях Якова Ивановича де Санглена, бывшего в 1812 г [оду] директором военной полиции I армии при военном министре:

«Вдруг позван я был к Государю. Когда я вошел к нему, он ходил быстрыми шагами по комнате и, заметив меня, сказал: “Мои генералы и флигель-адъютанты просили у меня позволения дать мне бал на даче Беннигсена, и для того выстроили там большую залу со сводами, украшенными зеленью. С полчаса тому назад получил я от неизвестного записку, в которой меня предостерегают, что зала эта ненадежная и должна рушиться во время танцев. Поезжай, осмотри подробно”.

Я немедленно приказал оседлать лошадь и тотчас поскакал на дачу. У подъезда дома встретил я Беннигсена, который вероятно полагал, что я послан Государем с каким-либо к нему приказанием, ибо спросил:

“Что вы мне привезли?” – “Я приехал засвидетельствовать Вашему Высочайшему превосходительству мое почтение и посмотреть на строящуюся залу”. – “Пойдемте ко мне; жена наливает чай; напьемся, а потом пойдем вместе”. Отказаться было неловко. Супруга его налила мне чаю; но едва я взял чашку в руки, как что-то рухнуло с ужасным треском. Я поставил чашку на стол и вместе с Беннигсеном побежали и сад. Здесь увидели разрушившуюся до срока залу. Все арки, обвитые зеленью, лежали на полу.

По рассмотрении причин сего разрушения увидели мы, что все арки между собой и к полу прикреплены были штукатурными гвоздями. “Где архитектор?” – спросил я. – “Он недавно здесь был”, – отвечали мне. – “Отыскать его!” – сказал я. Через некоторое время посланные возвратились и принесли выловленный из воды фрак и шляпу архитектора.

– “Видно, утопился”, – сказали посланные. Я сел на лошадь и во весь галоп поскакал к Государю.

– “Что?” – спросил он. – “Здание рушилось”, – отвечал я, – “один пол остался”. Государь потребовал подробностей. Я рассказал, и что по осмотру оказалось. – “Так это правда!” – сказал Государь, – “поезжайте и прикажите пол немедленно очистить: мы будем танцевать под открытым небом”. Я зашел домой, приказал заложить коляску, а меня ожидала эстафета из Ковно с извещением, что Наполеон в этом месте начал переправляться с своей армией. Я воротился с докладом к Государю. – “Я этого ожидал, — отвечал Государь, — но бал все-таки будет”. Я поскакал с этим известием к Беннигсену. Действительно, когда все танцевали, Наполеон переправлялся и вступал в наши владения». («Русск[ая] старина», т. XXXVII, янв.-март 1883, стр. 545-546).

В воспоминаниях двух дам тоже описано это происшествие. Одна – русская по рождению, но француженка по мужу, графиня де Шуазель-Гуффье рожденная гр[афиня] Тизенгаузен, супруга французского эмигранта, другая – герцогиня д’Абрантес, жена наполеоновского маршала Жюно. Их рассказы резко противоречивы. Обе пишут по-французски. Первая говорит: «Главная квартира императора, адъютанта, генералы и т[ак] д[алее] и т[ак] д[алее], а не г-жа Беннигсен, как утверждает г-жа д’Абрантес в своих мемуарах, пожелали дать празднество Его Величеству, который сооблаговолит при-соединить триста императоров из своей шкапулки, сказав этим господам: “Если вы хотите дать праздник, постарайтесь, чтобы он был устроен хорошо, так как Виленские дамы знают в этом толк...”»

Адъютанты, находят, что помещение, предложенное им г-жею Беннигсен в своей вилле, разбитой в старом монастыре иезуитов, которые имели в Закрете очаровательное владение, сады, оранжереи, шпалеры и прекрасный вид на хорошем воздухе, придумали построить на газоне открытую галерею с колоннадой, включающую цветник и прекрасные апельсиновые деревья, расположенные квадратам, где должны были сидеть дамы. Постройка была поручена архитектору Шульцу, которому г-жа д’Абрантес пожелала по собственному разумению приписать преступный патриотический поступок, выражая ему крайнее восхищение и рассматривая его как героя древности...

Тут, в крушении зала в Закрете, г-н Шульц, этот герой на манер г-жи д’Абрантес, погубил бы с Императором Александром, нескольких генералов и цвет литовской знати, включая и нас, бедных женщин, жертв весьма бесцельного покушения, так как оставался вел[икий] князь Николай, шестнадцати лет и даже вел[икий] князь Константин, который в то время еще не отказывался от престола. Надо, следовательно, восстановить обстоятельства, какими они в действительности были. Г-н Шульц был совершенно порядочным человеком, очень мирным, совсем не экзальтированным, но очень неискусным архитектором. Это было известно. Говорили: такой-то свод провалился, такая-то стена рухнула и т[ак] д[алее]. Мой отец, прекрасно осведомленный в зодчестве, так как много строил в своих поместьях, как-то приехал в Закрет посмотреть на работы и сказал архитектору: «Г-н Шульц, мне кажется, что вы недостаточно глубоко опускаете в землю стержни ваших колонн». Это были толстые круглые балки, которые, украшенные листвой с капителями из цветов каштанового дерева, должны были поддерживать легкую крышу. – «Ах! – сказал Шульц, я свяжу свои колонны крышей». Два дня спустя мы узнали, что галерея рухнула, (к счастью, во время обеда рабочих); она стоила двадцать тысяч франков. И несчастный Шульц побежал утопиться в Вилии, которая мирно текла вблизи (его шляпу нашли на берегу), не из отчаяния, что его преступный план не дался, как утверждает г-жа Жюно, но с горя, что его в нем заподозрят. В этом он был вдвойне неправ, не доверяя справедливости Императора, который в этой не-

большой катастрофе увидел бы лишь простую случайность (C-sse de Choiseul-Gouffier, née c-sse de Tisenhaus – *Réminiscences sur l'Empereur Alexandre I-er et sur l'Empereur Napoléon I-er*, Besançon, 1862, pp. 48-52).

Действительно, рассказ герцогини д'Абрантес прерываемый бесчисленными многоточиями, придает этому происшествию чрезмерно романтическую окраску. Она приписывает Шульцу сокровенные мысли, о которых она не могла знать, загадочные улыбки, которых она не могла видеть. Тем не менее, вопрос, была ли измена или нет, – вероятно, навсегда останется нерешенным. Кажется, что Государь в виновность Шульца не верил.

Вот что пишет герцогиня: «Раз я опять заговорила о России и об эпохе 1812 г[ода], вот факт весьма интересный для истории, хотя результат его не имел тех огромных последствий, к которым он должен был привести. Известно, что император Александр принимал в Вильне празднества, когда, ему было доложено о вступлении французских войск на русскую территорию... Впрочем, подробности этого дня мало известны. Император был в Вильне, у генерала Беннигсена, у которого он только что крестил дочь: он в качестве подарка на крестины подарил ему имение под названием Закрет (Это не верно. В. 3.), расположенное близ Вильны, где г-жа Беннигсен пожелала в саду построить дощатый павильон, в котором должен был быть дан императорский праздник. Она осведомилась о лучшем архитекторе в Вильне, и ей указали на г-на Шульца, как на самого искусного не только в городе, но во всей провинции. Г-жа Беннигсен объяснила ему, чего она желала и сказала, почему она хочет, чтобы помещение было достойно праздника, который должен был быть дан в нем. Г-н Шульц был литовцем. Это был один из тех людей с глубокими страстями и, как почти все поляки, с великодушным сердцем, способный на самые большие подвиги, лишь только слышится голос отечества. Он питал к русским ту старую злобу, которая поколениями бродит в польской крови и передается последнему с жаждой, которую может утолить лишь смерть ненавистного врага...

Принимая поручение г-жи Беннигсен, он хотел было отказаться... но непреодоленное чувство заставило его затем принять... По мере того, как она говорила, он слушал ее со вниманием, которое г-жа Беннигсен должна была бы заметить... Он улыбнулся, получая приказ приготовить все к назначенному времени... Это было за четыре дня... Он обещал быть точным... Действительно, как он обещал, павильон был не только построен, но и роскошно украшен. Было нечто фантастичное в том, как почти внезапно был закончен этот павильон...

Г-жа Беннигсен, восхищенная точностью Шульца, благодарила его с горячностью, которая заставляла его улыбаться... но улыбкой, в которой не было ничего радостного и доброжелательного. Пошли посмотреть на павильон, в котором за несколько часов до бала еще работало несколько рабочих. Наконец,

все было закончено, и каждый удалился к себе, чтобы подготовиться к празднику... Внезапно послышался страшный шум... Это был павильон, который только что рухнул!.. Расчет архитектора-патриота был не ошибочен... он рухнул слишком рано!.. он должен был упасть лишь несколькими часами позже... Рушась, он сразу задавил бы всю императорскую семью и всех генералов русской армии, находившихся в это время в Вильне!.. Узнав о преждевременном осуществлении своего предприятия, Шульц кинулся в маленькую реку Вильну (sic), в которой утонул... Это событие, мало у вас известное, имеет тем не менее огромное значение... Оно доказывает, что эта польская нация обладает еще большой отвагой... Этот Шульц был почти убежден, что будет подвергнут самой жестокой казни... И что же! он не бежал... он хотел насладиться своей местью!.. Я не могу достаточно восхищаться таким характером... Есть античная красота в таком человеке, как Шульц... Узнав, что его месть не удалась..., что весь этот царский род, который он ненавидит, будет существовать, не только, чтобы еще преследовать его братьев, но чтобы потребовать от него его кровь и его жизнь, он захотел лишить их радости мести, и самая его смерть – еще лишняя прекрасная черта... В России мало говорили об этом происшествии... и в тот же день праздник состоялся в этом же самом павильоне, где должна была витать тень смелого архитектора!.. Сто рабочих убрало сломанные балки и осколки досок... Погода была прекрасна... Поставили фонари, канделябры, гирлянды из листьев и танцевали на том самом полу, который должен был быть окрашен кровью всей императорской семьи... Кто может сказать, какую разницу такая катастрофа могла внести в события похода? Как была бы выдержана война?

... Императрица, уже больная, не смогла бы вести дела, ни даже достойным образом править... Три великих князя находились при брате (я, однако, не уверена, что оба великих князя находились в это время при армии. Я это думаю, но не убеждена.) ... Но допуская, что обоих младших там не было, что могли сделать два ребенка, лишённые всех советов и всякой военной помощи, так как цвет генеральских чинов и офицеров главного штаба. погиб бы в Вильне, если бы удался план Шульца?.. Но нет... произошло отступление из Москвы!.. Кости наших самых храбрых солдат белели в пустынных степях России... Мы были покинуты нашими союзниками, и битва под Лейпцигом окончательно нас раздавила» («Memoires de la Duchesse d'Abrantès, t.XVI, pp. 376-381, Paris, 1834).

Комментарии

1. Вингис (Закрет, польск. Zakret, лит. Vingio parkas) – крупнейший парк в г. Вильнюс (Литва). Располагается в центре города, в западной его части, в изгибе реки Вилии; занимает площадь в 160 га. Излюбленное место пешеходов и велосипедных прогулок жителей Вильнюса и концертов под открытым

небом, массовых общественно-политических мероприятий. В парк ведут два входа — с улицы М. К. Чюрёнё и, через пешеходный мост, — с улицы Бирутес. В XV–XVI веках сосновый бор, с трех сторон окруженный обрывистыми берегами реки, принадлежал Радзивиллом, затем иезуитам, позднее виленскому епископу Игнатию Масальскому. После его смерти в 1794 году имение унаследовали Потоцкие, которые продали его графу Зубову (Валериану?), а у него имение купил виленский генерал-губернатор Беннигсен. Иезуиты в Закрете построили трехэтажный дворец с мансардами по проекту архитектора И. К. Глаубица, который потом перестраивался другими владельцами. В летнем дворце Беннигсена в 1812 году гостил император Александр I со своим штабом. Ему понравилась живописная местность, и он приобрел у Беннигсена всю территорию Закрета.

2. Игнатий Масальский пал жертвой событий мая 1794 года, когда в Варшаве был вырезан русский гарнизон, спаслись те немногие, которые с оружием в руках пробивались к другим частям российской армии, в их числе был граф Николай Александрович Зубов, прадед автора. Позже на рыночной площади польской столицы были установлены виселицы, где без суда казнили всех заподозренных в симпатиях к России, в их числе был и виленский епископ, и отец возлюбленной Александра I, Марии Антоновны Нарышкиной, рожденной княжны Четвертинской (из Рюриковичей). Об этом см. подробнее: Исагулова Т. Д. Графы Николай и Валериан Зубовы в Польше. 1794 год // Суворовские чтения. Четвертый выпуск. Санкт-Петербург, 2002. С. 28–34 и Она же: «Я должен был сделаться виновником всей революции...» [Башмачник Ян Кишинский] // Талеон. 2005. № 5 (15). С. 86–93

Проф. гр. В. П. Zubov

ШЕВАЛЬЕ ДЕ САКС В РОССИИ*

ИОСИФ Ксаверий, Chevalier de Saxe (23 авг. 1767–25 июня 1802), носивший также имя графа von Zabeltitz, был сыном принца Франциска Ксаверия Саксонского, бывшего во время малолетства своего племянника Августа III администратором (регентом) Саксонии (1730–806), от морганатического брака его с графиней Кларой Spinuzzi (1741–1792), а отнюдь не незаконный сын Максимилиана Саксонского, как утверждает в своих записках граф Рибопьер (см. ниже).

Иосиф Ксаверий, как и его братья и сестры, был воспитан и натурализован во Франции. Сначала он поступил на французскую военную службу, затем полковником гвардии на русскую, и, наконец, в качестве *maréchal de camp* на неаполитанскую. Мало образованный, он прославился своими столкновениями и приключениями. Последнее время жизни он провел в Вене, где главным образом вращался в обществе французских эмигрантов и поляков. О нем см. Thévenot, *Correspondance inédit du Prince Xavier de Saxe*, 1874; v Thürheim, *Furst de Ligne*, 1877, стр. 187. В рассказах генерала Котлубицкого [1] (Русск. Арх. 1866. столб. 1314–1316) читаем о нем следующее:

«В последнее время царствования императрицы Екатерины II приезжал из Германии какой-то князь очень красивой наружности, “как писанный” и помещен во дворце. Целью его приезда было обратить на себя благосклонное внимание императрицы. К нему определен был для показания Петербурга чиновник министерства иностранных дел. Сам ли князь Zubov, или из угождения к нему другие, успели искусной интригой повредить приезжему князю. Несмотря на то, он, по-видимому, начинал нравиться императрице. В то время в Измайловском полку служил князь Щербатов [2], молодой человек пылкого нрава, иногда предававшийся увлечениям и шалостям своих лет. В театре, в первых рядах, сидел немецкий князь с приставленным к нему чиновником. Рядом с надменным гостем занял место упомянутый князь Щербатов, в кафтане, с модною в то время суковатою палкою (военным вне службы тогда дозволено было ходить в штатском платье). В антракте Щербатов спросил по-французски своего соседа: “Как вам нравятся наши русские актеры?” Но не получив ответа, повторил свой вопрос по-немецки. Вместо ответа гордый иностранец, обратившись к своему приставу, сказал ему: “Как дерзки у вас молодые люди! Они так смело навязываются с своими разговорами”. – “Ах ты немецкая свинья! Я сам русский князь!” – закричал вспыльчивый Щербатов и ударил своею палкою по лицу надменного немца.

* Русская мысль. 1959. 21 июля. № 1397. Вторник.

Окровавленного – его увезли домой, но уже не во дворец, а в лучшую гостиницу, куда перевезли все его вещи».

«Встревоженный Zubov доложил тотчас же о случившемся неприятном происшествии и объяснил, что он считает теперь неприличным битого князя поместить во дворце и должен был для него приготовить другое помещение. На другой день императрица через Zubova посла ему табакерку с[o] своим портретом и с изъявлением крайнего сожаления о случившемся. Князь, приняв с признательностью подарок императрицы, поблагодарил Zubova за случившееся с ним, намекнув, что найдет время с ним рассчитаться, и уехал за границу. Молодой Щербатов был отставлен от полка, с запрещением въезжать в столицу. По восшествии на престол Павел Петрович вызвал его из деревни и определил в тот же полк с пожалованием чинами против сверстников. Князь Zubov, находясь за границей, получил от оскорбленного в России немецкого князя вызов на дуэль; тот, считая себя не вправе стреляться за Щербатова, переслал ему вызов. Императору было известно об этом, и, когда князь Щербатов просился у него в отпуск за границу, то он приказал дать ему на дорогу пять тысяч рублей. Когда Щербатов по возвращении представлялся государю, он был очень доволен и спросил его: “Что, убил немецкую свинью?” На что тот отвечал утвердительно».

Конец рассказа Котлубицкого не может соответствовать действительности: по его словам представляется, что дуэль имела место при Павле Петровиче, в то время как она происходила в 1802 г[оду]. Такая ошибка со стороны близкого к Павлу человека, генерал-адъютанта и коменданта Михайловского Замка, кажется удивительной и может быть объяснена, лишь тем, что рассказы Котлубицкого не были написаны им самим, а другим лицом с его слов.

Ошибается также Котлубицкий, говоря, что у Zubova с де-Саксом дуэли не было; она состоялась в Теплице и происходила на шпагах, при чем секундантом князя был известный австрийский и русский фельдмаршал, дипломат и писатель Prince de Ligne (1735–1814). Несколько иную версию всех этих событий дает в своих записках граф Александр Иванович Рибопьер [3] (Рус. Арх. 1877, I, стр. 498–500). «Во время случая Zubova Chevalier de Saxe, незаконный сын герцога Максимилиана Саксонского (как уже указано, Рибопьер тут ошибается) приехал попытать счастья в России. Императрица приняла его отменно милостиво, обращаясь с ним почти как с принцем, допустила его в число приближенных и даже назначила ему ежегодную пенсию в 2.000 рублей, которая по закону Петра Великого выдавалась принцам Римской империи, поступавшим на нашу службу. Князь Zubov выказал тоже сочувствие этому Шевалье. Один молодой князь Щербатов, бывший еще в унтер-офицерском чине и весьма дурно воспитанный, встретив Де-Сакса, с которым почти не был знаком, на Екатерингофском Гуляньи фамильярно в нему подошел и спросил его: “Comment vous portez vous?” [4] Шевалье резко ответил: “Sur mon cheval” [5]. Ответ

был передан Щербатовым его товарищам по полку. Об этом много говорили по городу со всякими комментариями, осуждали Шевалье и наконец решили, что столь важное обстоятельство требовало серьезного объяснения».

«Объяснение только раздражило противников, и однажды, при выходе из французского театра, Щербатов, остановив Шевалье, потребовал сатисфакции. Настойчивость мальчика рассердила вспыльчивого Шевалье, и он забылся до того, что дал противнику пощечину. Щербатов изо всех сил ударил его палкою по голове. Общество имело дурной вкус прозвать палки, похожие на ту, которую носил Щербатов, Щербатовскими (à la Scherbатов). Так как драка произошла в публичном месте, то полиция вмешалась в дело, и Шевалье, несмотря на его русский полковничий мундир, отведен в заточение. Вскоре, однако, его выпустили, и он написал письмо к Зубову, требуя правосудия. Но вместо ответа, Шевалье по высочайшему повелению выслан за границу».

«Можно себе представить негодование Де-Сакса, живого, вспыльчивого, но вполне благородного и к тому же известного храбреца! Едва переступил он за русскую границу, как стал посылать вызовы к князю Зубову, которого подозревал в ревности и в подсылке Щербатова, а также и сему последнему за оскорбление, оставившее неизгладимые следы на лбу его. Не получая ответов ни от того, ни от другого, Шевалье де-Сакс напечатал в газетах посланные им оскорбительные вызовы; но князь Зубов с высоты своего могущества не сообразовал обратиться на них внимания, а Щербатов, в то время мальчишка, отправлен был к родным в Москву или в деревню».

«Наступило царствование Павла I; ни тому, ни другому невозможно было ехать в Германию (опять ошибка Рибопьера; Зубов при Павле был за границей), где их ждал противник. Я ежедневно виделся в Вене с Шевалье Де-Сакс в первое мое там пребывание: его там любили, и он имел обширное знакомство. Сначала, как русский, я ему был не по сердцу, но мы вскоре сошлись, и он мне откровенно признался, что, несмотря на мои 16 лет, он решился было со мной поссориться и вызвать меня на поединок; скромность и открытое поведение мое его обезоружили. Мы снова встретились теперь в Вене, и вскоре после меня туда приехали князь Зубов и князь Щербатов. Последний говорил, что он спешил с тем, чтобы помешать поединку князя Зубова с Шевалье Де-Сакс; но Зубов приехал ранее, и поэтому условия дуэли были установлены, и решено было драться в Петерсвальде, на границе Саксонии и Богемии».

«В то время как шли переговоры касательно этого поединка, Зубов не раз приходил ко мне в комнату, занимаемую мною в посольстве. Тогда убедился я, как мало было твердости духа я этом баловне счастья. Правда он шел на поединок, но он не мог иначе поступить, после полученных им от Шевалье публичных оскорблений, и на поединок он шел как слабая женщина, приговоренная к мучительной операции. Смирненно и тихо входил он теперь, почти каждый день, в мою комнату. Он меня знал ребенком. Невольно глядя на него, вспоми-

нал я времена его могущества, когда он держал себя как неприступный сатрап; рассевшись веред зеркалом, в то время как па-рикмахер убирал и пудрил ему волосы, он не соизволял обернуться ни для какого пола, ни для какого вельможи, являвшихся к нему с поклонами, и только слегка кивал головой, глядя на них в зеркало. Голова эта кружилась от упоения фортуною. Вообще говоря, он не был дурной человек, он не лишен был ума и имел познания, но не по нем была та высота, на которую он попал случайно, и с которой так же случайно упал после внезапной кончины своей покровительницы. Приходя ко мне в Вене, Зубов постоянно говорил про Императрицу, которая меня так любила, и память которой была дорога нам обоим»...

«Зубов дрался крайне смешно: прежде чем взяться за шпагу, он стал на колени, долго молился, потом, наступая на Шевалье, он наткнулся рукою на его шпагу и, чувствуя, что получил царапину, объявил, что долее не может драться. Шевалье, нанеся ему удар, воскликнул: “вы мне надоели!” Несколько дней после этой дуэли Щербатов нагнал Шевалье Де-Сакс в Теплице. Они дрались на пистолетах в Петерсвальде на том же самом месте, где и Зубов. Шевалье был убит наповал с первого выстрела. Щербатов долгое время упражнялся в стрельбе, и хорошо сделал, ибо иначе он бы неминуемо пал под могучею и ловкою рукою Шевалье Де-Сакса, т[ак] к[ак] по условиям поединка в случае, если бы оба промахнулись, соперники должны были взяться за шпаги. Отправляясь в Теплиц, Щербатов увидел зайца, перебежавшего через дорогу, он схватился за пистолет и убил его наповал».

Ссору Щербатова с Де-Саксом описывает и Н. Н. Бантыш-Каменский в письме к князю А. Б. Куракину от 15 мая 1795 г[ода]: «7 мая в Петербургском театре произошла нехорошая история. Француз, полковник нашей службы и кавалер Сакс, поссорясь с гвардии офицером князем Щербатовым (меньшим сыном князь Григория Алексеевича), ударил нашего в рожу. Сей, имея палку в руках, раскроил ему лоб до крови. За француза вступились француз Брольо и англичанин Макартней, но обер-полицеймейстер, всех забрав под стражу, донес Государыне. Тотчас же последовало решение: князя Щербатова выпустить, а чужестранцев выслать за границу, которые в ту же ночь в кибитках выпровождены». (Р. Арх. 1876, III, стр. 409).

Комментарии

1. Кутлубицкий (Котлубицкий) Николай Осипович (1775–1852) – в 1792 году выпущен из Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса поручиком в морской батальон, с 1793 служил в гатчинской артиллерийской батарее под началом А. А. Аракчеева, состоял при нем адъютантом, с 1795 года штабс-капитан, любимый адъютант великого князя Павла Петровича; по восшествии его на престол пожалован во флигель-адъютанты с про-

изводством в майоры гвардейского артиллерийского батальона (7 ноября 1796), затем в подполковники (9 ноября); генерал-майор и генерал-адъютант (1 января 1797); в июне 1798 года был произведен в генерал-лейтенанты и назначен в свиту императора; в последний год царствования императора Павла I – был комендантом Михайловского замка.

2. Князь Николай Григорьевич Щербатов (1777–1848), российский военачальник эпохи наполеоновских войн, генерал-майор Русской императорской армии. Сын князя Григория Алексеевича Щербатова и его второй жены Настасьи Николаевны, урожденной княжны Долгорукой; брат московского генерал-губернатора Алексея Григорьевича Щербатова. В 1802 году шевалье де Сакс, будучи в Теплице, якобы неслестно отозвался о Щербатове, что привело к дуэли, в результате которой Щербатов нанес обидчику смертельную рану (по мемуарным источникам первый конфликт между ними возник еще в 1794–1795 годах). В ходе войны Щербатов неоднократно встречался с французами на поле боя и за удачные действия при Снедове, Станиславове и Остроленке был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, Святой Анны 3-й степени и золотой саблей с надписью «За храбрость».
3. Рибопьер Александр Иванович, граф (с 1856) (1781–1865) – русский придворный и дипломат швейцарского происхождения, управляющий государственными банками, действительный тайный советник, масон. Знаменитый в свое время красавец, блестящую карьеру при дворе сделал еще в юности, при императоре Павле и в начале царствования Александра I. При пяти монархах он был, по свидетельству М. А. Корфа, «человек домашний во дворце». С 1809 года Рибопьер состоял в браке с Екатериной Михайловной Потемкиной (1788–1872), дочерью генерал-поручика М. С. Потемкина, внучатой племянницей князя Потемкина. Молодые люди знали друг друга с детства и давно проявляли взаимную симпатию.
4. «Comment vous portez vous?» – Как Вы поживаете? (франц.).
5. «Sur mon cheval» – На лошади (франц.).

Проф. гр. В. П. Зубов

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ. ПО ПОВОДУ НОВЕЙШЕЙ АРХИВНОЙ НАХОДКИ*

ЛИЧНОСТЬ императора Павла Петровича давала повод к самым разноречивым мнениям, как среди его современников, так и позднейших историков. Самым распространенным был взгляд на него как на душевнобольного тирана. Не надо забывать, что Государь пал от руки убийц, оставшихся, по крайней мере, официально, безнаказанными, и что в их интересах было очернить, сколько возможно свою жертву. Если в последние годы его жизни и можно распознать в характере Павла признаки невроза, то рядом с этим наблюдаются суждения, распоряжения и действия, свидетельствующие о ясном государственном уме и последовательно проводимом, продуманном плане управления. Другой вопрос, нравился ли или нет, этот план многим, находившимся на верхах лица.

Еще очень недавно почти единственным материалом историкам Павла служили мемуары современников, т[о] е[сть] материал самый ненадежный, так как всегда субъективно окрашенный, и лишь в 1916 г[оду] появился труд профессора Ключкова [1], впервые обратившего внимание на официальные правительственные документы, из которых вырисовывается совсем иной образ правителя, далекий от кровожадного безумца, жившего в представлении не только широкой публики, но и большинства ученых. Удивительно, что царская цензура, ревниво охранявшая престиж почивших монархов, пропускала злейшую клевету на Павла I [2].

Заслуженный исследователь отношений между Римом и Россией, директор Славянской библиотеки в Париже отец М.-Г. Руэ де Журнель (M.-G. Rouet de Journel S.J.) совсем недавно сделал сенсационную архивную находку, рисуящую Государя в новом освещении за 4 месяца до его трагической кончины, т[о] е[сть] в такое время, когда по распространенному мнению его душевная болезнь достигала своего пароксизма. Мы и в этом случае видим продуманную до конца мысль, безразлично пришла ли бы она всем по душе или нет, и большую осторожность на первых шагах к ее осуществлению.

Автор представил свое открытие в двух статьях, одной французской в сентябрьском номере 1959 года журнала «Etudes» (стр. 211/220) «Paul 1-er de Russie et l'union des Eglises» и одной итальянской в «La Civiltà Cattolica» 1959, III, стр. 604/614: «L'Imperatore Paolo I e la riunione delle Chiese».

Известно, что в январе 1797 г[ода] Император Павел принял звание покровителя Государственного Ордена Св[ятого] Иоанна иерусалимского (Мальтийского

* Русская мысль. 1959. 1 дек. № 1454. Вторник.

Ордена). В это время военные успехи революционной Франции в Италии грозили самостоятельности ордена, и он искал защиты благоволившего в нему монарха... Тогда же в России был учрежден Мальтийский приорат. До сих пор ничего ненормального в этих событиях усмотреть нельзя. Почему католическому ордену не просить заступничества могущественного монарха, хотя бы и исповедующего греко-российскую веру.

Странным обстоятельством становятся с того момента, когда 12 июня 1798 г[ода] генерал Бонапарт, по дороге в Египет осадивший остров Мальту, принудил к сдаче Великого Магистра Фон Гомпеша и, таким образом, лишил державный Орден его территории.

Значительное число рыцарей, находившихся в России, или туда прибывших, объявили Гомпеша низложенным за позорную капитуляцию и избрали на его место русского императора. С этой минуты создается положение совсем двусмысленное. Во-первых, Мальтийский орден – орден монашеский, во-вторых – орден римско-католический, верховным главой которого является Папа, в-третьих – самое избрание было совершено не генеральным капитулом, как того требовал устав, а, правда, большой группой, но все же лишь группой рыцарей.

Великим магистром монашеского ордена стал женатый человек и с точки зрения Рима схизматик.

Папа Пий VI, находившийся в эту минуту в плену у французов и через год умерший, – разумеется, не мог утвердить подобного избрания, но в том тяжелом положении, в котором и он, и орден находились, ограничился платоническим протестом.

Для того, чтобы понять психологию Павла, принявшего это избрание, надо вернуться далеко назад, к годам его детства. Мы располагаем драгоценным документом, дневником одного из учителей цесаревича, Семена Андреевича Порошина, который на протяжении года с лишним записывал день за днем все события, происходившие при дворе маленького Великого Князя, его игры, его замечания и разговоры с окружающими и т[ак] д[алее]. Павлу было в это время от 10 до 11 лет. Этот источник был использован во всем, что относится к материальным фактам, в особенности в том, что так или иначе проливает свет на события при большом Дворе, но мне кажется, что до сих пор из него еще недостаточно вычерпано то, что может служить для понимания психической эволюции ребенка.

Тут мы, во-первых, сталкиваемся с проблемой поколений. Психология одного поколения иногда больше, иногда меньше, но всегда отличается от следующего, другими словами, человеческому мышлению в разные моменты истории присущи стили, как и произведениям искусства. Павлу, рожденному в 1754 г[оду], суждено было в начале XIX века, если бы он остался в живых, достигнуть 50-летнего возраста. Его образ чувствований и мыслей с необходи-

мостью отличается от поколения его матери. Екатерина всецело принадлежит ко второй половине XVIII в[ека], мышление ее современников выражается в сентиментальности Руссо, сарказме Вольтера и в высокой оценке человеческого разума: при каждом удобном случае проливают слезы, но чувства, их вызывающие, не глубоки: интересуются мистикой, изучают оккультные науки, но лежащее в основе религиозное чувство поверхностно. Духовное состояние лиц, рожденных как Павел, в середине века, совершенное иное. Их зрелый возраст упадет в эпоху ранней романтики, и уже в детстве у них можно усмотреть тенденцию в этом направлении, их воображение имеет иной колорит, чем у старших, контуры более расплывчаты, преобладает светотень, если позволено перенести термины живописи на духовные способности.

Если предыдущее поколение в области истории интересовалось по преимуществу греко-римской древностью, Екатерина, например, зачитывалась Тацитом, молодежь предпочитает Средние Века и рыцарство. Так десятилетний Павел, прочтя историю Мальтийского Ордена аббата Верто, видит себя рыцарем Св[ятого] Иоанна Иерусалимского. Его любопытство бывает захвачено всем таинственным: он слышит о масонстве и жаждет проникнуть в его тайны.

Он не один, его современники во всем мире – сознательные или подсознательные романтики: разве не романтик Наполеон, произносящий пустую, но звучную фразу о веках, глядящих с вершины пирамид?

Неожиданно 44-летнему Павлу является искушение стать великим магистром того ордена, о котором он мечтал в детстве. Понятно, что, при его импульсивной натуре, он с головой уходит в эту идею, во время торжественной церемонии принимает это звание и... вдруг встречает мягкий по форме, но решительный по существу отказ со стороны Папы. Первыми поплатились папский нунций Лоренцо Литта, и его брат, балы ордена, Джулио Литта, бывшие главными пружинами всей затеи. Папский нунций без разрешения Папы даже принял Мальтийский Крест из рук левого схизматического магистра. У Павла рождается мысль, что братья Литта нароч-но спровоцировали его, желая поставить русского Государя в невозможное положение. Нунций в 24 часа препровожден под полицейским эскортом до границы, его брат выслан в поместья, которыми он успел обрести в России. Но от этого почтительное отношение Павла в Папе не меняется. У него хотят отнять его мечту, но он не хочет с ней расстаться. К этому-то и относятся документы, на которые набрел в Неаполитанском архиве отец Руэ де Журнель.

Представителем Неаполитанского королевства при русском дворе с 1783 г[ода] был Дон Антонио Мареска Доннорсо, дука ди Серракаприола (1750–1822), получивший это назначение в возрасте 32 лет и остававшийся на этом посту около сорока лет. После смерти первой жены он в 1788 г[оду] женился на княжне Анне Александровне Вяземской (1770–1840), дочери Екатеринбургского генерал-прокурора кн[язя] Александра Алексеевича (1727–1793). Его

салон был одним из самых блестящих в русской столице. У Павла I он пользовался особым фавором. Со своей стороны в своих донесениях в начале царствования он восторженно отзывался о новом Государе.

В понедельник 5/17 ноября 1800 года, доносил своему двору Серра Каприола, он был приглашен к императору в Зимний Дворец. Павел с самого начала просит посланника отбросить официальный дипломатический тон, он желает беседовать с ним по-дружески. Раньше, чем начинать разговор, говорит Государь, им бы следовало обоим стать на колени перед алтарем и испросить помощи Божией тому, о чем будет речь. Кроме того, он просит от Дюка его честного слова сохранить все в строжайшей тайне, и хотел бы, чтобы сообщение, которое будет послано неаполитанскому двору, было отправлено через специального курьера, а не обыкновенной почтой. Видимо императору хорошо известно, как обращается его собственная почта с дипломатической корреспонденцией. Павел говорит, что он проникнут большим желанием и питает большой замысел: он хочет соединить Церкви, столько веков разделенные, ясно видя, какое благо для мира принесет вновь найденное единство. Он давно обдумывает этот чрезвычайной важности вопрос, его трудности и в то же время особые причины, побуждающие привести его к разрешению.

У него десять миллионов католических подданных (цифра преувеличенная), большинство из них в присоединенных польских областях. Они заслуживают всего его внимания. Остальная часть исповедует греческую веру, но и тут нет единства: рядом с господствующим православием, существуют секты (он, вероятно, имеет в виду разные толки старообрядчества).

Государь продолжал: «Желая оказать противодействие философским учениям, я нахожу это соединение нужным для государственной пользы моей империи и всех других держав».

Несколько раз в течение этой достопамятной аудиенции император возвращался к глубоким причинам, побуждающим его разрешить, или по крайней мере попытаться разрешить задачу воссоединения разделенных Церквей. Он де намерен бороться с идеями новой философии, с неверием и атеизмом. В католической Церкви он усматривает твердость принципов, которая его привлекает, принципов, которые ему кажутся более, чем когда-либо, необходимыми для его цели. Он не скрыл от посланника, что давно чувствует некоторую склонность к католицизму: много лет тому назад, когда он в 1782 г[оду], будучи вел[иким] князем, был в Риме, он говорил об этом с Папой Пием VI. Он разрешил и даже поощрял открытие коллегии иезуитов в Петербурге и предлагает доверить им еще и другие учебные заведения, зная, что в них русская молодежь будет воспитываться в тех началах, которые он желает видеть в своих подданных.

Есть еще одно обстоятельство, в котором он имел в виду пользу Католической Церкви больше, чем свою и свое тщеславие. Это вопрос о звании Вели-

кого Магистра Мальтийского ордена, который вот уже два года служит причиной конфликта между ним и Римом. Это звание ему дорого в силу причин, которые может быть недостаточно ясны Риму. Когда рыцари, потеряв свой остров, в своих несчастьях обратились к нему и выбрали его Великим Магистром, он охотно дал свое согласие. Конечно, прибавляет от себя посланник, традиции рыцарской чести преемственные в этом духовном и вместе с тем военном ордене, нравились его великодушной природе, но в его действиях и намерениях было нечто большее. «Смотрите», – сказал он, показывая на Мальтийский крест на своей груди, – «я мог бы считать его ни во что, Императору Всероссийскому он не нужен: но желание дать понять моим подданным все то, что может служить прославлению веры и великих подвигов, вот причина всего того, что я уже три года делаю для Ордена, а следовательно для блага католической Церкви и для того, чтобы создать новую связь для сближения обоих исповеданий». Впрочем, император нисколько не намерен оспаривать или в какой-либо степени умалять верховную власть Папы над духовным орденом: он только просит и желает быть с его стороны признанным в качестве Великого Магистра», – в порядке просто политическом, но с чем-то сверх этого». Серракаприола объясняет эти последние слова как «католиком в глубине души». Царь готов дать Папе всякое доказательство своей привязанности к католическому исповеданию и этим показать ему свои намерения в отношении соединения Церквей.

И вот чего Павел просил от дипломата: Испания – страна, которая под влиянием духовенства наиболее враждебна признанию его Великим Магистром. Важно, чтобы дюк открыл своему королю, т[о] е[сть] Фердинанду IV Неаполитанскому, брату испанского короля Карла IV, чувства и намерения императора по этому вопросу. Тогда Карл IV сам сможет склонить Папу в пользу Павла I. Следовательно, император просит Неаполитанского короля сообщить Его Католическому Величеству его воззрения и совместно с последним склонить Рим к признанию Великим Магистром государя, который уже объявляет себя «католиком в сердце» и будет им вполне, когда, как он этого желает, будет восстановлено единство Церквей.

Серраканриола позволяет себе возразить, что было бы проще, не вмешивая Испанию, дать королю Фердинанду самому снестись с Папой через своего представителя в Риме, кардинала Руффо. Тогда Папа, увидав Императора в другом свете, сам убедит Испанию не противодействовать признанию его Великим Магистром. После некоторых возражений, Павел соглашается с посланником и просит его изложить в ноте сущность их разговора.

Через два дня дюк представляет составленный им проект документа. Император вполне согласен со вступительными словами, но, когда дюк читает, что «Е[го] И[мператорское] В[еличество] готов полнотой своих чувств примкнуть к догматам и учениям Святой Католической Апостольской Римской Церкви,

признать видимым главой этой Церкви Папу Пия VII и его законных преемников и совместно с Его Святейшеством работать с целью соединения обеих Церквей...», Павел останавливает чтение словами: «Вы значит хотите сделать из меня отступника?» В его понимании дело идет не об обращении в католичество, не об отступничестве, не о перемене религии, но о соединении, т.е. о присоединении к большой и единой Церкви Христовой, вернувшейся к своему единству. Он уверен, что этим он нашел путь и к разрешению вопроса о Мальтийском Ордене, так как, раз Церкви будут соединены, он в силу этого обстоятельства перестанет быть схизматиком, и ничто не будет препятствовать признанию его Великим Магистром. Разумеется, он как мирянин предоставит Папе полную власть в области религиозной.

Небольшие изменения текста посланника вполне удовлетворили Императора, но последний, подумав, просил повременить с отсылкой выработанной таким образом ноты. Будучи убежден, что Римский Двор находится под слишком большим влиянием Венского, и опасаясь, что содержание этого документа в случае огласки может ему повредить, в особенности внутри страны, ему казалось предпочтительным сохранить его для второй очереди, а сейчас предпринять в Риме лишь первые разведки. «Нота сохраняет мое полное одобрение, но не посылайте ее сейчас. Напишите королю с тем, чтобы дать ему общее представление и том, что было сказано между нами, дабы король сделал из сего у Папы то употребление, которое найдет лучшим. Когда придут благоприятные ответы, Вы пошлете ноту. Таким образом, я надеюсь достичь желаемого результата, не компрометируя себя. Это произведет впечатление бомбы, но не сможет повредить мне. Передать ноту в Рим, не будучи уверенным в Папе в столь трудные времена, могло бы принести мне большой вред, не достигая пользы, которую я преследую».

Дюк намечает общие линии письма, которое он мог бы послать королю согласно новым директивам императора, упоминая о желании последнего соединить Церкви. «Пишите лучше, соединение взглядов между двумя исповеданиями». Из этого видна крайняя осторожность Государя, которого большинство современников и историков упрекают в импульсивности, не знавшей сдерживающих моментов.

Что же произошло дальше? Отец Руэ де Журнель нашел два письма Серракаприолы, одно на имя короля, другое на имя первого министра Актона. По соглашению с Павлом только эти два лица должны были быть поставлены в известность. В первом письме говорится о желании царя видеть «соединение взглядов», и о необходимости крайней осторожности и строгой тайны: во 2-м описывается душевное состояние Государя в отношении этих больших вопросов, и то влияние, которое мог на него иметь известный иезуит патер Грубер, находящийся уже несколько месяцев в столице, человек высокой нравственности, больших научных знаний и умеющий, как все иезуиты, руководить человеческим сердцем.

Казалось бы, что в таком случае Грубер должен был быть посвящен в намерения императора, но об этом не сохранилось никаких следов. Видимо неаполитанский посланник был единственным человеком в России, поставленным в известность о смелом замысле.

Император просил послать письма в Неаполь экстренным курьером, что и было сделано. Фердинанд в эту минуту находился в Сицилии. Политические события мешали его возвращению в Неаполь. Путь в Палермо требовал около шести недель, курьер не мог прибыть раньше середины января 1801 г[ода].

Между тем Император живо интересовался судьбой Папы, которого новое нашествие французских войск могло заставить покинуть свою столицу. В письме к Фердинанду IV от 13 декабря 1800 г[ода] он предлагает Пию VII, преемнику Пия VI, в случае необходимости убежище в своих землях.

Письма Серракаприолы видимо были получены и рассмотрены королем и вероятно пересланы, вместе с письмом последнего к Папе кардиналу Руффо, представителю Неаполя в Риме. Королевского письма в Ватиканских архивах не найдено, зато там имеется записка Руффо к кардиналу, статс-секретарю Консальви, от 7 февраля 1801 г[ода], с просьбой в тот же вечер, выхлопотать ему аудиенцию у Святого Отца для дела «высшей важности». Много вероятия за то, что это дело и было тем самым, к которому относятся вновь найденные бумаги. Дальше мы ничего не знаем. Через полтора, месяца 11/23 марта 1801 г[ода] Императора Павла не стало.

Для меня остается открытым вопрос, породили ли обстоятельства, связанные со званием Великого Магистра, проект соединения Церквей, или наоборот, склонность Павла к католицизму дала повод к этим обстоятельствам. Мне кажется первое предположение более вероятным.

Комментарии

1. В 1916 году профессор Михаил Васильевич Ключков (1877– ?) защитил диссертацию при Петербургском университете на тему «Очерки правительственной деятельности времен Павла I», а также ранее опубликовал статью «Дворянское самоуправление в царствование Павла I» (1912), где показал усилия императора по укреплению властной вертикали, то есть насильственное усиление роли администрации в противовес дворянскому самоуправлению.
2. Интересно, относил ли В. П. Зубов к «злостной клевете» труд известного русского психиатра, доктора медицины, профессора Владимира Федоровича Чижана «Император Павел I. Психологический анализ» (1907), опубликованный в журнале «Вопросы философии и психологии» (М., 1907, Кн. 88, 89, 90).

Проф. гр. В. П. Zubov

ДНЕВНИК ПОРОШИНА*

ВСЯКОМУ интересовавшемуся эпохой Екатерины II и Павла I известен дневник Семена Андреевича Порошина (1741–1769), преподавателя математики цесаревича Павла Петровича. Порошин был сыном начальника и преобразователя Колывано-Воскресенских Заводов и родился в Кентуре в Сибири. Воспитание он получил в лучшем тогда учебном заведении, из которого вышли многие замечательные русские люди, Сухопутном Шляхетском Кадетском Корпусе. Учеником он был прилежным и вышел из корпуса весьма образованным человеком, знал много языков, историю, философию, и в особенности математику, был начитан в древней и современной литературе, писал статьи, стихи и делал переводы. Он бы очень близок с академиком Миллером (1705–1783), крупным ученым, принимавшим участие в Сибирской экспедиции в 1733/43 г[ода], рывшимся в тамошних архивах и написавшим Описание Сибири. Порошин находился с ним в тесном личном и письменном общении и пользовался его библиотекой. 19-ти лет кадетским прапорщиком он 30 ноября 1760 г[ода] во время торжественного стола при Дворе императрицы Елисаветы Петровны стоял в карауле и тут впервые увидел шестилетнего великого князя Павла и бы им очарован. «Пришед домой располагал, как бы со временем попасть к Его Высочеству».

31 декабря 1761 г. Порошин был назначен флигель-адъютантом к новому императору Петру III и произведен в подполковники. Государь послал его в Кенигсберг для сопровождения в Россию своего дяди принца Георга Голштинского. В день переворота 28 июня 1762 г[ода] и восшествия на престол Екатерины II исполнилось желание Порошина; он был определен «кавалером» при особе цесаревича.

Личность Порошина рисуется весьма привлекательной: душа хрустальной чистоты, что в то время при Дворе было редкостью. Своего воспитанника он обожает и становится хранителем сердечных тайн мальчика. Несмотря на то, что преподает он ему только математику, его беседы в области гуманитарных наук имели для Павла большую образовательную ценность. Русский до мозга костей Порошин стремится и в наследнике престола насадить глубокую любовь к отечеству, сообщить ему познания по русской истории и литературе и, в особенности, развить в нем почитание великого его предка Петра I. Он намеревался составить для своего ученика пособие по государственному механизму, но превратные внешние обстоятельства помешали ему закончить этот труд. Его несчастьем стало, что он был слишком мало дипломатом и человеком слишком откровенным, свойства при Дворе гибельные.

* Русская мысль. 1960. 28 апр. № 1518. Четверг.

Историки же обязаны Порошину ценнейшим документом, знакомящим нас с детскими годами Павла Петровича, в котором может быть найден ключ к этому загадочному, пленительному и в то же время отталкивающему характеру. Порошин состоял при цесаревиче около четырех лет, с 1762 до 1766 г[ода]. Но дневник свой он начал лишь 20 сентября 1764 г[ода], когда Павлу было 10 лет, и довел его до 31 декабря 1765 г[ода], затем следует лишь несколько замечаний с 1 по 13 января 1766 г[ода]. Кроме того, он по воспоминаниям самого мальчика записал несколько событий из его самых ранних лет.

Судьба Порошина сложилась так, как должна была логически сложиться при Дворе XVIII века судьба человека его складки. Мы точно не знаем причин, приведших к катастрофе, но можем предполагать, что самый его дневник сыграл в ней некоторую роль. С душой нараспашку он слишком многим о нем говорил и читал из него отрывки, между прочим, и самому цесаревичу, пока главный воспитатель граф Никита Иванович Панин и, вероятно, сама Екатерина о нем не проводили. Панин попросил часть дневника для прочтения и не вернул. Тут только Порошин почуял приближение беды. Вероятно, ни Панину, ни императрице присутствие такого добросовестного наблюдателя, записывавшего каждый разговор, каждое слово, не казалось желательным. Для тонкого дипломата и царедворца честный и несколько наивный Порошин не был подходящим сотрудником; другие учителя Павла и в первую очередь ограниченный, но осторожный немец Остервальд, были ему вероятно приятнее.

Надо полагать, что искали случая отделаться от Порошина, и такой случай представился. По дневнику мы можем предполагать, что он был влюблен в графиню Анну Петровну Шереметеву и даже собирался сделать ей предложение. Нам неизвестно, что случилось, но в письме академика Тауберта к Миллеру читаем, что Порошин удален от Двора великого князя за Дон-Кихотскую выходку в отношении молодой графини Шереметевой. Графиня Анна Петровна позже стала невестой самого Никиты Ивановича Панина, но умерла до брака от оспы в 1768 году.

После увольнения Порошин, будучи военным, был назначен в армию, и ему было приказано немедленно отправиться к месту службы в Ахтырку. Он обратился к заступничеству кн[язя] Григория Орлова, но оно было безуспешным. Мы имеем два его письма к фавориту, одно в день отъезда из Петербурга 15 апреля 1766 г[ода], второе из Москвы от 3 мая. Может быть, благодаря покровительству Орлова он через два года назначен командиром Старо-Оскольского пехотного полка. Главнокомандующий в турецкой кампании Румянцев относился к нему благосклонно. Но прошел слух, что на его место назначается Петр Иванович Панин, брат Никиты Ивановича, и это будто бы так подействовало на Порошина, что пустячная, казалось, болезнь приняла тяжёлую форму, и он скончался 12 сентября 1769 г[ода] близ Елисаветграда на 29-м году жизни.

В СВОЕМ дневнике Порошин день за днем отмечает мельчайшие подробности жизни цесаревича, его слова, его игры, ход преподавания, разговоры, ведущиеся вокруг него (последнее вероятно и было одним из камней преткновения), и придворную жизнь, поскольку с ней соприкасался Павел Петрович. Историкам конца прошлого века дневник казался утомительным чтением, им представлялась скучной задача из множества ежедневных все повторяющихся происшествий вылущивать важные, по их мнению, для истории элементы; это потому, что они искали главным образом конкретных фактов для истории большого Двора как Елисаветы Петровны, так и Екатерины, и в этом отношении дневник изучен подробно; на психику же ребенка обращалось сравнительно мало внимания. Между тем новейшая наука показала, что для понимания психологии самые мелкие черты могут представлять огромное значение. Я попытаюсь, насколько это возможно в газетной статье, восполнить этот пробел.

Впервые дневник Порошина был издан в 1844 г[оду] по неполной рукописи. Второе исправленное и дополненное его издание под редакцией М. И. Семевского появилось в виде приложения к «Русской Старине» 1881/82 г[ода]. Он был широко использован Д. Ф. Кобеко в его замечательном труде: «Цесаревич Павел Петрович» (1-е изд. СПб. 1882, 2-е 1883, 3-е доп. 1887). Дневник озаглавлен: «Семена Порошина Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича». Принадлежит ли это заглавие автору, или первому издателю, — установить трудно.

Порошин, ведя свой дневник, конечно, не говорит об обстоятельствах, которые так или иначе могли повлиять на психику ребенка; он наблюдатель ежедневных проявлений характера своего воспитанника. Но мы не можем не сопоставить его наблюдений с известными нам фактами первых лет жизни цесаревича. Впрочем, и то, что по собственным воспоминаниям мальчика записал автор о первых 8-ми годах Павла, бросает свет на некоторые его черты, сказавшиеся впоследствии. Это редкий пример, на котором мы можем проследить, главным образом благодаря Порошину, насколько в ребенке предрешен облик взрослого человека.

Об обстоятельствах рождения и первых месяцев жизни Павла мы узнаем из другого источника, а именно из записок Екатерины II. Мы узнаем об отчуждении матери от сына, взятого с первых же минут его жизни императрицей Елисаветой Петровной в свои покои, о невозможности для Екатерины видеть ребенка иначе как через долгие промежутки, и то лишь на короткие минуты, что убило в ней материнские чувства, если вообще она была на них способна; мы узнаем о безобразном в гигиеническом отношении уходе за ребенком со стороны многочисленных мамушек по приемам допетровской Руси и по пословице: «У семи нянек дитя без глаз». Мы узнаем большее: на основании собственных слов Екатерины можно утверждать, что Павел не был сыном своего официального отца

Петра III. Что до русской революции старались так или иначе обойти свидетельство Екатерины, понятно, но, что и теперь еще высказываются на этот счет сомнения, представляется необъяснимым. Что же она говорит?

В течение 9-ти лет брак Екатерины оставался *matrimonium non consumatum*. Императрица Елисавета, ждавшая наследника, поручила гофмейстерине великой княгини Чоглоковой сказать ей, что бывают случаи, когда соображения высшего порядка требуют нарушения обычных нравственных норм. Эта дама в довольно откровенной форме предоставила ей выбор между двумя любовниками, Львом Нарышкиным и Сергеем Салтыковым; по-видимому, ей было известно, что последний уже пользуется этим преимуществом. Оспаривавшие отцовство Салтыкова указывали на то, что, по свидетельству Екатерины, Салтыков был «хорош как день», а Павел очень некрасив и курнос. Но именно таков портрет, нарисованный Екатериной с брата своего любовника: «...у него было самое глупое лицо, что я видела в жизни, большие неподвижные глаза, курносый нос и всегда открытый рот». Как часто семейные черты передаются от дяди к племяннику! Указывали на какое-то сходство между Петром III и Павлом. При всем желании я его не могу отыскать. На портретах они похожи друг на друга как двое некрасивых людей, одетых и причесанных по моде XVIII века. Костюм, пудра и предвзятое мнение создают впечатление. Утверждали еще, что любовь Павла к шагистике была унаследована им от Петра III. Тут возникает вопрос, любовь эта – качество ли благоприобретенное или наследственное. Современная наука, кроме советской, считает, что благоприобретенные качества не наследуются. Но как бы там ни было, для наследственного качества не нужно было отцовства Петра, достаточно было предков с материнской стороны, все мелкие германские князья увлекались этой забавой.

Для успокоения легитимистов можно сказать, что такое происхождение нисколько не умаляло прав Павла, а следовательно, и его преемников, на престол. Со времени Петра Великого престолонаследие определялось его указом о «Правде воли Монаршей», по которому царствующий государь мог назначать своего наследника, не только не считаясь с первородством, но имел право назначить и постороннего в обход уз родства.

В свете этого закона права Павла представляются следующим образом: во-первых, в минуту низложения Петра III никто в его происхождении не сомневался, значит, юридически вопрос не существовал; во-вторых, Императрица Елисавета, зная, как обстоит дело, так как она сама была причиной его рождения, всем своим поведением, и в особенности своим манифестом, объявлявшим об этом событии, показала, что рассматривает его как законного преемника наследника престола Петра, на что ей давал право указ о Правде воли Монаршей. Единственный, кто мог бы после своего воцарения лишить Павла его прав, был Петр III. Говорили, что он намеревался это сделать, но не успел. Следовательно, занятие престола Екатериной было актом квалифицированной

узурпации. И она это сознавала. Даже тень ее прав, т[о] е[сть] ее принадлежность к дому Романовых, исходила от ее сына; умри он, она не смогла бы законно продлить династии.

Через Порошина мы знаем, что черта, одной из первых проявившаяся в Павле, был страх, страх не покинувший его в течение всей жизни вплоть до трагической кончины. Если при ребенке громко хлопали дверью, он прятался под стол; в полтора года он так испуган видом нищего, что кидается на кровать, велит закрыть все окна, и долгое время спустя будет бояться нищих. Он пугается рожка почтальона, грозы, пушечных салютов, боится священников и монахов.

Можно возразить, что эти состояния не превышают нормальной для всякого ребенка меры, но, во всяком случае, мы имеем дело с натурой чем-то испуганной, причем ничего не предпринимается, чтобы разрешить эти состояния. Можно сомневаться, прирожденные ли они, или имеют внешнюю причину. В аналогичных случаях думали о пренатальном неврозе, но, кажется, изучение этих феноменов в медицинской науке находится еще лишь в начальной стадии. Действительно, это предположение не может быть вполне отвергнуто. Во время беременности Екатерина испытывала сильные огорчения. Она чувствовала, что ее первый возлюбленный, Сергей Салтыков, от нее ускользает, и всеми силами души цеплялась за эту любовь.

Среди внешних причин мог быть страх перед императрицей Елисаветой, который сознательно внушали ребенку мамушки. Вначале царица прибегала на малейший его крик. Мамушкам этот постоянный контроль был не по душе, и они сделали из государыни в глазах мальчика буку. Лишь он ее видел, как начинал дрожать всем телом. Заметив такое действие своих посещений, императрица стала приходить все реже и, наконец, совсем перестала появляться в детской, а мамушки только этого и хотели.

Одна хорошая сторона в этих женщинах все же оказалась, они стали единственной связью между Павлом и народом, они породнили его с русским духом, с верованиями, преданиями, сказками, вплоть до суеверий и этим сделали из этого существа, по крови в лучшем случае на половину немца, русского по душе. Не раз взрослый человек и государь с благодарностью вспоминал этих подруг своей ранней юности.

ТРИ последовательных потрясения должны были в первые восемь лет его жизни повлиять на Павла. Первым была смерть его маленькой сестры, великой княжны Анны Петровны, воспитывавшейся вместе с ним в комнатах императрицы Елисаветы, дочери Екатерины и молодого польского дипломата Станислава Понятовского, из которого она, взойдя на престол, сделала польского короля с тем, чтобы, когда наступит время, отнять у него его призрачную корону.

В то время как мальчик перенес уход мамушек, девочка, вероятно более нежная от природы, скончалась. Павел привязался к сестре, как к игрушке, и ее исчезновение чрезвычайно его огорчило. Это было первым его соприкосновением со смертью. Скоро она должна была явиться ему в еще более печальном образе. К семилетнему возрасту страх, который ему внушала его царственная тетка, рассеялся, и он ее боготворил. В день Рождества 1761 г[ода] государыня угасла после 20-летнего царствования. Ей наследовал Петр III, официальный отец Павла, которого он едва знал.

Через 6 месяцев третий, и на этот раз сильнейший удар потряс эту боязливую натуру, переворот 28 июня 1762 г[ода], возводивший на престол его мать и стоивший жизни отцу. Внезапно выхваченный среди сна своим воспитателем Паниным и в ночной одежде привезенный в наемной коляске во весь опор из Летнего Дворца в Зимний, он видит на улицах солдатчину, в иступленном восторге провозглашающую его мать. В Зимнем он присутствует при официальном акте восшествия. Павел испытал в этот день впечатления, никогда не изгладившиеся из его души. Он еще не отдает себе точного отчета в происходящем, но не пройдет много времени, как он начнет понимать ущерб, нанесенный его правам, и будет ставить вопросы. Мы не знаем, когда именно он уяснил себе свое положение, но весьма вероятно, что Панин, его сторонник, постепенно просветил его. Этот сановник во время подготовки переворота заявлял о правах своего воспитанника, но как хороший дипломат, склонился перед совершившимся Пактом. Будучи министром иностранных дел Екатерины, он пребывает в латентной оппозиции против нее.

Что же до Павла, то из дневника Порошина мы видим, что уже в десятилетнем возрасте его мысли вертятся вокруг престола, которого он лишен. 29 сентября 1764 г[ода]: «Часу в осьмом изволил лечь в учительской на канаве и начал несколько подремливать. И как я, севши подле него и пощекотав, сказал: «дремлешь батюшка, дремлешь!», то на то, развеселившись, изволил сказать мне нарочито сонным голосом: “je règne” [1], вспомня сие слово из комедии “Arlequin, empereur de la lune” [2]».

Слова заимствованные, но то обстоятельство, что они так кстати приходят на ум, само по себе знаменательно в свете сегодняшней глубинной психологии.

Природа Павла такова, что постепенно открывавшееся его пониманию нарушение его прав, вместо того чтобы вызвать с его стороны активный протест, парализует его волю. Он 34 года будет грызть свои цепи, он уйдет в себя и будет высиживать свои мысли о государственном управлении и, когда, наконец, престол дойдет до него, он вступит на него с вполне выработанной программой. Но пока он не в силах что-либо предпринять, и когда другие пытаются это сделать за него, он их дезавуирует. Рядом с этим, воля, обессилевшая в крупном, кидается на мелочи. Он стремится в пустяках утверждать свою личность и делает это подчас в бурной форме. Недо-

статок в первом компенсируется и, как это обыкновенно бывает, суперкомпенсируется во втором.

7 октября 1764 г[ода]: «Ее Величество присутствовать не изволила в комедии. В маленькой пьесе и в балете изволил Его Высочество аплодировать многократно... Два раза партер без него захопал, что ему весьма было неприятно. Пришедши к себе, долго (испорченный текст – Т. И.). Граф Александр Сергеевич Строганов пришед, говорил Его Высочеству, что в последний раз на комедии и Государыня дозволила при себе аплодировать, хотя она и не изволила зачать. Великий Князь на сие изволил отвечать ему: “да об этом я не слыхал, чтоб Государыня приказывать изволила, чтобы при мне аплодировали, когда я не зачну. Вперед я выпрошу, чтобы тех можно было выслать вон, которые начнут при мне хлопать, когда я не хлопаю. Это против благопристойности”. За ужиной и после все время Его Высочество посерживался».

Проанализируем на этом примере реакцию ребенка. Почему это небольшое нарушение этикета, на которое не обращала внимания императрица, в глазах Павла приобретает значение оскорбления. Не есть ли это капля, заставляющая пролиться накопившуюся чашу горечи. Не ощущение ли это своей пониженной роли, вызывающее болезненный ответ на ничтожную причину, на которую при других обстоятельствах не было бы обращено внимания? Тут потребность проявить, утвердить свою личность, свой престиж приводит его к мысли о преувеличенном, более или менее позорящем наказании для тех, кто не оказал ему должного почтения. В этом преувеличении содержится потребность суперкомпенсации для уравнивания того ущерба, который ему нанесен в другой, более важной области, в которой вследствие ослабленной воли он не может защищаться.

Это типичный симптом для того психического состояния, которое окрещено термином комплекса неполноценности. Не излишне отметить, что этот психологический процесс происходит в подсознании; на поверхности сознания подобные индивидуумы ощущают себя обладателями сильной воли и были бы удивлены, если бы им сказали противное. В дальнейшем мы проследим этот симптом у Павла и на других примерах.

(Продолжение следует)

Комментарии

1. je règne – Я царствую! (франц.).
2. je règne – Я царствую! (франц.).

Проф. гр. В. П. Зубов

ДНЕВНИК ПОРОШИНА*

Продолжение

В ПРОШЛОЙ статье я указал на бурную реакцию 10-летнего цесаревича Павла Петровича на то, что ему казалось умалением его престижа, как на сим-
птом владеющего им комплексом неполноценности. Из этого состояния вы-
текает подсознательная потребность везде, где возможно, утверждать свою
личность. Мы видели, как он требовал наказания для лиц, позволивших себе
в придворном театре аплодировать раньше его. Наказание – один из способов
доказать самому себе и другим значение своей личности. Описанный случай
не единичен; идея наказания вообще владеет им. 6 апреля 1765 Порошин за-
писывает: «Говорил перед тем все о штрафах, и я бранил его за то. Avec les
meilleurs intentions du monde vous vous feres haïr, Monseigneur [1]».

Увы, пророческие слова! Когда он с лучшими намерениями через 31 год
вступит на престол, наказание станет одним из основных элементов его
правления. В его сознании оно в каждом отдельном случае будет обусловле-
но государственной необходимостью, в которой он будет искренне убежден,
в подсознании же вытекать все из того же комплекса, который не покинет его
и на престоле. Когда после 34-летнего нетерпеливого ожидания он, наконец,
его достигнет, долго сдержанные стремления вырвутся с силой взрыва, и эта
слабовольная натура проявится в преувеличенных жестах. Суперкомпен-
сация! В этом источник беспорядочных и противоречивых распоряжений, не-
смотря на глубоко продуманный план, в этом причина припадков бешенства,
жестокостей, словом всего того, в чем обвиняют его современники, и что при-
вело к трагической развязке.

Душевная болезнь? Лет 50 тому назад такой вопрос казался простым.
На него ответили бы или да, или нет. С тех пор психиатрия стала осторожнее.
По господствующей в данное время теории каждый из нас потенциальный ду-
шевнобольной, предназначенный в силу своего телосложения к одной из двух
основных форм психопатии: шизофрении или цикломании. Провести точную
границу между здоровым и больным невозможно. Когда-то давно один ста-
рый русский врач говорил: «Des fous il y en a peu' mais ce qu'il y en a de toqués!»
(Сумасшедших немного, но сколько тронутых!). Сегодня скороспелым должно
казаться утверждение душевной болезни у человека, который рядом со стран-
ностями проявляет высокие разумные действия и суждения, в особенности,
когда это лицо принадлежит истории, не может быть подвергнуто испытанию,
и когда данные, которыми мы располагаем, покоятся на более или менее субъ-

* Русская мысль. 1960. 7 мая № 1522. Суббота.

ективных свидетельствах. Относительная ценность свидетельских показаний сотни раз доказана в судебной практике. Доказано также, что воспоминания современников – самый ненадежный материал для историка.

В случае, который нас занимает, лучший, мне кажется, если не единственный возможный, путь, чтобы понять этот характер, состоит в том, чтобы проследить его развитие и отсюда постараться разобрать причины и последствия. Для этого дневник Порошина служит чрезвычайно ценной исходной точкой.

Вернемся к его наблюдениям. В силу гнездящегося в их подсознании ощущения своей неполноценности и потребности его компенсировать, лица, страдающие этим недостатком, обычно сильно эгоцентричны и придают всему, связанному с ними, преувеличенное значение. 16 декабря 1764 г[ода]: «Между тем черни человек двадцать скопилось перед окном, и глядели на Его Высочество. Государь, приметя сие, изволил сказать мне: “Я чаю, теперь они обо мне разсуждают. Хотели бы они, думаю, знать, о чем я с тобой разговариваю”. 17 декабря 1764: “...разговорились о переводчике иностранной коллегии Богдановиче (поэт, автор «Душеньки»), о котором Его Высочество говорить изволил, “что он моя креатура, и что он изволит его жаловать”». Того же числа: “...читал я ему сии свои записки прошлой недели. Изволил слушать с великим вниманием и, наконец, сказал: “все точненько так; только иные места желал бы я, чтоб и выскребены были”. – “Ежели все так”, отвечал я, “так зачем же выскребать? История должна быть справедлива и беспристрастна. Как хорошее похулить, и как похвалить худое?”» Через много месяцев опять то же желание. 6 августа 1765: «Наконец изволил просить, чтоб я прочитал ему несколько из сих своих записок. Читал я с 15-го числа июля по сие число, и Государь несказанно был доволен, и с крайним вниманием изволил слушать. Говорил только о некоторых, касающихся до него правдах, нельзя ли их выпустить. На что, смеючись, отвечствовал я Его Высочеству, что пословица есть: “из песни слова не выкинешь”». Значит уже в этом возрасте с одной стороны – радость, что его детская жизнь становится достоянием истории, с другой – забота о своей в ней репутации.

Замечено, что подобные индивидуумы стараются сравнивать себя с личностями, которых они возводят в герои. Они стараются найти в себе сходные с ними черты и таким образом убеждают себя в собственной своей ценности. В годы, о которых пишет Порошин, у Павла уже два героя, которые таковыми останутся до конца его жизни. Во-первых, его прадед Петр Великий. В этом нет ничего удивительного. Все его окружение смотрело на этого Государя как на полубога. Его учителя представляют его как пример совершенного монарха, достойного подражания со стороны его преемников. Везде мальчик слышит похвалы Петру. То время было настолько близко к царствованию преобразователя, что еще не успел создаться свойственный нашей эпохе критический взгляд на его деятельность.

Вторым героем Павла был Генрих IV французский. Это доказывает, что мальчик уже тогда читал серьезные книги. Он прочел мемуары министра Генриха, Сюлли. Отчасти на этой книге впоследствии было основано его понимание задач государства. Он, между прочим, находил сходство между Петром и Генрихом. В будущем к этим двум образам присоединится тень его убитого отца; но это уже более сознательно с целью подтвердить свое законное происхождение перед самим собой и в особенности перед светом. Он знал, что по этому поводу существуют сомнения. Этот отец боготворил Фридриха II Прусского. Личная встреча содействовала вступлению и последнего в пантеон Павла Петровича.

Наконец в последний год жизни государя вследствие внезапного с его стороны вольтфаса в общество этих лиц войдет Первый Консул. Не надо было быть великим психологом, чтобы подметить эту черту Павла. Один секретный агент французского правительства доносил из Петербурга 1 мая 1800: «...Павел I никогда не свыкнется с республиканскими идеями, но он легко воспламеняется по отношению к большим людям, отличившимся на военном поприще; это у него даже потребность, так как ему нужен герой, которым он мог бы восхищаться. Фридрих II был в течение нескольких лет его идолом, но так как он очень непостоянен в своих привязанностях, он начал создавать себе большое представление о Первом Консуле и кажется не далек от принятия предложений, которые могли бы последовать с его стороны» (Нац. Арх. в Париже А. F. IV 1696 Russie. Mémoires, Rapports, Correspondance. 1-er dossier, pièces 2 et 3).

Если в отношении перемены к Фридриху, в то время уже давно бывшему на том свете, автор этого донесения ошибся, он тем не менее верно подметил непостоянство Павла, бывшее одной из отличительных черт и ребенка и взрослого человека, которую Порошину пришлось болезненно испытать и на себе самом. 24 сентября 1764: «Его Высочество, будучи весьма живого сложения и имея наичеловеколюбивейшее сердце, вдруг влюбляется почти в человека, который ему понравится; но... гораздо легче Его Высочеству вдруг весьма понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую от него дружбу и милость».

23 сентября 1765: «Его Высочество изволил говорить, как ему визирь (маленький граф Ник. Петр. Шереметев, назван так по маскарадному костюму) понравился, и как он хорошо воспитан. Изволил послать со мной к нему поклон и со стола конфетов». 24 сентября: «Сей день изволил Государь Цесаревич опять вспоминать о визире своем и сожалел, что он не при нем теперь». 25 сентября: «опять изволил приказывать мне, что ежели увижу графа Шереметева, то б поклонился ему от него и сказал, что ему без него вчера и сего дня было скучно». И так в течение еще нескольких дней. Но уже 9 октября: «После полудни в четвертом часу начали съезжаться кадрили Его Высочества господ турки... приметил я, что в этот маскарад Его Высочество к маленько-

му графу Шереметеву не столько уже был привязан, как прежде. Граф Андрей Кириллович Разумовский по-прежнему имел доступ».

До сих пор это касается детских игр, но вот нечто более серьезное. 28 октября 1764: «Его Высочество на меня несколько изволил коситься». 29 октября: «Но мне от Его Высочества, как я приехал, прием не столько был ласков, чтоб я имел причину быть им доволен. В изыскание тому причин, особливо здесь, я входить не хочу. То примечу только, что часто на Его Высочество имеют великое действие разговоры, касающиеся до кого-нибудь отсутствующего, которые ему услышать случится. Неоднократно наблюдал я, что когда при нем говорят что в пользу или в похвалу какого-нибудь человека, такого человека после видя, Его Высочество склонен к нему является; когда ж, напротив того, говорят о ком не выгодно и хулительно, а особливо не прямо к Его Высочеству с речью адресуясь, но будто в разговоре мимоходом, то, такого Государь Великий Князь после увидя, холоден к нему кажется... С маскараду пришли мы в девятом часу в начале. Его Высочество очень гневным изволил себя против меня оказывать. А проступки своей истинно никакой не знаю».

Подмеченное Порошиным влияние на Павла чужих мнений не исчезло с возрастом, во время его царствования оно было подмечено менее чисто-плотными чем Порошин людьми, и повлекло за собой пагубные последствия. 30 октября: «За столом очень было тихо. Его Высочество изволил было кое о чем заговаривать со мною, но получал ответы лаконические... У меня хорошо учился; старался потом заигрывать со мною и изволил приласкиваться. Но я, показывая себя огорченным, отвечал только коротко и не входил ни в какие шутки».

1 ноября: «Перед учением неоднократно подходил ко мне Е[го] В[ысочество] и изволил говорить: “долго ли нам так жить, пора помириться”; на что я представлял только ему, как мне чувствительно, что он понапрасну против меня изволил показывать себя гневным, и сей день осталось наше дело еще без решения». 2 ноября: «Прежде нежели успел еще я войти к Е[го] В[ысочеству], изволил он прибежать ко мне и, бросаясь на шею и целуя меня, говорил: “прости меня голубчик, я перед тобой виноват; вперед никогда уже ссориться не будем, вот тебе рука моя. Я расцеловал ручку Е[го] В[ысочества] и, по некоторых изъяснениях постановивши твердый мир, пошел за ним чай пить”».

7 декабря: «...вздумалось Е[го] В[ысочеству] уверения мне делать, сколько он меня изволит жаловать; что он видит, как много я его люблю, и что со своей стороны, конечно, никогда любить меня не перестанет, и все мне поверить в состоянии». 4 октября 1765: «Бегаючи по комнате, неоднократно ко мне на канаве вспрыгивать изволил и говорить: “Ох ты мой Сенюшка? Как я тебя люблю?”» С конца ноября 1765 цесаревич начинает проявлять к Порошину холодность. 28 ноября: «Узнал я тако ж сегодня, по чьей милости мне сии дни от Е[го] В[ысочества] холодные были приемы».

3 декабря: «Когда я дежурный, то прежде, нежели чай оберут, изволил он обыкновенно сам входить ко мне и разговаривать со мною... Сего утра того не было, и, как я вошел к Государю Цесаревичу, то он, принявши меня очень холодно... и долго бывши в молчании, изволил наконец сам прервать сие молчание и спросить меня: “а што это значит, что я перед чаем не вошел к тебе?” Ответствовал я, что лучше о том надобно знать Е[го] В[ысочест]ву, что я вижу, что Е[го] В[ысочество] на меня сердится, а за что подлинно не знаю; что очень о том сожалею, и что единственное утешение нахожу в невинности моей перед Е[го] В[ысочеством]. На сие изволил мне говорить Государь Цесаревич с некоторым жаром: «Ты это заслуживаешь: знаю я теперь, что все то значило, что ты прежде ни говорил со мною, и я уже обо всем рассказал Никите Ивановичу». Долго мне теперь описывать, какие я чудеса сведал от Е[го] В[ысочест]ва, как подло и злобно слова мои ему перетолкованы, и как он побужден был сказать о том Его Превосходительству Никите Ивановичу».

Порошин понимает, что на ребенка кто-то со злостной целью повлиял, и не придавал бы этому чрезмерного значения, если бы на этом дело остановилось, и прибавляет: «а когда обрадует нас Господь совершенным его возрастом, то верно уже будет знать цену каждого. Если же бы тогда не имел сего дарования, то для его же особы и для общества было бы то хуже, чего не ожидаю...» Именно это опасение Порошина и сбылось. 11 декабря Павел опять раскаивается, просит извинить его и все забыть, но по-видимому «той доверенности, той горячности и тех отличностей, которые прежде были», Порошин до своего удаления от Двора больше со стороны своего ученика не видал. В этом эпизоде предвосхищен Павел последних двух лет его жизни; стоит только вместо Порошина и его недоброжелателей поставить другие имена.

Другой отличительной чертой ребенка представляется нетерпение. Оно сказывалось уже в самом раннем детстве, еще при жизни императрицы Елизаветы. Под 1761 годом Порошин отмечает: «В Новый Год обедал у Государыни; поздно встали. Великий Князь спрашивал: “который час?” Говорили, что дурно при Государыне спрашивать, однако сказали, что шестой». Факт сам по себе пустячный, но получающий значение симптома в свете позднейших наблюдений. 7 декабря 1764:

«У Е[го] В[ысочест]ва ужасная привычка, чтоб спешить во всем: спешит вставать, спешит кушать, спешит опочивать ложиться. Перед обедом за час еще времени или более того, как за стол обыкновенно у нас садятся (т[о] е[сть] в начале второго часу), засылает тайно к Никите Ивановичу гоффурыера, чтоб спроситься, не прикажет ли за кушаньем послать, и все хитрости употребляет, чтоб хотя несколько минут выгадать, чтоб за стол сесть по ранее. О[б] ужине такие же заботы. После ужины камердинерам повторительные наказания, чтоб как возможно они скорей ужинали, с тем намерением, что как камердинеры

отужинают скорее, так авось и опочивать положат несколько пораннее. Ложась, заботится, чтоб по утру не проспять долго. И это всякий день почти бывает, как ни стараемся Е[го] В[ысочество] от того отвадить». 4 ноября 1764. Порошин упрекает Павла за нетерпение. «Е[го] В[ысочество], слушав, изволил поживать тут головушкою и сказать: “А как терпенья-та нет; где же его взять?”»

22 сентября 1764: «В окончании бала Е[го] В[ысочество]... заботясь, чтоб лечь пораннее... начал показывать почти сквозь слез нетерпеливость, чтоб ретироваться, что Его Превосходительство Никита Иванович, наблюдая благопристойность, и принужден был сделать; но, пришед в опочивальню, не преминул, чтоб молодого Государя гораздо не пожурить за то». 1 октября 1764: «...разговаривали о употреблении времени. Е[го] В[ысочество]ва система была, что надобно ложиться ранее и вставать ранее». 16 января 1765: «...пошли мы на куртаг... Е[го] В[ысочество].... сперва весел был... Наконец скучилось ему. Зачал подзывать Никиту Ивановича домой. Его Прев[осходительст]ву хотелось дожидаться того, как Государыня изволит ретироваться, и для того отказывал ему. Зачал Вел[икий] Князь с ножки на ножку переступать, помигивать и смотреть на плафон, чтобы скрыть свое нетерпение. Между тем очень оно видно было, и собирающиеся на глазах тучки еще более то показывали. Никита Иванович принужден был пойтить с Е[го] В[ысочество]м». Как обычно в таких случаях, дома следует выговор. Таких примеров у Порошина несколько десятков.

Это постоянное нетерпение, спешка, беспокойство служат лишним подтверждением присутствия комплекса неполноценности. Индивидуум стремится достичь цели, в которой он не отдает себе отчета, преодолеть подсознательные препятствия и этим утвердить свою личность. Он чувствует, что крылья его связаны, что действительность не соответствует его желаниям, миру его представлений.

15 января 1764: «Разговорились тако ж о привычке Вел[икого] Князя, чтоб все новое нюхать, книга ли то была, или кафтан, или пушка, или стол, или чего бы такое ни было. Его Превосход[ительст]во шутил при сем случае над Е[го] В[ысочество]м. Он попрыгиваячи отшучивался». Конечно, никто из современников, и менее всего сам мальчик, не мог предположить, что такая привычка может иметь какие-нибудь глубокие причины. Между тем это симптом, современной науке известный и указывающий все в том же направлении. Он наблюдался у субъектов, склонных к комплексу неполноценности, у которых случайно была поражена слизистая оболочка. Потребность компенсации проявляется и тут. Ослабленное обоняние подсознательно стремится преодолеть помеху. От Порошина мы знаем, что в здоровье маленького цесаревича было три слабых точки: он страдал головными болями, нарушениями пищеварения и частыми насморками.

2 декабря 1764: «За чаем изволил рассказывать мне о снах, которые он сей ночью видел. По окончании сего повествования дал я знать Е[го] В[ысочество]м»

ву, что сны никогда ничего не значат, и что одни только суеверы и люди слабым умным выводят из них разные толкования. “От чего ж они бывают?” – спросил меня Государь. Отвечал я, что сны производит испорченный желудок и бродящее воображение, чем-нибудь встревоженное или весьма наполненное». Сын XVIII века, столь гордого своим разумом, добрый Порошин не мог дать другого объяснения. Немного позже в «Разбойниках» Шиллера мы опять его встретим. Между тем Порошин захлопнул для нас дверь к важной стороне внутреннего мира ребенка, не подозревая, какие выводы через полтора года будет делать наука из сновидений.

(Продолжение следует)

Комментарии

1. Avec les meilleurs intentions du monde vous vous feres haïr, Monseigneur – Твои лучшие намерения – ненавидеть тебя, мой повелитель (Франц.).

Проф. гр. В. П. Zubov

ДНЕВНИК ПОРОШИНА*

Продолжение

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ цесаревич Павел, если верить Порошину, обладал незаурядными в его возрасте способностями. Правда, учитель обожает своего ученика и, может быть, в своих похвалах склонен к преувеличениям, но и тех объективных фактов, которые он сообщает, довольно, чтобы сказать, что ребенок развит выше среднего. Павел в особенности склонен к математическим наукам; мы знаем, что и в зрелом возрасте он проявлял к ним интерес, в чем сходилась со своей второй супругой, императрицей Марией Феодоровной. 28 сент. 1764: «Если б Е[го] В[ысочество] человек был партикулярный и мог совсем предаться одному только математическому учению, то б по остроте своей весьма удобно быть мог нашим российским Паскалем». 22 октября 1765: «После учения разговаривали мы с г[осподином] Эпинусом о Государе Великом Князе; говорили мы, что он имеет так наз[ываемый] *esprit géométrique* и *justesse d'esprit* [1]. И подлинно, когда Е[го] В[ысочество] не заленится, то провождаемые с ним в учении часы неописанное приносят услаждение: с такою остротою и основательностию вникать изволит». (Эпинус, Франц Иванович, 1724–1802. Немец. Академик по кафедре высшей математики и физики. Преподавал Павлу физику и астрономию, в то время как Порошин преподавал математику).

За редкими исключениями, когда Порошину приходится жаловаться на его лень, Павел любит учение. 22 окт[ября] 1764: «Е[го] В[ысочество]... изволил сказать: «хорошо учитца-та; всегда что-нибудь новенькое узнаешь». 11 марта 1765: «Как между прочим (вечером у Государыни) граф Григорий Григорьевич (Орлов) заговорил по обыкновению своему о физике и упомянул о гремящем золоте, *aurum fulminans*, то пристал Е[го] В[ысочество] к речи и спорил против Григория Григорьевича. Деланные при сем случае Е[го] В[ысочество] м рассуждения и примечания служили к общему удовольствию всех его доброхотов». 24 марта 1765: «Зашла речь об астрономии, и Его Превосходительство (Панин) спросил Вел[икого] Князя, о чем он ныне из астрономии проходил с г[осподином] Эпинусом. Как Е[го] В[ысочество] отвечивал, что проходил о паралаксисе, то Никита Иванович заставил его пересказать о том, чему Е[го] В[ысочество] и повиновался». Что мальчик в этом возрасте может усвоить такие вещи, действительно кажется удивительным. Уже за полгода до этого, 25 сентября 1764 Порошин отмечал, что, по его мнению, Павла слишком рано стали учить физике, казалось бы, астрономии и подавно.

* Русская мысль. 1960. 31 мая № 1532. Вторник.

4 авг. 1765: «...у меня хорошо учился. Изволил чертить геометрию, которую я недавно с ним начал; и кажется, что приниматься изволит охотно». 8 сент. 1765: «Одевшись, изволил готовиться к экзамену... Его Преподобие Отец Платон спрашивал тут Е[го] В[ысочество]. ...из первые части проходимые ему теологии. Государь Цесаревич ответствовал очень хорошо, и получил общую похвалу». (Отец Платон Левшин законоучитель Павла, будущий знаменитый своей ученостью и красноречием митрополит Платон Московский. 1737–1812). 12 сент. 1765: «Сегодня после обеда Е[го] В[ысочество] не учился, для того, что положено быть экзамену в комнатах Ее Величества. Часу в шестом приехал Его Преподобие Отец Платон... Государь Цесаревич из угла в угол попрыгиваяючи, изволили говорить: “ah! que l’attente me fait souffrir: ой трушу, трушу!” Пошли мы наконец к Ее Величеству. Начался там экзамен: из парадной опочивальни отворили двери в ту комнату, где Ее Величество обыкновенно в ломбер играть изволит. Подошли все, кто тут были, к дверям, а иные вошли и в опочивальню. Е[го] Выс[очество] изволил стоять: подле него стоять же изволила Государыня-родительница; по другую сторону, уступя несколько назад, стоял Е[го] Превосх[одительство] Никита Иванович, а перед В[еликим] Князем стоял Е[го] Препод[обие] Отец Платон и предлагал вопросы. Е[го] Выс[очество] весьма хорошо и смело изволил отвечать. Ее Величество с крайним вниманием изволила слушать. Экзамен продолжался три четверти часа. По окончании Е[го] Препод[обие] Отец Платон сказал маленькую речь Ее Величеству. Государыня изволила благодарить его за учение, а про В[еликого] Князя сказать изволила: “j’ai crû, qu’il serait décontenancé, mais point du tout il a très bien répondu” [2]. Е[го] Превосх[одительство] Никита Иванович поднес тут Государыне ответы, писанные рукою Е[го] Выс[очест] ва, на богословские вопросы Отца Платона. В сих вопросах м[ожно]. пр[ивести] один, чтобы доказать примером, как страсти наши против разума воюют. Е[го] Выс[очество] изволил написать тут: “Например разум говорит: не ездй гулять, дурна погода; а страсти говорят: нет, ничего, что дурна погода; поезжай, утешь нас!” Е[го] Выс[очество] не из чужих страстей пример себе выбрать изволил!.. Поздравляли мы все его, что он столь отлично себя в своем знании показать изволил. Приняв поздравления, изволил он поваливаться на канапе и потягиваться, говоря: “Уф, как гора теперь свалила! Как же я устал! Теперь бы в постелю”».

16 нояб[ря] 65: «...за столом... изволил Е[го] Выс[очество] вспамятовать о предложенной ему от меня на сих днях геометрической теореме, что, когда две линии идут одна другой параллельно, а третья их пересекает, то происшедшие от пересечения противостоящие углы будут равны... Сие изволил он вспамятовать, увидя, что ножик его лежал в параллель вилке, а ложка поперек их». 1 дек[абря] 65: «О путешествиях своих рассказывая, г[осподин] Штапельберг (барон, саксонский титулярный камергер, родом лифляндец) говорил между прочим, будто в бытность его в Неаполе, найдена в Ираклии (Геркулануме) цесаря Адри-

ана статуя на коне. Сей ошибки кроме Е[го] Выс[очества] никто не приметил. Государь Цесаревич изволил тотчас сказать ему на то: “Кажется, сударь, этому статца нельзя; город Ираклию земли засыпало в царство Титове, а Адриан был долго спустя после Тита”». 7 янв[аря] 66: «Государь Цесаревич, забавляясь у себя в комнатах, одевал креслы сукном, представляя себе, будто сани покрыты полостью. В сие время изволил он приметить, что, как сукно с кресел сдвигивал, то из дерева, на котором была позолота, сыпались искры. Сие электрическое явление сообщено после г[осподину] Эпинусу, и он очень тому удивлялся, уверяя, что еще до ныне неизвестно было, что от трения сукна с шелковым материею толь сильное электрическое действие произойти может. И так Е[го] Выс[очество] ненарочно сделался изобретателем новые тайны в натуре». 8 янв[аря] 66: «Ввечеру эти креслы и сукно носили к Государыне. У Ее Вел[ичест]ва в покоях делали опыты. Граф Григорий Григорьевич (Орлов), будучи особливо до таких вещей охотник, нашел, что когда муфтой или простой рукой по шелковым обоям тереть станешь, то электризация производится и сыплются искры».

Все эти примеры доказывают живой и наблюдательный ум ребенка и раннее его развитие, но, по-видимому, от объективных наблюдателей не ускользала оборотная сторона. Эпинус говорил: «Голова у него умная, но в ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточке; порвется эта ниточка, машинка завернется, и тут конец и уму, и рассудку». Тоже пророческие слова! Мальчик не только умен, но и остроумен; умеет иногда и уколоть своим остроумием. 1 окт[ября] 64: «В сие время пришел к Е[го] Выс[очест]ву один кавалер. В[еликий] Князь спросил его, что он так наряден; не на свадьбу ли зван?... И как отвечивал, что на свадьбу не зван, то Е[го] Выс[очество] изволил сказать; “а! так конечно ты для того нарядился, что сего дня на театре Туркарета (комедия Лесажа) играть будут; а ты вить и сам Туркарет, да полно, не бывает ни одной комедии, где б тебя не представляли”». 31 окт[ября] 64: «Е[го] Выс[очество]. ...изволил между проч[им] спросить г[осподи] на Энгельгарда (капит[ан] гвардии, пристав при турецком посланнике), как по-турецки: нет, и как г[осподин] Энгельгард отвечал, что иок, то Государь еще изволил спрашивать, как по-турецки: да, или: так; на что г[осподин] Энгельгард сказал, что не знает. Е[го] Выс[очество] весьма замысловато примолвить к тому изволил: “Конечно, вы потому не знаете, как по-турецки да, что посланник этова слова никогда не употребляет”. Надобно знать, что посланник мужик весьма упрямый, и ни на что почти не соглашается».

6 нояб[ря] 64: «Захотелось Е[го] Высочеству написать шуточную речь, которую мог он турецкому посланнику отвечать вместо настоящей, если б имел он у него аудиенцию (хотя посланник ничего по-русски не умеет), и сочинили мы следующую: “Господин Посланник, Понеже вы видом козлу, нравом медведю, а том барану уподобляетесь: того ради повелел я всем оным животным, собрався в конференцию, дать нам аудиенцию. После того получите вы визиты от всех лошадей и быков здешнего столичного города. Теперь милости просим вон”».

15 нояб[ря] 64: «Как Е[го] Превосх. Никита Иванович, будучи не очень здоров, про иные кушанья у г[осподина] Круза (Карл Федорович Крузе, лейб-медик) спрашивал, можно ли ему есть их, то Е[го] Выс[очество] изволил сказать к тому: “Я слышал, что один так-то все спрашивался у докторов, можно ли ему то есть, можно ли другое есть. Доктора все запрещали, и он вышел из-за стола голодный. Я боюсь, Никита Иванович, чтобы и с вами этого не случилось”». 21 нояб[ря] 64: «Еще разговорились о ком-то, в шарфе ли он сегодня был, или без шарфу. Е[го] Выс[очество] изволил говорить, что конечно в шарфе. И как говорили, что, когда Е[го] Выс[очество] успел это приметить, то он сказать на то изволил: “Мне потому приметно, что глаза мои всякому взрослому человеку в самый пояс придут”».

2 декабря 64: «Как в большой пиэсе комедиант Клерваль, который представлял слугу, на театр вышел, то Государь изволил сказать: “oh, qu’il joue mal!” [3] Е[го] Прев[осходительство] Никита Иванович, задумавшись и не остерегшись, изволил сказать на то: “oui, il est bien sot” [4]. Вел[икий] Князь, тотчас перехватив сие, изволил сказать: “eh! comment pouvez-vous savoir, s’il est ou non; on peut mal jouer et avoir beaucoup d’esprit” [5]. Е[го] Прев[осходительств]во отдавал в том Е[го] Выс[очеству]ву справедливость».

10 дек. 64: «Как зашла речь о Таинстве Причащения и о преображении хлеба в тело Христово, то Е. Выс. изволил спросить тут у Никиты Ивановича: “Как же, вить в пост не положено есть скоромное, а священники и в пост причащаются, по этому они в пост едят не постное?”... Признаться должно, что вопрос сей весьма замысловатый, и великую остроту показывает, но крайне остерегся я, чтоб не дать знать того Е. В-ву, в том намерении, дабы, приметя себе похвалу, не привык он впредь шутить на счет таких вещей, которые за освященные почитаются».

7 марта 65: «Убравши волосы, облокотился Е. Выс., стоя на приступочке, на парикмахера своего Дюфура и сказал с восклицанием: “Seul soutien de ma reguque». 30 июля 65: Е. Выс. сегодня был в сатирическом духе, и над многими из нас насмеялся... Одну только речь Е. Выс-ва за столом сегодня я не могу пройтить в молчании для того, что она значит остроту его. Говорил я с маленьким князем Куракиным (Александр Борисович, племянник Никиты Ивановича Панина, товарищ детства Павла Петровича, будущий вице-канцлер, 1752–1818) тихонько. Е. Выс-ву захотелось ведать, что мы говорили. Изволил он меня спрашивать, дозволю ли я, чтоб Куракин пересказал ему то, что мы говорили; и как я отвечивал, что нет тут никакой тайности, и что Куракин пересказать может, то просил он его, чтоб пересказал ему. В разговоре нашем упоминалось о хлебе, сыре и масле. Куракин, не объясняя Е. Выс-ву точно, с чего разговор наш начался, вдруг поторопясь так сказал: “Ваше Выс-во, хлеб, сыр, масло”. Е. Выс-во, тотчас перехватя, изволил сказать ему: “Князь Александр Борисович? Тарелка, ножик и вилка. Ясно ли это? Подумай же, каково мне ответ твой ясен”... После ужины забавлялся Е. Выс., передразнивая кн. Куракина, как бы он стал чинить-

ся и важничать, если бы он со временем был канцлером; как бы стал ходить, нахмуриваться и каким говорить голосом. Надобно несколько знать и дитя наше Алексашу Куракина, чтобы это позорище яснее себе представить». Порошин приводит еще много примеров живого и шутивого нрава Павла.

Попутно с этим встречаем иногда и легкомысленные, скороспелые суждения, свойственные ребенку; ими можно бы было пренебречь, если бы эта привычка впоследствии не сохранилась во взрослом человеке. 18 дек.: 64: «Пришло мне, не знаю как-то в голову из Ломоносова Похвального Слова Государыне Елисавете Петровне то место, где написано: “Ты едина истинная наследница, Ты Дщерь моего Просветителя” (слова сии прибегнувшая Россия говорит Государыне). И как я это выговорил, то Е. Выс., смеючись, изволил сказать: “Это, конечно, уже из сочинений дурака Ломоносова”. Хотя он сие и шутя сказать изволил, однако же говорил я ему на то: “Желательно, милости-вый Государь, чтобы много таких дураков у нас было. А Вам, мне кажется, неприлично таким образом о таком Россиянине отзываться, который не только здесь, но и во всей Европе учением своим славен, и во многие академии принят членом. Вы Вел. Князь Российский. Надобно Вам быть и покровителем Муз российских...”»

5 апр. 65: «Приехав я сказал ему о смерти Ломоносова. Ответил: “Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал”. Платон приехал. О Ломоносове еще и он жалел, возбуждая к тому и В. Князя». (22 авг. 1798 император Павел I подписал следующий указ: «Во уважение памяти и полезных знаний знаменитого Санктпетербургской Академии Наук профессора статского советника Ломоносова, всемилостивейше повелеваем: рожденного от сестры его Головиной сына, Архангельской губернии. Холмогорского уезда, Матигорской волости крестьянина Петра с детьми Василием, Иваном и с потомством их, исключить из подушного оклада, освободить от рекрутского набора»).

25 февр. 64: «Хотели было из-за стола уже вставать, как не помню кто-то из нас попросил масла и сыру. В. Князь, осердясь тут на тафельдекера, сказал: “для чего прежде не ставите?” и потом оборотясь к нам: “это они все для себя воруют”. Вооружились мы все на Е. Выс. и говорили ему по-французски, как дурно оскорблять таким словом человека, о котором он конечно заподлинно знать не может, виноват ли он, или нет. Вставши из-за стола, продолжалась сия проповедь. Госп. Остервальд (Тимофей Иванович, информатор, преподавал в. князю историю, географию, русский и немецкий языки) и я говорил Е. Выс-ву весьма сильно, как дурен поступок его был, и как он тем у людей в ненависть себя привести может. Признавался он в том и раскаивался». И эта последняя черта, признание своих скороспелых несправедливостей по отношению к людям и желание их загладить, сохранится у взрослого человека и государя.

(Продолжение следует)

Комментарии

1. esprit géométrique и justesse d'esprit – геометрическую правомерность (франц.).
2. j'ai crû, qu'il serait décontenancé, mais point du tout⁴ il a très bien répondu. – Я думала, что он будет смущен, но совсем нет, он очень хорошо ответил (франц.).
3. oh, qu'il joue mal! – О! Он играет плохо! (франц.).
4. oui, il est bien sot – О, хорошо, это плохо! (франц.).
5. eh! comment pouvez-vous savoir, s'il est ou non; on peut mal jouer et avoir beaucoup d'esprit – О, как Вы можете знать, была ли эта игра плоха или нет, а может быть только остроумна (франц.).

Проф. гр. В. П. Zubov

ДНЕВНИК ПОРОШИНА*

Продолжение

КАК художественное творчество, история которого протекает в смене последующих стилей, так и человеческое мышление обнаруживает свои стили. Некоторые духовные состояния возникают в различные эпохи, дают им свою окраску и сменяют друг друга в медленной, но неумолимой эволюции. Павлу Петровичу, родившемуся в 1754 г., суждено было, если б он остался в живых, достичь полустолетия в начале XIX века (он на пять лет моложе Гете). Характер его мышления и чувствований с необходимостью должен был отличаться от того, что господствовал в поколении его матери. Последняя целиком принадлежала ко второй половине XVIII века, когда господствовал сентиментализм Руссо и Стерна, ирония Вольтера и сомнение человеческого разума. При каждом удобном случае проливают слезы, но чувства, их вызывающие, не глубоки; это мода, это относится к хорошему тону; немного предаются мистике и оккультным наукам, но лежащее в основе религиозное настроение несколько поверхностно, тут скорее общественное времяпрепровождение и плод любопытства.

Духовный мир людей, родившихся около середины века совсем иной: их зрелый возраст упадет на эпоху ранней романтики, и уже с детства им свойственны соответствующие черты. Ритм их фантазии иной чем у старших, ее контуры расплывчаты, в ней больше светотени, если позволено перенести терминологию, заимствованную у живописи на эту духовную способность. Если в истории предшествующее поколение интересуется предпочтительно классической древностью – Екатерина в молодости питалась Тацитом, – то одноклассники Павла более склонны к средневековью и рыцарству. Читая историю Мальтийского ордена аббата Vertot, цесаревич видит себя рыцарем Св. Иоанна Иерусалимского, т. е. того Ордена, Великим Магистром которого, правда, не всеми признанным, он должен был стать 35 лет спустя. Порошин записывает 28 февраля 1765: «Читал я Е. Выс-ву Вертотову Историю об Ордене Мальтийских кавалеров. Изволил он потом забавляться, и привязав к кавалерии своей флаг адмиральский, представлял себя кавалером Мальтийским». 4 марта 1765: «По окончании учения забавлялся; привеся к кавалерии своей флаг адмиральский, представлял себя послом Мальтийским, и говорил перед маленьким князем Куракиным речь».

Все таинственное вообще его привлекает, 3 Сент. 1765: «За столом у Е. В. разговоры были о франкмасонстве, и Государь Цесаревич великое любопыт-

* Русская мысль. 1960. 31 мая № 1532. Вторник.

ство показывал, чтобы узнать, в чем состоит их тайна». В зрелом возрасте у него будут еще не совсем выясненные отношения с преследуемыми его матерью ложами, главных образом через архитектора Баженова, массона, к которому он благоволил. Нельзя с уверенностью сказать, что он был принят в одну из них, хотя это и весьма вероятно, но следует отметить, что его воспитатель Панин, брат последнего, Петр Иванович, товарищ детства Павла князь Куракин и большинство сторонников цесаревича были массонами. Взойдя на престол, он сейчас же освободил заточенных Екатериной Новикова, Радищева и других.

В различных областях жизни, в различнейших проявлениях, у всех современников мы встретим элементы романтики. Как Павел, романтиками представляются и его убийцы, жертвовавшие целесообразностью таинственностью обстановки. Они как будто читались романов Анны Рэдклиф; им нужны подземелья, полумрак, скрытый на груди кинжал, пустые дома для встреч и т.д. Может быть, я когда-нибудь поговорю об этом подробнее. Но и Павлу для облегчения всегда владевшего им страха нужна такая декорация. В Гатчинском Дворце прямо из его личных комнат узкая винтовая лестница спускается к подземелью, ведущему к озеру, где всегда наготове стоит лодка для бегства. Это озеро туннелем соединено с другим, таким образом он ставит препятствия между собой и воображаемыми преследователями. Свой новый Михайловский замок в самом центре столицы он окружает крепостными рвами с подъемными мостами. После вечерней зари все мосты подняты, и никто кроме доверенных лиц не имеет доступа во дворец. Ни рвы, ни подземелья не спасли жизни несчастного Государя.

Все люди этого времени – пленники романтизма; он пишет декорации, он руководит актерами, даже теми, кто воображают себя самыми хитрыми. Нам кажется, будто невидимый режиссер дергает нитки своих марионеток, и мы сами, хотя и понимаем механизм, увлечены этим гиньолем.

Да разве не романтик Наполеон с его сорока столетиями, глядящими с вершин пирамид? Фраза идиотская, но как звучит!

В отличие от матери, называвшей себя главой православной Церкви, но в переписке с французскими философами, глумившейся над ее обрядами, Павел с детства религиозен, и это тоже относится к его романтизму. У Порошина на этот счет лишь несколько коротких указаний. 28 октября 1764: «По окончании утренней молитвы приметил я, что Е. Выс. молитву изволил читать несколько скоро, говорил ему, с каким благочинием и умилением надобно приносить Богу прошения и благодарения. Ответ Е. В-ва был: “Конечно братец, так: мне очень жаль, что я о том не подумал, когда молился”». 19 сентября 1765: (канун дня рождения. П. П.): «После стола началась всенощная. Служил отец Платон. Е. Выс. стоял весьма благочинно. И вообще справедливость ему отдать должно, что он обыкновенно службе Божией с благочинием и усердием

внимать изволят». У взрослого человека религиозность сохранилась, и даже с несколько истерическим оттенком. В своих записках полк. Саблуков, часто бывавший в карауле в Гатчине вблизи личных покоев Государя, говорит, что ему из 4-й комнаты приходилось слышать его стоны во время молитвы. Я сам, заведую в 1917–18 гг. Гатчинским Дворцом, мог убедиться, что паркет в башенной комнате, примыкающей к его кабинету, протерт в том месте, где он стоял на коленях и клал поклоны. Только в вопросе религии Павел не следовал своему герою Фридриху II. В атмосфере Двора XVIII века не кажется удивительным раннее развитие эротики у мальчика Павла. За его столом Панин ведет скабрзные разговоры, которые в XIX веке в присутствии ребенка показались бы неслыханными. «В невразумительных для Е. В. словах», отмечает Порошин 30 сентября 1764, но Павел ребенок наблюдательный. 9 октября 1764 г. Порошин записывает: «Часто случается, что Вел. Князь, стоя в углу, чем-нибудь своим упражнен, и кажется совсем не слушает, что в другом углу говорят: со всем тем бывает, что недели через три или более, когда к речи придется, окажется, что он все то слышал, в чем тогда казалось, что ни какова не принимал участия. Для того-то я всегда говорил и говорю, что в присутствии Е. В-ва наперед подумать надобно самому с собою, и тогда говорить. Все разговоры кои он слышит, мало-помалу, и ему самому нечувствительно, в основание собственных его рассуждений входят, что неоднократно мною примечено».

Уже в шестилетнем возрасте, т. е. еще при жизни имп. Елисаветы, мальчик влюблялся; в десятилетнем Екатерина и ее любовник Орлов поощряют развитие в нем чувственности. 9 октября 1765: «Сходя оттуда (с обсерватории Орлова) вниз, говорил граф Григорий Григорьевич, не изволят ли Е. Выс. посетить фрейлин. Они живут тут поблизости. Государю Цесаревичу хотелось туда итти, однако в присутствии Ее Величества не знал, что ответить. Государыня сомнение решила: изволила сказать, чтобы Е. Выс. шел туда. Никогда повеление с такою охотою исполняемо не было, как сие. За Государем были Никита Иванович и граф Григорий Григорьевич. У всех фрейлин по комнатам ходили. Возвратясь к себе, изволил Е. В. с особливим восхищением рассказывать о своем походе, и кто приходил, изволил спрашивать: «отгадай, где я был севодни?». После рассказов вошел в нежные мысли». 10 октября: «За чаем разговаривали мы о вчерашнем походе к фрейлинам, и какие там примечания Е. сделать изволил... Потом с разными воображениями изволил бегать по желтой комнате и вспоминать о вчерашнем визите».

Рассказывает Порошин и очень милый платонический роман. Он был поверенным сердечных тайн маленького цесаревича и, по-видимому, доверял ему свои. 11 октября 1764: «Не вставая еще с постели весьма упражнен был мыслями о некоторой вещи, о которой мы только знаем». 7 ноября 1764: «... изволил войти ко мне... и потом легши на мою постелю, изволил шутить со мною и разговаривать о самых важнейших своих тайнах... За чаем разгова-

ривал Е. В. о фрейлинах, как ему которая кажется». 12 декабря 1764: «...разговаривал со мною все время об одном человеке, который нам очень не противен». 1 января 1765: «Потом будучи один со мною, изволил меня кое о чем весьма любопытно и поверенно спрашивать. Старался я удовольствовать его со всевозможною подробностью и осмотрительностью». 11 февраля 1765: «...отужинавши у Е. В. поехал я в маскарад. Там по приказу его, кланялся от него одному человеку. 27 августа 1765: «Рассказывать мне Е. В. изволил из поверенности, что он, убираючись сегодня по утру, во все время продумал о некоем человеке, о котором мы только двое знаем. Изволил говорить, что он не видел, как время прошло».

30 августа 1756: «Потом танцевал Государь Цесаревич четвертый менуэт с фрейлиной Верой Николаевной Чоглоковой... Е. В. очень был весел и танцевал весьма охотно, хотя впрочем и не безызвестно, что слишком не страстен он к танцованью». 31 августа: «За чаем и во время обуванья изволил разговаривать со мною о вчерашнем бале и сказывать, какие он там сделал свои примечания. Во всем изволил мне открываться».

1 сентября «...Государь Цесаревич, стоя у окна, дыхнул на стекло и выписал пальцем имя той фрейлины, которая больше всех ему нравится. Как подошли кое-кто к окошку, то он сейчас стереть изволил». 9 сентября: «В ложе между прочим Её Величество изволила спрашивать Вел. Князя, которая ему из актрис лучше всех нравится? Е. Выс. про молоденькую мамзель Кадиш сказать изволил. Потом Государыня спросить изволила, из фрейлин кто ему лучше всех нравится? На сие Государь Цесаревич отвечал, что ему все равны. Её Величество смеючись говорить изволила, чтобы он хотя на ухо о том сказал; но Е. Выс. тож отвечать изволил, что и прежде, а между тем поглядывал на меня; однако Её Величества сего приметить не изволила».

10 сентября: «За чаем изволил мне сказывать, как он смущен был вчерась Государыниным вопросом, и что чуть было не сказал про меня: “извольте, Ваше Величество, у него спросить: он все знает”». 15 сентября: «Перед обедом, отведши меня, изволил мне говорить, что он теперь в чрезвычайной радости, по той причине, что как поехали из летнего дворца, и он сел в карету против Её Величества, то взоры его с милыми ему взорами несколько раз весьма согласно встретились, между тем как карета стояла в подъезде, пока наперед кавалеры усаживались».

20 сент. (день рождения П. П.): «Бал изволил открыть Государь Вел. Князь в присутствии Её Величества с обер-гофмейстериней графиней Анной Карловной Воронцовой. Потом изволил танцевать с фрейлиной Анной Алексеевной Хитровой, с графиней Анной Петровной Шереметевой, с Елисаветой Николаевной Чоглоковой, с Верой Николаевной Чоглоковой... Е. Выс. очень был весел». 23 сентября: «Об одной фрейлине признавался мне Е. В., что он день ото дня ее более любит. Не опровергал я совсем того, однако говорил Государю

Цесаревичу, что не очень надобно в эти мысли устремляться, дабы они не беспокоили и нужным Е. В-ва упражнениям не препятствовали».

25 сентября: «Совсем тем после маскараду изволили говорить Е. В., что ему в маскараде не очень было весело, что чего-то к его увеселению и удовольствию недоставало. А что это что-то, о том мне сказано от Государя Вел. Князя после». 3 октября: «После учения зашел у нас разговор, что Е. В-ву теперь уже двенадцатый год. Шутя говорили, что приспевает время Гос-рю В. Князю жениться. Краснел он и от стыдливости из угла в угол изволил бегать: наконец изволил сказать Е. В. «Как я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнив буду». Смеялись мы много о сей Е. В-ва заботливости». 7 октября: «В маскараде очень много танцевал Е. В. и был весел. Приметил я, что некоторую ручонку и пожимать изволил».

10 октября: «Возвратясь из комедии, Е. В. разными аллегориями вооружался на князя Куракина за то, что он вчера во время куртагу был в гостях у нашей милой. Она не была на куртаге, за тем, что болела губка». 13 октября: «По окончании учения изволил у меня спросить Е. В., так ли я свою любезную люблю, как он свою любит; и как я сказал, что конечно не меньше, то Государь Цесаревич изволил говорить, что наши любви в пропорции геометрической, и изволил написать сию пропорцию: $P:W=S:A...$ Возвратясь из комедии, Е. В. в записную свою книжку внес было нечто; однако по совету моему тотчас изволил вымарать». (Под W надо конечно понимать Веру Чоглокову, под S Семена Порошина, под A гр. Анну Петровну Шереметеву. Это доказывает, что Порошин говорил Павлу о своих чувствах).

14 октября: «Особливо Государь Цесаревич очень часто танцевать изволил со вторым членчиком вчерашней геометрической пропорции, разговаривал с ним и махал весьма всем приметно. Признаться надобно, что севодни она особливо хороша была и приступы Е. В-ва не отбивала суровостью. Одета она была в платье венецианском, и многие фрейлины в таком же платье сегодня были». (Маханьем тогда называли то, что сегодня флирт). 15 октября: «За чаем все изволил разговаривать со мною о вчерашнем маскараде и о своих там приключениях».

18 октября: «Отучась изволил играть в цинк, и там в окно маханье происходило. Комната, где сия игра была, стоит окошками на двор и против самых тех окошек, где живут фрейлины. Оттуда они выглядывают и с Гос-м Цес-м перемигиваются, особливо модная наша особа. Вот для сей-то причины Е. В. и ходит играть в цинк... Как десерт подали, то Е. В. изволил положить к себе в карман бергамот, чтоб сегодня в кукольной комедии отдать его своей любезной... После учения попрыгивал Е. В. и почти вне себя был, что увидит сегодня в кукольной комедии свою милую... В комедии Е. В. предприятие свое исполнил и бергамот отдал. С таким примечанием на любезную свою он взглядывал, что после мне с наиподробнейшею точностью пересказывать и переделывать

изволил, как она говорит, как улыбается, как смотрит и какие имеет ухватки... Фрейлены шпыняли над страстью В. Князя к его возлюбленной». 19 октября: «Четвертый уже день, как приказывает себе на каждой стороне класть по семи буколь, а преж сего обыкновенно только по одной букле или по крайней мере по три на стороне бывало; в большие иногда праздники по пяти класть приказывал, и то почти с принуждением: l'amour fait des prodiges».

20 октября: «Все утро разными аллегориями проговорил со мною о своей любезной и восхищался, вспоминая о ее прелестях... Потом оделся, возобновил опять прежнюю материю и спрашивал меня, можно ли ему будет на любезной своей жениться? И говорил, что он чрезвычайно б рад был, если б это могло сделаться... Особливо шутили мы (в комедии), что В. Князя любезная очень часто в лорнет на него поглядывала. А мы и без лорнету, не спуская глаз туда смотрели, так что и Ее Величество из своей ложи приметить то изволила. Как пришли к Ее Вел-ву в ложу, то изволила она шутя говорить В. Кн-зю, "что завтра маскараду не будет", ведая уже видно про наши похождения».

21 октября: «Танцевал Е. В. много, особливо с своей любезной, и говорил с нею довольно... С начала маскараду пошло было не очень мирно: милая наша маска убежала прочь, par esprit de jalousie (показалось ей, будто большая ее сестра Елисавета Николаевна в моду входит) и тем Е. В-ву причинила скучные мысли; но напоследок восстановлен мир... По возвращении... изволил сказывать Е. В. мне одному за уверенность, что как в польском, танцуя шен, подал он руку своей любезной, то сказал ей: "теперь, если б пристойно было, то я поцеловал бы вашу руку". Она, потупя глаза, отвечала: "что это было бы уже слишком". Потом сказала она Г-рю Цес-чу: "посмотрите, как на вас пристально Бомонша смотрит" (первая актриса на здешнем французском театре, которая также была на маскараде). Е. В. отвечал ей только: "а я на вас смотрю". Вот какова натура! Кажется, никто не учил этому. Как Гос. Цесаревич стал опочивать ложиться, и я пошел на маскарад, то просил меня, чтобы я поклонился от него графу Шереметеву и любезной В-шке, и сказал бы ей, чтобы она не подумала, что он руки у нее сегодня не поцеловал из гордости, а для того только, чтоб не нарушать благопристойности».

22 октября: «После учения вспоминал с восхищением о вчерашнем маскараде...» 28 октября: «С начала маскараду Гос. Цес-ч на любезную свою очень холодно поглядывал и разговаривать изволил с другими, но потом, как я ему шутя сказал, что постоянство в числе добродетелей, а непостоянство пороков, то сцена переменилась».

29 октября: «За чаем изволил разговаривать со мною между прочим, какие у него были разговоры с Верой Николаевной. Он называл ее вчерась червонной десяткой, подавая тем знать, что она многим отдает свое сердце. Она говорила, что одно только имеет и, следовательно, дать его не может более как од-

норму. Гос. Цес-ч спрашивал у нее, отдано ли уже это сердце кому или нет? И как она сказала, что отдано, то еще изволил спрашивать, далеко ли оно теперь? Она сказала, что не далеко. Е. В. изволил спрашивать, что если бы он кругом ее обошел, то нашел ли бы ее сердце? Говорила она, что оно так к нему близко, что и обойти не лезя и проч. Так-то знай наших: в какие мы вошли нежные аллегории. Между тем. Е. В. изволил мне призна-ваться, что, если бы вчерашнего напоминания ему от меня не было, то б может быть вчерась с любезною разрыв последовал, так как прошлого году, 30 августа, будучи крайне влюблен в Анну Родионовну (Веделеву), вдруг почувствовал к ней холодность».

11 декабря: «...рассказывал мне Гос. Цес-ч, как ему было весело, когда изволил быть на даче у обер-маршлла Сиверса: там была любезная его Вера Николаевна. Изволил сказывать, что много танцевал с нею и разговаривал. “Говорил-де я ей то, что тебе много раз говаривал, то есть, что я всегда хотел бы быть вместе с нею”. Как она сказала Е. Выс-ву, что ей очень хочется поцеловать у него ручку, он отвечивал, что ему еще больше хочется поцеловать у нее ручку. Как назад ехали, то она ехала на салазках перед Е. В-м. Тут, обирачиваясь, друг другу поцелуи бросали. В. Кн. говорил ей: “Je crois que nous n’aurons pas de si tôt une journée aussi favorable et elle répondoit par un “assurément Monseigneur”».

1766: «Новый год был в воскресенье. Во вторник... на вечер изволил Государь Цесаревич поехать к графу Григорию Григорьевичу Орлову в штегельманский дом... За ужиною сидели по билетам. Е. Выс-ву сидеть досталось с Верой Николаевной его возлюбленной, или, лучше сказать, так сделано было, что досталось. Гос. Цес-ч крайне был доволен...»

Не пришлось Порошину досказать нам этого романа; скоро после этой записи его Дневник оборвался.

(Продолжение следует)

Проф. гр. В. П. Зубов

ДНЕВНИК ПОРОШИНА*

Продолжение

ЦЕСАРЕВИЧ Павел, по словам Порошина, ребенок очень резвый; в дневнике часто повторяется: «попрыгал несколько Великий Князь». Иногда он при этом то того, то другого подергивает за полу. 25 декабря 1764: «Потом начались контр-танцы. Е. В-во их не танцует. Никита Иванович (Панин) сказал ему тут, что теперь воля, чтоб делал, что изволит. Обрадовавшись сему разрешению, Е. В-во весьма был весел, делал антраша à sa façon, попрыгивал и из угла в угол перескакивал. Все на него любовались, фрейлины, не зная, что сказать от радости, называли его “любезным Пунюшкой” (не в глаза то есть)». 11 января 1765: «Как до (пробы) балету фрейлины пришли несколько еще рано, то Е. В-во изволил играть с ними в фанты. Ему по фанту досталось по комнате попрыгать; и без фантов не редко у нас это случается». 25 января: «В девятом часу зажгли приготовленный перед домом (Алексея Орлова) на Неве фейерверк, который сделан был и горел весьма изрядно. Как за вензеловым именем Е. В-ва огненные колеса весьма быстро вертелись, то изволил сказать Вел. Князь «видю Меллисино (артиллерийский полковник, который фейерверк делал) меня знает, и видал, как я у себя прыгаю: окружил и имя мое резвыми колесами». 24 марта: «С некоторого времени примечаю я, что Е. В-во начал становиться слишком резов и несколько своенравен. Ведаю тому и причину; да пусть я только один ее ведаю». Последняя фраза загадочна.

6 апреля: «Очень стал étourdi и неприятель порядочных разговоров и рассуждений». 11 ноября: «В купеческом маскараде с странными масками танцевать изволил, и чем страннее были маски, тем танцевал с ними охотнее, из резвости». 27 ноября: «Потом изволил Е. В-во прямо, что называется шалить: из песочницы высыпал весь песок прежде в футляр с перочинного ножичка, оттуда рассыпал его по рисовальному столику и смачивал водою. Изволил представлять себе, будто это театр, и будто он для того усыпает песком, чтобы танцовщики не падали. После сего захотелось Гос-рю Цес-чу испугать кн. Куракина. Он жестоко труслив. Послал за ним Е. В-во, а между тем приказал из фейерверочных своих машинок фонтанную свечку вставить в обыкновенную восковую свечу, так, чтобы ее не было видно. Пришел Куракин, приказал Вел. Князь подать эстампы, посадил его смотреть их, и сам тут сесть изволил, а свечу поставил подле. Е. В-во Куракину никакого знака не подавал к подозрению. Как приуготовлялась свеча Вел. Князь в крайних суетах был, из комнаты в комнату перебегал и заботился, чтобы все было сделано

* Русская мысль. 1960. 30 июля № 1558. Суббота.

по его распоряжению, и предприятие приведено было к удачному окончанию. Как догорело до свечки, то скважина заплыва воском и восковая свеча стала гаснуть, что причинило было Е. В-ву великую прискорбность. Но я, не допуская до того, чтобы умысление наше открылось, когда еще есть способ производить его далее, взял тотчас булавку и расколул скважину. Тут загорелась свечка и вверх ударил весьма высоко огненный фонтан. Куракин завизжал, бросился от стола и на силу опаматовался. Вел. Князь запрыгал, мы все хохотали».

20 декабря: «Сегодня за столом Никита Иванович чаще обыкновенного оговаривал Гос-ря Вел. Князя, чтобы, говоря, не так много руками и телом делал движения и чтобы в стороны не метался. Е. Прев-во рассуждал справедливо, что такие кривлянья и порядочному течению мыслей не мало препятствуют». 27 декабря: «По возвращении Гос. Цес-ч пожурен был от Е. Пр-ва Никиты Ивановича, что очень много кривляется».

Мальчик чрезвычайно впечатлителен и его фантазия работает очень живо. 28 сентября 1764: «Тот же день сказывал, что изволил ездить и к Аничковскому Дворцу, в котором тогда пожар сделался. От сего пожарища Е. В-во всю тогдашнюю ночь заснуть не мог. Всякое внезапное или чрезвычайное происшествие весьма трогает Е. В-во. В таком случае живое воображение и ночью не дает ему покою. Когда о совершившейся 15 числа сего месяца над бунтовщиком Мирovichем казни изволил Е В-во услышать, также опочивал ночью весьма худо».

Взрослый Павел Петрович очень любил смотреть на пожары; будучи Государем, почти на каждый пожар в столице отправлялся как днем, так и ночью. Плац-адъютант Михайловского Замка Аргамаков был обязан докладывать ему о них в любое время и поэтому имел всегда доступ в его комнату. Это обстоятельство облегчило 11 марта 1801 г. заговорщикам путь во дворец. Под предлогом доклада о пожаре перед Аргамаковым был опущен подъемный мост и за ним убийцы проникли в апартаменты царя.

Порошин, как мы уже видели, говорит, что у Цесаревича «наичеловеколюбивейшее сердце», и это несмотря на его непостоянство в отношении людей. Действительно, с самого раннего детства можно наблюдать его мягкосердечие. Еще в царствование Елисаветы Петровны он, по сведениям, собранным Порошиным, «весьма любил всяких тварей: собачек, кошечек и тому подобных, особливо кошек», или «...мокрица ползла, боялся, чтобы не раздавили, и кричал».

Во время коронации Екатерины в 1763 г. Павел Петрович был в Москве тяжело болен. В память его выздоровления там основана Павловская больница. Если верить Порошину, инициатива исходила от самого мальчика. 27 сентября: 1764: «Е. В-во предложил Е. Пр-ву Никите Ивановичу, чтоб завести сию больницу в то время, как начал оправляться от тяжелой своей болезни...» На выбитой в память основания больницы медали была надпись: «Свобождався сам от болезни, о больных промышляет». Не зная другого применения своему стремлению к благотворительности, Вел. Князь всячески старается распространить

его на свое окружение. 10 октября 1764: «После стола просил Е. В-во графа Ивана Григорьевича (Чернышева), а потом Е. Пр-во Никиту Ивановича весьма усиленно и прилежно, чтоб для сына кормилицы его, которому пять лет от роду, сделать какое-нибудь счастье, отпределить его во флот, или в иное какое место. Е. Пр-во Никита Иванович обещал доложить Ел Вел-ву, чтобы указано было того мальчика определить в морской кадетский корпус, хотя он и не дворянин, однако во уважение того, что мать его была кормилица Е. Выс-ва. Мы все весьма радовались, приметя такие в Гос-ре Вел. Князе чувства благодарности». 13 октября: «За чаем спросил меня вдруг Е. В-во: «Скажи мне, братец, пожалуй, вить ты, я чаю, на олове ешь, когда обе-даешь дома»... Тут, поглядев на меня и ухватя за руку, изволил говорить: «Не тужи, голубчик, будешь и на серебре есть»... Потом докладывал я Государю, что у тафельдекера его, Редрикова... выгорел двор, и отец его теперь в крайней бедности и без пристанища, так не изволит ли он попросить Никиту Ивановича, чтобы из суммы Е. В-ва приказал выдать ему рублей пятьдесят... Е. В-во тотчас на то согласился»...

7 ноября: «Разговорились как-то о поварах и о мясниках. Е. В-во тут молвить изволил: «В поварском и мясничьем чину с жалостливым сердцем, мне кажется, быть нельзя. Из мясников вить и в палачи выбирают». 17 ноября: «Пришло тут к нам известие, что снигирек в птичне расшибся. Е. В-во ходил смотреть и весьма сожалел. Подъехал на ту пору г. Фузадьё (лейб-хирург) и Гос-рь весьма прилежно просил его, чтоб, ежели можно, снигирьку подал помощь».

14 сентября 1765: «После ужины просил Е. В-во Никиту Ивановича о произведении в камер-лакеи брата кормилицы его, лакея Якима Чеканаева и еще лакея Померанцева, также о произведении из истопников в лакеи Федора Иванова. Пошпынявши над сими прошениями, дозволил Е. Пр-во, чтоб завтра сказал о том Е. В-во гофмаршалу. Ушел Никита Иванович, и Е. В-во нарочно камердинера своего послать изволил, чтобы лакеям и истопнику объявить сегодня ж о их произведении, а сам Гос-рь Вел. Князь от радости прыгал».

6 ноября: «Давно уже у Е. В-ва принято намерение с дозволения Никиты Ивановича, чтобы рисовального своего учителя Грекова, который имеет чин поручика, выпросить у Ее Вел-ва в ассессоры; но до ныне не улучал он к тому времени, или, лучше сказать, не знал как приступить к делу и не имел довольно смелости (комплекс неполноценности). Сегодня вот как оно вышло: как пришел Е. Выс-во во внутренние покои к Государыне, и она из-волила убираться, то граф Александр Сергеевич Строганов, который тут же стоял, начал кашлять и вздыхать (по положенному о том наперед с Е. Выс-м уговору). Ее Вел-во изволила спросить: «Что этот кашель и вздохи значат?» Строганов отвечал: «что он в беспокойстве. Е. Выс-ва принимает участие, что Е. В-во имеет давно намерение трудить Ее Вел-во просьбою, но не улучит времени. Государыня смеючись изволила спрашивать, «что-то за важная просьба?» Е. Выс-во принужден был изъясниться и Греков поставлен в ассессоры... Сначала (на куртаге) изво-

лил подозвать меня за тем только, чтобы объявить свою радость, что он Ангилеича выпросил в ассессоры».

8 ноября: «Лишь встали мы из-за стола, явился новый ассессор Ангилеич, и мы все его поздравляли. Вел. Князь изволил отобрать несколько из фейерверочных колес и хлопушек... для созжания сего вечера в честь новому ассессору... Пришли в залу и началась потеха. Ассесор стоял по середине залы и принимал с ассессорскою осанкою наши виваты. Столько хлопотни было, что после с полчаса в ушах звенело, и столько мы накурили, что во всех покоях пахло порохом. После Потехи вскоре мы сели ужинать; ас-сессор у стола оставлен. После ужины приказал его Гос-рь Цес-вич проводить истопнику в коляске с фонарем до дому и дать ему вина для домашнего празднества. Сверх произвождения родился еще у него третьего дня сын, и новую принес прибыль, потому что всегда Е. В-во изволит посылать к нему крестить кого-нибудь из нас, и на крест 100 рублей обыкновенно. Ангилеич кум наш общий; и так в радости его многие соучаствовали».

Рядом с этими проявлениями доброты Порошин иногда отмечает вспыльчивость, которая, однако, вследствие увещаний довольно быстро успокаивается. Нельзя сказать, чтобы она превышала обычную для ребенка меру, и видеть в ней предвосхищение тех припадков бешенства, которым будет подвержен взрослый Вел. Князь и в особенности Государь. (Так! – Т. И.)

В мальчике развито представление о чести и патриотическая гордость. 9 октября 1764: «О Семене Хвостове (казнокраде) говоря, изволил м. пр. Гос-рь Вел. Князь сказать: «...пускай хотя Государыня от жестокова наказания его и избавит, да куды уже он денется, кто обходиться с ним будет? Вину без наказания оставить можно, а честь возвратить нельзя».

12 октября: «Е. Выс-во... изволил говорить, как ему понравился сделанный для письма из красного дерева стол, который видел у Е. Пр-ва Никиты Ивановича; при том изволил сказывать, что стол сей сделан здесь в Адмиралтействе русскими ремесленниками, и что Никите Ивановичу лучше нравится нежели тот, который привезли для него из Франции. После сего молвил Вел. Князь: “так-то ныне Русь умудрися”... Потом разговорились о городе Киле. Сказывали тут, что весь сей столичный город не больше пространством как здешний сад лет-не-дворский... После сего говорил я о Твери, какой это со временем прекрасный город будет, и вспомнил, что Е. Выс-во заранее уже маленьким Петербургом назвать его изволил. Государь сказал тут: “как выстроитца Тверь, как мне она милее будет, нежели все немецкие города”».

17 октября: Е. В-во изволил сказать тут: «какой же хороший ковер разослан был в аудиенц-зале, как Турок был на аудиенции! Этот ковер делали в Смоленске». Граф Захар Григорьевич (Чернышев) докладывал Е. В-ву, что он Ярославский. Вел. Князь сказать на то изволил: “Ну—ин Ярославский, все тот же российский”. 1 ноября: «Рассматривая генеральную карту Российской Империи сказать изволил: “эдакая землище, что, сидючи на стуле, всего на карте увидеть нельзя, на-

добно вставать, чтоб оба конца высмотреть»». 4 октября 1765: «На стол ставят соль илецкую, а в солонку для Е. В-ва кладут испанскую. Е. В-во просил Никиту Ивановича, чтобы и для него приказал подавать соль илецкую. Промолвил к тому Гос-рь Цес-вич: *C'est par esprit de patriotisme, que je vous en prie*». Согласился Е. Пр-во на просьбу и приказал для Гос-ря Цес-ча подавать соль илецкую».

Удивительно, что будущий поклонник Фридриха II и Пруссии в детстве показывает ко всему немецкому скорее неприязнь. 16 декабря 1764: «После учась Е. В-во по-немецки и читая книжку "Briefe an einen jungen Parinzen" господина Тессина, министра шведского, которую он обыкновенно читает, изволил сказать про немецкий язык: "Какой это грубой и строгий язык; если где надобно сказать: получить пользу или употребить в пользу, так говорят: Nutzen ziehen, вытянуть пользу, выломать пользу; притащить к совету, вместо того, чтобы сказать: призвать к совету"».

25 января 1765: «Прежде нежели зажгли фейерверк, подносил хозяин (Алексей Орлов) описание его на русском, французском и немецком языках. После как подошел Государь к столу, где множество сих описаний лежало, и изволил сказать, что он и еще экземпляр хотел бы взять, то графиня Прасковья Александровна Боюшша, взяв один, поднесла ему. Увидев, что написано по-немецки, изволил Е. В-во сказать ей: "Извольте этот про себя удержать; я бы лучше арабский взял, если б был, нежели немецкой"». 26 августа: «На днях получено известие о кончине Цесаря (Франца I, 18 авг. нов. ст. 1765). Долго говорили м. пр. Е. В-ву, что сия кончина ему, как Принцу Немецкой империи (по Голштинии) более всех должна быть чувствительна: каков-то милостив к нему будет новый Цесарь и пр. Е. Пр-во Никита Иванович и граф Захар Григорьевич (Чернышев) пристали тако ж к сей шутке и над Вел. Князем шпыняли. Он изволил все отвечать: "Што вы ко мне пристали, какой я немецкий принц, я Вел. Князь Российский". Граф Иван Григорьевич (Чернышев) подкреплял его».

Ребенку с ранних лет присуще чувство такта. 7 декабря 1764: «После ужины разговорились мы о младенчестве Е. Выс-ва, когда он был лет пяти и моложе. Сказывал я, какой тогда по городу слух носился, как к Е. В-ву вместо Алексея Григорьевича Жеребцова определили на время Мартына Карловича Скавронского. Как оба они несколько дней спустя пришли к нему, то некоторые из придворных спрашивали при них тогда у Е. В-ва, который из них ему больше понравился? Государь В. Князь говорил, что оба они люди достойные, и что он обоими очень доволен. Как ни доведывались при них, однако более сего не могли у него допроситься. Как Алексей Григорьевич и граф Мартын Карлович вышли, то говорил он: "Что это им сделалось, что при них спрашивают меня, чтоб я сказал настоящее свое о них мнение. Лзя ли этому статца? Либо вопросители шуты, либо меня за дурака почитают"». Е. В-во изволил признаться мне, что подлинно был такой случай.

(Окончание следует)

Проф. гр. В. П. Zubov

ДНЕВНИК ПОРОШИНА*

Окончание

НЕСМОТРЯ на обожание Порошина к своему воспитаннику, к одной черте мальчика он относится неодобрительно: *marotte militaire*, увлечение шагистикой. Я уже указывал, почему несостоятельно мнение, будто эта черта унаследована Павлом от официального его отца. Даже если бы в этом случае можно было говорить о наследственности, что весьма мало вероятно, то предки с материнской стороны, всякие мелкие германские князьки были бы достаточной предпосылкой. В дневнике забавы Павла в этом духе занимают очень много места.

Из одного отрывка мы видим точку зрения Порошина на этот вопрос. 1 октября 1764: «Граф Захар Григорьич (Чернышев) рассуждал о военном деле так как генерал искусный; доносил Е. Выс-ву о большом на будущий год под Петербургом лагере, где назначено быть и кирасирскому полку Гос-ря Вел. Князя; говорил мне, чтобы я для Е. В-ва мундир, конский убор и все нужное по штату велел к тому времени приготовить; рассказывал наконец с насмешкою, с какою точностью покойный король прусский (Фридрих-Вильгельм I) отправлял военную службу, тако же и о немецких принцах, которые, когда в службе, всю по званию своему, которое на себя приняли, должность отправляют с таким повиновением и с таким подобострастием, как и партикулярные в равных с ними чинах по армии. О сих подробностях мне и прежде от некоторых слышать случалось; но не тем тоном говорили они, которым говорил граф Захар Григорьич; приводили то как бы в пример для подражания Е. В-ву.

Это подало мне причину в себе подумать, каково б было, если б в Е. В-во, вложить охоту к подражанию тем примером? И вот какие рассуждения у меня обращались. Немецкие принцы имеют по большей части весьма малые владения; в рассуждении того и намерения их заключены в тесных пределах, не представляются мне они иначе, как людьми партикулярными, окруженными только государскою пышностью в уменьшительном виде: между тем пышность разжигает славолубие, а славолубие куда удобнее обратиться, как не на Марсово поле? Своего войска, которое бы войском назвать было можно, у них нет; для того служат, стараются отличить себя в трудах и подвигах военных, и такие старания иногда до самых излишних малостей распространяют. Е. Имп. Выс-во приуготовляется к наследию престола величайшей в свете Империи Российской; многочисленное и преславное воинство ждать будет его мановения, науки и художества просить себе поощрения его и покровительства,

* Русская мысль. 1960. 30 июля № 1558. Суббота.

коммерция и мануфактуры неутомимого попечения и внимания, пространные реки удобного соединения требовать будут; словом сказать? обширное государство неисчетные пути откроет, где может поработать учение, остроумие и глубокомыслие великое, и по которым истинная слава во всей вселенной промчится и в роды родов не умолкнет. Такие ли огромные дела оставляя, пуститься в офицерские мелко-сти? Пренебрежено б тем было великое то служение, к которому Е. Имп. Выс-во призывает промысл Господний.

Я сам до военного дела великой охотник. Главнейшее мое упражнение всегда было в нем и в тех науках, которые ему основанием служат, его освещают и приводят в систему. Но в сем случае не своей охоте следуя, а беру в расуждение звание Государя и благополучие сограждан своих. Я не говорю, чтоб Государю совсем не упоминать про дело военное? Ни как, в том опять было бы сделано упущение; но надобно вложить в мысли его такие сведения, которые составляют великого полководца, а не исправного капитана или прапорщика. Если б кто сказал, что надобно собой показать пример в повиновении и в исправности офицерской; тому б отвечивал я, что армия у нас уже ныне не такая, как было до первой Нарвской битвы, что порядок и подчинение в ней господствуют, и что ежели из десяти полков в одной роте и сыщется какой прапорщик беспорядочный и беспокойный, для того капитан наказанием или своим примером даст такому наставление. Сверх сего в безделки пускаться весьма опасно. Они и такого человека, который совсем к ним не склонен, притянуть к себе могут. Лениности нашей то весьма угодно, а тщеславие не преминет уже стараться прикрыть все видом пользы и необходимости. Легче в безделках упражняться, чем в делах великих. Таким образом пораздумавшись положил я в себе твердо, чтобы Гос-рю к этим и тому подобным мелочам вкусу не давать, а стараться как можно приучить его к делам генеральным и государския великости достойным...».

Может быть, если бы Порошин остался при Цесаревиче, наклонность его к пустякам военного дела и была бы пресечена, но этот дефект был заложен в нем давно. Например, двухлетнему мальчику показывали план баталии при Ловизице, и он об этом помнил. В три года он в 1757 г. «при взятии Мемеля, на моделях Пруссаков шомполом бил на вылазках». В 1758 г. для обучения его азбуке «сделали для Е. В-ва костяных гренадеров и мушкатеров, у коих на бантах и на шапках французские литеры были. Также сделали деревянных драгун, у коих на бантах русские литеры были, складам по тому Вел. Князь учился... Была раздвижная крепость с нумерами до осьмнадцати: по ней цифры показывал Е. В-ву Федор Дмитриевич (Бехтерев, первый воспитатель цесаревича при императрице Елисавете). В 1760 г. «учи ружьем оных всех лакеев. Е. В-во Иван

Иванович и Савелий Данилович (карлики) были офицеры...» том же году... как заметил, что Е. В-ву скучно было, то сказали: «Не изволят ли он приказать призвать лакеев и не велит ли по комнате маршировать им?» Кликнули лакеев, и водил их маленький Иван Ильич Миронов... потом поводя их оной Ильич повел их строем в кухню, за кушаньем для Е. В-ва».

С назначением Панина воспитателем подобные игры скоро прекратились, но увлечение военным делом не прекратилось. Не мог Панин пресечь в будущем Государе всякий интерес к нему, но несчастьем Павла было, что этот интерес был направлен преимущественно на внешности. То и дело встречаем у Порошина записи вроде: «изволят по столу расставлять шашки, которые у него армии представляли». (2 сентября 1765). Его уже занимает правильность маршировки, что впоследствии станет у него манией. 6 января 1765: «В сие время маршировали мимо окошек полки гвардии на Иордань. Как поровнялся полк Семеновский, то хулил Е. В-во... что солдаты маршируют худо... изволят Е. В-во пойтить в опочивальню и севши там у маленького столика, устанавливал из карточных жерелейков полки, как они сегодня в параде стояли. Потом изволят в придворном календаре считать, сколько которого ордена кавалеров... Сели за стол. Разговаривали о полках, которые сегодня были на Иордани».

10 января: «Перед обедом пришел кирасирский полковник князь Сергей Никитич Трубецкой. Е. В-во, он и я, ставши в кучку, до самого почти обеда разговаривали о новых воинских штатах, о содержании полку, об обучении и о снабжении всем потребным, о полковой экономии».

15 января: «Перед обедом заставил его Никита Иванович в желтой комнате ходить взад и вперед, чтоб шел прямо, вольно и осанисто. Е. В-во вчерась в балете заметил, что когда Е. В-во вперед выступает, так выступает очень на солдатскую статью». 20 января: «...Забавлялся Гос-рь около своих пушечек, и корабли устанавливал в боевой порядок». 12 февраля: «Государь сей день в опочивальне своей со мною забавляючись, изволят сочинять спи-сок полкам. Назначивал к ним полковников из офицеров, которых знать он изволят. В число полковников и сам он включать себя изволят под именем Павла Романова, которое имя всегда присвоить себе изволят... Над всем этим в воображении пребывающим войском изволят учредить меня шефом». 19 февраля: «Потом на столе ставил бумажную крепость и около ея полки деревянные; одною половиною полков он изволят командовать, другие у меня были, и делали мы ими по столу разные контрмарши». Номинально Вел. Кн. числится генерал-адмиралом, но его деятельность до самого его восшествия на престол ограничивалась подписанием патентов и приемом рапортов. Были, по-видимому, попытки, неизвестно с ведома или без ведома Екатерины, играючи дать ему понятие о морском деле. Собиралась, как Порошин называет ее, «комнатная Адмиралтейств-колле-

гия», в которой под руководством гр. Ивана Григорьевича Чернышева разбирались морские вопросы.

Красносельский лагерь 1765 г., на котором присутствует Вел. Князь до-ставляя ему, конечно, величайшее удовольствие. 16 июня: «Эти дни у него только что полк да барабаны в голове... Все в голове лагерь». 17 июня: «Очень étourdi. Все о лагере». 13 июня. «Отъезд в Красное Село... положили В. Князя спать. У него все лагерь в голове был. Насилу я уложил его, сказав, что ежели все о том думать и худо спать будет, не выспится, и завтра Никита Иванович и в армию перед сорок тысяч не повезет. Идучи к постели жмурил-ся, для того, чтоб поскорее заснуть». 19 июня Цесаревич участвует в смотре со своим кирасирским полком. 20-го смотрит на маневры, 21 июля: «Поутру шашки вместо войска расставлял и в барабан бил. Только что-то и в голове».

23 июля: «Я ездил поутру в лагерь к генералу квартирмейстеру, чтоб планы и проекты присылал к Вел. Князю. По утру стал было я из инструкции короля Прусского читать Е. В-ву, для какой причины баталии и как даются, однако совсем никакой аттенции не было: шашечки свои ставил, имажинировал небылицы и колотил в барабан». 25 июля происходит генеральная баталия: «В. Князь севодни очень устал. На месте баталии верхом сидя, покушал кренделя. Домой приехавши и не ужинал».

С этим увлечением мелочами военного дела вполне согласуется не-который педантизм, который Порошин отмечает в характере Павла Петровича. 7 декабря 1764: «Как мы чай пили, горело в будуаре две свечи. Надобно знать, что у Вел. Князя на всю неделю распределено, сколько по утру в будуаре зажигать свечей, когда он чай кушает. Изволит забавляться тем, и весьма точно наблюдает, чтоб сей его приказ камердинеры памятовали. В среду и в четверг горит по одной свечке, во вторник и в пятницу по две, в понедельник и в субботу по три, в воскресенье четыре. В который день случится праздник, в тот одна свечка против обыкновенного прибавляется... Е. В-во терпеть не может, чтоб в той комнате, где он, двери растворены были».

Закончу этот разбор дневника Порошина описанием обыкновенного дня маленького цесаревича. Просыпается он между 6 и 8 час., чаще всего в 7. Пьет чай с молоком и сухарями в обществе дежурного кавалера. До 11-летнего возраста дежурные его моют. Когда дежурит Порошин, он, болтает с ним во время одеванья. Парикмахер Дюфур его причесывает. В десятом часу приезжает лейб-хирург Вилим Вилимович Фусадье. Иногда Вел. Князь точит за токарным станком. В 9 или 10 час. он садится за ученье. У Тимофея Ивановича Остервальда он проходит историю, географию и языки русский и немецкий, у Порошина математику, у Франца Ивановича Элинуса физику и астрономию, у архимандрита Платона (Петра Левшина), будущего митрополита Московского, Закон Божий. Андрей Ангилеевич Греков обучает его рисованию, балетмейстер Гильфердинг и танцовщик Гранже танцам. Ита-

льянец Тремаундо до 17 ноября 1764 г., а после его отъезда француз Тед фехтованию, капельмейстер Манфредини музыке, актер Бомон декламации. К Двору цесаревича принадлежат еще князь Иван Сергеевич Барятинский, Степан Васильевич Перфильев, Карл Иванович фон дер Остен Сакен, Петр Иванович Пастухов, библиотекарь Франсуа, лейб-медик Карл Федорович Крузе и зубной лекарь Клерет. Сверх того, в комнаты вел. князя назначаются по два камер-пажа и по четыре пажа.

После учения Павел Петрович иногда играет в бильярд. В начале второго садятся за обед, за которым присутствуют его кавалеры, Никита Иванович Панин и очень часто гости. После обеда, если позволяет Панин, пьет чашку кофе, немного резвится, иногда забавляется фонтаном, что в птичье или электрической машиной, а затем опять садится за учение. После учения играет в бильярд или в берлан. Под вечер часто ходит в комедию и в антракте после большой пьесы заходит в ложу императрицы. Если не в комедию, то отправляется на куртаг или маскарад. Во время сезона маскарады бывают приблизительно раз в неделю. Ужинает между 8 ½ и 9 ч.

«За ужиной Гос-рь по большей части сам-четверть только кушает». После маскарадов ужинает в маскарадном платье. Ложится между 9-ю и 10-ю. На воздух выезжает редко. По воскресеньям до обедни читает священное писание с отцом Платоном. После обедни провожает императрицу во внутренние покои и возвращается к себе.

У Порошина сохранилась собственноручная тетрадь со словесными упражнениями Павла. Сегодня для нас, охватывающих взглядом всю его жизнь, горькой иронией звучит то, что в ней написал бедный государь:

«Se rendre tellement maître de sa langue et de son visage, qu'ils ne trahissent jamais les secrets du coeur, est un art qu'il ne faut pas ignorer» [1].

«La gloire d'un Roi est la prospérité de ses peuples: son pouvoir et son autorité résident dans les coeurs de ses sujets» [2].

«Soyez juste et impartial, et agissez avec les hommes comme vous voudriez qu'ils fissent avec vous. La meilleure défense d'un Prince est sa bonté et sa vertu» [3].

«Celui qui néglige sa réputation est bien disposé à compter pour peu la vertu. Il ne faut jamais chagriner personne» [4].

Комментарии

1. «Se rendre tellement maître de sa langue et de son visage, qu'ils ne trahissent jamais les secrets du coeur, est un art qu'il ne faut pas ignorer». – «Нужно стать таким мастером своего языка и лица, чтобы они никогда не предавали секреты сердца, это искусство, которое нельзя игнорировать» (Франц).
2. «La gloire d'un Roi est la prospérité de ses peuples: son pouvoir et son autorité résident dans les coeurs de ses sujets». – «Слава царя – это процветание

его народа: его сила и его власть находятся в сердцах его подданных» (Франц).

3. “Soyez juste et impartial, et agissez avec les hommes comme vous voudriez qu’ils fissent avec vous. La meilleure défense d’un Prince est sa bonté et sa vertu”. – «Будьте справедливы и беспристрастны и действуйте с мужчинами так, как вы хотели бы, чтобы они поступали с вами». Лучшая защита принца - его доброта и добродетель. (Франц.).
4. “Celui qui néglige sa réputation est bien disposé à compter pour peu la vertu. Il ne faut jamais chagriner personne ». – «Тот, кто пренебрегает своей репутацией, может рассчитывать лишь на небольшую добродетель. Вы никого не должны огорчать. (Франц.).

Проф. гр. В. П. Zubov

ПЕРВЫЙ БРАК ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА*

В ЯНВАРЕ 1768 г[ода] Екатерина начинает помышлять о женитьбе сына. Для Императрицы вопрос этот важен. Павлу недавно минуло 14 лет; царская семья состоит лишь из матери и сына; в случае смерти великого князя законного наследника больше бы не было. Даже если бы государыня имела еще детей, они не были бы Романовыми. Только несчастным, рожденным в заточении братьям и сестрам царя Иоанна Антоновича можно бы было передать престолонаследие, но эта мысль для Екатерины не могла быть приемлемой.

Таким образом, независимо от материнских чувств, которые вряд ли в ней говорили, дело шло о государственном интересе. Как некогда императрица Елисавета Петровна искала невесту для своего племянника Петра и нашла Екатерину, так Екатерина теперь искала невесту для своего сына. Те же точно предпосылки, что и тогда, были руководящими. Нужна была принцесса протестантская, так как католическая не согласилась бы на перемену вероисповедания. Она должна была быть послушной и скромной, а также плодovitой. Фридрих II Прусский писал, что в отношении последнего пункта приходится довольствоваться вероятием, потому что в этой области опыты едва ли допустимы.

Екатерина начала заниматься этой задачей так рано, желая иметь время действовать осмотрительно и ничего не предоставлять случайности. Эта совершенно асентиментальная женщина желала уверенности. Сначала доверенный человек должен был осмотреть всех возможных кандидатов как заводских кобыл. После его предварительного выбора она сама собиралась ближе их обследовать. По собственному примеру она знала, какие опасности могли угрожать со стороны такой импортированной принцессы, и не хотела тех сюрпризов, которые императрица Елисавета испытала от нее самой. И все же, как мы увидим, этой мудрой государыне вся ее осторожность ни к чему бы не послужила, если бы впоследствии ей не пришел на помощь счастливый несчастный случай.

Прежде всего, становился вопрос, кто будет тем доверенным лицом, достаточно умным и ловким, которое сумеет выполнить поручение тактично и без огласки. Послать собственного подданного значило привлечь внимание всего света; следовательно нужен был иностранец. Екатерине казалось, что она нашла подходящего человека в лице барона Ахатца-Фердинанда фон дер Ассебурга (1721–1797). Последний, хотя как уроженец Хальберштадта и был прусским подданным, сначала находился на дипломатической службе Гес-

* Русская мысль. 1960. 1 ноября № 1598. Вторник.

сен-Кассельского Ландграфа, а затем поступил на датскую – находился в приятельских отношениях с датским министром ба-роном фон Бернсторфом и был датским посланником в Стокгольме, где связался тесной дружбой с Никитой Ивановичем Паниным, бывшим в свое время русским представителем при шведском Дворе, раньше чем стать воспитателем Павла Петровича и министром Екатерины. Не без содействия последнего Ассесбург в 1765 г[оду] был назначен посланником в Петербург. Главной его задачей были переговоры об обмене Голштинии на графства Ольденбургское и Дельменгорстское (Так! – Т. И.). Способности, выказанные при этом Ассесбургом, заслужили ему благоволение Екатерины, и когда он по собственному желанию в 1768 г[оду] покидал петербургский пост, он по ее рекомендации до отозвания получил от своего Двора вверительные грамоты в качестве посла.

Эту личность, соединявшую по свидетельству современников лучшие качества дипломата, государственного деятеля и любезного человека, выбрала Екатерина для наблюдений над немецкими принцессами, могущими годиться для роли будущей русской императрицы. Так как Ассесбург находился на датской службе, надо было без огласки получить разрешение его правительства для поручения ему этой миссии. Русскому посланнику в Копенгагене Сальдерну было приказано переговорить о том конфиденциально с Бернсторфом, не посвящая в секрет весь датский кабинет, что и было исполнено.

Уже в марте того же года последовало первое сообщение Ассесбурга Панину, а в мае второе; он провел несколько дней в Трептове в Померании, где герцог Фридрих Евгений Вюртембергский в качестве прусского генерал-лейтенанта стоял со своим полком в гарнизоне. В своих донесениях Ассесбург упоминал старшую дочь герцога Доротею-Августу-Софию восьми с половиной лет, обещающую стать красавицей. Это обстоятельство и прекрасное воспитание принцессы привлекли внимание агента Екатерины, но крайняя ее молодость не позволяли видеть в ней невесту для великого князя. Екатерина испытала своеобразное чувство при мысли, что эта принцесса, также как и она сама, была рождена в Штеттине, где ее отец, как и отец императрицы, находился на прусской службе. Многие немецкие безземельные принцы поступали на службу более могущественных властителей. Позже Фридрих Евгений, наследуя двум своим старшим братьям, вступил на герцогский престол в Штуттгарте. Из депеши, посланной Паниным в июле Ассесбургу, можно усмотреть, что намеки последнего относительно маленькой принцессы не остались незамеченными в Петербурге.

Осенью Ассесбург посетил Дворы в Мейнингене и Кобурге. При первом было трое принцесс, но внешность их показалась ему столь невыгодной, что он их немедленно вычеркнул; в Кобурге он нашел одну, лицо которой было столь обезображено оспой, что и она была исключена из списка. После Саксонских Дворов он отправился в Дармштадт. В донесении из Ханау от 6 января 1769 г. мы впервые

находим упоминание о принцессе Вильгельмине, четвертой дочери Ландграфа Лудвига IX и его супруги Каролины Луизы, рожд[енной] принцессы Пфальц-Цвейбрюккенской. Одновременно Ассебург упоминает и о ее трех кузинах, дочерях принца Георга Вильгельма Гессен-Дармштадского, брата ландграфа; последние три впоследствии славились своей красотой и любезностью. Барон отдавал им предпочтение, ввиду прекрасных качеств их родителей. По таким же соображениям он опять упоминал о маленькой принцессе Вюртембергской. В то же время он просил предоставить ему еще 12–15 месяцев для наблюдений за физическим и нравственным развитием кандидатов.

Год 1769 прошел почти без того, чтобы Ассебург имел случай обратить внимание на какую-либо другую принцессу; лишь из донесения от 14 сентября следует, что в маленьком городке Рода он видел двух Саксен-Готских принцесс и нашел, что младшая из них, Луиза, могла бы привлечь внимание императрицы. В конце года он раздобыл портреты Доротеи-Августы-Софии Вюртембергской, Луизы Саксен-Готской и Вильгельмины Гессен-Дармштадтской и послал их Екатерине. Депеша Панина подтверждает их получение в Петербурге.

В 1770 г[оду] также не было существенных новостей и лишь в 1771 г[оду], 5 февраля Панин писал, что императрица желает ускорить брак своего сына. При всем предпочтении, которое она отдает Вюртембергской принцессе ее больше не рассматривают как возможную кандидатку, так как она только еще должна достигнуть 12-летнего возраста. Мы имеем и собственноручное письмо Екатерины к Ассебургу от 23 января 1771 г[ода]; из него видно, что она лишь с сожалением отказывается от мысли о Вюртембергской девочке: «Но рассудок берет верх над страстью: она слишком молода».

Однако три месяца спустя она не только опять занята мыслью о Доротеи Софии, но решилась пригласить ее в Россию. 14 мая она пишет Ассебургу: «Я возвращаюсь к моей любимице, Вюртембергской принцессе, которой в будущем октябре исполнится 12 лет. Суждения ее врача об ее хорошем и крепком здоровье приближают меня к ней. Есть у нее и недостаток – 11 братьев и сестер, но они в малых летах. Поищем в этом недостатке, если сможем, подходящее нам лекарство. В одном из ваших предыдущих писем вы соглашались, что лучшим способом достичь уверенности было бы позвать в Россию ту, на которую мог бы пасть выбор. Принц Фридрих-Евгений, отец этой принцессы, не упускает случая оказывать мне внимание, даже доверие. Думаете ли вы, что он мог бы решиться доверить мне нескольких детей из своей многочисленной семьи? Думаете ли вы, что было бы легче получить их несколько, чем одного? Если бы он доверил одного по моему выбору, я бы выбрала его старшую дочь; но, если бы, чтобы получить эту, надо было прибавить других, то это была бы его старшая

дочь и один или два сына...» Екатерина готова также принять одну или нескольких дочерей Вюртембергской четы, если среди них будет старшая. Она обещает проявить в их отношении все возможные заботы и берет на себя их устройство. Письмо кончается просьбой не пропустить благоприятной минуты, если Ассесбург, знакомый с условиями на месте, имеет надежду на успех.

Ответ Ассесбурга на это письмо Екатерины живо рисует психику всех этих немецких князьков вообще, видевших в свадьбе одной из дочерей средство обеспечить и себя самих и всех остальных своих детей. Он пишет 9/20 июня из Мейсторфа: «Семейство принца Фридриха Евгения Вюртембергского умножи-лось рождением седьмого сына. Теперь у него десять человек детей и мало надежды, чтобы пристроить которого либо из них... Не имею ни малейшего повода к сомнению, что родительница их будет весьма польщена честью представиться Вашему Императорскому Величеству..., даже и не подозревая о бесконечном счастье, которое от того может последовать для принцессы, старшей ее дочери. Она любит свет, почести, в особенности же ласкается мыслью, что государи Европы принимают участие в судьбе ее детей. Принц, ее супруг, за исключением привязанности к большому свету, того же образа мыслей и так сильно озабочен устройством счастья своего дома, что готов идти навстречу всем предложениям, к тому клонящимся. Как тот, так и другая, выкажутся скорее требовательными, нежели неуступчивыми, скорее готовыми привезти с собой нескольких детей, нежели склонными быть умеренными в их желании пристроить одного или двух из них – и чтобы досказать мою мысль – было бы, может быть, лучше, или в Дармштадте, или в Монбельяре (местопребывание Вюртембергской семьи) говорить о путешествии в Санкт-Петербург лишь с условием, чтобы кроме принцессы, которую Вы пожелаете видеть, был привезен лишь один из прочих членов семейства, нежели предоставить этот вопрос чужому решению. Не вели-кодушие Вашего Императорского Величества затруднено им; я думаю лишь о средствах отвратить употребление его во зло и замедление, которое могут повлечь за собой выбор и здоровье нескольких детей к свершению этого путешествия».

В донесении от 12 марта Ассесбург возвращается к Вильгельмине Дармштадской и сообщает, что в течение 15 месяцев, что он ее не видел, ее внешность выиграла. В частном письме он ограничивает число кандидаток пятью, а именно: Вильгельминой Гессен-Дармштадтской, Луизой Саксен-Готской, Анной-Каролиной Нассау-Саарбрюккенской, Софией-Фредерикой Мекленбург-Шверинской и Доротеей-Августой-Софией Вюртембергской; обеих последних он считает слишком молодыми для выбора. Принцесс Саксен-Мейнингенскую, Саксен-Кобургскую, также как и старшую и младшую сестер Вильгельмины Дармштадтской он совсем исключает.

Между тем он в марте получил собственноручное письмо императрицы от 30 января 1771 г[ода]. В нем Екатерина приказывала обратить особое вни-

мание на Луизу Саксен-Готскую и предложить ее матери предпринять с обеими дочерьми поездку в Россию под любым предлогом, какой ему вздумается, кроме настоящего. Она упоминает также вопрос вероисповедания: «Помешайте, если возможно, и дело еще не сделано, принцессе получить лютеранскую конфирмацию, так как протестанты становятся упорными лишь с этой минуты». Следует воспоминание из собственной молодости: «Если вам понадобится пример, дабы побудить герцогиню к этому путешествию, вы можете указать на мой; моя мать приехала сюда под предлогом поблагодарить покойную императрицу от имени своей семьи за различные оказанные ей милости».

Дело разбилось как раз о вопрос вероисповедания. Раньше, чем ушло письмо Екатерины, а именно 23 января, герцогиня мать писала неизвестному нам адресату, что никогда, ни ее дочь не согласится на этот брак, ни она не сможет дать на него согласия. Ее дочь-де заявила, что лучше умрет, чем станет об этом думать. По-видимому, Ассебург лишь позднее узнал об этом обстоятельстве, так как в конце апреля отправился в Роду и в донесении от 4 мая сообщал, что принцесса за два года весьма изменилась к худшему: «Она глядит скорее 30-летней, чем 15-летней». Он и вообще дает неблагоприятный отзыв о ее внешности и манерах. В своем ответе от 14 мая Екатерина окончательно отказывается от этой принцессы.

Что же до Вильгельмины Дармштадтской, то она была ей описана как совершенство, но друг философов, императрица, скептик от природы; она знает, что совершенств на этом свете не бывает. От Ассебурга она слышала, что Вильгельмина обладает умом опрометчивым и склонным к раздору. «Это в соединении с умом ее сударя-батюшки и с большим числом сестер и братьев, частью уже пристроенных, а частью еще ожидающих, чтобы их пристроили, побуждает меня в этом отношении к осторожности». Однако она просит Ассебурга о новом обследовании. С этого времени ее внимание сосредоточено исключительно на Вюртембергской и Дармштадтской девицах. Относительно характера последней родная ее тетка, сестра отиа, маркграфиня Баден-Дурлахская, Луиза, сделала намеки, которые следовало проверить.

Из ряда собственноручных писем матери Вильгельмины, ландграфини Каролины следует, что Ассебург доверительно посвятил ее в намерения русской императрицы. Ландграфиня по свидетельству современников была исключительной женщиной, одаренной лучшими качествами ума и сердца; она до сих пор живет в памяти своей маленькой страны под прозвищем «великой ландграфини». Фридрих II говорил о ней: «*femina sexu, ingenio vir*» (женщина полом, умом мужчина). Сегодня при знакомстве с ее перепиской она представляется нам как несомненно толковая женщина, говоря по-русски, бой-баба, поглощенная, однако, мелкими интересами своего крохотного государства и в особенности своей семьи. Ей надобно заботиться о трех сыновьях и пяти дочерях, о муже, которого она не может ценить и с которым редко встречается. О бу-

дущем своих дочерей она печется самоотверженно и не остановилась бы перед маленькой интригой, что-либо обещающей. Смешные стороны ландграфа она старается скрыть от света или по крайней мере смягчить. Жалкий дурак, он ставит себе в высшую заслугу, что слывет лучшим (из – Т. И.) барабанщиков Св[ященной] Римской Империи.

Таким образом, ландграфиня рисуется как примечательная фигура, которая, однако, попав в окружение Двора Екатерины, сразу покажется провинциальной и мелкой. Как множество малых владетельных немецких особ XVIII-го века, как например, в свое время мать Екатерины, она обожествляет прусского короля и в своих письмах к нему расточает самое пошлое подобострастие. Свою вторую дочь Фредерику она пристроила в Пруссии, с 1769 г[ода] последняя стала второй супругой кронпринца, будущего короля Фридриха Вильгельма II. Старшая, Каролина с 1768г[ода], за ландграфом Фридрихом Гессен-Гомбургским. Последних трех: Амалию, Вильгельмину и Луизу нужно еще устроить. Здоровье Ландграфини не обещает долгой жизни, поэтому будущее дочерей становится ее главной заботой.

(Продолжение следует)

Проф. гр. В. П. Zubov

ПЕРВЫЙ БРАК ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА*

Продолжение

8 АВГУСТА 1771 г[ода] Екатерина сообщает Ассесбургу о выздоровлении Павла от тяжелой болезни, угрожавшей его жизни. В том же письме она касается приписываемых Вильгельмине недостатков и просит его удостовериться собственными глазами, а не на основании слухов, где истина. Это письмо скрестилось с донесением от 10 августа, в котором Ассесбург берет обратно после внимательного наблюдения все неблагоприятные выражения относительно нравственных качеств принцессы, к сожалению для Павла, который в противном случае избег бы первого большого любовного разочарования. На основании этого последнего донесения Ассесбург в сентябре получает от Панина поручение прислать портрет Вильгельмины в натуральную величину. Ассесбург опять едет в Дармштадт, 20 декабря подробно сообщает о новых своих наблюдениях и посылает портрет. 16/27 янв[аря] 1772 ему пишется новое собственноручное письмо императрицы: «Портрет выгодно располагает в ее пользу, и надобно быть очень взыскательной, чтобы найти в ее лице какой-нибудь недостаток. Черты лица правильные; я сравнила этот портрет с первым, присланным ранее, и опять прочитала описание тех особенностей, которые, как вы находите, не уловил живописец. Из этого обзора я вывела заключение, что веселость и приятность, всегдашняя спутница веселости, исчезли с этого лица и, быть может, заменились натянутостью от строгого воспитания и стесненного образа жизни. Это скоро изменилось бы, если бы эта молодая особа была менее стесненной и если бы она знала, что напыщенный и слишком угрюмый вид плохое средство успеть согласно видам или побуждениям честолюбия. Когда вы возвратитесь к ней, я советовала бы вам проронить, как бы неумышленно в разговоре с нею, несколько слов о том, что при Русском Дворе любят веселость и манеры предупредительные и любезные, что я очень веселого нрава, и мой сын также». Но она хочет знать, откуда взялись слухи о склонности Вильгельмины к раздорам, и на какие факты указывала тетка.

Несмотря на все это, мысль о маленькой Вюртембергской принцессе все еще продолжает занимать Екатерину, и она не может окончательно решиться в пользу Вильгельмины. Панин со своей стороны считает Вюртембергский проект самым подходящим и в конфиденциальном письме от 28 января 1772 г[ода] просит Ассесбурга предпринять новую поездку в Дармштадт и Вюртемберг, у него-де еще в распоряжении несколько месяцев для дальнейших наблюдений.

* Русская мысль. 1960. 3 ноября № 1599. Четверг.

В октябре 1771 г[ода] Ассебург перешел из датской службы на русскую с чином действ. тайного советника. Между тем Фридрих II проникнул о намерениях Екатерины в отношении Вильгельмины. Где можно было из сводничества почерпнуть политическую выгоду, старая лиса всегда старалась приложить свою лапу. 30 лет тому назад он втерся в планы Елисаветы Петровны в отношении будущей императрицы Екатерины II, планы, которые и без него уже созрели, с тем чтобы впоследствии приписать себе исключительную заслугу. Так же он действует и сейчас, когда вопрос уже почти решен в голове Екатерины. Он в близком свойстве с Вильгельминой, его племянник и наследник ведь женат на ее сестре. Фридриху тем легче включиться, что Ассебург его подданный и почитатель. Последний открыто заявлял, что интересы прусского короля для него выше всего. Когда Фридрих намекнул ему, что Дармштадтский брак ему желателен, он стал маневрировать в этом направлении. Предоставим слово самому Фридриху: «Лишь путем ходов и интриг королю (он пишет о себе в третьем лице) удалось остановить выбор императрицей своей невестки на принцессе Дармштадтской, родной сестре принцессы Прусской; чтобы иметь влияние в России, следовало помещать там личностей, связанных с Пруссией. Надо было надеяться, что принц прусский, достигнув престола, сможет из этого извлечь большие выгоды. Господину фон Ассебургу, подданному короля, перешедшему на службу императрицы, было поручено объехать все Дворы, где были принцессы на выданье, и сделать рапорт. Король возбудил его патриотические чувства, дав ему понять, что принцесса Дармштадтская та, которой он больше всего интересуется. Посланный так хорошо послужил Его Величеству, что эта принцесса была назначена в супруги великому князю. Такие мероприятия могут впоследствии обмануть, тем не менее не надо пренебрегать ими». Что король в этом случае сильно просчитался, мы скоро увидим.

В другом месте он пишет: «Этот выбор не был безразличен берлинскому Двору; эта новая связь могла стать либо благоприятной, либо противной его интересам. Германия в то время была бедна принцессами; было лишь три или четыре, которых можно было предложить, потому что одни были слишком стары, другие слишком молоды. Те, которых можно было выдвинуть были: сестра курфюрста Саксонского (тут у короля вкралось смешение с Луизой Саксен-Готской), принцесса Вюртембергская и три принцессы дочери Ландграфа Дармштадтского. Старшая сестра этих принцесс была за Прусским принцем: таким образом можно было многое выгадать, если бы одна из этих принцесс стала великой княгиней, потому что родственные узы, прибавляясь к союзным, казалось, предвещали, что связь Пруссии и России будет этим закреплена, более чем когда-либо. Король все пустил в ход, дабы устроить дело в этом смысле, и был настолько счастлив, что вполне в этом успел».

Таких немецких рептилий как Ассебург, служивших последовательно разным европейским Дворам и продававшим порученные им интересы Прусско-

му королю, Россия кормила нескольких. Одна похвала Фридриха Дармштадтской принцессе вряд ли бы повлияла на Екатерину; в 1773 г[ода] она писала: «Мы довольно похожи на того осла, который в басне умирал с голоду между пугами сена, потому что не мог решиться, с которого ему начать. Я читала, я перечитывала письмо г. Ассбург, и вот, что мне пришло на мысль, чтоб наконец в добрый час достигнуть цели. Слава Богу у Ландграфини Гессен-Дармштадтской три дочери — невесты: велим пригласить ее сюда с этим роем дочек; мы были бы особенно несчастливы, если бы из трех не нашлось ни одной для нас подходящей. Посмотрим на них и потом решимся. Вот эти три дочери по берлинскому календарю:

- 1) Амалия Фредерика, 18-ти лет.
- 2) Вильгельмина, 17-ти лет,
- 3) Луиза, 15-ти лет.

Вюртембергскую принцессу я отчаялась увидеть, потому что невозможно было бы показать здесь отца и мать в том виде, в каком изображает их в своем донесении г. Ассбург: это значило бы с самого начала поставить девочку в смешное положение, которое не позабудется; ей всего 13 лет, да и то минуло только восемь дней тому назад. Я не очень останавливаюсь на похвалах короля Прусского старшей из принцесс Гессенских, потому что знаю, как он их выбирает и какие ему нужны; то, что ему нравится, едва ли бы нас удовлетворило. Для него, чем глупее, тем лучше: я видела и знавала выбранных им».

Мы не знаем, что мог Ассбург рассказать о Вюртембергских родителях, о качествах которых он еще недавно так хорошо отзывался? Вероятно, какую-нибудь сплетню об их провинциальных привычках и наклонностях. Для Фридриха во всяком случае характерно, что для достижения своей цели он не останавливается перед тем, чтобы выставить в невыгодном свете свою племянницу, герцогиню Вюртембергскую. Четыре года спустя он приложит все усилия, чтобы сделать из своей внучатой племянницы, которую он теперь старается исключить, преемницу скончавшейся Вильгельмины и заслужит этим вечную благодарность ослепленной Вюртембергской четы.

СО СВОЕЙ стороны Фридрих II начинает игру письмом к ландграфине от 7 мая 1772 г[ода], в котором он сообщает ей то, что ей уже давно известно: «Представляется благоприятный случай пристроить одну из принцесс, Ваших дочерей... Дело идет не о пустяках, а о том, чтобы поместить или нет одну из Ваших дочерей на русский престол... Ваше Высочество само оценит, какое преимущество ее дом смог бы извлечь из такого устройства.... Нельзя терять времени, и я почти уверен, что мне удастся провести это дело, если Вы его одобрите». За два с половиной года, что Ассбург навещает ее, ланд-

графиня знакома с этим планом, но все же не совсем уверена в успехе. Она знает, что существуют и другие кандидатки. Поэтому она сверх меры счастлива приобретением такого могущественного союзника. «Это дело мне не абсолютно безизвестно», отвечает она 18 мая и, конечно, обеими руками за него хватается. Отныне завязывается между ней и королем оживленная переписка на том наречии, которое оба считают французским языком. Ландграфиня при этом рассыпается в уверениях почтения и преданности почти отвратительных: «Я совершенно доверяюсь Вашему Величеству, тронутая Вашей добротой и счастливая, что могу рассчитывать на Вашу поддержку. Почему не могу я повергать все важные действия моей жизни на решения Вашего Величества, которому я посвятила самое абсолютное доверие, нерушимую привязанность и глубочайшее уважение!»

Какое яркое доказательство для положения, завоеванного французским языком и культурой, что в то время все, будь то русские, будь то немцы, будь то всякая другая континентальная нация, ведут не только свою официальную, дипломатическую, но и частную переписку на этом языке, правда, зачастую жестоко его коверкая. Сколько Дворов, что сплошь и рядом находятся с Францией в войне и иногда считают себя непримиримыми ее врагами, тем не менее во всем, что касается науки, литературы, искусства и мод, остаются горячими поклонниками Франции и стараются по мере сил ей подражать, с нее обезьянничать. Это было время, когда все, что шло из Парижа или Версаля, рассматривалось в верхних европейских слоях образцом вкуса, когда Франция сияла высшим блеском и, хотя иногда неудачливая в своих политических или военных намерениях, торжествовала нравственно благодаря почитанию своих противников.

24 мая Фридрих отвечает, что теперь, раз он имеет согласие ландграфини, он положит железа в огонь и думает, что дело пойдет быстрее, чем она может предполагать. Он намекает, что ей следовало бы самой свезти свою дочь в Россию, и надеется, что вопрос вероисповедания не представит тех препятствий как у покойного Цербстского князя, отца императрицы Екатерины, над которым он попутно задним числом слегка издевается: «...мне было трудно победить его религиозные сомнения; на все мои представления он отвечал: «*Meine Tochter nicht griechisch werden*» [1]. Я льщусь надеждой, что подобные сомнения не будут иметь место в настоящем деле, тем более что его убедили, что греческая вера как раз и есть люте-ранская. Он был достаточно добр этому поверить, и, благодаря этому, его дочь в настоящее время – Российская Императрица. Вот от чего часто зависит источник величайших судеб». Хочет ли Фридрих этими словами предречь ландграфине нечто похожее и для ее дочери? Впоследствии выяснилось, что Вильгельмина была склонна сыграть большую политическую роль, и что только смерть ей в этом помешала.

5 июня ландграфиня уже играет на карту Вильгельмины: «Я не смею спрашивать, которая могла бы быть выбрана, но я отвечаю за то, что моя дочь Вильгельмина согласится без всякой трудности (Еще бы!). Опасности и греческая вера ее не пугают». Своего супруга ландграфиня собирается okolпачить: «Я уверена в согласии ландграфа, я его выспрашивала по поводу этого брака. Я ему, правда не сказала, „dass seine Tochter sollte griechisch werden“ [2], но я имею основания верить, что в виду выгод, которые он обещает себе от этого союза, он простит этот шаг, который может остаться неизвестным «до после отъезда». В черновике этого письма сказано: «Впрочем, я от всей семьи скрою, что этот шаг необходим, чтобы перед отъездом избежать и для меня, и для моей дочери слез и представлений, которые заставили бы меня страдать, но не изменить мнения».

Для ландграфа, это она знает, главное гешефт, который может из этого получиться. Из позднейших писем ландграфини к своей матери мы узнаем, что он хотел получить от Екатерины целую провинцию, где он собирался держать полк в 4.000 человек; провинция «должна представлять собою сюртук, а ландграфство рукава». Конечно, к этому должны прибавиться деньги. Ландграфиня достаточно умна, чтобы понимать бессмыслицу подобных требований. В конце концов, он получил фельдмаршальский патент и Андреевскую звезду и был очень недоволен. Что до перемены исповедания, он впоследствии тоже разыгрывал недовольство, но его жена, хорошо его знавшая, писала матери: «Да простит мне Бог, если бы его планы удались, то, я думаю, он позволил бы ей стать турчанкой».

Что за ягодка ее дочь, она видимо знает; во всяком случае, она уверена, что религиозные сомнения не повредят ее карьере. 30 июня она опять говорит о Вильгельмине. Ей хочется осторожно внушить королю мысль о ней. 11 июля король отвечает: «Я бы хотел, раз это доставит Вам удовольствие, чтобы выбор России пал на принцессу Вильгельмину, но мой кредит может лишь повлиять на решение императрицы избрать свою невестку в Вашей семье». Он знает, что собираются послать «quelque grand du royaume» [3] в Германию для смотрин, и хочет раздобыть инструкцию, которую последний получит, чтобы знать, какую хотят иметь невесту. Соответственно с этим мать сможет выдрессировать Вильгельмину. Одним словом, – цыгане, торгующие лошадьми. Фридрих думает, однако, что в России захотят дожидаться конца турецкой войны, раньше, чем приступить к выбору, но слава Богу Griechisch lutherisch [4] в этом вопросе роли не играет. Ландграфиня нетерпелива и обеспокоена.

29 июля король узнал, что для смотрин собираются послать того же Ассесбурга, его подданного, так что он некоторым образом уверен в успехе. В Петербурге как будто имеют виды на принцессу Фредерику-Амалию, старшую из сестер. Опасения ландграфини вызывает лишь предосудительное поведение Цвейбрюккенской невестки, герцогини Марии-Франциски-Доротеи

и ее дочери курфюрстыни Саксонской Амалии-Августы-Марии, супруги Фридриха-Августа III. Но король успокаивает ее, он дал в Петербурге нужные объяснения. 3 августа он сообщает: «Я в общих чертах знаю, что от будущей вел[и-кой] княгини ожидают кротости, пристойного поведения и плодovitости... Ассебург парень мне преданный и в этом деле ничего не испортит... Я не могу сказать Вам точно, когда он начнет свой объезд. Возможно, что он поедет в Вюртемберг, но это не существенно; он заедет к Вам, ни в чем не показывая виду. Я уверен, что, видя принцесс, Ваших дочерей, и в особенности судя о них по их почтенной матери, он отдаст Вам предпочтение. Впрочем, Вы можете положиться на мои старания, я работаю для Вас больше, чем если бы я был на Вашей службе; или дело удастся, или я ничего не смыслю». 12 августа ландграфиня обещает выжидать со всевозможным спокойствием, куда судьба и король выведут ее из этого летаргического состояния. «Если в России требуют кротости и пристойного поведения, то я могу надеяться, что остановятся у меня, что же до плодovitости, то не существует допустимых доказательств; все же те, что дают старшие сестры, могут служить благоприятной предпосылкой в пользу младших».

(Продолжение следует)

Комментарии

1. Meine Tochter nicht griechisch werden. – Моя дочь не будет греческой (то есть греческого православного вероисповедания) (нем.).
2. dass seine Tochter sollte griechisch werden. – Что его дочь должна стать греческой (нем.).
3. quelque grand du royaume – некоторые большие королевства (франц.).
4. Griechisch lutherisch – Греческий – Лютеранский – (нем.).

Проф. гр. В. П. Zubov

ПЕРВЫЙ БРАК ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА*

Продолжение

ОТНЫНЕ Фридрих активно вмешивается в дело. 8 августа он через своего министра графа Финкенштейна сообщает Ассесбургу о своем желании, чтобы тот направил выбор русского Двора на одну из Дармштадтских принцесс. Ассесбург отвечает с величайшей осторожностью, что он лишь слабое орудие, призванное не вести важнейшее дело эпохи, а только привести его в движение. Положение Ассесбурга чрезвычайно щекотливо; он, не имея на то приказаний от русского Двора, посвятил в намерения Екатерины ландграфиню. От последней он знал, что она по этому поводу находится в переписке с Фридрихом, но был принужден, как в отношении русского, так и прусского Дворов, делать вид, что он ничего не знает.

Ландграфиня и Ассесбург условились относительно шифра в их переписке. В нем под книготорговцем (*libraire*) разумелась императрица, под компаньоном книготорговца (*l'associé du libraire*) прусский король, под подпиской на готовящееся издание (*la souscription d'un ouvrage à publier*) предполагаемый брак и, наконец под томами этого издания (*les volumes de cet ouvrage*) дочери ландграфини. Так напр[имер] она пишет 31 июля 1772 г[ода]: «Компаньон прибавляет, что одна статья чуть не испугала книготорговца, а именно поведение невестки матери героини романа, но что он дал объяснения по этому поводу».

Между тем Ассесбург весною 1772 г[ода] опять побывал у принца Фридриха-Евгения Вюртембергского в Монбельяре и опять в Дармштадте. В донесении от 19 мая он подробно говорит о личности и чертах характера принцессы Вюртембергской. В другом донесении он пишет о Вильгельмине Дармштадтской, последняя-де на четыре года старше первой, ее нравственные качества он оценивает положительно, но и портрет Доротеи весьма благоприятен: она очень развита для своих лет, ее характер, хотя еще и детский, но открытый, любезный и благожелательный. Донесение от 22 июня еще подробнее касается тех же пунктов.

Фридрих со своей стороны пишет ландграфине, что конкурентками ее дочерей могут быть дочери принца Георга Дармштадтского, брата Ландграфа, и принцессы Вюртембергская, но что он льстит себя надеждой, что при помощи Ассесбурга ему удастся склонить чашку весов в сторону ландграфини. Из дочерей принца Георга одна Августа, еще слишком мала, значит, дело идет о Шарлотте. Последняя была четыре месяца в Париже, следовательно, с Дармштадтской точки зрения видела большой свет.

* Русская мысль. 1960. 8 ноября № 1601. Вторник.

Это беспокоит ландграфиню, она боится этой конкуренции со стороны своей племянницы и 9 сентября жалуется Фридриху: «Четыре месяца пребывания в Париже придали дочери принца Георга манеры и тон, которых мои дочери не могут приобрести в Дармштадте, а ведь внешность соблазняет три четверти мужчин. В Париже эту принцессу выдвигали, там видели многих русских, и я знаю, что принц Георг, ее отец, предпринял некоторые шаги; у него гибкий ум, когда он наметил себе цель; я бы потеряла всякую надежду, если бы мне не было позволено рассчитывать на покровительство Вашего Величества». Теперь за кость грызутся в пределах Дармштадтской семьи. Фридрих отвечает 18 сентября: «Я не думаю, что в России ищут французских манер; да, когда дело касается придворной дамы, но при выборе вел[икой] княгини думают иначе, и я предполагаю, что от нее требуют много простоты и невинности, что, одним словом, не хотят женщины, которая желала бы царствовать. Хотят ума, да, но ума спокойного, не сварливого». На это ландграфиня 5 октября пишет: «Вы не хотите, чтобы я опасалась дочери принца Георга; смею надеяться, что в моей семье нашли бы те качества, которых требуют от вел[икой] княгини, но я все же боюсь интриг и скрытых пружин, которые другими могут быть приведены в действие».

12 октября Фридрих сообщает о перерыве мирных переговоров в Фокшанах и затем переходит к делу: «Все предварительно устроено, хотя Вашу младшую дочь, возраст которой лучше подходит к возрасту вел[икого] князя. Он сделает решающий выбор между ней и Юргембергской принцессой. Говорят, что Юргембергская принцесса слишком полна, но несмотря на это, случайность делает молодого человека хозяином своего выбора, исхода которого предугадать нельзя. Вот единственное, что меня затрудняет, потому что манера, в которой кандидатки будут ему описаны, даст преимущество младшей из Ваших принцесс». Фридрих, по-видимому, уверен в своем Ассесбурге. 23 октября ландграфиня согласна с тем, что «справедливо предоставить вел[икому] князю свободу выбора, но весы естественно должны склониться в пользу Юргембергской принцессы, про которую говорят, что она красива, а моя младшая дочь нет».

Разыгранная ли это скромность, или действительная неуверенность? И откуда взялся разговор о младшей дочери, в то время как вся переписка с Ассесбургом касалась средней, Вильгельмины? Между тем русский Двор принял решение. 19 октября 1772 г[ода] Панин сообщает Ассесбургу приказ императрицы предложить ландграфине прибыть с тремя дочерьми в Петербург. При этом ясно предписывалось не давать обещания, что выбор императрицы с необходимостью падет на одну из трех принцесс: «Сообщая Вам, дорогой друг, это решение императрицы, я со своей стороны умоляю Вас употребить все Ваше умение, дабы убедить ландграфиню предпринять путешествие в Россию со своими тремя дочерьми, не связывая слова Ея Величества в отношении одной из трех. Вы все же сможете представить ей, что нужно бы было случиться неслыханной

неудаче, если бы ни одна из них не заслужила совместного одобрения августейшей Матери и сына, которые так нежно друг друга любят (и это пишет Панин!), прибавляя, что эта готовность ландграфини исполнить столь справедливое желание, пленит Ее Величество, и, снискивая благодарность великодушной и щедрой государыни, в то же время удовлетворит чувства материнской нежности, которые у нее вероятно общи с Ее Императорским Величеством» (!?).

Фридрих тоже осведомлен и 30 октября сообщает ландграфине, что «Альманах решил выбор принцесс, Ваших дочерей. Выбрали ту, возраст которой лучше всего подходит к возрасту вел[икого] князя... Эта Бюртембергская принцесса... слывет слишком полной, из чего следует, что ее не считают годной для размножения породы».

За это время Ассебург побывал в Дармштадте. 27 ноября ландграфиня сообщает Фридриху о предложении Екатерины отправиться в Петербург и просит короля дать ей предлог к отъезду из Дармштадта, пригласив ее с дочерьми в Потсдам (совсем как в свое время мать Екатерины. Публика пока еще не должна знать, куда она едет). Ее здоровье не позволяет ей предпринять путешествие зимой, и ей нужно многое приготовить. Она говорила об этом с Ассебургом и условилась на апрель или начало мая. Все пойдет хорошо до Потсдама, но как найти предлог для дальнейшей поездки? Она просит совета у своего королевского покровителя. 2 декабря Фридрих отвечает, что они уж придумают предлог, когда ландграфиня будет в Потсдаме.

28 ноября она сообщает своему мужу, что Ассебург имел приказание предложить ей некоторое путешествие (*certain voyage*) и просил уведомить об этом ландграфа, но умолял, чтобы ничего не узналось. Она просит о согласии. Большое вероятие, что та или другая из дочерей понравится молодому человеку. «Если мы откажем, я знаю, куда обратят взоры. Я предварительно ответила, что, если Вы согласитесь на это путешествие, мое здоровье не позволит мне предпринять его раньше весны. Впрочем, мне нужны приготовления, которые не делаются в минуту, но которые Вам ничего стоить не будут». 10 декабря ландграфиня рассыпается в благодарностях Фридриху и говорит, что всем обязана ему. Таким образом, король может думать, что он достиг своей цели и вскоре будет иметь свою креатуру при русском Дворе. Но ландграфиня смущена, боится показаться в Петербурге принужденной; да и дочери ее чрезвычайно застенчивы и неловки и могут произвести плохое впечатление.

10 декабря Ассебург отправил свое донесение Панину, из которого следовало, что не только ландграфиня приняла приглашение, но что и ландграф, находящийся в Пирмезенце, согласен. При этом Ассебург упоминает о финансовых затруднениях Дармштадтского Двора (значит разговор сразу зашел о подачке). Несмотря на миллион гульденов дохода, семья не в состоянии найти средства для каких-либо необычных издержек и часто нуждается в необходимом: «Ея Высочество дала мне понять, скорее своим замешательством и своими

слезами, чем ясно выраженными словами, что она ничего от себя истратить не сможет, и я тем более думаю, что должен представить обстоятельства такими, как они есть, что ландграфиня конечно не способна к какой-либо заинтересованности и ни к какому злоупотреблению великодушием Ея Императорского Величества», (но ландграф?!).

Вопросом о религии Ассбург смущен больше всего, не зная с одной стороны, как его выяснить, не затрагивая слишком близко секрета относительно брака, с другой, считая себя обязанным осведомить о нем Панина до приезда Дармштадтского Двора к русскому. Со всем тем он давно уже посвятил ландграфиню в «секрет брака», да и в Петербурге не предполагают, что она едет в полную неизвестность. «Может быть, Ландграфиня по собственному почину мне что-нибудь об этом скажет. Я считаю ее слишком осторожной, чтобы забыть точно выяснить чувства своих дочерей по этому вопросу, который помешал бы всему, если предположить, что они могли бы быть против перемены». Что, по крайней мере, Вильгельмина не была против, мы ведь уже знаем.

19 декабря Фридрих отвечает ландграфине: «Ваши принцессы несомненно застенчивы; но разве бы Вы желали, чтобы в их возрасте они были до дерзости смелы? Не бойтесь ничего; насколько я знаю карту той страны, их скорее предпочтут кроткими, чем смелыми. Вы, впрочем, знаете, насколько год брака развязывает языки молодых дам. Я видал таких (и саму императрицу), которых можно было принять за святош, и которые впоследствии себя показали лучше других... Пока же я буду наслаждаться двумя промежутками времени, Вашим проездом по дороге туда и Вашим возвращением; это будет мой "Kuppel-pelz" (шуба за сводничество)».

(Продолжение следует)

Проф. гр. В. П. Zubov

ПЕРВЫЙ БРАК ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА*

Продолжение

АССЕБУРГ провел зиму 1772/73 г[ода] в Дармштадте и Франкфурте и получил там ответ на свою депешу от 16 декабря. Курьер вернулся ранее 12 февраля 1773 г[ода]. Императрица была довольная действиями Ассесбурга и широко пошла навстречу надобностям Дармштадтского Двора. Она обещала послать военные суда в немецкую гавань Балтийского моря для посадки ландграфини, прислала вексель на 80.000 гульденов для путевых расходов и т[ак] д[алее].

12 февраля Ассесбург пишет Панину, а ландграфиня Фридриху. Первый доносит: «...состоялись секретные объяснения между ландграфиней и принцессами, ея дочерьми, относительно вероисповедание Я узнаю, что старшие проявили больше легкости в этом отношении, что младшая, Луиза, не желая высказаться окончательно, объявила, что она не чувствует в себе, ни кротости, ни осторожности, необходимых к тому, чтобы стремиться к положению, которое всего этого от нее бы требовало, и что, если когда-либо могла зайти речь о союзе, выходящем из рамок того, на что она считает возможным рассчитывать, ей было бы приятно, если бы об ней не думали. Слишком щекотливо касаться вопроса, о котором нельзя рассуждать, не раскрывая секрета брака, для того чтобы Ваше превосходительство могло ожидать с моей стороны точных сведений. И все же мне кажется весьма нужным проникнуть в этот секрет раньше срока...Усердие герцогини Цвейбрюккенской продолжает быть деятельным, чтобы привязать своих внуков к религии, которую они исповедуют, но мне кажется, что оно не производит одинакового действия на трех принцесс, и что старшая, которая мне казалась наиболее покорной ее воле, не будет слушать советов герцогини больше чем принцесса Вильгельмина, и, кто знает, не переменит ли принцесса Луиза своих чувств, когда столько приманок, увиденных вблизи, будут бороться против них в ее уме».

Ландграфиня в тот же день уведомляла Фридриха, что она предпримет поездку в мае и хочет выждать в Берлине или Потсдаме прибытия фрегата, который должен ее принять при открытии навигации. Фридрих на это 19 февраля приглашает ее прибыть в мае в Берлин, дабы навестить ее дочь, кронпринцессу Фредерику, и других ее друзей. Ни слова о русском проекте. Это письмо представляет собою официальную требовавшуюся дымовую завесу.

12 февраля ландграфиня писала кронпринцессе о скором своем приезде и о брачном проекте; вероятно она об этом сообщала дочери уже и раньше.

* Русская мысль. 1960. 10 ноября № 1602. Четверг.

По-видимому, в январе она получила портрет Екатерины; 15 января она за него благодарила и 24-м помечен ответ Екатерины на это письмо.

Ландграф с нетерпением ждал осуществления своих надежд. Еще до формального предложения он хотел послать своего канцлера Фридриха Карла фон Мозера в Россию, чтобы добиться привилегий, о которых он в своей глупости мечтал. По этому поводу ландграфиня 24 марта 1773 года пишет Мозеру: «Вы, конечно, более чем кто-либо в состоянии привести к осуществлению виды и проекты ландграфа, поскольку они могли бы быть основаны на рассудке и фактических возможностях. Поэтому я считаю очень разумной мысль ландграфа послать Вас в эту страну. Но существенно, чтобы (сначала) было улажено дело с нашими кредиторами, а затем, под каким предлогом могли бы Вы отправиться в Россию, когда я сама еду туда лишь как путешественница? Вы могли бы появиться там с благопристойностью лишь после того, как выбор будет сделан, и у ландграфа торжественно попросят руки его дочери; тогда он будет волен послать министра. Таковы мои мысли. Впрочем, я еще поговорю об этом с Г[осподином] Ассесбургом, не компрометируя Вас; у него хорошая голова и он здраво судит о вещах, которые представляются, как я их называю, официальными шагами. Успокойтесь, мой дорогой Г[осподин] Мозер, старайтесь сохранить Ваше здоровье, закончите дело с кредиторами, а потом поезжайте на Север, и дадим действовать Провидению, которое в данную минуту, кажется, не враждебно моей семье».

1 марта ландграфиня благодарит Фридриха. Она объявила о королевском приглашении и может отныне, готовясь к поездке, не вызывая толков. Она надеется быть в Потсдаме между 15-м и 17-м мая и рассчитывает на советы Фридриха, «дабы я избежала ложных шагов». Своего старшего сына, полковника голландской службы, она хочет привезти с собой в Потсдам и оставить его там до тех пор, как решится судьба одной из его сестер, после чего он должен приехать в Петербург (разумеется, для того чтобы и для него урвать что-нибудь от щедрот императрицы). Фридриха же она называет первым монархом вселенной. В тот же день она пишет кронпринцессе, что она в корреспонденции с Парижем и Лионом, что она заказывает материи, кружева, золотые и серебряные сетки и то, и се. Это хуже, чем приданое – ввиду трех принцесс и трех дам свиты, не считая мужчин.

5 марта ландграфиня получила еще портрет императрицы, поясной, в русской одежде красного бархата с горностаем, стоя рядом с письменным столом, на котором лежат документы, направо в глубине – библиотека, почти заслоненная занавесом.

Ассесбург 6 марта уехал из Дармштадта и вернулся 16-го, так как до этого срока ландграфиня уезжала к супругу в Пирмезенс, что следует из письма к кронпринцессе от 7 марта. 9 марта Фридрих просит ее прибыть в Потсдам уже 13 мая. Она пишет 13 марта кронпринцессе, что ее свита будет состоять из дам: Шраутенбах, Вурмзер и Лёв и г[оспод] Ридезель и Шраутенбах. В тот же

день она пишет подруге, монахине фон Цукмантель в Страсбург. И от нее она скрывает брачное путешествие: «В начале мая я поеду с моими тремя дочерьми в Потсдам... Публика любит придумывать браки; каковы же те, что она прочит моим дочерям?»... Своей невестке маркграфине Каролине Баденской, что хочет приехать к ней 12 или 13 апреля она говорит 20 марта: «У меня будет многое, о чем Вам рассказать, дорогая сестра, относительно моего путешествия в Потсдам с моими дочерьми; я сохраняю это до счастливых дней, которые проведу с Вами; как дороги и ценны они мне будут!» По-видимому, она не знает, как злословила «дорогая сестра».

21 марта в письме к кронпринцессе: «Я очарована, что король объявил о моем приезде; что же до другого путешествия, я бы хотела, чтобы весь мир мог быть о нем в неведении, но ведь это секрет из комедии. Русские в Париже о нем узнали из Петербурга».

26 марта Фридрих ей пишет: «...нам нужно больше времени, чтобы я мог осведомить Вас о Дворе, к которому Вы едете, и который благоприятно знать заранее... Вы найдете здесь моего брата Генриха, который жил в окружении императрицы и который сможет Вас осведомить о тоне, там царящем, и о многих других деталях, знание которых помогает быть менее смущенным и более уверенным, когда находишься на месте. Сейчас в этой стране много интриг, но это ничем не повредит главному делу; но надо, как говорит пословица, сберечь и козу, и капусту. Я объяснюсь подробнее, когда буду иметь удовольствие обнять Вас здесь».

29 марта ландграфиня кронпринцессе: «Я велела проколоть уши Вашим сестрам, принцессам Вильгельмине и Луизе. У Г[осподина] Бёмера не такая легкая рука как у Г[осподина] Бракеверта, которого Вы имеете честь знать; впрочем операция была сделана хорошо; я держала голову пациенток, опирающейся на мою грудь, дабы избежать движений, которые могли бы обеспокоить руку Бёмера; я хотела убедить Амалию сделать вторую операцию, но она не имела ни малейшего желания... Еще ни одной тряпки из Парижа, а вот уже шесть недель, что я их заказала; я предвижу, что платья не смогут больше быть сделаны в Страсбурге. Это для Ваших сестер. Мои сделаны в Париже, и несколько гро-де-туровых для Ваших сестер. Их первые придворные платья находятся на станке, но мне их свято обещают из Лиона в течении апреля; это серебряные глазированные основы. Их вторые платья едут из Парижа, откуда я жду искусного портного для Ваших сестер». Это письмо живо рисует, какой переполох представляло такое путешествие в стесненной жизни маленького немецкого Двора.

10 апреля что-то произошло в настроении Ассебурга. Испуганная ландграфиня пишет Мозеру: «Я обеспокоена, узнав, что Г[осподин] Ассебург недоволен и придиричив, тем более что Вы говорите, что от меня зависит его успокоить. Как только Вы сможете выйти из дому. Вы мне сделаете удовольствие,

сказав, чем я могла вызвать его неудовольствие. Я как нельзя более ценю таланты и честность этого достойного министра, и я бы вышла из своего характера, если бы сознательно ему манкировала или досадила, будучи ему столь многим обязана». Испуг понятен, на Ассбурге держалось все будущее благополучие семьи.

20 апреля она еще раз едет в Пирмезенс, где Ландграф заболел. Она надеется 26-го быть обратно в Дармштадте. «Ваш уважаемый отец в очень плохом расположении духа», пишет она кронпринцессе. Невестке она пишет 22 апреля из Пирмезенца: «Мои три дочери и Лудвиг (старший сын) приехали вчера; их экипаж опрокинулся, одно окно разбито, и никто не пострадал нисколько. Мими (Вильгельмина) утверждает, что Луиза наступила ей на грудь... Я надеюсь уехать в воскресенье вечером... Вы можете угадать мои пожелания в отношении большого предстоящего мне путешествия, они удвоились со времени Вашего пребывания в Дармштадте».

28 апреля Екатерина сообщает ландграфине: «Лишь погода позволила, ничто мне не было столь спешным, как отправить мои суда в Любек. Они отвезли туда генерал-майора Ребиндера, которому я приказала, не только отправить это письмо Вашему Высочеству, дабы уведомить Вас об их прибытии, но которого я также назначила сопровождать Вас, если Вы позволите, до моих владений. Приезжайте, приезжайте, я жду Вас с нетерпением; будьте уверены в горячем моем желании видеть Вас с тремя принцессами, Вашими дочерьми, при моем Дворе, утехой которого Вы будете. Для меня будет праздником Вас принять, с Вами познакомиться и дать Вам доказательства моей готовности засвидетельствовать Вам почтение и дружбу, с которой я остаюсь, Сударыня моя Кузина, Вашего Высочества добрая Кузина Екатерина». Ландграфиня получила это письмо перед своим отъездом из Берлина.

4 мая Ассбург отправил новое донесение в Петербург; к сожалению, текст его нам известен не в оригинале, а лишь в пересказе издателя архива Ассбурга. Последний видимо уже тогда указывая (указывал? – Т.И.) на некоторые черты характера; Вильгельмины, особенно развившиеся в ней после брака. Чем ближе подходила минута появления принцесс у Двора Екатерины, – тем увеличивались, говорит издатель, опасения Ассбурга, что они все же может быть не совсем понравятся императрице и цесаревичу. Эти опасения были выражены с чрезвычайной осторожностью, но все же ясно просвечивают в его словах. На всякий случай он все еще держит про запас принцессу Шарлотту Дармштадтскую, кузину трех едущих в Россию девиц, и принцессу Вюртембергскую.

В следующей статье мы узнаем, как протекало путешествие ландграфини из Дармштадта в Петербург.

(Продолжение следует)

Проф. гр. В. П. Zubov

ПЕРВЫЙ БРАК ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА*

Продолжение

ЗА НЕКОЛЬКО дней до отъезда ландграфини Гессен-Дармштадтской в Россию ее посетила мать, вдовствующая герцогиня Пфальц-Цвейбрюккенская. Видимо отношения матери и дочери были очень сердечные и из писем к матери мы узнаем все подробности путешествия ландграфини. Герцогиня Каролина была дочерью графа Нассау-Заарбрюккенского, родилась в 1704 г[оду] и в 1719 г[оду] вышла за герцога Христиана III, после смерти которого в 1735 г[оду] в качестве опекунши сына управляла страной до 1742 г[ода], а затем поселилась в замке Бергцаберн, где прожила еще 32 года и, как мы увидим, умерла 25 марта 1774 в Дармштадте, куда она приехала к дочери после возвращения последней из России; через 6 дней дочь последовала за матерью в могилу.

Ландграфиня с тремя дочерьми и свитой под псевдонимом графини Лихтенберг покинула свою «столицу» 6 мая нов[ого] ст[илия] 1773 г[ода] около 11 ч[асов] утра и уже в два часа пополудни прибыла во Франкфурт-на-Майне, где встретилась со старшей дочерью Каролиной и ее мужем, ландграфом Фридрихом V Гессен-Гомбургским. В 5 часов она двинулась дальше и около полуночи прибыла в Гельнхаузен, где толпа окружила экипаж и при свечах стала разглядывать ландграфиню, «но, пишет она матери, увидав, что это была лишь старая физиономия, меня оставили и при помощи пяти или шести свечей осматривали моих дочерей и рассуждали: «та налево останется». Значит даже для жителей этого небольшого города цель поездки ландграфини не была секретом.

Ассебург в это время ночевал в ближнем городке Штейнау и, прибыв на утро, присоединился к путешественникам. 7 мая около 1 часу пополудни доехали до Фульды, где после обеда ландграфиня принимала разных местных нотаблей. По дороге было не по сезону холодно, в горах лежал снег. В Фульде ландграфиня проснулась в 2 ч[асов] утра с желудочными схватками, тем не менее она пустилась в дорогу и в письме к матери описывает с до-вольно не аппетитными подробностями, как ее рвало в пути. Она ночевала в Эйзенахе и 9 мая через Готу к часу пополудни прибыла в Эрфурт, а 10-го в 2 ч[аса] дня она была в Лейпциге.

По пути ее встречали различные владетельные особы, которых в Германии в то время было как нерезанных собак, и всякие друзья. Несмотря на инкогнито, в Лейпциге ее официально встретили магистрат, университет и гарнизон, курфюрст Саксонский прислал своего представителя для приветствия. До сюда Ассебург провожал ландграфиню и здесь 12-го с ней распрощался. Еще нака-

* Русская мысль. 1960. 15 ноября № 1604. Вторник.

нуне она написала ему записку: «Да, мне хватит храбрости вернуться из Петербурга с моими тремя дочерьми, лучше чем сделать несчастной ту или другую; я до сих пор не была варварской матерью и никогда ею не стану. Не будь моя нежность к ним, никакое соображение не побудило бы меня предпринять шаги, которые я буду делать; не поймут ли меня ложно, не подумают ли, может быть, что я работаю только для себя, я, которой, по-видимому, осталось жить лишь не много лет? Знает Бог, что все, что я делаю в этом случае, имеет целью счастье той дочери, которая будет выбрана, и Российской Империи (!!).

Ассебург 21 мая отправил ландграфине письмо, которое она получила еще в Берлине; оно содержит нравоучения для той принцессы, которая будет выбрана: «Я не буду останавливаться на блеске места, которое надлежит занять; Ваше Высочество само увидит его вблизи и найдет, что оно соответствует тому, что ему было о нем рассказано. Здесь вопрос идет лишь о том, чтобы сделать его навсегда приятным, мирным и счастливым для принцессы, которая его займет. Порфира, трон и короны, титула и богатства суть блага, к которым привыкаешь, которые надоедают, как тысячи других вещей в жизни. Сердце спокойное и довольное собой повышает их блеск; и именно от этого расположения души молодой принцессы, которая будет избрана, я ожидаю совершенного удовлетворения, которого она напрасно бы искала во всех развлечениях жизни. Счастливым можно быть лишь из самого себя, по внутреннему убеждению, в чистоте своих взглядов и в справедливости своих действий. Дабы это внутреннее удовлетворение покоилось на твердом основании, важно предупредить, чтобы сожаление об исповедании, которое покидаешь, об отечестве и семье, которые оставляешь, не вливали в душу молодой принцессы тайного яда, который, по мере своего распространения, не увеличивал ее страданий и не отмечал всех ее действий. На чем больших высотах этого света находишься, тем нужнее сохранять свободу духа, дающую и поддерживающую равномерность поведения во всех слоях людей. Не дай Бог, чтобы одна из молодых принцесс вступила на жизненный путь с упреками самой себе или с решением, которое бы было не свободным (я говорю здесь об иллюзиях фортуны), обдуманном и основанном на чрезвычайно серьезном исследовании вопроса, сможет ли она постоянно нести все бремя жизни, которая будет иметь свои стеснения и трудности. Жить в другой стране, под иным небом, среди народа которого не знаешь, изучить его обычаи и подражать им, завоевать его доверие, нравиться супругу, обладающему чувствительностью, духом кротким, примирительным и совершенно равным, приобрести нежность императрицы, хорошо поставить себя с важнейшими лицами обоих Дворов, одним словом, стать утехой императорской семьи и нации, вот, Государыня, истинная задача, которую придется выполнить Вел[икой] Княгине, и которая сможет быть выполненной лишь при помощи настроения духа вполне спокойного, вполне уверенного в сво-

ей правоте и в своих обязанностях и, наконец, твердой решимости никогда не упускать их из виду...»

Бряд ли эти прописные истины были нужны той, для которой они предназначались, и будущее показало, что они услышаны не были.

В пятницу 13 мая около 8-ми вечера ландграфиня прибыла в Потсдам к своей дочери кронпринцессе прусской Фредерике. Последней тогда шел 22-й год. Брак ее был несчастлив вследствие наклонностей ее мужа, будущего короля Фридриха-Вильгельма II, наклонностей, которые он разделял со своими дядями королем Фридрихом II и его братом, принцем Генрихом. Наклонности мужа не помешали ему, однако, иметь детей, среди них будущего короля Фридриха-Вильгельма III, союзника России во время Наполеоновских войн.

На следующий день все общество обедало у короля в Сан-Суси, любимом небольшом дворце Фридриха II, его «винограднике». Король пристально рассматривал гессенских девиц; сначала он сказал, что будет выбрана младшая, наиболее подходящая по возрасту, но позже заявил, что возьмут вторую, ее лоб создан, чтобы быть украшенным короной. 16-го за обедом у короля ландграфиня встретила с его братом, принцем Генрихом, с которым 17-го встретила опять; оба раза их разговор длился полтора часа. Видимо принц взял свою собеседницу в оборот и поучал ее, конечно в желательном прусскому королю смысле, насчет Екатерины и ее Двора. Он был дружен с императрицей, хорошо ее знал и бывал в России. К сожалению, ландграфиня не сообщает матери подробностей наставлений ею полученных, что позволило бы нам заглянуть за кулисы русского Двора и в то же время лучше осветить отношения Берлина к Екатерине.

19 мая около 9 ч[асов] утра ландграфиня покинула Потсдам и переехала в Берлин, где остановилась в покоях покойной королевы, матери Фридриха II в Большом Дворце (прекрасном здании начала XVIII в[ека] с еще более старыми частями, ныне снесенном коммунистическим правительством, чтобы очистить пространство для парадов советских войск). Она присутствовала при парадах и маневрах прусских войск и была в восторге от этих зрелищ; даже в каждом женском представителе немецких владетельных династий, как бы незначительны они ни были, жило увлечение шагистикой, зараза, которая оттуда передалась в Россию. Король на два дня уезжал в свои владения и накануне передал кронпринцессе кредитив на Петербург, дабы она передала его матери как будто от себя. При известной бережливости, даже скупости Фридриха, это значило, что он видел в предстоящем действе крупный для себя государственный интерес.

В день приезда в Берлин ландграфиня ужинала у королевы Елисаветы-Христины, супруги Фридриха, в маленьком дворце Монбизу. Положение этой королевы было довольно странным; рожд. принцесса Брауншвейг-Бевеернская, она в 1733 году 18 лет от роду была выдана за тогдашнего кронпринца против

воли жениха, уступившего требованию своего деспотического отца, Фридриха-Вильгельма I. Оказывая своей жене необходимые внешние знаки почтения, он никогда не был ее мужем и почти с ней не виделся. Она вела совершенно обособленную жизнь, подчиняясь предписаниям короля в отношении приемов тех или иных лиц. В следующие дни следуют балы и ужины, как в большом дворце, так и у принца Генриха, ландграфиня делает визиты, между прочим, принцессе Амалии очень несчастной и больной незамужней сестре Фридриха, с которой ее связывает давнишняя дружба. Матери она пишет, что 29 она собирается выкупаться, не имея возможности сделать это перед отъездом из Дармштадта, из этого следует, что она не мылась больше месяца, нечто в то время считавшееся вполне нормальным.

1 июня русский представитель, князь Долгорукий, передал ландграфине письмо императрицы и сообщил, что фрегаты «Св. Марк», «Сокол» и «Быстрый», назначенные для плавания гессенских гостей, прибыли в Любек. Письмо привез ген.-майор Густав-Христиан Ребиндер, которому Екатерина поручила, как мы уже знаем, сопровождать ландграфиню в Россию. «Св. Марк» был совсем новым судном и находился под командой капитана Крузе, «Соколом» командовал капитан Селифонтов, а «Быстрым» капитан, камер-юнкер граф Андрей Кириллович Разумовский. 4 июня в 3 ч[аса] утра ландграфиня выехала из Берлина и 6-го прибыла в Любек и лишь 8-го утром отправилась в Травемюнде, Любекскую гавань. Между часом и двумя капитан Крузе предупредил, что время для посадки благоприятно, и общество село в шлюпку. Ландграфиня в восторге от своего фрегата и своей каюты, стены которой обшиты деревом, крашеным в синий цвет с серебром, мебель крыта синим атласом. Императрица сама тщательно осматривала новый фрегат при спуске. До 5 ч. утра следующего дня суда оставались на якоре, так как ветер был слишком силен. При отплытии местная крепость салютовала девятью пушечными выстрелами, фрегат отвечал семью. Очень скоро у путешественниц началась морская болезнь; опять ландграфиня описывает неаппетитные подробности. Она старается как можно больше оставаться на палубе.

Из офицеров эскадры ландграфине особенно понравился командир «Быстро» граф Андрей Кириллович Разумовский; еще из Любека она писала матери про его красивую внешность и хорошие манеры, а с пути она сообщает, что он накануне вечером, т[о] е[сть] после посадки, простился с путешественницами, чтобы перейти на свой фрегат, но что он охотно бы остался с ними: «он милый юноша».

Плавание длилось восемь дней, состояние здоровья дам менялось в зависимости от силы ветра. 17 июня в 7 ч[асов] утра показался Ревель, военные суда, лежавшие в гавани салютовали; между 11-ю и 12-ю бросили якорь, но лишь в 4 ч[аса] общество село в шлюпку и отправилось на берег, где ландграфиню встретил присланный сюда императрицей барон Черкасов. На берегу ждали

придворные экипажи, которые отвезли гостей в построенный Петром Великим Екатерининтальский дворец.

Назначая Ребиндера для сопровождения ландграфини, императрица совершала не только акт вежливости. У этой женщины всегда и во всем был расчет. В данном случае ей надо было уяснить себе, что из себя представляют мать и дочери, которых она ведь знала лишь понаслышке на основании сообщений Ассебурга и Фридриха, а вслепую она действовать не любила. 23 апреля Ребиндер получил инструкцию, содержащую четыре секретных пункта:

«10. Г[осподин] генерал-майор приложит старание, во время пути и в продолжение пребывания в Любеке, на сколько то позволит краткость времени, вызнать свойства как самой ландграфини, так и дочерей, и в особенности наблюдать, к чему та или другие выкажут наиболее склонности: например, доброту их сердец, веселость нрава, пристойность или веселость обращения, боязливость или присутствие духа во время плавания и другие важные свойства нрава, которые при упомянутых обстоятельствах не легко ускользнут от проницательного взгляда. Пои подобных событиях, обнаруживаются обыкновенно сокровеннейшие страсти. Не трудно будет также открыть, которая из дочерей любимица матери, и каково, на взгляд, согласие дочерей между собою, и кто из лиц свиты пользуется особым доверием...

11. При ежедневном обхождении и удобных случаях Г[осподин] генерал-майор не преминет намекнуть, как ландграфине, ее дочерям, так и разумнейшим лицам их свиты, что нет в мире того двора, при котором все люди могли быть одинакового образа мыслей, и потому мне было бы невыразимо приятно, чтобы ландграфиня при прибытии своем была вообще со всеми одинакового обхождения и поведения, чем весьма к себе расположит, ибо я постоянно того мнения, что лучше обладать всеми сердцами, нежели немногими; этому благоразумному образу действий обязана я той высокой ступенью, свидетельницею которой вся Европа (это не пустая фраза, в своих воспоминаниях Екатерина рассказывает, как в бытность вел[икой] княгиней она завоевывала симпатии, оказывая внимание всем и каждому, предвосхищая рецепт Молчалина, «что надо угождать всем людям без изъятия»). По моим, уже неоднократно устно выраженным правилам, люди, избранные Богом для владычества над народами, должны постоянно заботиться о том, чтобы не царствовать над одною токмо частию своих подданных, и оборони Бог государя низойти с высокой ступени монарха на степень приверженца партии, выказывая пристрастие к той или другой, или зависимость от них – и, еще того более, – играть роль главы партий. Напротив, всегда должно скорее стараться привлечь к себе расположение всех подданных: оно должно быть достойным предметом заботливости государя (не совсем ясно, какое отношение имеют эти общие соображения к задаче Ребиндера. Казалось бы, ландграфине надлежало преподавать наставления, как вести себя при дворе Екатерины, а не как править народами).

12. К этому, Г[осподин] генерал-майор, вы можете присовокупить, что ничто в мире не производит на меня сильнеешего впечатления, как откровенность и доверие, и что я, заметив это, никому – от первых до последних – не отказываю в добром совете, покуда увижу, что он не предпочитает ему каких-либо других. Сказав «других» я говорю без изытья, и чем больше они касаются до политики, тем они мне неприятнее, ибо советы эти, при их неистощимости и при изворотливом остроумии, по моему мнению, безуспешны там, где честная и откровенная личность со своим добрым сердцем доходит прямо до цели; противоположным образом действий многие уже утратили и ежедневно утрачивают мое доверие (что Екатерина имела основание остерегаться посторонних влияний на ландграфиню, мы увидим; это касалось в первую очередь лиц ее собственного Двора, но могла она также вспомнить поведение своей собственной матери при Дворе Елисаветы Петровны, когда та, привезя дочь, старалась играть роль агента Фридриха II).

13. Так как при большом дворе ландграфиня, конечно, никогда не будет иметь недостатка в советчиках, то по моему мнению, ей необходимо соблюдать три пункта, без которых ей трудно будет сообразоваться с моим образом мыслей. Во-первых — никакого лицепрятия, но в обхождении с каждым ровное, ласковое поведение; во-вторых – доверие ко мне; в-третьих – уважение к моему сыну и ко всей нации, не слушать никаких наветов чужих дворов (понимай прусского) и еще того менее не иметь разных наушников, которые постоянно помогают выйти в люди путем ремесла тревожить умы. Впрочем, вы можете ее уверить, что, если я замечу, что поведение в отношении меня будет согласно моим желаниям, и ничей совет не будет ею предпочтен моему чистосердечному, то и она может ожидать, не только величайшей предупредительности с моей стороны, но доставит тем в высшей степени довольствие нации, которая издавна не любит лицепрятия, ни всего, что к нему относится».

Ребиндер, по-видимому, хорошо справился с этим щекотливым поручением, так как ландграфиня в письмах к матери не может им нахвалиться.

(Продолжение следует)

Проф. гр. В. П. Zubov

ПЕРВЫЙ БРАК ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА*

Продолжение

НЕ ТОЛЬКО Ребиндер, но и барон Александр Иванович Черкасов, президент медицинской коллегии, посланный Екатериной в Ревель для встречи Ландграфини, получил от нее инструкцию от 10 мая 1773, к которой была приложена особая записка с «краткими правилами для принцессы, которая будет иметь счастье сделаться невесткою Е[е] И[мператорского] Вел[ичества] Императрицы Российской и супругою Е[го] И[мператорского] Выс[очества] Вел[икого] Князя».

Не совсем понятно, как мог Черкасов в те 10 дней, что длились пребывание в Ревеле и поездка до Царского Села, внушить трем принцессам (ведь он не мог знать, которая будет выбрана) начала, изложенные в записке. Не предполагалось по-видимому, что он просто вручит ее им. Как вообще второстепенное лицо, хотя и получив поручение от императрицы, могло открыто выступать в роли ментора? Записка поэтому интересна для нас не с точки зрения ее практических последствий, а как отражение мыслей Екатерины на предстоящую роль супруги цесаревича.

«I. Одна из несомненных обязанностей – любовь и дружба к князю, за которого она выйдет, согласоваться с его наклонностями и привычками, вести дела свои в порядке, присущем его делам, и подчиняться образу жизни, который донныне был ему привычен.

2. Почтительность и уважение, которыми обязаны государю, должны быть соединены в ней с нежнейшей привязанностью к императрице, ее свекрови; это должно быть источником искреннейшего доверия к супругу, доверия к его матери; одним словом, все ее попечение должно быть о том, чтобы сии три составляли единое.

3. В согласии – благополучие общества: всякое счастливое семейство, имеющее, так сказать, один разум, одну душу, – счастливо. Счастье это тем больше, когда оно существует в семействах венценосцев: оно услаждает всю их жизнь и пред согласием частных лиц имеет еще то преимущество, что в этом согласии заключается вся их сила и обоюдная опора. Подданный отклоняется иногда от соблюдения долга своего государю и обязанностей в отношении какого-либо члена его семьи, но он никогда не забудется, если увидит, что эта семья тесно связана узами дружбы. Вот почему принцесса должна не только чуждаться, но никогда не слушать тех, которые злобными своими наветами пожелали бы расстроить согласие императорского семейства. Принцессе, которой суждено

* Русская мысль. 1960. 24 ноября № 1608. Четверг.

скрепить его узы, вменяется в обязанность изобличать пред императрицею и великим князем, своим супругом, тех, которые по нескромности или низости дерзнули мыслить внушить ей чувства противные долгу привязанности к императрице и к великому князю-супругу.

4. Из сего правила она должна заключить, что доверием, своим и уважением она может удостаивать лишь только тех лиц, которые будут избраны императрицею, лиц известных доказанною своею привязанностью к императрице и к великому князю.

5. Весьма естественно, что молодости приятно сообщество лиц одного возраста, жаждущего удовольствий. Принцесса должна быть в полной уверенности, что она найдет всякого рода развлечения и забавы при дворе, в который будет иметь счастье вступить. Она, однако же, никогда не должна забывать занимаемого ею при нем положения и, находясь на балах, прогулках и при разговорах, она должна помнить, что короткость обхождения может повлечь за собою недостаток почтительности, даже подобающего ей уважения, следствием чего нередко бывает презрение.

6. Есть еще опасность, которой должны избегать все лица, близкие престолу. Это доказано опытом, но молодости неведомо. Избегать всяких наветов, могущих быть со стороны министров иностранных дворов; против подобного рода наушников самая твердая опора есть твердое решение не вмешиваться в те дела, к которым нас не призывает долг наш; предоставить государю заботу о союзах и обязательствах, которые он желает заключать, и одобрять все, им заключенные; никогда не слушать тех, которые лстивыми советами желали бы выставить частные выгоды под личиною общего блага.

7. Милостию императрицы и дружбою великого князя принцесса призвана в империю: поэтому принцесса должна чтить ту нацию, к которой будет присоединена, никогда не отзываться о ней дурно, не только в ее целостности, но даже и об отдельных личностях; соблюдать вежливость со всеми, еще того большую оказывать лицам высокопоставленным, в особенности тем, которые предпочтительно удостоены уважением императрицы и великого князя.

8. Это должно побудить к крайнему прилежанию соображаться с обычаями нации и решительной склонности говорить на языке этой обширной монархии, который должен быть предметом изучения и с самого дня приезда своего в С.-Петербург принцесса должна непрестанно учиться говорить по-русски.

9. Хотя при положении, которое должна занять принцесса, все вокруг нее будет казаться ей изобилием, она, однако же, должна быть тех мыслей, что порядок и распорядительность — истинные основы богатства. Вследствие этого управление частными ее доходами должно быть ведено с благоразумием, без излишней расточительности, но с тем вместе так, чтобы соблюдаемая ею бережливость не была заметна: при случае — быть щедрою, никогда не расточительною, всегда осторожною, чтобы не делать долгов.

10. Так как в настоящем своем возрасте принцесса не может быть коротко знакома с ведением хозяйственных дел, то она лучше всего поступит, если попросит императрицу или великого князя назначить к ней особу, которая могла бы помочь ей по этой части.

11. Праздность влечет за собою скуку; скука нередко порождает хандру и своенравие. К отклонению этого зла, избегать которого необходимо, следует особенно прилежно исполнять свои обязанности, после чего стараться найти себе занятие в досужие часы. Чтение развивает вкус, сердце и ум; если принцесса сумеет извлечь из него пользу, это было бы всего лучше; но она может разнообразить свои досуги музыкою, или всякого рода рукоделиями; разнообразия занятия, она никогда не будет чувствовать праздных часов.

12. Одинаково опасно чуждаться света и слишком любить его. Если она имеет ту власть над собою, которая должна быть свойственна каждому просвещенному уму, необходимо, чтобы она не скучала в свете каждый раз, когда по обязанности должна будет его посещать, что будет ей не трудно, если она пожелает образовывать себя беседами с людьми просвещеннейшими и образованнейшими. Она должна уметь также обходиться и без общества, прибегая тогда к занятиям и забавам, украшающим ее ум, укрепляющим чувства, занимающим руки.

13. Следуя этим правилам, принцесса должна ожидать счастливейшей будущности. У нее будет нежнейший супруг, которого счастье она составит, точно так же как и он, вероятно, составит ее счастье; она будет иметь выгоду именоваться дочерью императрицы, наиболее прославляющей наш век, быть любимой ею, быть отрадою двора, который с новою силою подвинется вперед под управлением Екатерины, соделающей его день-ото-дня почтеннее, и принцессе не останется желать ничего иного кроме продления дней Ея Императорского Величества и Его Императорского Высочества Великого Князя, в полной уверенности, что ее благоденствие будет непоколебимо, покуда она будет жить в зависимости от них».

ПОД этим нагромождением прописных истин ясно чувствуется главная мысль Екатерины – ее опасения перед сыном и ролью, которую может сыграть невестка. Она сознает, и она это раз выразила в одном из писем к княгине Дашковой, что место, которое она занимает, ей по праву не принадлежит, отсюда ее боязнь, не столько перед Павлом лично, она его хорошо поняла и знает, что сам он никогда ни на какое действие не решится, но перед тем, что другие смогут сделать его именем, другие, в частности будущая невестка, которая, несмотря на все предосторожности, все же для нее неизвестная величина. У нее ведь собственный пример перед глазами, и в этой записке она перечисляет как раз

то, что она творила при императрице Елизавете. Ни искренности, ни доверия между ней и теткой не было, да и быть не могло при взбалмошном характере «царь-девицы» и при целях, поставленных себе Екатериной. В дела правления и даже в военные действия она вмешивалась, а у иностранных представителей брала деньги для своих политических целей; расточительной она была и долги имела большие, чем вызывала неудовольствие Елизаветы Петровны. Таким образом, хорошо зная, что может натворить приезжая девица, если у нее найдется достаточно смелости и энергии, она и стремится эти возможности предупредить.

Это приводит нас к тому, чтобы взглянуть на происходившее, которое мы до сих пор рассматривали лишь с немецкой стороны, также и с русской. Пока ландграфиня отдыхает в Ревеле от тягостей морского плавания, ознакомимся со сложной обстановкой при Петербургском дворе. Первое десятилетие царствования Екатерины было охарактеризовано борьбой двух лиц: фаворита Григория Орлова и воспитателя Павла Петровича, министра иностранных дел Никиты Ивановича Панина. Если Орлов был душою и главным двигателем переворота 1762 г[ода], возведшего Екатерину на престол, то в нем принимал участие и Панин, но каждый иначе понимая его цели.

В отличие от Орлова и его партии, Панин считал, что после устранения Петра III право престолонаследия должно принадлежать его сыну, и в этом смысле высказывался во время подготовки к перевороту, но не будучи человеком действия, а лишь осторожным дипломатом, к тому же от природы ленивым, он подчинился совершившемуся факту, но про себя продолжал смотреть на Екатерину лишь как на регентшу до совершеннолетия своего воспитанника, полагая, что после этого совершеннолетия Павел по меньшей мере должен быть привлечен к соправлению. Екатерина, конечно, знала о такой точке зрения его министра, но не имея никого того, кому она могла бы поручить воспитание сына, до поры до времени его терпела.

Менее осторожным в своих речах был брат Никиты Ивановича, генерал-аншеф Петр Иванович, считавший, что престол должен быть занят мужчиной, более способным заниматься военными вопросами. Имея и другие поводы к недовольству, он удалился в Москву и там брюзжал. Императрица называла его «враль и персональный мой оскорбитель», но, когда во время пугачевского бунта престол оказался в опасности, она обратилась к нему, и он спас империю. Несомненно, что братья Панины постепенно объяснили мальчику Павлу нарушение его законных прав и этим способствовали отчуждению между матерью и сыном. Екатерина со своей стороны, опасаясь покушений на свою власть со стороны сторонников цесаревича или просто авантюристов, могущих действовать его именем, чуждалась его. На материнские чувства она, по-видимому, от природы была неспособна. Со временем это выродилось в откровенную неприязнь с обеих сторон.

В области внешней политики Панин был сторонником Пруссии и Фридриха II и противником Франции и в этом смысле воспитал Павла. В частности, по вопросу о браке, зная от своего друга Ассбургга о желании короля, чтобы была выбрана Вильгельмина Гессенская, он в этом смысле влиял на своего воспитанника. Характерны в связи с политическими взглядами, привитыми цесаревичу его воспитателем, отзывы о нем прусского посланника Сольмса и французского Дюрана.

Первый пишет Ассбурггу: «В него легко влюбиться любой девице. Хотя он невысокого роста, но очень красив лицом, весьма правильно сложен, разговор и манеры его приятны; он кроток, чрезвычайно учтив, предупредителен и весьма веселого нрава. Под этой прекрасно наружностью скрывается душа превосходная, самая честная и возвышенная, и вместе с тем самая чистая и невинная, которая знает зло только с отталкивающей его стороны, и вообще сведуща о дурном лишь насколько это нужно, чтобы вооружиться решением самому избегать его и не одобрять его в других. Одним словом, невозможно довольно сказать в похвалу великому князю. Если бы я сказал еще что-либо, то сам стал бы подозревать себя в низком ласкательстве».

Совсем иначе звучит отзыв француза, который доносил своему кабинету: «Воспитание цесаревича пренебрежено совсем, и этого исправить невозможно, если только природа не сделает какого-либо чуда. Здоровье и нравственность великого князя цесаревича испорчены в конце».

Помимо политического конфликта, отражающегося во взглядах этих двух посланников, мы знаем из дневника Порошина, одного из воспитателей Павла, о котором я недавно писал на страницах «Русской Мысли», какие противоречия проявлялись в характере ребенка, противоречия которые с годами должны были усилиться и дошли в Павле-императоре до степени, граничащей с душевной болезнью. Можно себе представить, что двое наблюдателей, выдавших его в разное время, способны были придти к диаметрально противоположным выводам.

(Продолжение следует)

Проф. гр. В. П. Зубов

ПЕРВЫЙ БРАК ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА*

Продолжение

ОКОЛО этого времени начала закатываться звезда Орлова к великому удовольствию его давнего антагониста Панина, но последнему пришлось радоваться недолго. Никита Иванович вел опасную игру. В надежде при помощи прусского короля заручиться симпатиями будущей великой княгини, он за спиной императрицы интриговал через Ассебурга. Перлюстрация писем открыла Екатерине, что ее министр скрыл от нее письмо, полученное им от Ассебурга, в котором последний уведомлял его, что ландграфиня научена следовать только его, Панина, советам и во всем ему повиноваться. В этом вероятно состояли уроки, преподанные ей принцем Генрихом в Потсдаме.

В то же время, также благодаря перлюстрации, императрица узнала, что Фридрих II предписал Сольмсу не скрывать от ландграфини ничего, что могло бы послужить ей к руководству при Дворе. Екатерина возмущена: «Все хотят руководить этой женщиной», пишет она Черкасову в Ревель. «Но если дело пойдет так, то будет плохо. Полагаю, что имею более прав, чем другие. Ради Бога скажите ландграфине меня одной слушаться». Она начинает подозревать всех, кто находился вблизи высокой гостьи. В своем ответе Черкасов удивляется, как гр[аф] Панин осмеливается скрывать от государыни письма; он «очень не прав, желая по-своему вести ваши дела, он едва сам себя вести может и, знает Бог, довольно плохо». Черкасов принадлежит к партии Орлова и рад случаю уколоть Никиту Ивановича. В уме императрицы участь Панина видимо уже решена, нужно только найти формы, чтобы с почетом удалить человека, которому она все же многим обязана.

Павел, сам того не подозревая, очутился между двух огней: с одной стороны воспитатель, с которым он обо всем советуется, с другой мать, которая неожиданно ищет сближения с ним. В своей наивности, не понимая ни своего ментора, ни императрицы, он радуется перемене отношений с Екатериной. Для последней это лишь дипломатический шаг ввиду предстоящего критического дня совершеннолетия цесаревича, когда он мог бы, как это полагал Панин, потребовать престола или по меньшей мере соправительства. Екатерина, конечно, об этом и не помышляет, и ничем не отметит этого дня.

Своему закадычному другу Андрею Разумовскому Павел пишет: «Я составил себе план поведения на будущее время, который изложил графу Панину и который он одобрил, – это как можно чаще искать возможности сближаться с матерью, приобретая ее доверие, как для того, чтобы по возможности пре-

* Русская мысль. 1960. 29 ноября № 1610. Вторник.

дохранять ее от инсинуаций и интриг, которые могли бы затеять против нее, так и для того, чтобы иметь своего рода защиту и поддержку в случае, если бы захотели противодействовать моим намерениям... Отсутствие иллюзий, отсутствие беспокойства, поведение ровное и отвечающее лишь обстоятельствам, которые могли бы встретиться, вот мой план, или, вернее, наш общий проект... Я обуздываю свою горячность, на сколько могу; ежедневно нахожу поводы, чтобы заставить ра-ботать мой ум и применять к делу мои мысли... Не переходя в сплетничанье, я сообщаю графу Панину обо всем, что представляется мне двусмысленным или сомнительным». Разумовский одобрял, может быть в тайной надежде в будущем занять место Панина.

Как мы видели, фрегат «Св. Марк» прибыл в Ревель 5/16 июня (отныне мы будем вести числение по старому стилю). Из двух сопровождавших его судов «Сокол» запоздал только на сорок часов, но «Быстрого» под командою Разумовского не было. Так как на эти судах (их в переписке именуют пакетботами) находилась значительная часть багажа и кое-кто из прислуги, то поневоле пришлось его ожидать. По поводу Разумовского Черкасов доносил императрице: «Я узнал от отставного ген[ерал]-поручика кн[язя] Трубецкого, что он привез ему (Разумовскому) от гр[афа] Ивана Чернышева (президента Адмиралтейств-коллегий) разрешение сложить с себя по приезде сюда командование кораблем и отправиться в Петербург сухим путем. Могу ли я позволить ему ехать в свите принцесс, если б он об этом стал просить, или же ландграфиня того пожелала?» На это Екатерина отвечала: «Если граф Разумовский будет просить вашего дозволения прибыть сюда в свите ландграфини, ответьте, что не имеете на это от меня приказаний, что я сама составила списки лицам и лошадям, которых изменить не имеете вы права: и все, что можете сделать, это позволить ему после отъезда ланд-графини воспользоваться парой лошадей, назначенных под свиту ее. Если ландграфиня с вами об этом будет говорить, или лично, или через посредство кого-нибудь другого, вы скажете, что я сама назначила лиц свиты и составила списки, и что вы ей советуете оставить это». Видимо, недоверие императрицы распространяется и на Разумовского.

Ответом Екатерины Черкасов не удовлетворился и беспрестанно предлагал из Ревеля, то перлюстрировать письма на имя ландграфини, то назначить при принцессах в виде шпиона какую-нибудь испытанную камер-юнгферу, то обращать внимание, в сохранности ли до государыни доходят печати на его донесениях. «Дабы граф Разумовский не причинил нам какого неожиданно-го беспокойства, повелите граф Ивану Чернышеву выслать ему из Адмиралтейств-Коллегии приказание немедленно по прибытии его сюда отправляться прямо в Царское Селе Можно будет потом объяснить ему, что желание поскорее иметь известия о принцессах и их рейсе было причиной такого приказа-ния». Екатерина ни одному из этих предложений не дала ходу и посмеивалась над Черкасовым, желавшим разыгрывать «значительную персону».

«Итак», доносил Черкасов, «граф Разумовский еще не прибыл, и не знаю, когда будет. Надо же ему вечно причинять мне беспокойство». Запоздание «Быстрого» было вызвано противными ветрами. Местное дворянство хорошо принимало Ландграфиню и ее дочерей, они были на большом обеде и на маскараде; не скучали, но матери не терпится и хочется скорее тронуться в путь.

1 июня Черкасов решил насолить Разумовскому и тем самым и Панину, и ехать, не дождавшись прихода «Быстрого». Этим решением Екатерина довольна и пишет ему 14-го: «Очень рада, что вы пустились в путь не дождавшись пакетбота, который может отправиться прямо в Кронштадт, как я вам уже писала вчера утром, буде ландграфиня того пожелает...» Таким образом вопрос о сопровождении гостей Разумовским отпал, и он поплыл в Петербург, где жалобы Черкасова ему видимо не повредили, императрица приняла его милостиво, а Павел был в восторге; он серьезно беспокоился за своего пропавшего в море друга.

Что же представлял собою этот юноша, которого так любил цесаревич и который так понравился не только гессенским дамам, но и всей их женской и мужской свите. Известна необычайная судьба его дяди Алексея, сына простого казака из деревни Лемеши, горького пьяницы Григория Розума. Алексей попал певчим в придворный хор императрицы Анны Иоанновны, был отмечен царевной Елисаветой Петровной, перешел в ее хор, вскоре стал ее фаворитом, а по восшествии ее на престол – морганатическим супругом государыни. Его заботами младший его брат Кирилл, в детстве пасший деревенское стадо, получил хорошее образование, стал ген[ералом]-фельдмаршалом и гетманом Малороссии.

Андрей Кириллович родился в 1752 г[оду] когда мужицкое происхождение его отца давно было забыто; десяти лет он был зачислен мичманом во флот, но оставался в доме отца. С ранних лет он поражал преподавателей своими способностями, особенно полюбился он знаменитому впоследствии историку Шлёцеру, которому отвечал взаимностью. Мальчик стал любимым товарищем детских игр вел. князя Павла Петровича. В декабре 1764 г[ода] он под руководством французского гувернера де Мариниана был послан за границу и закончил образование в Страсбургском университете, где им руководил проф. Шёнфлин; затем он был в Англии и, вернувшись в 1769 г[оду] в Россию, поступил на действительную службу во флот.

Павел Петрович принял его с открытыми объятиями; частое дежурство при Дворе, давало повод к вечерам с дружескими беседами между молодыми людьми; письма Павла к Разумовскому дышат наивной восторженностью и нежностью. Произведенный в лейтенанты Разумовский был послан в Архипелаг к адмиралу Спиридову и принимал участие в Чесменском сражении, после чего получил командование фрегатом «Екатерина». В 1773 г[оду], назначенный камер-юнкером, он начал придворную службу и через два года покинул флот.

Он определен присутствовать в главном комиссариате, и ему вверено снабжение корпуса легких войск, находящегося под командой Потемкина; по случаю кучук- кайнарджийского мира он произведен в генерал-майоры. Он щеголь, кутила, кружит головы, участвует в уличных скандалах, любовных похождениях у него без конца. Не раз отцу приходилось платить его долги; однажды счет портного был в 20 тысяч рублей; оказалось, что одних жилетов было несколько сот. Отец открыл шкаф, показал кобеняк и мерлушечью шапку, что носил в детстве: «Вот что носил я, когда был молод; не стыдно ли тебе безумно тратить деньги и платье?» – «Вы другого платья и носить не могли; вспомните, что между нами огромная разница – вы сын простого казака, а я сын русского генерал-фельдмаршала».

Старик был обезоружен наглым, но остроумным ответом.

(Продолжение следует)

Проф. гр. В. П. Зубов

ПЕРВЫЙ БРАК ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА*

Продолжение

ЛАНДГРАФИНЯ с дочерьми и свитой прибыла в окрестности Петербурга 15 июня. Путь ее лежал на Царское Село, но Екатерина, желая облегчить и себе и госте первую встречу, приготовила ей сюрприз. Мы узнаем подробности этого дня из трех источников: письма императрицы к своей гамбургской корреспондентке г[оспо]же Бьелке (которую, кстати, было бы кажется вернее про-износить Билке) от 7 июля, письма ландграфини к матери от 16 июня и письма, находившегося в свите ландграфини барона Шраутенбаха к Ассесбургу.

Лучше всего это свидание описано Екатериной: «...князь Орлов отправил-ся навстречу ландграфини, чтобы пригласить ее обедать в своем гатчинском имении (известно, что гатчинский дворец был построен после 1762 г[ода] для Орлова и лишь после его смерти куплен императрицей и подарен Павлу Петровичу), которое, хотя в стороне от большой дороги, сокращало, однако на несколько верст путешествие ландграфини. Она приехала туда после двух часов. Князь встретил ее у кареты и, ведя по лестнице, сказал ей, что она най-дет у него несколько дам. Каково же было удивление ландграфини, когда она, войдя в комнату, увидала там меня в сопровождении одной только графини Брюс. Она отскочила и вскрикнула. Я подошла к ней и сказала: «Я делаю вам сюрприз, сударыня; не знаю, будет ли он вам приятен, но я считала его нуж-ным для сокращения всех затруднений первого свидания. За сим мы обнялись; подошли принцессы несколько удивленные и несколько трепещущие. Князь Орлов сократил эту сцену; он попросил меня в другую комнату; принцессы пошли оправиться. Подали обед, и вот мы за столом, точно весь наш век обеда-ли вместе. Встав из-за стола, я велела предложить ландграфине ехать со мной в шестиместной карете, которую я нарочно привезла с собою. Она согласилась, и мы поместились в ней: она, ее три дочери, графиня Брюс и я. Гатчина от Цар-ского, Села лишь в 22-х верстах, по 500 сажень; в пяти или шести верстах от этого дворца мы встретили великого князя, который вышел из своего от-крытого 8-местного фаэтона. Мы также вышли из нашего экипажа, я предста-вила одних другим, и без дальнейших церемоний мы уселись с великим князем и графом Паниным и очень быстро – в полчаса – около семи вечера прибыли в Царское Село. Моему сыну с первого свидания полюбилась принцесса Виль-гельмина; я дала ему 3 дня срока, чтобы посмотреть, не поколеблется ли он, и, как в самом деле эта принцесса превосходит своих сестер, я на четвертый день обратилась к ландграфине, которая, также как и принцесса, согласилась

* Русская мысль. 1960. 27 декабря № 1622. Вторник.

без долгих разговоров. Принцесса учится по-русски и решила переменить исповедание. Мы ожидаем теперь согласия ландграфа. Его супруга приятна при ближайшем знакомстве; у нее сердце и ум возвышены. Это во всех отношениях женщина почтенная и с большими достоинствами; ее беседы меня забавляют, и, кажется, ни она, ни ее дочери не скучают с нами. Старшая очень кротка, у младшей, по-видимому, много ума. Вторая имеет все, что нам нужно. Ее внешность прелестна, черты правильны, она ласкова и умна, я очень ею довольна, и мой сын очень влюблен».

Павел действительно влюбился в свою невесту, хотя по собственному признанию матери ее лицо и грудь были покрыты прыщами; вероятно из любезности Панин уверял, что это происходит от русского черного хлеба.

18/29 июля ландграфиня уведомляет мать, что выбор сделан, при этом интересно отметить, что, по ее словам, Панин был растроган до слез при виде успеха своих планов. Это указывает на уговор между Фридрихом, Ассесбургом, Паниным и ней самой, чтобы именно Вильгельмина стала супругой на-следника русского престола.

Императрица 3 июля переехала из Царского в Петергоф, 4-го цесаревич и гости последовали за нею. Письма ландграфини полны описаний празднеств, богатства и роскоши придворного общества. Изводят ее только письма и претензии супруга, которых даже предположить нельзя: «этот Двор не для него, и поистине я, ни Боже мой, не хотела бы его среди него видеть; я скорее села бы в шлюпку и поплыла, куда случаю угодно, чем оказаться здесь одновременно с ним». Своего сына Лудвига она ждет между 4/15 и 7/18 сент[ября], но надеется, что его «дорогие кузены», сыновья принца Георга не явятся; они в Берлине намекали ей о своем намерении, но она их отшила; костью делиться с родственниками она не хочет.

Как умная женщина она ежедневно говорит своей дочери о ее назначении «осчастливить огромную империю»; первые-де шаги к этому – каждый день своей жизни укреплять гармонию между матерью и сыном; видимо и для нее не секрет, что с этой стороны не все обстоит благополучно. Насчет перемены исповедания она старается всякими доводами успокоить свою мать; во-первых, это неизбежно по политическим причинам, во-вторых, императрица обещала ей, что принцессе не придется предавать проклятию свою прежнюю веру.

18 августа Екатерина пишет г-же Бьелке, «что 15-го сего месяца принцесса Вильгельмина на русском языке исповедала веру свою в греческую Церковь и получила имя Наталии Алексеевны. На следующий день происходило обручение Великого Князя с этой принцессой, и так как у нас этот обряд происходит в церкви и считается половиной бракосочетания, принцесса с этой минуты получила титул Великой Княгини и Императорского Высочества, акт, подписанный мною вчера. Я ей в то же время ассигновала на булавки 50 тысяч рублей

в год; я получала только 30, будучи Великой Княгиней, но признаюсь, что этого было недостаточно. Молодые люди, кажется, очень довольны друг другом; я надеюсь, что свадьба сможет состояться в конце нашего сентября».

Переписка между ландграфиней и Фридрихом продолжается и из России. Она держит его в курсе всего происходящего. Перемена исповедания и имени, которую король назвал натализацией принцессы Вильгельмины, дает ему, как, впрочем, и Екатерине в переписке с Вольтером, к едва скрытой иронии в отношении религии и догматов вообще. Тут сошлись три скептика, из которых один постоянно подчеркивает, что он глава греко-российской Церкви. Чуть было все дело не сорвалось вследствие несогласия ландграфа на переход его дочери в православие, но его протест достиг Петербурга два дня после совершения обряда; у него хватило ума больше об этом не заговаривать. Наставление Вильгельмины в православии было поручено законоучителю и духовнику Павла Петровича епископу Платону (Левшину), будущему известному митрополиту московскому.

ЗА НЕСКОЛЬКО дней до свадьбы сестры в Петербург прибыл наследный принц Лудвиг, будущий, милостью Наполеона, великий герцог. Для Екатерины этот приезд приобрел большое значение, так как в его сопровождении в качестве ментора приехал барон Мельхиор Гримм (1723–1807), немец по рождению, но француз по культуре, принадлежавший к кругу философов энциклопедистов. Он и раньше уже обменивался письмами с императрицей, но с этой минуты стал постоянным ее корреспондентом, после Вольтера сделавшим больше всего для рекламы в Европе личности императрицы. Она писала Вольтеру: «...его (Гримма) беседы – наслаждение для меня; но мы имеем еще столько сказать друг другу, что до сих пор в наших разговорах было больше жару, чем порядка и последовательности. Мы много говорили о вас. Я ему сказала то, о чем вы, может быть, забыли, что ваши произведения приучили меня мыслить».

Бракосочетание состоялось 29 сентября в Казанском соборе [1], куда из Зимнего Дворца отправилась Торжественная процессия. Празднество длилось две недели. Ландграфиня, ее дочери, ее свита и члены Двора цесаревича, выходившие ныне в отставку, были осыпаны подарками. Самые большие награждения получил Никита Иванович Панин за неделю до свадьбы при чрезвычайно милостивом рескрипте, содержавшее его увольнение от должности при Великом Князе. Панин понимал, что значат эти милости, и демонстративно отдал часть пожалованных ему поместий трем своим секретарям, в том числе Д. И. Фонвизину. В душе он, видимо, сильно удручен; ландграфиня пишет матери, что достойный граф Панин выглядит как нянька ее детей, когда она

отнимала от нее одного из них. Все эти богатства его не трогают. Екатерина же вздохнула, брак сына дал ей наконец предлог избавиться от человека, который уже давно был ей бельмом на глазу. Г[оспо]же Бьелке она пишет 6 октября: «Скажите Сальдерну, когда вы его увидите, что мой дом выметен, или почти, что все кривлянья имели место, как я это предвидела, но все же воля Господня совершилась, как я тоже предсказывала». Спрашивается, причем тут воля Господня. И нашла же императрица, кому сообщать таким довольным тоном о совершившихся переменах! Скоро ее ждал сюрприз.

Голштинец Каспар Сальдерн (1711–1788) находился сначала на голштинской службе и приобрел там большое влияние. С воцарением Екатерины он перешел на русскую службу и был советником Панина в иностранной политике, а затем стал голштинским представителем в Дании. С 1771 г[ода] он русский посланник в Варшаве, откуда отозван в 1772 г[оду]. Будучи в 1772/73 г[одах] в Петербурге, он старается повредить Панину в глазах Екатерины, вместе с тем принимает какое-то участие в заключении брака цесаревича и заслуживает полное доверие государыни. В 1773 г[оду] он за границей для производства обмена Голштинии.

Чрезвычайно честолюбивый, он, видимо рассчитывая на большую карьеру, стал во время пребывания в столице внушать Павлу Петровичу, что ему следует, достигнув совершеннолетия, добиваться соправительства. Ему удалось выманить у цесаревича письменное полномочие на проведение этого дела. Может быть, Павлу стали известны интриги Сальдерна против его любимого воспитателя, может быть он просто испугался возможных последствий в виду предстоявшего возвращения Сальдерна из-за границы, может быть, наконец, ему стало известно, что Сальдерн вел двойную игру и к тому же старался расстроить его брак с принцессой Вильгельминой, уже после свадьбы он во всем сознался матери. Это вызвало взрыв гнева императрицы, не против сына, в этом отношении она притворилась, что весьма довольна его образом действий, а против Сальдерна. В первом порыве она заявила, что велит привести к себе злодея, связанного по рукам и по ногам. Но злодей был далеко. Ей пришлось только исключить его как из русской, так и из голштинской службы и лишить его всех чинов. Остаток жизни Сальдерн провел в Голштинии. Тень от этого дела пала и на Панина. Выяснилось, что великий князь советовался с ним по этому поводу, что он, правда, решительно возражал против плана, но все же не довел ничего до сведения императрицы.

ЭТОТ случай убедил Екатерину, что за сыном нужен присмотр, что ей нужен глаз при нем. Место Панина нельзя было оставлять вакантным, следовало назначить при молодом Дворе нечто вроде гофмейстера. Ее выбор

пал на Николая Ивановича Салтыкова. Письмом к Павлу она сообщает ему об этом: «Ваши поступки очень невинны, я это знаю и убеждена в том; но вы очень молоды, общество смотрит на вас во все глаза, а оно – судья строгий. Во всех странах не делают различия между молодым человеком и принцем: поведение первого, к несчастью, слишком часто служит к помрачению второго. С женитьбой кончилось ваше воспитание, отныне невозможно оставлять вас в положении ребенка и в двадцать лет держать вас под опекой; общество увидит вас одного и с жадностью следить будет за вашим поведением. В свете все подвергается критике: не думайте, чтобы пощадили вас, либо меня. Обо мне скажут: она предоставила этого неопытного молодого человека самому себе, на его страх; она оставляет его окруженным молодыми и лстивыми царедворцами, которые развратят и перепортят его ум и сердце; о вас же будут судить, смотря по благоразумию или неосмотрительности ваших поступков; но подождите немного. Это мое дело вывести вас из затруднения и унять это общество и лстивых и болтающих царедворцев, которые желают, чтобы вы были Катонем в двадцать лет, и которые стали бы негодовать, коль скоро вы бы им сделались. Вот что я должна сделать; я определю к вам генерала Салтыкова, который, не имея звания гофмаршала вашего двора, будет исполнять его обязанности, как вы увидите из прилагаемой записки, в которой я подробно перечисляю его обязанности. Сверх сего, приходите ко мне за советом так часто, как признаете в том необходимость; я скажу вам правду со всею искренностью, к какой только способна, а вы никогда не останетесь недовольным, выслушав ее, понимаете? Вдобавок, чтобы основательнее занять вас, к удовольствию общества, я назначу час или два в неделю, по утрам, в которые вы будете приходить ко мне один для выслушания бумаг, чтобы ознакомиться с положением дел, с законами страны и моими правилами. Устраивает это вас?»

Меньшее, что можно сказать про это письмо, это, что Екатерина заговаривает своему сыну зубы. В отношении назначения Салтыкова она золотит ему пилюлю, приставляя к нему на деле шпиона, но самый важный пункт, это приглашение являться к ней «к удовольствию общества» на час или два в неделю одному для выслушания бумаг. Надо сделать вид перед общественностью, что наследник как-то приобщается к делам, но нет речи о том, что было бы вполне естественно, чтобы он, присутствовал в совете императрицы; он будет приходить к ней один и как школьник знакомиться с какими-то бумагами. Да и это быстро заглохло.

Нашлись люди, которые правильно поняли назначение Салтыкова и объяснили его Павлу, но цесаревич в своем малодушии поспешил сообщить матери, что граф Матюшкин истолковал его ему и великой княгине желанием императрицы иметь шпиона при малом дворе. Екатерина возмущена тем, что ее разгадали и что хотят «положить руку между коркой и деревом» и «поссорить

мать с сыном и государыню свою с наследником». Павел сначала с недоверием относился к своему гофмейстеру, но ловкий царедворец сумел заслужить его привязанность и сохранить ее до конца. В его царствование он был возведен в княжеское российской империи достоинство с титулом светлости.

(Продолжение следует)

Комментарии

1. Бракосочетание произошло в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, стоящей на месте Казанского собора, который был построен архитектором Андреем Воронихиным позже.

Проф. гр. В. П. Зубов

ПЕРВЫЙ БРАК ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА*

Продолжение

ПОКА что все довольны. Павел Петрович счастлив и влюблен в жену. Екатерина пишет г-же Бьелке: «Сын мой обзавелся домом; он намерен жить скромно, не покидает ни на шаг своей жены, и оба они служат примером наилучшей дружбы в свете. Великая княгиня золотая женщина; она наделена самыми солидными качествами; я ею очень довольна; муж ее обожает, и все окружающие ее любят». Павел счастлив и по другой причине: Екатерина разрешила Андрею Разумовскому жить во дворце вблизи Цесаревича.

Последний пишет ему: «Друг мой, вы уже узнали через Тархова, что императрица разрешила, чтобы вы поселились у меня». Он дрожал за друга, покуда тот был задержан в море, и от него не было известий. Он писал ему в Ревель 16 июня: «Боже мой, друг мой, каким ужасным беспокойством я теперь объят по поводу вас. Я не смею и думать. От вас никаких известий, а вот уже восемь дней прошло с тех пор, что ваши спутники благополучно при-были. Но я в эту минуту прибегаю к той деснице, которая мне всегда благоприятствовала. Бог слишком добр, чтобы наказать меня столь жестоко, отняв у меня моего друга и того, кто уже раз успел меня спасти. Мое беспокойство столь велико, что я скверно провел эту ночь, и я все время чувствую тайную скорбь, мешающую мне чувствовать радость, которая должна бы была царить во мне по случаю приезда принцесс. Боже, что же я сделал, чтобы Ты желал наказать меня столь жестоко? Но прогоним черные мысли. Принцессы приедут через четыре часа, и я должен ехать им навстречу в нескольких верстах отсюда в открытом экипаже. Я приготавлиюсь к этому без всякого беспокойства за исключением небольшого сокровенного смущения, смешанного со стыдом. Все это хорошо и прекрасно, но у меня нет никакого известия от моего друга, и этого достаточно, чтобы омрачать мою радость. Императрица дала приказание, чтобы вы следовали, не останавливаясь в Ревеле. Так и поступайте, друг мой, со всею мыслимой поспешностью, дабы вознаградить меня за Ваше отсутствие и мои опасения. До свидания, я препоручаю вас Богу, и делаю это, как если бы я поручал ему самого себя».

Это письмо являет климат дружбы, по крайней мере, каким он представлялся Павлу. Еще раньше, 15 мая, он писал: «...Вы привезете мне, мой дорогой друг, то, что будет основанием моего благополучия, а следовательно и вашего, потому что мы всегда будем идти вместе во всем, что мы будем делать, как в нашей общественной, так и частной жизни...». Он не подозревал, что эти слова были слишком пророческими. А 27 мая: «...Я жду вас с нетерпением и как Мессию...»

* Русская мысль. 1961. 19 января № 1608. Четверг.

Довольна и Екатерина, мы это только что видели по письму к г-же Бьелке. Ландграфине она пишет 10 ноября: «...Ваша дочь здорова, она такая же кроткая и нежная, какою Вы ее знаете. Муж ее обожает; он все только и хвалит и рекомендует ее, я слушаю его и иногда задыхаюсь от смеха, потому что она не нуждается в рекомендации; ее рекомендация в моем сердце, я люблю ее, она этого заслуживает, и я ею чрезвычайно довольна; надо было бы во что бы то ни стало искать предлога и быть более чем сплетницей, чтобы не быть столь довольной этой принцессой как я и, как я вам говорю, потому что это правда. Я просила ее усердно заняться русским языком, и она мне это обещала». А 10 декабря: «Великая княгиня здорова, мы все больше любим друг друга и очень хорошо согласуемся; ее нрав мне нравится и мне подходит. Мы условились, что после нового года она начнет говорить по-русски».

Наталия Алексеевна на первых порах как будто следует советам матери, содействует сближению мужа со свекровью и окружает Екатерину знаками внимания и дочерней преданности. «Государыня», доносит английский поверенный в делах, «вполне довольна Великим Князем. Недавно она сказала: «Я обязана Великой Княгине возвращением мне сына и отныне всю жизнь употреблю на то, чтобы отплатить ей за услугу эту», и в самом деле, при каждом случае императрица ласкает принцессу, которая, хотя по умственным способностям стоит даже ниже своего мужа, однако, без всякого сомнения, имеет на него большое влияние и с большим успехом пользуется мудрыми советами, данными ей матерью-ландграфинею».

И эта последняя довольна. Она, хотя в разговорах с Павлом и называет его «ein Kindskopf», детская головушка, но матери пишет, что любит его от всей души. Он каждое утро посещает ее, и они ведут разговоры, после которых оба растроганы. Предстоящий отъезд печалит ее. Матерьяльным результатом предприятия она тоже весьма удовлетворена. Она получила сто тысяч рублей и двадцать тысяч на дорогу, по тогдашнему времени сумма очень большая, каждая из двух дочерей по 50 тысяч, не говоря о множестве драгоценностей. И матери, и дочерям дан орден св[ятой] Екатерины. Озолотили и их свиту. Ландграфиня сможет заплатить все свои долги. Только ландграф остался с носом и очень недоволен; провинции с солдатами он не получил, его министр Мозер зря прокатился в Россию, пришлось удовлетвориться фельдмаршалским чином.

СТАРАЯ лиса в Берлине с нетерпением поджидает ландграфиню на пути домой; она должна его осведомить обо всем происходящем при русском Дворе.

Брат Наталии Алексеевны, принц Лудвиг, по желанию Павла поступил на русскую службу, 6 октября произведен в бригадиры и с марта по август 1774

г[ода] был волонтером в дунайской армии. Там, однако, поведение его было непохвальным, и он сильно пьянствовал. Тем не менее, 25 декабря Екатерина собственноручно возложила на него Андреевскую ленту. В 1775 г[ода], он в свите государыни сопровождает ее в Москву, здесь попадает в дурное общество, чуть не вступает в неравный брак, имеет столкновение с Потемкиным и в сентябре уезжает на родину. Императрица писала про него его бывшему ментору Гриму: «Пропавшее дитя, верзила и дурак». За границей он позволял себе дерзкие суждения и клеветы на Россию, не щадя и сестру.

Общему удовольствию не суждено было длиться долго. На политическом горизонте России собирались тучи. Через неделю после свадьбы до столицы донеслась весть о восстании Пугачева, который, называя себя Петром III, спасшимся от руки убийц, призывал к себе сына и обещал ему престол. Хотя Павел Петрович больше, пожалуй, самой Екатерины был возмущен этим событием, оно все же не могло не бросить тени между матерью и сыном. Екатерина никогда не боялась самого Павла, но всегда того, что другие могли бы сделать его именем. Одновременно началось возвышение Потемкина, и то явное предпочтение, которым он пользовался по сравнению с наследником престола, не шедшее в сравнение с ролью предыдущего большого фаворита Орлова, отравляло молодое счастье Павла.

Ландграфиня уехала 15/26 октября 1773. После ее прибытия в Дармштадт ее там навестила мать, герцогиня Цвейбрюккенская, но тут, в гостях у дочери скончалась 26 марта 1774. Ландграфиня, сама тяжело больная, через четыре дня последовала за ней в могилу. Екатерина писала Панину: «Я, по получении вашего письма, великой княгине сказывала о кончине ее бабки, и она, хотя не рвется, как у нас водится, но сердечно печальна: но признаюсь, что не знаю, как она снесет печаль кончины матери своей. Я сама столь тронута сим приключением, что вам довольно сказать не могу». Павел чувствует себя взрослым, способным принять участие в жизни государства и горит желанием быть ему полезным; между тем мы видели в какие рамки он был поставлен. Он давно уже чтением подготавливал себя к служению стране, погружался в мемуары Сюлли, в «Дух Законов» Монтескье, по военным вопросам переписывался с Петром Ивановичем Паниным. Плодом этого было поданное им матери «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов». Он против наступательных войн, военная сила нужна лишь для обороны. Во избежание злоупотреблений вся высшая власть должна быть подвергнута строгой регламентации. В этом была критика всей правительственной системы Екатерины, ее почти беспрерывных войн, произвола временщиков.

Насколько это уже в те годы было у него продумано, доказывает то обстоятельство, что 23 года спустя, вступив на престол, он следовал тем же руководящим идеям, стремясь создать правовое государство. Свое «Рассуждение»

он заканчивал словами: «Совершил намерение сделать себя полезным государству, писав сие от усердия и любви к отечеству, а не по пристрастию или корысти, в такое время, где может быть, многие забывают первые два подвига (усердие и любовь к отечеству), заставившие меня писать, следуют двум последним (пристрастие и корысть), и что больше еще, и жертвуя всем тем, чего святее быть не может. А сему я был сам очевидцем и узнал сам собою вещи и, как верный сын отечества, молчать не мог».

Екатерина не могла не увидеть в этих строках укора себе, и отношения ее с сыном, начавшие было улучшаться после его брака, опять стали омрачаться. Она ясно дала ему это почувствовать, празднуя в Москве 21 апреля 1775 г[ода] день своего рождения. В этот день она подарила Потемкину 50 тысяч рублей, сумму, о которой давно просил Павел для уплаты своих долгов, а ему недорогие часы. Лишь два месяца спустя его просьба была частично уважена, он получил 20 тысяч рублей. Цесаревич должен был также страдать от того, что военное дело, на которое он смотрел как на область, относящуюся логично к кругу ведения мужского члена династии, находится не в его руках, а в руках фаворита. Все это порождало ненависть к Потемкину. Ее подогревал Панин, и на дипломатическом поприще отодвинутый на задний план временщиком.

Настроение Цесаревича становится мрачным, оно бросается в глаза и посторонним; он удаляется от матери, старается замкнуться в узком кругу своего Двора. Он все больше подчиняется влиянию жены, по-видимому, на сексуальной почве. Иностранный дипломат, француз Корберон, пишет: «Великий князь не только слаб характером, его у него вовсе нет». Он же убежден, что Наталия Алексеевна носит с мыслью о перевороте в пользу мужа: «Если эта не произведет революции, никто ее не произведет». Имеются очень недостоверные сведения о назревавшем заговоре с целью возведения Павла на престол, душой которого была великая княгиня. Будто бы братья Панины, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, друг Екатерины и участница переворота 1762 г[ода], кн[язь] Н. В. Репнин, кое-кто из архиереев, много вельмож и гвардейских офицеров представили Цесаревичу текст конституции, который ее утвердил подписью и дал присягу в том, что, воцарившись, не нарушит этих основных государственных законов, как в свое время Анна Иоанновна разодрала подписанную ею конституцию, ограничивавшую ее власть.

Участвовали и секретари Никиты Панина, писатель Фонвизин, редактировавший конституционный акт, и Бакунин. Последний предал заговорщиков, открыв все Орлову. Екатерина призвала Павла и гневно упрекала. Он испугался и принес ей список участников. Она, не читая, бросила его в горящий камин: «Я не хочу знать, кто эти несчастные»; она их уже знала по доносу Бакунина.

Что это? Предание, основанное на чем-нибудь? Смешение с делом Сальдерна? Просто досужая выдумка? Никаких кар названным лицам не последовало.

ло, но Бакунина Павел действительно невзлюбил, и он никогда больше не был им принят будто бы за то, что предал своего благодетеля Панина.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ восторг Екатерины от невестки через год значительно остыл. 21 дек[абря] 1774 она пишет Гримму, что великая княгиня «почти всегда больна, и как же не быть ей больной? Все у этой дамы – крайность: если гуляет пешком, то двадцать верст; если танцует, то двадцать контрдансов, столько же менуэтов, не считая аллемандов; чтобы избежать жары в комнатах, вовсе не зажигают огня; если другие трут лицо льдом, у нас все тело становится лицом; и так, середина очень далека от нас. Опасаясь злых, не доверяют всему свету и не слушают ни добрых, ни дурных советов; словом, пока что нет во всем этом ни приятности, ни осторожности, ни благоразумия, и, Бог знает, во что это обратится, так как не слушают никого и решают собственной головой. Представьте себе, что вот полтора года и больше, еще не говорят ни слова на (русском) языке; мы хотим, чтобы нас учили, но мы не уделяем этому ни минуты прилежания в день; все одно вертопрахство; мы не терпим того или другого; долгов у нас вдвое больше того, что имеем, а однако же имеем, сколько едва ли кто-либо в Европе».

В свое время Ассебург видел верно; он писал: «...с сердцем гордым, холодным и нервным»... с «большой неровностью и крутостью нрава».

Здоровье Наталии Алексеевны в 1775 г[оду], по-видимому, действительно подает повод к опасениям. 10 февраля императрица пишет тому же Гримму, что оно «становится все хуже и хуже, и мы умираем от страха, как бы она не стала чахоточной: у нее к этому все симптомы», в апреле подобные же опасения. Но 27 августа тон меняется: «...сказано, сделано: вы пожелали, чтобы мое паломничество к Троице сотворило чудо, чтобы небо сделало для одной молодой принцессы то, что оно некогда сделало для Сарры и старой Елисаветы; ваше пожелание услышано: эта юная принцесса на третьем месяце, и ее здоровье, кажется, окрепло. Это событие ускоряет мое возвращение в Петербург; я отправляюсь туда с первыми санями».

(Окончание следует)

Проф. гр. В. П. Zubov

ПЕРВЫЙ БРАК ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА*

Окончание

НАТАЛЬЯ Алексеевна со своей стороны жалуется на свекровь, которая де сегодня говорит, что любит ее как мать, а завтра досаждают всякими придирками. Неприязнь между двумя женщинами нарастает; честолюбие одной сталкивается с честолюбием другой. По отзывам иностранных дипломатов, великая княгиня совсем поработила мужа и даже не старается выказать ему ни малейшей привязанности. Впрочем, наблюдения дипломатов нельзя принимать за непреложную истину. В выборе своего окружения, удовольствий и в образе мыслей он всецело следует ей. Она управляет им, но ею управляет Разумовский, получающий директивы и деньги от бурбонских дворов, обеспокоенных близостью, установившейся между Россией, Пруссией, Англией и Данией. Фридрих II начинает понимать, что он сильно просчитался, устраивая этот брак; та, в которой он надеялся иметь агента при Дворе Екатерины, обернулась против него. Наталия Алексеевна и Разумовский успели даже отдалить Павла от любимого воспитателя, сторонника Пруссии, Никиты Панина, что старик воспринимает очень болезненно.

По столице ходят слухи, что не Павел отец ожидаемого ребенка, также и Фридрих записывает это в свои воспоминания. Подозрения на этот счет настолько, по-видимому, обоснованы, что Екатерина находит нужным предупредить сына. Он смущен этой «odieuse confidence» [1], но старается скрыть от жены. Она, однако, замечает его подавленное состояние и заставляет открыться ей причину. Конечно, следуют слезы в течение нескольких дней и уверения, на которые попадается Павел; как следствие растет его недовольство в отношении матери.

Императрица пишет Потемкину: «Я думаю, что, если ослепленный великий князь не может быть приведен в резон насчет Разумовского, то не может ли Панин уговорить его, чтоб он Разумовского усла в море, дабы слухи городские, противные ему, упали».

После поимки Пугачева и казни его в Москве 10 января 1775 г[ода] Екатерина 25 января имела торжественный въезд в первопрестольную столицу для празднования Кучук-Кайнарджийского мира с Турцией. Павел при этом командовал своим кирасирским полком. Население Москвы встретило государыню скорее холодно, зато Павла приветствовало восторженно. Будто бы Разумовский после этого сказал ему: «Вы видите, как вы любимы, Ваше Высочество! Ах, если бы вы дерзнули...» Цесаревич посмотрел на него и ничего не ответил.

* Русская мысль. 1961. 26 января № 1635. Четверг.

Между тем приближалась никем не предвиденная трагедия. В начале апреля у Екатерины гостил принц Генрих Прусский, брат Фридриха II; это обстоятельство по некоторым причинам послужило облегчением и для императрицы, и для Павла в течение страшных пяти дней, которые им пришлось пережить. В двух письмах к Гримму Екатерина яркими красками описала и событие, и свои переживания. 17 апреля она пишет из Царского Села: «Я получила ваш Ном. 28 от 10 февр[аля], писанный в Неаполе, в самые ужасные дни моей жизни. 10 апреля в четыре часа утра мой сын пришел за мной, потому что его супруга чувствовала родовые муки. Я выпрыгнула из постели и прибежала: я нашла ее сильно мучающейся, но ничего необычного не было; время и терпение должны были принести ей избавление. Бабка и искусный хирург подавали ей помощь. Это состояние продолжалось до ночи; бывали спокойные промежутки, даже сон; силы не убывали.

Понедельник прошел в ожидании и подобном же и весьма тревожном состоянии; кроме ее врача, находившегося в передней, были призваны для совещания с теми, что были на месте, врач великого князя и другой самый искусный акушер. Их совет не принес ни новых возможностей, ни нового облегчения; они во вторник призвали моего врача и бывшего опытного акушера для новой консультации. По их приезде было решено, что следует спасти мать, потому что ребенок вероятно уже мертв; были применены инструменты. Стечение несчастных обстоятельств, вызванное телосложением и разными несчастными случаями, сделало тщетной всякую человеческую науку в течении среды; в четверг великая княгиня получила все таинства. Принц Генрих предложил своего врача; он был допущен, но подтвердил мнение своих коллег. В пятницу (15 апр.) великая княгиня испустила дух в 5 часов вечера. Вчера она была вскрыта в присутствии 13-ти врачей и хирургов, и из того, что они нашли, следует, что это случай почти единственный и без-выходный. Вы не могли бы себе представить, как она должна была страдать, и мы вместе с ней; моя душа истерзана; у меня не было ни минуты покоя в течение всех этих пяти дней, и я не покидала этой принцессы ни днем, ни ночью, пока она не сомкнула глаз. Она говорила мне: «Вы отличная сиделка». Представьте себе мое положение: утешать одного, подкреплять другую, изнывая телом и душой, принужденная ободрять, решать и думать обо всем, что не должно было быть забытым. Признаюсь вам, что в жизни я не находилась в положении более трудном, более ужасном, более тягостном: я забывала пить, есть и спать, и мои силы держались, не знаю как. Я начинаю думать, что, если вследствие этого приключения моя нервная система не расстроится, то она неразрушима. За двадцать четыре часа до смерти великой княгини я послала просить принца Генриха завладеть для моего облегчения великим князем; он пришел и не оставлял его; он переносит свое огорчение с довольной твердостью, но сегодня его схватила

лихорадка. Лишь только его супруга скончалась, я забрала его и привезла сюда (в Царское Село). «Sic transit gloria mundi...» [2].

18 апр[еля] она пишет ему же: «...мы едва живы. Бывали мгновенья, когда мне казалось, что мои внутренности разрываются при виде всех этих страданий, и при каждом крике я сама чувствовала боли. В пятницу я стала каменной и сейчас еще я себя не ощущаю; у меня бывают часы слабости и другие – силы; это похоже на перемежающуюся лихорадку, но она скорее нравственная, чем физическая. Никто не имеет представления об этом, если не видел или не чувствовал. Представьте себе, что я, плакальщица по профессии, видела кончину, не пролив ни единой слезы; я сказала себе: «Если ты будешь плакать, другие будут рыдать; если ты будешь рыдать, другие упадут в обморок, и все потеряют и голову, и рассудок, и все это станет безответственным...»

ПРИ КОНЧИНЕ великой княгини – присутствовал ее духовник и законоучитель архиепископ Платон; он принял ее предсмертную исповедь и только он, после того как все отвернулись от усопшей, почтил ее память слезами и молитвой. Говорили, что императрица хотела принудить его в виду государственного интереса нарушить тайну исповеди и сообщить ей последние признания невестки. Прошел слух, что она даже в этом успела; но помимо того, что против этого предположения говорит высокий нравственный облик императрицы, несколько строк его собственных записок как будто доказывают как раз обратное: «К сей сущей его печали, императрица, приметив по неотступному его при смерти умирающей княгини пребыванию, что-то для себя неудобное (о чем да не возглаголют уста мои дел человеческих), и потому заключив в себе что-то для Платона невыгодное, прежнее к нему благоволение, примечательно, хотя не отменила, но уменьшила, что и было последствием многих потом неприятных для Платона приключений».

«Плакальщица по профессии» на самом деле была абсолютно асентиментальной женщиной, а, если плакала, то потому что во второй половине XVIII века плакать было в моде, принадлежало к хорошему тону. Отсутствие сентиментальности она сейчас же доказала. Брак Павла Петровича был ею устроен в государственных интересах, необходимо было обеспечить продолжение династии, между тем в этом отношении теперь было потеряно почти три года. Павел был совершенно уничтожен этим несчастьем, было необходимо быстро вывести его из этого состояния и дать заместительницу покойнице. Только такая женщина как Екатерина была способна прибегнуть немедленно после катастрофы к тому лошадиному средству, которым она думала излечить и действительно в данную минуту излечила сына, но нельзя учесть какое оно в дальнейшем произвело действие на его

психику, и не вос-ходит ли многое в его позднейшем нравственном облике к этому пере-живанию.

Лишь только несчастная отдала Богу душу, свекровь явилась в ее покой, стала рыться в ее ящиках и шкатулках и вытащила оттуда пачку писем, доказывавших черным по белому, что ребенок, причинивший смерть молодой великой княгини, был не от Павла, а от Андрея Разумовского. Не задумываясь, Екатерина представила эти письма Цесаревичу. Павел поруган в своих лучших чувствах, в любви и в дружбе одновременно. Он идеализировал жену, он идеализировал друга, перед ним раскрылось предательство с обеих сторон. Для него, и без того страдавшего, как я имел случай излагать на этих страницах, комплексом неполноценности, этот удар не мог пройти бесследно и, что хуже, комплекс должен был перенестись на сексуальную почву. Последствия не должны были сказаться непременно сейчас же, они могли запасть глубоко и выявиться позже.

Для начала Екатерина достигла того, чего хотела; ее ведь интересует не сын, а государство. Павел протрезвлен, он даже не едет на похороны жены, императрица берет на себя эту обязанность. Наталью Алексеевну хоронят не в императорской усыпальнице, Петропавловском соборе, а в Благовещенской церкви Александро-Невской Лавры, там, где лежат члены династии поплоче, например, правительница Анна Леопольдовна, ее мать Екатерина Иоанновна, ее бабушка царица Прасковья и некоронованный император Петр III.

А Гримму императрица пишет 29 июня: «Я весьма довольна, что мое письмо, сообщавшее вам о грустном событии, которое надо стараться забыть, потому что оно непоправимо, дошло до вас, когда вы желали знать, как все произошло. Успокойтесь на счет моего здоровья, оно хорошо. Увидав, что судно опрокинулось на одну сторону, я не потеряла времени; я кинула его на другую и сейчас же положила железа в огонь, чтобы поправить потерю, и мне удалось рассеять глубокое горе, удручавшее нас. Я начала с того, что предложила путешествия, поездки туда и сюда, и потом сказала: «Раз мертвые мертвы, надо думать о живых; от того, что верили, что мы счастливы, и эту веру потеряли, следует ли отчаиваться в возможности обрести ее опять? Давайте поищем эту другую». – «Но кого же?» – «О, она у меня в кармане». – «Как, уже?» – «Да, да, и даже сокровище». И вот, любопытство в движении: «Кто это? Но как? Брюнетка она или блондинка, маленькая или большая?» – «Нежная, красивая, очаровательная, сокровище, сокровище». Сокровище – это радостно, это вызывает улыбку; слово за слово, третьим призван некий приткий путешественник, заставляющий браниться тех, которых он обгоняет, приехавший недавно, как раз вовремя, чтобы утешать, чтобы отвлечь (принц Генрих); вот он поставлен в сводники, переговорщики; нарочный послан, нарочный вернулся, путешествие устроено, свидание подготовлено; все это с неслышанной быстротой; и вот сжатые сердца начинают отходить; вот они печальные, но занятые подго-

товлениями к путешествию, необходимому для здоровья и отвлечения. Дайте нам пока что портрет, это очень невинно. «Портрет? Мало портретов нравятся; живопись не производит никакого впечатления; первый курьер его привозит: «К чему это? Он мог бы произвести неприятное впечатление». Ну, лучше оставить его в своей коробке; вот он в течение восьми дней в упаковке там, куда его поставили по прибытии, на моем столе рядом с моим письменным прибором. «Но красив ли он?» – «Зависит от вкуса, я нахожу его в моем». Наконец он был рассматриван и сейчас же сунут в карман и затем опять рассмотрен, и, наконец, он занял и ускорял приготовления к отъезду, и вот они в пути, и вы получите это письмо, будучи свидетелем остального; баста». Этой последней беседой между матерью и сыном мы уже заглянули в новую эпоху жизни Павла Петровича, его второй брак с принцессой Софией Доротеей Вюртембергской, той самой, которую сначала прочила сыну императрица, но мысль, о которой пришлось оставить за ее молодостью.

СПЛЕТНЯМ, разумеется, не было пределов. Стали говорить, что Наталия Алексеевна и Разумовский, ужиная втроем с великим князем, подливали ему опиум, от которого он засыпал, и таким образом обеспечивали себе свидания. Злоязычие коснулось также императрицы, как в России, так и за границей. Ее стали обвинять чуть ли не в том, что кончина великой княгини не была естественной, или что, по меньшей мере, сознательно не были использованы все средства для спасения. Екатерина болезненно реагировала на эти слухи и отвечала на них данными вскрытия, протокол которого был послан в Берлин.

Г[оспо]же Бьелке она описывает причину рокового исхода. Великая княгиня была перегорожена (*barrée*), промежуток был только в 4 дюйма, в то время как плечи ребенка имели их 8. Она де рассказывала, что в детстве ей грозила опасность стать кривой; ландграфиня призвала какого-то шарлатана, который выправил ее ударами кулака и колена. Спинной ее хребет был изогнут в форме буквы S, а нижняя часть позвоночника, которая должна быть выгнутой, оказалась вогнутой. Таким образом, ландграфиня и Фридрих продали Екатерине бракованный товар; мать по крайней мере это знала, хотя, вероятно, и не предвидела трагического исхода. Сомнения все же, казалось бы, должны были быть, но перспектива гешефта видимо заслонила все другие соображения.

Ассебург, получив известие о кончине и ее причинах, пришел в ужас и стал оправдываться, уверяя, что в свое время принял все от него зависевшие меры предосторожности, подробно осведомлялся у ландграфини о здоровье ее дочери и получил уверения, что все обстоит благополучно. Панин успокоил его, говоря, что в Петербурге его ни в чем не обвиняют и сохраняют к нему прежнее доверие.

Говорили, что в бумагах покойницы кроме любовной переписки были найдены кое-какие политические проекты, писанные Разумовским. Это мало вероятно, потому что в этом случае он не отделался бы так дешево. На следующий день после кончины Наталии Алексеевны ему был объявлен приказ императрицы ехать в Ревель до дальнейшего о нем определения; через несколько месяцев он был назначен русским представителем в Неаполь. Специализировавшись на коронованных особах, он там вступил в связь с королевой Марией Каролиной, дочерью императрицы Марии Терезии и сестрой Марии Антуанетты Французской. Когда в конце января 1782 г[ода] Павел Петрович со своей второй супругой прибыл в Неаполь под псевдонимом графа Северного, и встретился там с Разумовским, он, выхватив шпагу, крикнул: «*Flamberge au vent, Monsieur le Comte!*» [3]. Только вмешательством присутствующих был предотвращен поединок.

Кончина Наталии Алексеевны была для Екатерины весьма благоприятна; при характере невестки, останься она в живых, столкновение и политические осложнения были бы неизбежны. Это понимала она сама, но это понимали и страна, и Европа, отсюда и возникшие подозрения. Панин сказал, что «удар переменял чувства супруга и подал всему Двору утешение в сей потере».

Комментарии

1. *odieuse confidence* – конфиденциальностью (франц.).
2. Так проходит слава мира (лат.).
3. *Flamberge au vent, Monsieur le Comte!* – Шпагу наголо, месье граф! (Франц.).

Зубов В.П., проф. гр.

**БАРОН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ВРАНГЕЛЬ.
К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ.
2 июня 1880–15/28 июня 1915***

МАЙСКИМ вечером 1914 г[ода] мы сидели с ним перед ныне больше не существующим *café de Rohan* на углу улиц *St. Honoré et Rohan*, где сейчас вход в – *Hôtel du Louvre*. В пророческом наитии он сказал: «Мы стоим перед событиями, каких мир не видал со времени великого переселения народов. Культура, которая, как наша, дошла до такого самоотрицания в футуризме, которая хочет стереть всё свое прошлое, близится к концу. Скоро все то, чем живем мы, покажется миру не нужным, наступит период варварства, который будет длиться десятилетиями».

Между тем раскрылись двери *Comédie Française* – публика расходилась мимо нас. Перед нами – знакомая нам с детства картина *av. de l'Opéra* в ночном освещении; еще чувствовалось дыхание XIX века, этой самой культурной и либеральной эпохи в истории. В мире царил покой, по крайней мере, так казалось широкой общественности, и слова моего друга показались мне парадоксом. Почему эта старая культура, казавшаяся столь устойчивой в этом центре западного мира, должна была погибнуть только потому, что сумасшедшем итальянцу Маринетти вздумалось проповедывать уничтожение всех музеев и памятников старины?

СЕЙЧАС немного осталось современников, мало, кто помнит обаятельного Коку Врангеля, но труды его остались, и нельзя изучать русское искусство XVIII и XIX вв., не обращаясь к ним. Он создал его историю, он сделал еще больше, он научил нас чувствовать прелесть русского XVIII века, культуры, сочетавшей преемственные национальные основы с иноземным налетом, гениальность и уродливость, волшебство и пародии, «спайку русского самодурства с европейской цивилизацией».

Его мысли облечены в восхитительную форму, он умел придавать строго научному изложению удивительную живость. После его кончины А. Ф. Кони [1] писал в редакцию «Старых Годов»: «В его трудах прошлое оживало с силой настоящего; давно умолкшая жизнь восставала во всех своих тонких очертаниях и изгибах. В стенах старых усадеб, в запущенных садах и заросших прудах начинал биться пульс живого организма, и то, что в далеком прошлом было общего с чувствами, скорбями. и надеждами настоящих поколений, вдруг восставало из под наслоений времени».

Сын барона Николая Егоровича Врангель [2] и Марии Дмитриевны [3], он родился в имении Головкивка, Чигиринского у. Киевской губ. Чисто рус-

* Русская мысль. 1965. 29 июня. № 2327. Вторник. С. 4-5.

ская кровь матери смешалась в нем с кровью отцовского рода, происходившего из Швеции, перешедшего в Россию и насчитывавшего среди предков арапа Петра Великого Ганнибала, также как и Пушкин. Эта африканская наследственность сказывалась и в чертах его лица и в темпераменте. Переселившись в Ростов на Дону, он в 1892 г[оду] поступил в реальную гимназию и окончил там 6 классов. Затем в Петербурге он поступил в 7-й кл[асс] 4-го реального училища, но не окончил его, заболев воспалением легких, последствия которого внушали опасение за вообще некрепкого здоровьем молодого человека. Его увезли за границу и этим кончилось его школьное учение, доказательство, что и без аттестата зрелости и университета можно стать культурнейшим человеком и значительным ученым. Он сам развил себя, и как развил; чтением по литературе, истории и искусству, к которому с ранних лет приохотил его отец, составивший хорошее собрание картин.

Поселившись в 1900 г[оду] в Петербурге, он сблизился с кружками лиц, интересовавшихся искусством, и в 1902 г[оду] выпустил свой первый печатный труд: каталог выставки русского портрета за 150 лет [4], состоявшейся в Академии Наук. В следующем году он деятельно помогал кн[язю] С. А. Щербатову [5] и В. В. фон Мекку [6] при устройстве выставки «Старый Петербург» и составил ее каталог с предисловием [7], а в 1904 г[оду] принимал близкое участие в осуществлении известной выставки портретов в Таврическом Дворце, причем составил биографии художников [8] и напечатал в журнале «Искусство» статью [9], явившуюся первой попыткой исторического обзора русской живописи. В том же году он выпустил в двух больших томах подробный каталог Русского Музея имени импер[атора] Александра III [10] и этим сразу составил себе имя историка искусства, сначала русского, а скоро и западного. Отныне он участвует во всех художественных предприятиях, в выставках, журналах, лекциях. В нем чудодейственная легкость работы, молодая, кипучая энергия, причем не вставало вопроса, когда он отдыхает, а когда он работает: всегда можно было его встретить фланирующим по улицам столицы, а вечером в театре и обществе.

С 1906 г[ода] он причислен к отделению Живописи императорского Эрмитажа и одно время находится при галлерее драгоценностей. В 1908 г[оду] он покидает службу, но весной 1910 возвращается. Здесь кроме рядовой музейной работы он участвует в составлении Э. К. фон Липгартом [11] описей, легших в основу нового каталога итальянской и испанской школ. С 1907 г[оду] он становится близким участником и членом редакционного комитета журнала «Старые Годы», в февральском выпуске которого он печатает свою первую статью «Забытые могилы». «Нигде не гибнет столько произведений искусства как в России», писал он в этой статье, «Памятники художественной старины, последние остатки былой красоты, исчезнут бесследно, и никто не поддержит того, что некогда составляло предмет восхищения современников.

В этом отношении судьба наших кладбищ особенно плачевна. Запущенные, забытые памятники петербургских кладбищ доживают свои последние дни, и, если теперь же о них не вспомнят, то через несколько лет все то немногое, что осталось от красивого прошлого нашей жизни, все это будет одним воспоминанием. ...Жутко смотреть на запустение петербургских кладбищ, где похоронено столько замечательных людей, где еще сохранились памятники (работы) Козловского, Мартоса, Рашета и Демута. ...Но несмотря на запустение, на некоторых кладбищах Петербурга, а особенно на самом старом из них – Лазаревском, еще сохранились некоторые произведения русских скульпторов. С основания Петербурга здесь хоронили многих замечательных людей, и естественно, что здесь встречается наибольшее количество интересных памятников»

Нет возможности в газетной статье перечислить все печатные труды Врангеля, их список можно найти в июньском номере 1915 г[ода] «Старых Годов». Назову главные. В приложении к «Старым Годам» 1908 г[ода] вышел составленный им каталог скульптур Имп[ераторской] Академии Художеств и портретов, хранящихся в зале Совета. Летом 1909 г[ода] он вместе с А. А. Трубниковым (Андреем Трофимовым) [12] объехал 25 помещичьих усадеб, в результате чего в летнем номере «Старых Годов» появилось исследование: «Искусство помещичьей России»; в 1909 г[оду] статья о миниатюре в России – первое и цельное исследование вопроса. Переработанная для отдельного издания, она не вышла вследствие войны. В 1911 г[оду] вышла крупная работа: «История русской скульптуры», отдельным томом Истории Русского Искусства, вышедшего под редакцией И. Э. Грабаря [13].

Еще в 1910 г[оду] Врангель закончил большую монографию о Рокотове, но издательство Кнебель не успело ее выпустить до его кончины. О Рокотове осталась его статья в апрельской книжке «Старых Годов» 1910 г[ода]. Назову еще: «Романтизм в живописи и отечественная война» – «Старые Годы», июль-сентябрь 1908; «Аракчеев и Искусство» в сотрудничестве с С. К. Маковским [14] и А. А. Трубниковым, там же; «Бытовая живопись и портреты Нидерландских художников XVII и XVIII вв.» (по поводу устроенной «Старыми Годами», но не открытой выставки старинной живописи из русских дворцов и частных собраний). Эта статья в расширенном виде вышла на французском языке под заглавием: «Les Peintres de Genre et les portraitistes Néerlandais» (в книге: “Les anciennes écoles de Peinture dans les palais et collections privées Russes”, Bruxelles, van Oest, 1910). «Венецианов в частных собраниях», Спб. 1911; «Иностранцы XVIII в. в России» – «Старые Годы», Июль Сентябрь 1911; «Иностранцы XIX в. в России» – «Старые Годы», Июль-Сентябрь 1912; «Кипренский в частных собраниях», Спб. 1912; «Императрица Елисавета Петровна и Искусство ее времени» (по поводу выставки, устроенной журналом «Аполлон» в залах Академии Художеств) – «Аполлон» 1912, № 7; «Искусство и государь Николай Павлович» – «Старые Годы», июль-сентябрь

1913; «Венок Мертвым», Спб. 1913, сборник статей, пропитанных ароматом русского XVIII века.

(Окончание следует)

Комментарии

1. Кони Анатолий Федорович (1844–1927) – известнейший юрист, мемуарист, литератор. Автор статьи «Барон Н. Н. Врангель и русское прошлое» (первые опубликована в сборнике «Венок Врангелю»). Прокурор, затем Председатель Петербургского окружного суда. С 1891 года – сенатор.
2. Врангель Николай Егорович (1847–1923) – доктор философии, писатель, коллекционер живописи. Директор страхового общества «Эквитэбль». Автор мемуарной книги «Воспоминания (От крепостного права до большевиков)». Берлин, 1924.
3. Баронесса Мария Дмитриевна Врангель (урожденная Дементьева-Майкова, 1858–1944) член Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Собрала и передала в различные хранилища архив сына. – См.: Шевеленко И. Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х годов в собрании баронессы М. Д. Врангель. Архив Гуверовского института в Стэнфорде. Stanford, с. 43–44.
4. Каталог выставки русского портрета за 150 лет... – См.: Подробный иллюстрированный каталог выставки русской портретной живописи за 150 лет (1700–1850). СПб., 1902. Предисловие барона Н. Н. Врангеля.
5. Щербатов Сергей Александрович (1875–1962) – художник, меценат, мемуарист. Ученик И. А. Грабаря. Автор мемуарной книги «Художник в ушедшей России» (Нью-Йорк, 1954). Подробнее о нем и В. В. фон Мекк см.: Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 372–381. (Глава: «Современное искусство». Князь Щербатов и фон Мекк...).
6. В. В. фон Мекку... Фон Мекк Владимир Владимирович – меценат, друг князя С. А. Щербатова.
7. Составил ее каталог с предисловием... Каталог состоящей под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце в пользу вдов и сирот павших в бою воинов. СПб., 1905.
8. Составил биографии художников... Биографический указатель художников, произведения которых находятся в Таврическом дворце. Каталог, т. 8. СПб., 1905.
9. Напечатал в журнале «Искусство» статью... Портретная выставка в Таврическом Дворце // Искусство. 1905. № 4. С. 54–58; № 5. С. 110–142.

10. Выпустил в двух больших томах подробный каталог Русского Музея имени импер. Александра III... Русский музей императора Александра III: Живопись и скульптура. В 2 т. СПб, 1904. Т.1: А - Н.; Т.2: О - Ф.
11. Липгарт Эрнест Карлович (1847–1932) – русский художник и декоратор, работавший по заказам императорской и великокняжеских фамилий. Главный хранитель картинной галереи Эрмитажа в 1906–1929 гг. Сотрудник Российского института истории искусств. «В 1912/13 г. читал курс истории итальянской живописи в Институте Истории Искусств» (Архив ГЭ. Ф.1, оп.13, № 483, л.179). Известен Липгарт также атрибуцией картины Леонардо да Винчи «Мадонна Бенуа», которой он дал это название. Ср.: «так ее окрестил Э. К. Липгарт, который через несколько лет добился, чтобы картина была уступлена Эрмитажу». (Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 203). В мемуарах Бенуа есть подробный рассказ о Липгардте: «...Он был сыном богача-помещика и знаменитого собирателя художественных редкостей барона Карла фон Липгардта, славившегося на весь образованный мир 60-х и 70-х годов своим вкусом и своей эрудицией. Но сокровища отца достались не сыну, а были завещаны племяннику, и это потому, что наш Эрнест навлек на себя родительский гнев, изменив вере отцов и перейдя в католичество. Этот проступок он еще усугубил тем, что женился в Париже на своей модели – особе добрейшей и преданнейшей, однако несколько уж слишком простоватой. Именно вся эта «романтика» вселяла в меня какое-то нежное участие к художнику, которого я к тому же уважал и за его мастерство, вернее, за его чисто европейский характер живописи... и то, что Липгарт когда-то в Париже состоял постоянным сотрудником одного еженедельного журнала ("Courrier de Paris") Слушать его, когда он восхищался великими мастерами, было одно наслаждение, он действительно глубоко понимал старых мастеров... (Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 579-581).
12. Вместе с А. А. Трубниковым (Андреем Трофимовым) – См. далее статью «Памяти А. А. Трубникова (Андрея Трофимова)».
13. Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960) – русский советский живописец, реставратор, искусствовед, теоретик искусства, просветитель, музейный деятель, педагог, профессор. Академик АХ СССР (1947). Академик АН СССР (1943). Народный художник СССР (1956).
14. Маковский Сергей Константинович (1877–1962) – поэт, литературный и художественный критик, мемуарист. Один из основателей и сотрудник журнала «Старые годы». Основатель и редактор журнала «Аполлон» (1909–1917). Автор книг «Силуэты русских художников» (Париж, 1962), «На Парнасе серебряного века» (Париж, 1962), Портреты современников (Нью-Йорк, 1955) и др.

Зубов В. П., проф. гр.

**БАРОН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ВРАНГЕЛЬ.
К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ.**

2 июня 1880–15/28 июня 1915*

Окончание

Он любил этот век и находил прелесть в его нелепости. «Я не виновен, если венок, который я приношу моим мертвым друзьям, венок с шипами... Трудно представить себе более ребяческую затею, чем ту, которую выдумали азиаты-русские, передразнивая иностранцев. Но будучи талантливыми актёрами, они не только убедили многих, что играют всерьёз, но даже сами уверовали в то, что театральные подмостки – та же действительность». Не зловещим ли было заглавие этой книги? Никто из нас тогда не предвидел, что это – последняя книга Врангеля, что она будет венком, возложенным им на собственную могилу.

Хочется привести наугад хотя бы ещё один образец его стиля. «Вот искусство (миниатюра), которое умерло, которое вст в прошлом. Нежное и уютное, оно как благоухание прежней эпохи умерло и поблекло, как старые жемчуга в железных тисках золотых оправ, унеслось, как аромат старых флаконов с духами. Выцветают и бледнеют нежные краски на розово-желтом фоне слоновой кости. Гаснут как вечерние отсветы солнца, яркие переливы щек, ясные контуры очертаний». Конечно, сейчас так больше не пишут, вероятно, найдут этот слог жеманным, но мы тогда воспринимали его обаятельным.

Надо сказать о его деятельности в организациях художественных выставок, в которых он брал на себя львиную долю труда в качестве генерального комиссара. В 1908 г[оду] «Старыми годами» была устроена в Залах Общества Поощрения Художеств на Морской выставка старинной живописи в русских дворцах и частных собраниях. Совсем готовой выставке не суждено было открыться, что было связано с тягостным инцидентом, о котором в газетной статье, посвященной памяти покойного лучше не говорить, предоставив это мемуаристам. В 1912 г[оду] журнал «Аполлон», соредактором которого Врангель был от 1910 до 1912 года устроил в Залах Императорской Академии Художеств выставку: «Императрица Елизавета Петровна и искусство ее времени», и в том же году «Аполлон» и Французский Институт в Петербурге выставку «Сто лет французской живописи» в Юсуповском доме на Литейном. Все эти выставки создались благодаря трудам Врангеля. Исключительно им одним были устроены в Музее Александра III выставки: «Венецианов в частных собраниях» в 1911 и «Кипренский в частных собраниях» в 1912 году.

* Русская мысль. 1965. 1 июля. № 2328. Четверг. С. 4-5.

Когда пишущий эти строки создал Институт Истории Искусств, Врангель в 1912/1913 г[одах] прочел в нем курс истории русской живописи, а в следующем году курс истории французской живописи.

Он любил жизнь и ее радости; в этой любви было что-то религиозное: «Если любишь все, что дает радость, то любишь и Того, Кто ее создал. И потому могут быть религиозны и праведны только те, что наслаждаются всеми переживаниями и радугами бесконечно прекрасной жизни, – писал он, и это не было парадоксом, а глубоким сознанием. Он был по-своему религиозен, не церковно, не догматически, а каким-то мистическим убеждением. Он верил в бесконечность жизни, и даже в возврат на землю: «Неужели же мне никогда опять не будет 18 лет», – говаривал он.

Он отдавался радостям жизни со страстным порывом, как будто предчувствуя, что его жизнь будет недолгой, отдавался с презрением к условностям и к лицемерному осуждению со стороны света, не прощавшего ему смелости, с которой он не старался скрывать ада своих греховных наслаждений. Мы с ним и немногими друзьями искали решения вечных вопросов, погружаясь в paradis artificiels [1]. – На экземпляре «Венка мертвым», подаренном им нашему общему другу графу Борису Бергу [2] он написал стихотворение, которое цитирую по памяти, там, где она мне изменила, ставлю точки:

Меня с тобой связали звенья
Земной тоски, большой изъяз.
Мы оба любим прелесть тленья
И книги выцветший сафьян.
Ты ищешь то, что необычно,
Румяной жизни балаган,
Что средь приличий – неприлично,
Что средь обманов – не обман.

.....
.....

Ты жаждешь долгих путешествий
В страну, где царствует гашиш.
А я, познав земную тину
И полюбя земной порок,
Из строк минувших паутину
Вплетаю в траурный венок.
Не нужно лестных слов мне ворох,
Я жить сюда пришел для тех,
Кто любит мертвых листьев шорох
И чары чувственных утех.

Врангель был действительно абсолютно безразличен к внешним отличиям, но Академия Наук избрала его членом Общества Библиоковедения, Императорский Румянцевский Музей – почетным корреспондентом, а французское правительство за устройство выставки «Сто лет французской живописи» наградило его Орденом Почетного Легиона.

Когда началась война 1914 года, он отдался ей со всей страстностью своей природы, видя в ней начало грядущих событий, мировой трагедии, всё значение которой современники еще не понимали. Со свойственным ему даром провиденья он сразу же сказал: «После войны – революция», но это было в его представлении лишь начальной фазой той громадной исторической эволюции, которую он предсказал мне в тот майский вечер в Париже.

После предварительной работы в Красном Кресте по оборудованию Санитарного поезда имени Великой Княгини Ольги Николаевны, он отбыл на нём в качестве уполномоченного. Александру Николаевичу Бенуа [3] выразившему, как бы предчувствуя недоброе, своё сожаление по поводу этого решения, он отвечал: «Забвение, или вернее, временное забвение многого, чем мы жили вчера, необходимо для обновления человечества. Это не значит, что нам надо отречься от своих богов, но это показывает, что надо осилить своё стремление к молитве, веруя в то, что соучастие в действительности, та же литургия божеству». Далее он замечает, что мировая трагедия требует от нас иного врачевания, иной духовной пищи, чем та, которою питалось и жило ещё вчерашнее поколение, что теперь, сегодня нужно иное, и что не воспоминаниями о прошлом суждено нести облегчение нынешнему страданию России. «Будем же смиренны и, склонясь с крестом в душе перед великими событиями, поймем и сознаем, что сегодня нужен для человечества иной ключ к сердцу».

В апреле 1915 года Врангель принял предложение главноуполномоченного северного района Красного Креста исследовать деятельность этого района за год войны и запечатлеть ее в общедоступной книге. Для этой цели он объездил все учреждения района и поселился в Варшаве, где начал писать свой труд, в то же время работая по исследованию собраний Лазенковского дворца [4] и по изучению варшавской старины вообще. Неожиданная смерть прервала эти работы. Двухнедельное недомогание, различие желчи, не представлявшееся опасным, 12 июня приняло острую форму, желчь кинулась на мозг и вызвала потерю сознания, а в понедельник 15-го в 10 часов 10 минут утра Врангель, не приходя в сознание, скончался.

Болезнь тогда называли острой желтой атрофией печени, действительно, вскрытие показало, что на месте печени была лишь сплошная рана. Говорили, будто это было отравление. Он, якобы присутствовал при выгрузке солдат, отравленных ядовитыми газами, и их выдыхания отравили и его. Его останки были преданы земле на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры 19 июня вблизи того Лазаревского кладбища, которому он посвятил свои

первые строки в «Старых годах». На последнем больше не хоронили и поэтому не удалось исполнить общего желания видеть его могилу среди когда-то описанных им.

В смертной комнате были найдены написанные им незадолго отрывок в прозе и стихотворение. К сожалению, их у меня больше нет. Но в отрывке было описано видение смерти. Теперь, когда Она пришла, любовь к жизни особенно сильна, всё слилось в одном чувстве: «Хочу жить!» «Она вошла так неожиданно и странно». Стихотворение кончалось: «Жизнь вздохнет последним стоном

В куреве кадил
И замрет с церковным звоном
В тишине могил».

Комментарии

1. Искусственный рай (франц.).
2. Нашему общему другу графу Борису Бергу... Берг Борис Георгиевич (1884–1953) – сын флигель-адъютанта Александра II, выпускник Александровского лицея, к моменту революции – помощник секретаря в 1-м департаменте Сената, надворный советник, камер-юнкер. Находясь в эмиграции, написал мемуарную книгу, рукопись которой хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета Нью-Йорка (США), там же где и архив самого В. П. Зубова.
3. Александр Николаевич Бенуа (фр. Alexandre Benois; 1870–1960) – русский художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства».
4. Собраний Лазенковского дворца... Лазенковский дворец – находится в польском местечке Яздов недалеко от Варшавы, где в XVI веке овдовевшая королева Бона основала свою резиденцию. Каменный замок был построен позднее королем Зигмунтом III. Он сильно пострадал от шведского «потопа». В 1674 году Яздов перешел к коронному маршалу Станиславу Герасию Любомирскому, король Август II с 1720 года арендовал поместье и заложил здесь парк. Король Станислав Август Понятовский в конце XVIII века купил Яздов, где для него архитектор Мерлини воздвиг дворец. В настоящее время Лазенковский дворец – музей и картинная галерея.

Проф. гр. В. П. Зубов

**ГРАФИНЯ ТЕКЛА ИГНАТЬЕВНА ШУВАЛОВА.
1802–1873***

НЫНЕ покойный Александр Александрович Половцов (1868–1945) рассказывал мне, что ребенком, играя на детской площадке в Павловском парке, он видел приходившую туда с внуками важную старую даму, графиню Теклу Игнатьевну Шувалову, а покойный Дмитрий Александрович Бенкендорф (1844–1921) ужинал с ней в испанском посольстве в Петербурге, находившемся тогда на Исаакиевской площади 5, в доме, где немного позже родился пишущий эти строки.

Хотя графиня Текла Игнатьевна родилась на 6 лет после кончины Екатерины II, на нее все же падал отблеск екатерининской эпохи, т[ак] к[ак] первым браком она была за последним фаворитом императрицы, свет-лейшим князем Платоном Александровичем Зубовым.

Потеряв всякое значение, забытый Двором и обществом, временщик доживал свой век в обширных, некогда пожалованных ему владениях [1] в западных губерниях, главным образом в роскошном замке Руэнталь Курляндской губернии. Там он вел жизнь барышника, скитаясь по ярмаркам в компании маклеров и евреев. После цареубийства 11 марта длительное пребывание в столицах стало для него невозможным. Единственной его страстью были деньги. Скарденность его была такова, что его крестьяне в пло-хие годы голодали, не имея зерна для посева. Это было замечено государем Александром I и вызвало с его стороны строгий выговор [2].

Зубов жил экономно, одевался плохо; между тем его богатство было колоссальным. Одной серебряной монеты после его смерти осталось на 20 миллионов рублей. Он сознавался, что и сам не знает, для чего он «копит и бережет деньги». Накопленные сокровища в горах золота и серебра хранились в подвалах замка близ Янишек. Иногда, подобно пушкинскому «Скупому Рыцарю» (уже не с него ли поэт списал свой образ?) он спускался туда с управляющим его имениями Михаилом Ив[ановичем] Братковским, который пользовался особым его доверием, и любовался, приводя в порядок случайно осыпавшиеся горы монет. Здесь он преображался, становился оживленным, общительным, охотно о себе рассказывал, вспоминая жизнь при Екатерине.

Обычно настроение его было мрачным, в 50 лет он был седым и сгорбленным и казался дряхлым стариком. У меня была миниатюра неизвестного мастера (сейчас она в Русском Музее в Петербурге), изображавшая его в эти годы.

* Русская мысль. 1965. 14 января № 2256. Четверг.

Лицо его изможденное, но в чертах видны следы былой красоты. В разговоре у него часто совсем некстати вырывалось: «так ему и надо!» Его преследовал страх смерти; при слове «смерть» он менялся в лице, уходил из комнаты и запирался в своей спальне, не показываясь по 2–3 дня. Звон погребального колокола был для него невыносим.

О мрачном его настроении также говорит в своих записках уже не раз упоминавшийся в моих статьях карлик Иван Андреевич Якубовский, состоявший при нем. Как-то приехав в свое имение в Юрбурге, Zubov занемог и никого не принимал кроме доктора. Он сидел почти месяц в одной комнате и никакими делами не занимался. Приходили письма от любимой сестры Ольги Александровны Жеребцовой, но он их не читал. Обитатели Руэнтале, в том числе и карлик, были очень обеспокоены, прошел даже слух, что князь умер.

Карлик уговорил старшего побочного его сына Александра Платоновича Платонова, жившего, как и все незаконные дети в Руэнтале, написать отцу в Юрбург (характерное для эпохи явление, когда побочные дети всеми рассматривались как полноправные члены семьи и воспитывались вместе с законными). От князя пришел ответ; вот он в наивном парафразе карлика: «Душа моя, Александр Платонович! Вы еще молоды и грустите; вам еще рано. Но если б Вы знали, какую я имею грусть; Будьте здоровы, я с вами скоро увижусь».

Что это? С обликом этого холодного эгоиста, каким Zubov представляется по всем о нем сведениям, не вяжется, что это могли бы быть угрызения совести вследствие участия в цареубийстве; но может быть суеверный страх возмездия?

Станислав Моравский в своих воспоминаниях (Kilka Lat Mlodosci mojej w Wilnie 1818–1825, Варшава 1959) так описывает его: князь Zubov «был в то время, когда я с ним познакомился, еще крепкий, хотя и не молодой мужчина с черными волосами с легкой проседью, с бледным лицом, не только не красивым, но даже мало приятным и мало значительным, немного отмеченным оспой (как различны могут быть суждения о красоте! – В. З.). Глаза черные, прекрасные, но с таким выражением, какого я больше никогда в жизни не встречал. Казалось, что ими он сверлит до глубины твоей души и помимо твоей воли туда добирается и внедряется. Это магнетическое действие было таким сильным, что, когда он на тебя смотрел без твоего ведома, то и тогда еще ты чувствовал, что он на тебя глядит. В этих глазах заключалось все, но огромное, богатство его физиономии. Держал он себя несколько сторбленным; походка его была небрежной».

«Никогда бы ты не угадал, что это тот знаменитый и в то же время ужасный человек, который был фаворитом великой монархини, который повелевал Россией и который затем поднял свою дерзкую и преступную руку на сияющую могуществом и силой корону! В обхождении очень предупредительный и милый, приятный, вежливый; никакой ты в нем не видел гордости. Сажал

он тебя около себя и говорил с охотою отлично по-польски. Ты бы даже скорее принял его за жмудского шляхтича. Но достаточно было явиться в дверях какому-нибудь даже самому высшему русскому генералу и чиновнику, он, с усилием удерживая себя на софе, вдруг надувался, ершился, вспыхивал, пыжился, напрягался, багровел, т[ак] ч[то] ни одна из этих фигур не смела отойти от дверей и трепеща отвечала на его вопросы. Его правилом было: быть с низшими, а в частности с поляками, запанибрата, с равными себе, которых было мало, или с высшими над собой, надуваться, сколько хватит шкуры. Зубов одевался небрежно, даже больше чем небрежно, грязно»... ..«Синий фрак с засаленным воротником, с грязными желтыми пуговицами, брюки до сапог — такая была мода, кюлот не знали — триковые, зеленые, довольно грязные сапоги венгерские, чаще всего гладкие, или с одной только кисточкой на одном сапоге. Шляпа круглая, мятая, рыжая, неприличная, и ее по краю над воротом заломаны вверх, ужасно засалены потом и жиром, а м[ожет] б[ыть] помадой. Плащ альмавива, т[о] е[сть] широкий и без рукавов, полой заброшенной на плечи, синий с темно-амарантовым бархатным воротником и такого же цвета подкладкой, грязный и потертый. Бархат жеваный как с песьего горла. В разговоре приятный, ученый, остроумный, серебристым голосом рассказывал о, по существу, важных и интересных вещах. Он совсем не был невеждой, как многие думали и думают».

ОТВЕТ, полученный Платоновым от отца, несколько успокоил обитателей Руэнталя, они, по крайней мере, убедились, что князь жив. «Но вдруг», пишет карлик, «что мы услышали! Князь велел заложить коляску; вот все люди обрадовались и думали, что прогуляться поедет, но вышло напротив; сел в коляску и сказал: «Пошел в Вильну!» Вот, решительно сказать, никто этого подумать не мог после его тяжелой болезни, сидевши с месяц в одной комнате. И взял с собою одного поляка, которого прежде терпеть не мог, пана Есинского Шамбаленовича. Приехал в город, почувствовал себя опять нездоровым, стал посылать пана Есинского по городу, чтоб он узнал, нет ли кого новых приехавших. Вот он видит на редутах, какая-то неизвестная дама явилась, собою красавица и ловко танцевала против других дам. Вот князь просил его узнать, кто она такая. Но он, плут, он ее хорошо знал, но князю не хотел сказать, а всякий раз говорит, что ни от кого узнать не может. Тут князь начал думать, что за персона, откуда могла приехать. Ему получше стало чрез неделю, вот он и пошел сам в казино, чтоб ее там видеть; тут Есинский ее предупредил. Вот она узнала, что его светлость будет за ней волочиться, тут она более танцевала чрезвычайно смело и с большими грасами. Польки знают, как себя представить, они на это ловки. Теперь он узнал, где она живет. На другой день пошел и стал глядеть на окошко, и белый платок держа в руках обтирая губы; он имел такую привычку. Пани Хорунжина (т[о] е[сть] вдова хорунжего. В. 3.) мать, увидела,

что он ходит и смотрит на ее дом, выслала человека и велела сказать, чтоб он отошел прочь, что тут не такие, которых он думает, живут. Вот князь велел человеку сказать, что он не таких мыслей, как она думает, а желает ее видеть и переговорить; вот она и приняла его с большою радостью. «Если Ваше Светлосте желаете на моей цурке ожениться, так я очень согласна, а в прочем я никак не соглашусь». Теперь князь ей сказал, что он желает с ней сочетаться браком, если она желает за его выйти. Она была сговорена, но он не богатый был; вот князь его упросил, чтоб он уступил ему, и заплатил, что он хотел; какой-то шляхтич, пан Чужинский (не Чужинский, а Выжицкий, см. ниже. – В. 3.).

Она сама была шляхтянка, пани Хорунжина, и жила недалеко от Вильны; это место называлось Плетешки, там в старое время наказывали людей плетьюми (не Плетешки, а Пликишки. См. ниже. В. 3.). Можно ли себе когда-нибудь вообразить, чтоб князь оженился на такой; в первой раз увидел, на другой день и кончил, не спрашивал, кто она такая». Карлик не называет настоящей фамилии Теклы, из других источников мы знаем, что ее звали Валентинович. Профессор медицины Виленского университета Иосиф Франк в своих воспоминаниях (Pamiętniki, Вильна 1913) говорит, что Игнатий Валентинович, отец княгини Zubовой, был помещиком. Он лечил его в 1808 г[оду] во время его предсмертной болезни. У него был неизлечимый порок сердца. Мать Теклы была рожденной Зайончковской.

О БРАКЕ Платона Zubова существует несколько противоречивых версий. Сам карлик в разговоре с К. А. Бороздиным рассказывал его следующим образом (см. Исторический Вестник т. XXXIV. 1898, стр. 427-31: «Три столетних старца»): «В Вильне в те времена была какая-то ярмарка, или какой-то съезд, в роде киевских контрактов. Сюда съезжалось польское магнатство и шляхетство и очень веселилось, танцуя по вечерам в собрании, а по утрам сходясь на редуте, т. е. в таком месте торговли как наш Гостиный Двор. В один из таких съездов увидели, между прочим, и тоскующего князя Zubова, приехавшего сюда от нечего делать. Каждое утро появлялся он в редуте, и скоро заметили, что он преследует своими старческими любезностями одну хорошенькую шляхтянку, совсем бедную, мало с кем знакомую из знати и сопровождаемую своей матерью в весьма потертом салопе.

Любезности князя начались букетами и конфетами и, повторяясь каждый день, все ближе и ближе завязывали его знакомство. В Вильне уже стали поговаривать, что старый отставной временщик скоро подарит всех новою своею метрессою, и ничего не видели в том чрезвычайного; их много переменялось у него на глазах всех, да и сам он, конечно, думал ухаживаниями своими привести к этому концу. Но не так думала мать хорошенькой шляхтянки, она рассчитала ловко и верно свою тактику и вела ее со спокойствием и хладнокровием опытного стратега.

В самый разгар старческого ухаживания она вдруг заперла ему дверь своей скромненькой квартиры, и, когда он подъехал к ней со своей великолепной свитой, ему сказали, что «нет никого дома».

На другой день князь искал свой предмет в редуте и не нашел; поехал опять на дом, оказалось, что опять «нет дома». На третий день он встретил, наконец, в редуте одну мать и стал ее расспрашивать о причине исчезновения ее с дочерью. Но та ответила со слезами на глазах, что она никак не ожидала от него, такого почтенного старца, чтобы он так мало ценил честь бедной, но благородной девушки.

Князь совсем был озадачен и пустился говорить что-то в свое оправдание, но г[оспо] жа Валентинович его перебила:

– Вы напрасно все это говорите, князь, весь город повторяет самую позорную молву о моей дочери, благодаря вашему легкомыслию. У ней ничего нет кроме честного, ничем незапятнанного имени, и она дорожит им больше всего на свете.

– Да помилуйте, сударыня, – залепетал князь, – кто мог вам сказать, что когда-либо я желал посягнуть на честь вашей прелестной дочери, и в чем вы видите мое легкомыслие? Мои намерения были всегда самые чистые, и я докажу вам это на деле, а чтобы не откладывать, теперь же предлагаю свою руку вашей достойной дочери.

Матери этого только и нужно было, она ковала железо пока горячо, и через два дня князь был женат на вскружившей ему голову хорошенькой шляхтянке».

Еще иные версии представляют рассказы управляющего Мих[аила]Ив[ановича] Братковского, профессора Франка и Станислава Моравского. Рассказ Братковского записан со слов его сына Михаила Мих[айловича] (Русская Старина, т. XVII, 1876, стр. 721-23): «Года за полтора до своей смерти князь Зубов, вслед за огромным табуном лошадей, отправился на конную ярмарку в Вильну и здесь встретил пожилую пани с молоденькой красавицей дочерью; к последней Зубов почувствовал с первого взгляда живейшую страсть, которая до того увлекла седовласого князя, что он последовал за красавицей в костел, куда она шла вместе с матерью, к обедне. Братковскому князь поручил узнать, кто такие старушка и дочь, откуда они и зачем в Вильне? По справкам оказалось, что старушка литовская помещица, пани Валентинович, владелица усадьбы с 30-ю душами крестьян; имя красавицы Текла Игнатьевна; приехали они в Вильну хлопотать по тяжёбному делу. В полной уверенности, что его богатства дают ему право быть циником, князь того же Братковского послал к старушке Валентинович с предложением ей, за любовь дочери, значительной денежной суммы ..., но это предложение с негодованием было отвергнуто, а посланный выгнан. Зубов рассердился и уехал из Вильны. Отвергнув предложение магната, пани Валентинович, однако же, возымела мысль законным путем украсить голову своей дочери княжеской короной. С этой целью она – жен-

щина ловкая и хитрая – отправилась вместе с дочерью будто бы на богомолье, в костел местечка Янишек.

О приезде ее во владения Зубова Братковский не замедлил доложить князю, этот же, в свою очередь, пригласил своих посетительниц к себе откушать. По их отъезде, Зубов очарованный еще больше прежнего, возобновил чрез Братковского свои предложения и получил в ответ, что Текла Валентинович будет принадлежать ему только тогда, когда будет «княгиней Зубовою». После некоторого колебания князь формально посватался и, по желанию будущей тещи, отписал невесте, по брачной записи миллион рублей серебром. Переговоры о браке длились шесть месяцев; ко дню свадьбы Зубов не дозволил в своем доме прибавить ни одной занавески на окнах, ни одного стула в гостиной. Теща князя, госпожа Валентинович, поселилась у новобрачных. Супружество князя продолжалось только один год, и по холодности отношений мужа к жене не могло называться счастливым».

Версия профессора Франка еще иная: «В то время князь Платон Зубов дал повод ко многим сплетням. Увидев в виленском казино пятнадцатилетнюю паненку, прекрасную как мечта, князь попросил мать девушки, чтобы она его ей представила. Пани Валентинович, вдова помещика, зная князя как второго Фобласа, ответила, что ее квартира слишком скромна, чтоб она могла принять у себя такого сановника как он и, что имея дочь на выданье, она должна избегать всего, что может подать повод к сплетням.

На это князь ответил, что ежели он просит о разрешении бывать в доме пани Валентинович, то именно потому, что он желает жениться на панне Текле; а, когда мать просила князя, чтобы он соблаговолил избавить ее от этих шуток, он поклялся, что он говорит совсем серьезно. Т[аким] обр[азом] на следующий день князь сделал визит пани Валентинович, а несколько дней спустя панна Текла стала женой одного из могущественнейших магнатов, который несмотря на свои шестьдесят лет, мог еще нравиться, благодаря своему уму и любезности. ... Зубов увез жену в деревню и там занялся завершением ее воспитания».

(Продолжение следует)

Комментарии

1. Ошибка. Руэнталь, а м.б. и поместья пожалованы были Валериану.
2. Очевидно, по приведенному в Словаре указу Александра.

Проф. гр. В. П. Zubov

ГРАФИНЯ ТЕКЛА ИГНАТЬЕВНА ШУВАЛОВА.

1802–1873*

Продолжение

УЖЕ упомянутый Станислав Моравский дает свою живую, другой вопрос, объективную ли, версию брака Платона Зубова. В то время в Вильне ... «очи, глаза и языки всех были обращены на новую комету с огромным, как метла, хвостом, на только что овдовевшую княгиню Зубову, жену того известного Зубова, блиставшую молодостью, прелестями и огромными богатствами. Т[ак] к[ак] барыня эта (слишком много в том, что я скажу, и в том, о чем я промолчу), сама того не ведая, влияла на судьбу Литвы, нужно, чтобы я вкратце рассказал открыто и искренне ее жизнь и то, что после стольких лет осталось в моей памяти. «Убогая вдова с маленького фольварка Пликишки, Валентинович, жила в Вильне, осыпанная долгами и детьми. А дети все, особенно дочери, были редкой красоты. Вся семья, бедненькая и скромная, имела у тех, кто там бывал, репутацию великой красоты тела и великого убожества голов».

«Старшая из этих красивых сестер вышла за помещика Феликса Коссаковского из Вилькомирского повета, однофамильца графов (Коссаковских). Вторая нравилась небогатому, небольшого роста, изъеденному оспой и очень нечестному помещику Писанке, виленскому земскому судье, и для нее была счастьем такая знатная карьера. Третья девица ужасно притягивала взоры нашей молодежи. Влюбился в нее действительно очень красивый и сильный брюнет Выжицкий и просил ее руки. Согласились охотно. Но еще до свадьбы, т[ак] к[ак] в доме была полная нищета, Выжицкий, будущий зять, сам небогатый, давал не раз форшусы, то в долг, то в виде подарков».

«Среди этих обстоятельств приехал тут на некоторое время в Вильну некий известный на весь свет князь Зубов, великий бабник. Бродя по городу, по всем улицам, увидел эту девицу и по-своему обычаю сразу пустил в ход факторов. Он предлагал все большие суммы – напрасно! Не соглашались. Тогда он сам лично представился пани Валентинович и сразу старый безумец как шальной влюбился в девицу. Использовал все фортели – все ни к чему! Тогда он до того заупрямился, что попросил руки. Этому не захотели поверить и ответили ему, что эта рука уже обещана Выжицкому. Зубов увидел Выжицкого и обалдел. Между этими двумя людьми как мущинами не могло быть никакого сравнения в смысле кандидатов в мужа, поскольку для этой операции требуются возраст, бодрость, красота и резвость. Но у Зубова были имя, титула, слава, а что самое большое, неисчислимые богатства! Но одним словом, Зубов мог

* Русская мысль. 1965. 23 января № 2260. Четверг.

вытянутым из кармана кошельком сразу обогатить всю семью, купить тысячу Пликишек, чего Выжицкий никогда бы не добился, день и ночь работая, хоть бы и в землю себя зарыл».

«Итак, Зубов, ослепленный любовью, несмотря на Выжицкого, предложил и продолжал предлагать свою руку панне Валентинович. Выжицкий, взаправду ли, или притворно, рычал от великой скорби как резаный вол. Зубов в этом состоянии души размяк как клейстер до неузнаваемости и, хотя от природы деспотичный, порывистый, дерзкий, был полон душевной тревоги и, ставя, разумеется, предмет своей любви превыше всего, ошибочно воображал, что Выжицкий от отчаяния будет покушаться на его жизнь. Итак, он стал очень остерегаться своего соперника, избегая встреч с ним; увидя его где-нибудь на улице, сворачивал в сторону и смывался. Но в то же время постоянно вел план свой к осуществлению. Мать девицы и семья были душой и телом за Зубова и все бы разом за него вышли. Девица, однако, не так торопилась. Все ее знакомые считали ее за очень хорошего, но весьма ограниченного ребенка. Потому она не дала так быстро соблазнить себя дымом величия, богатства и княжества. Но и это прошло».

«Но когда безумец Выжицкий однажды с великой печали заговорил, что он уже так много потратил на девицу, Зубов, человек хитрый, знающий людей, сразу по этим словам оценил и его любовь, и силу чувства, и те понесенные им траты, что-то в тысячу дукатов, выложил их Выжицкому как отступное за претензию, тут же женился на панне и, как бы поймав Господа Бога за ноги, ходом пустился с ней в свой Руэнталь. В течение своих стараний о руке этой девицы он не мог не заметить в ней больших недостатков воспитания и лоска. Валентиновичи не бывали, не могли даже бывать, в обществе получше. Итак, Зубов принялся за полировку во всех отношениях этой особы, которая по своему положению при муже должна была занять первое место при русском Дворе. Набрал полным полно гувернеров и гувернанток и сам стал главным ее ментором. Не брало. Сначала котенок и овечка, молодая женщина, как только стала на твердую почву, начала показывать свои коготки».

«Зубов надеялся удивить ее пресловутой своей мужской силой и в том ошибся. Это знаменитое на весь свет исключение было принято как явление обычное! И этот когда-то могущественный и великий государственный муж с немалым унижением и конфузом убедился, что иногда, в особенности в отношениях с женщиной, убогий шляхетский герб горит более сильным пламенем, чем короны, и требует большего усилия пожарных. Так это и было, а тем временем с часу на час росли и росли несносные и вульгарные фантазии, укоры, капризы! Быстро отдал себе отчет этот необыкновенный человек, что сделал пирамидальную глупость, и так же быстро, как он полюбил, стал он терять к ней чувство своей большой любви. Но тем временем она забеременела. Надежда на законного потомка, незаконных-то было, что бобов, несколько оживи-

ла его. Он начал заботиться о здоровье и силах сосуда, который носил в себе такой дорогой для него залог. Что ж? И тут неподатливость, упрямство, резкие движения, прыжки, верховая езда и всякие выходки своевольной женской молодости повели с ним упорную войну. Он долго смотрел на это и вздыхал. Он уже был глубоко ранен!»

«Наконец, из-за каких-то там данных, приписывая все эти происшествия силе темперамента своей жены, которого он никак не мог предполагать в таком маленьком тельце, вернее в столь деликатно сложенном тельце, он захотел поддержать свои собственные еще большие силы искусственной энергией. Это губительно повлияло на его здоровье. Он уже ходил постоянно крехтя, задумчивый, печальный. Беременность была уже недалеко от своего разрешения, когда Зубов, видя страстную привязанность жены к имевшейся во дворце большой обезьяне, так что она с ней постоянно забавлялась, начал самым нежным образом просить княгиню, как о какой-нибудь милости, чтобы в ее состоянии она не держала при себе такого отвратительного зверя. Он заметил ей, что это подчас даже может вредно отразиться на плоде, который она носит во чреве. Жена, как всегда дующая и капризная, ответила на это желчно, недолго думая: «Я предпочитаю смотреть на эту обезьяну, чем на тебя!» – «А с такими понятиями – прошу в Пликишки!», отозвался Зубов. Встал и в первый раз хлопнул за собой дверьми. Что бы из этого вышло, неизвестно. Нужно думать, что он действительно отослал бы ее к матери. Но час спустя он уже лежал больной и вскоре, почти скоропостижно скончался».

Появление Теклы в Руэнтале карлик Якубовский описывает следующим образом: «Но какую саранчу он к себе притащил! Не было визгу у нас в доме, тишина великая. Князь ложился всегда спать в 10-ть часов, вставал в 7 часов. Вот купил поросенка, и начал визжать. Вот он и не знал, где спать лечь; к которой стене ни приляжет, тут шум и там шум. Фамилия их была большая; я знал четырех дочерей и три сына, родни у них много было: попы, адвокаты и землемеры. Теперь приехала к нам в Рувендаль мать ее и привезла с собою свою фамилию: одна дочь выдана была за Коссаковского, другая за Писанского, а четвертая была девушка, она была всех лучше. Подумать нельзя, это было ужасное положение; как он мог все это терпеть! Родной брат ее, г[осподин] Валентинович, и двоюродный, адвокат пан Зайончковский вздумали играть в банк всякой вечер. У нас стоял саперный полк, офицеров много было; вот тут завелся и шум большой. Еще стали требовать из буфета лишнее, а у нас буфет запирали в 10-ть часов; тут вздумали двери ломать, и что день, то была новость».

«Наш доктор давал вечернику, у него танцевали. Тут была одна девица немка, собою была очень недурна; вот один из братцев просит ее танцевать. Она не пошла с ним, потому что он дурно танцует. Чтож он сделал? Подумать нельзя! Прибил ее, бедную, по щекам при всех. Вот все это доходило до князя».

«Еще что они сделали: распроигрались и давай медали золотые красть и серебряные; продавали в Митаве. У князя большая коллекция была монет от Рюрика; библиотека не запиралась, также и монеты, кто хотел, и смотрел».

«Еще что вздумали: своего свата, пана Есинского вызвать на дуэль на пистолеты; вот он и прибежал к князю с великим страхом, весь посинел и едва мог говорить. Вот князь этот дуэль уничтожил, а он от страха чуть не умер. Вот каких взял себе на шею!»

«Свадьба его была 1821 года, мая 5-го числа. ... под конец, видно, что его нервы были очень расстроены, вот он и влез в эту беду. С ним жила одна 20-ть лет, от нее были дети (Софья Леонтьевна Пришилионска, мать Платоновых. В. 3.). Она была в то время с ним в Вильне, но жила в другом доме; он бывал всякой день у ней и просил ее, чтоб она поехала в Рувендаль, что дети очень скучают: «А я скоро приеду». Она, бывши там, и ничего не знала, что князь оженился, но, когда узнала, то была в ужасном огорчении и говорила, что князь дал ей слово: «Если я вздумаю ожениться, так ни на ком, а вы моя будете супруга и для детей моих». Она жила с ним 20-ть лет и не хуже ее, такая же шляхтянка; у нее был отец, мать – старики, и брат».

«Светлейший князь Платон Александрович, он не жил по-прежнему, а был мученик. Но к нему приехала сестра, любимая ему, была (Ольга Жеребцова. – В. 3.). Вот он немного стал повеселее, но я приметил, что он стыдился, когда она их всех увидела. «Что за народ!» Ужаснулась и мне сказала: «Как мог брат забрать к себе такую орду? Взял супругу, да и только, когда влюбился».

«Она (Текла. – В. 3.), также любила в банк играть, поляков много было, и Ольга Александровна, любя брата, играла с ними, и я тоже с ними. Княгиня сама банк держала; когда банк сорвут, вот княгиня вся покраснеет. Вот генерал Жеребцов (Александр Александрович, сын Ольги Александровны. Один из виднейших русских масонов. – В. 3.), идет к князю и говорит: «Твоя княгиня, а моя тетушка совсем распроигралась». Тут князь берет целой мешок с деньгами и кладет ей на стол: «Есть об чем краснеть, пришла бы и сказала: я проиграла». А когда выигрывала, то себе брала».

«Она весьма мало его слушала. Каково ему было терпеть, взявши такую неблагодарную? Мать ее говорила: «Вы, Ваше Светлость, много даете моей дочери волю, ее надобно держать в руках, она и меня не слушала».

«Когда меня увидела княгиня в первой раз, и сказала мне: «Князь мне много говорил об вас; если будешь меня любить, а не так, я очень сердита», я ей сказал: «Я вашего сердца не боюсь, лишь бы меня князь любил».

«Я находился при Его Светлости 20-ть лет; он был тих и кроткий и не любил никакого шума в доме ... В последнее время я не мог на его смотреть без чувства и печали. Как он мог это все переносить, вообразить нельзя, бывши таким великим. Он одиннадцать месяцев только жил с ней. За три дня (до) смерти его, у него руки распухли, лицо очень переменялось. Сестра его,

Ольга Александровна Жеребцова, это очень заметила; начала ему говорить, чтоб он поехал в Митаву и там бы успокоил себя и посоветовал с докторами, а княгиня может остаться с[о] своими. Князь послушал сестру и на третий день хотел поехать. В последний вечер он долго говорил – около его все сидели и слушали – довольно ясно и чисто. Но сестра заметила что-то такое, стала ему говорить: «Князь, вам пора идти спать, вы привыкли всегда ложиться в десять часов, а теперь уже одиннадцать». Вот он и пошел и со всеми распрощался».

«Я только хотел лечь, но человек пришел и сказал: «Вас князь зовет». Вот я весьма удивился, зачем-то? Теперь-то начал мне говорить: «Я поеду с сестрою в Митаву завтра, там полечусь, а когда мне, Бог даст, получше, так мы с тобою отправимся в Плуныяны, ты три года не видал, что я там наделал; а княгиня, где хочет живет, тут, или в Петербург поехать, или в свою Вильну. Мы же в Плуныянах недолго пробудем и поедем с тобою за границу к теплым водам. Мне нужно непременно хорошенько полечиться, а там, если. Бог даст, поправимся, так и в Париж заглянем, а после приедем домой и по-старому заживем мы с тобою. Но я чувствовал по его разговору, чтоб он завтра не поехал бы на вечной покой. Я его благодарил и сказал ему: «Дай Бог, чтоб Всевышний наш Создатель Вашу Светлость подкрепил ваши силы». Но сестра говорила ему, чтоб он духовную сделал; он ей сказал: «Погоди, сестра, я все напишу, чем меня Бог обрадует, я никого не обижу и Ивана Андреевича награжу». Она ему еще сказала: «Бог вам даст сына или дочь, так вы напишите двойную». – «Успею, сестра», и не написал. Тут я с ним распрощался 6-го апреля, но долго спать не мог и размышлял очень долго».

«Вот настал и день, но он поразил меня ужасно; этот день был 7-го апреля 1822 года. Сестра его, Ольга Александровна прислала, чтоб меня разбудить, это был пятой час, и сказать, что брата нет на сем свете, чтоб я шел поскорее. Тут у меня ноги задрожали, и голова кругом пошла, я уже не знал, куда мне ее преклонить. Теперь я пошел к ней, что она мне скажет. Вот она начала мне говорить: «Я увидела сквозь дверей, что у брата начали люди ходить; я пошла к нему, он сидит на постели, это был четвертой час». Тут он ей начал говорить: «Что вы, сестра, беспокоитесь так рано, поди отдохни еще, я приказал, чтоб экипажи были готовы в девять часов; сядем и поедем». Она не могла и подумать, он говорил ясно и чисто, чтоб могло так скоро воспоследовать великое для нее несчастье, потерять любимого брата на 54 году; он довольно еще был свеж. Она только пришла и легла спать, вот доктор пришел к ней и сказал: «Князь умер». Тут она впала в великую печаль и огорчение и не могла вообразить, чтоб с ним воспоследовал такой сильной удар. Когда княгиня проснулась, она заплакала, упала на колени и стала говорить Ольге Александровне: «Я твоя, я твоя, куда хочешь меня повези, я своих не люблю». А после и не приходила к ней».

«Князя анатомировали; доктора нашли в нем по телу-сложению все как не-
надобно лучше и, что он мог прожить 90 лет; но нашли, в нем сердце совсем
высохло от сильной печали, которую не знали никто ... В первый день его смер-
ти нас поселили подле его спальни. Он уже лежал на столе. Вот я только лег
спать и начал лишь только дремать, вот дверь отворилась из спальни, и князь
ко мне подходит и говорит мне: «Встань и посмотри, что у меня наделали». Я
тут не мог и вообразить, что со мной будет, но истинно подумал, что князь
ожил. Встал и пошел за ним; вот он мне стал говорить: «Видишь, зачем этот
стол поставлен на середине?» Я не мог ему тут сказать, что: «Вы тут лежали». Он
ко мне три раза приходил и все то же говорил. Вообразите себе, что у меня
от страха все нервы ослабели, и не знал, что подумать. Дети его спали со мной
благополучно. Секретарь его Г. Майковский был подле нас и еще не спал, а за-
нимался делами. Когда он (князь. – В. З.) ко мне приходил, я заснуть не мог
уже, и был уверен, что князь ожил, и так до семи часов не пошел в спальню; но,
когда отворил двери и думал, что он лежит на кровати, а вместо того он лежит
на столе. Тут я снова помешался и еще слабее стал...».

«Тело его у нас стояло 18 дней, покамест все исправили, гроб свинцовый,
и отвезли в Сергиевскую пустошь, недалеко от Стрельны. Там вся фамилия
лежит ...».

«Вот княгиня, спустя после смерти князя месяц, родила дочь. Ольга Алек-
сандровна оставалась у нас до тех пор, кого она родит. Она счастливо родила
дочь».

(Продолжение следует)

Проф. гр. В. П. Зубов

ГРАФИНЯ ТЕКЛА ИГНАТЬЕВНА ШУВАЛОВА.

1802–1873*

Продолжение

УЖЕ упомянутый профессор медицины Иосиф Франк продолжает в своих воспоминаниях рассказ о Зубове и Текле:

«Скоро она забеременела, и, когда она была уже на седьмом месяце, апоплектический (так! – Т. И.) удар сразил мужа. Молодая вдова, не теряя времени, уведомила об этом тётку, жившую в Вильне, поручая ей просить меня, чтобы я немедленно приехал, т[ак] к[ак] из-за пережитого страха она боялась, что могут наступить преждевременные роды, и хотела, чтобы я присутствовал при этом. я не мог приглашения княгини, т[ак] к[ак] у меня были в это время тяжёлые больные в городе, и я предложил, чтобы попросили приехать д[окто]ра Мянковского, который как акушер мог быть более полезен, чем я. Послушались моего совета, и мой заместитель немедленно выехал...»

«Княгиня Зубова разрешилась благополучно и с маленькой дочкой приехала в Вильну. Очаровательный ребёнок заменял молодой матери куклу. Я должен был ей объяснить, что с ребёнком нельзя обращаться, как с котёнком, и что он требует тишины и спокойствия. К сожалению, меня не послушались, и богатая наследница скоро умерла от водянки в голове». Издатель записок Франка прибавляет: «Княгиня Текла Зубова оставила по себе в Вильно плохую славу. Она стала любовницей Новосильцева (Ник[олай] Ник[олаевич] Новосильцев, сенатор, 1761-1836, один из притеснителей Литвы и Польши. В.З.), славилась разнузданностью, а её дом был гнездом разврата. Мицкевич в сцене бала в «Дедах» представил её как «княгиню», а Хенрик Мощицкий называл ее «разнузданной блудницей, любовницей сенатора» (см.: Н. Moscicki. Wilna i Warszawa w "Dziadach" Mickiewicza. – Warszawa. 1908, str. 116, 193). Станислав Моравский в своих уже частью приведённых воспоминаниях, сказав о смерти князя Зубова, повествует, м[ожет] б[ыть] сгущая краски для красного словца, что проверить невозможно: «К разрешению своей жены Зубов старался вызвать из Вильны какого-нибудь знаменитого врача, за какую бы то ни было цену. Все знаменитости были в то же время профессорами факультета и ни в каком случае отлучаться не могли. Тем временем приехал в Вильну некий Sauvan, виленский ученик, ещё не доктор, хотя курсы кончил...»

«...Не дурной собой, полный шарлатанства, так что у него можно было учиться, фанфарон, какого свет не видал, самохвал, очень остроумный болтун, Лелио из комедии Гольдони, а притом великий франт, пыль в глаза людям

* Русская мысль. 1965. 11 февраля № 2268. Четверг.

пускал горстями... Как раз этого Sauvan'a послали к Зубовой, и там в деревне, утешая её и лечя её, он дошел у княгини до крайних фаворов. В то время родилась дочь. А тут семья Зубовых, многочисленная, как песок в море, (это не соответствует действительности. – В. З.) слетелась отовсюду на весть о смерти одного из первых богачей в России».

«Маленький слабый ребёнок держал на волоске судьбу княгини и всей этой семейной банды. Эта маленькая жизнь могла быть под угрозой от природы и от разных причин. Трудно было оставаться в деревне. И вот княгиня переехала в Вильну. Ребёнок вскоре умер. Должен был последовать сложный семейный раздел. Зубова по совету благожелательных особ, по-видимому, сразу после смерти мужа избрала своим поверенным президента Ходько (Chodzko), известного своим умом и оборотливостью. Ян Ходько был вылитым Казимиром Контрымом (библиотекарь Виленского университета. В.З.), но как перчатка вывороченным наизнанку. Контрым тихий, тот шумный, один скрытный, таинственный, у другого всё на ладони, всё открыто. Маленького росту, полный, брюхатый, с красивым, истинно польским лицом, бесцеремонный, обладающий гладким и лёгким пером, который много писал, а ещё больше говорил, и громко, и таким голосом, что тряслись стены, растративший на высоких постах и на делах помещичьих сеймиков значительное состояние, вернее, сильно его потрепавший...»

«Княгиня Зубова, сваливши т[аким] о[бразом] временно на Ходько всю тяжесть своих дел, которых и по своему возрасту, и по малой опытности, и по своему полу она не в состоянии была взять на себя, сама поселилась и зажила в Вильне на широкую ногу, чтобы хоть как-нибудь использовать это огромное богатство. Она знала, что, даже если она по разделу выйдет наихудшим образом, то при состоянии, с которых каждому из незаконных детей Зубова, рожденных от совсем скромных женщин, досталось по меньшей мере по миллиону при жизни князя, она, его жена, в тысячу раз, в миллион раз будет иметь больше того, с чем она родилась, а родилась она, как мы сказали, в Пликишках.

Тогда, успокоенная с этой стороны, или сообразив, что никто в собственном гнезде пророком не стал, или чувствуя отсутствие полировки, необходимой в свете, зная, что в Вильне среди более знатных, хотя далеко менее богатых, чем она дам, не было ни одной, которая бы не получила высшего воспитания, которая бы не была по нескольку раз за границей, которая не была бы представлена, либо к саксонскому, либо к прусскому Двору, и которая бы не была лично знакома с императором Александром – зная всё это, говорю я, она должна была хорошо давать себе отчёт, что, хотя молодая, красивая и богатая, она будет только мишенью критик, пересудов и насмешек у наших женщин. Тогда она предпочла притвориться гордой, не бывать ни у кого, смотреть на всех виленских дам свысока, и, посетив только Корсакова (генерал от инфантерии Александр Михайлович Римский-Корсаков, 1753-1840, разбитый в 1799 г[оду]

Массеной под Цюрихом. В 1812 по 1830 г[оды] – Виленский военный губернатор. – В. 3.) и поручивши себя его опеке, замкнуться у себя. Я уверен, что она это сделала только потому, что не умела держать себя в высшем обществе.

«Sauvan, единственный из ее близких, бывавший в свете человек, был днем и ночью направителем ее действий. Одновременно она для компании и какой-то житейской науки вызвала из деревни жену судьи Писанкову, свою сестру, женщину красивую. Конечно, хотя и ни в каких кругах не известная, но уже несколько лет замужняя и хозяйка дома, она могла пригодиться для полировки этой новой и прекрасной дебютантки. Быть богатым, иметь деньги горстями и не развернуться! – это грех, это ужас! А как развернуться? О, моя княгиня, это совсем другое дело!.. к богатым экипажам, к прекрасным лошадям, к золотым ливреям, забыв о пликишской колымажке, она еще при муже привыкла, и это её не забавляло. Но, господа, скажите на милость, как развернуться? Ну и начала по-своему, как всякая выскочка, попросту, по-мужички à la manière du peuple souverain [1] – с желудка. Развернёмся! И вот, замкнувшись с семьёй, велеть делать мороженое ушатами, бочками, привозить самые дорогие фрукты, разливательными ложками есть варенье, так, чтоб лезло со всех концов. Но это через несколько дней надоело, опротивело до тошноты! Вот деньги есть, а прожить их никак! Ах, пан Sauvan, как их прожить?

«А в это время кулаком швейцара в галунах отгоняют бедных, убогих от ворот дома Огинского, что на Бискупской улице, где жила княгиня; в это время калеки, умирающие с голоду, не получавшие ответа на просьбы свои лишили ее настоящего русла хорошего использования своего состояния. На той дороге, которую она избрала, и которую, без сомнения, ей подсказал сатана, затвердело ее сердце, бывшее раньше, как говорили, добрым. Она стала гордой, надменной, черствой и скупой. Даже члены ее собственной семьи прошли сквозь сито, а т[ак] к[ак] в собрании глупых мужчины всегда глупее, чем женщины, хорошая шутка случая, ее братишка Казя, т[о] е[сть] пан Казимир Валентинович, депутат виленской шляхты, хотя постоянно хвалился и постоянно распространялся о княгине, сестре, перед людьми, получил от нее формальную отставку, так что он только задним ходом, и то спозаранку, и то пока никого не было, мог подчас явиться к сестрице. Младшего, ещё маленького и красивого мальчика, она потом поместила в уланский или гусарский полк.

Т[аким] о[бразом] ее светлость, княгиня, без женского общества должна была удовлетворяться и пользоваться постоянным щекотанием мужского общества, которое все прощает красоте и молодости. По поводу постоянных деловых вопросов старый восьмидесятилетний генерал-губернатор Корсаков посылал к ней за себя своего адъютанта полковника Шебеко (вероятно Франц. Ив. – В. 3.) доброго, честного, видного, но потасканного распутной жизнью человека. Тот сразу в неё влюбился, но т[ак] к[ак] там все шло быстро как по железной дороге, он не долго вздыхал и сразу в любви своей стал счастли-

вым. Sauvan не только уже не ревновал, но даже был сердечно рад разделить с кемнибудь бремя, которое до сих пор тащил один. Потому что и другая сестра, пани Писанкова, отрезанная от света и мужа, замкнутая с княгиней, будучи женщиной красивой и молодой, тоже нашла, что Sauvan хорош, и пришла к мысли она тоже, искать помощи у этого лекаря. А так как о той помощи обе сестры, одна о другой не ведая, постоянно каждый момент просили, и т[ак] к[ак] на этих, спасительных для здоровья наших дам свиданиях чётки не перебирались, то похудел и высох мой бедный Sauvan, высох, как щепка, еле уже ноги волочил».

Облегчили ему этот труд еще иные благодетели из семьи Zubova. Съехавшись в Вильну, каждый из них хотел нравиться и перехватить в жены эту молодую и красивую женщину с тем, чтобы ему ещё досталась под видом приданого огромная часть зубовского состояния. Отличался в этом отношении генерал Жеребцов, племянник Zubova (см. предыдущую статью. – В. З.). Чтобы отвадить других и отнять у них всякую надежду, он не колебался, приходя вечером, умышленно выставляя на окне, приставляя к стеклу свою шляпу с белым султаном, чтобы по этому блину и каплуным перьям всякий из проходивших ночью и утром людей видел с улицы, какой там гость кушает райские яблочки, и чтобы эта шляпа служила им свидетелем того, что происходило...»

«...Вспомнив то, что я сказал, легко догадаться, что эти невинные забавы и шутки не могли оставаться без последствий. Но всегда каким-то образом пани княгиня после нескольких дней тяжелой болезни оказывалась опять свободной до срока от всякого бремени. И в год так бывало несколько раз!..»

Вскоре пришел ответ императора Александра на письмо княгини, уведомлявшее о смерти её мужа. Император, выражая соболезнование, соглашался на ее просьбу и назначал ей опекуном сенатора Новосильцева, куратора университета, президента следственной комиссии, жившего в то время по делам административным в Вильне. Новосильцев, старый развратник, распутник и селадон, рад был найти в этом господском и удобном доме всяческие удовольствия, свободу, фамильярность и вольность французских актрис. В начале шутил и кокетничал, но вскоре затем взаправду влюбился в Zubovu, или по крайней мере отлично представлялся влюбленным, потому что всячески афишировался с ней перед публикой, не стыдясь никаких глупостей. За ним Байков (Лев Сергеевич (?) сотрудник Новосильцева по следственной комиссии – В. З.) и несколько других того же полёта. Тем временем Sauvan, несмотря на выгодное, как говорят в политической экономии, разделение труда, всё меньше мог с ним справляться. Видя скупость княгини, а в перспективе имея только окончательное истощение своих сил, подводя итоги своим грехам, он стал серьёзно подумывать о ретиреде; а когда поднялся вопрос о каком-то дорогом и драгоценном перстне, который в порыве благодарной щедрости княгиня сама надела ему на палец, а потом стала напоминать о том перстне, доказы-

вая, что она только в шутку его отдала, Sauvan, задетый за живое, бросил ей чуть не в глаза этот перстень, подал в отставку и при расчёте еле получил то, что ему полагалось по договору. Раздосадованный и взбешенный, имея всего 400 дукатов наличными после таких роскошей, зная, что в Вильне ему карьеры не сделать, несмотря на слёзы чувствительной пани Писанковой, насчёт которой он разгласил о каком-то её затвердении и происходящей от этого непомерной чесотки, решил баламутить Варшавян... и уехал туда».

(Окончание следует)

Комментарии

1. à la manière du peuple souverain – по обычаю недалеких (зависимых) людей (франц.).

Проф. гр. В. П. Zubov

ГРАФИНЯ ТЕКЛА ИГНАТЬЕВНА ШУВАЛОВА.

1802–1873*

Окончание

«Но до того громко перед всеми кричал, что он потерял здоровье у княгини, что, пожалуй, умрет, что отомстит и в Варшаве сразу огласит в печати письма обеих сестер к нему. В этих письмах и записках, полных наивной откровенности, которые отчасти и нам показывал, были очень лаконичные слова одной или другой сестры: «О мой наидражайший, приходи, жду, выдержать уж без тебя не могу!» Конечно, с орфографическими ошибками, с которыми сильная страсть никогда не считается. И так Sauvan уехал. Новосильцев и Zubova, узнававшие постоянные, ежедневные, малейшие виленские сплетни, сразу же узнали об этих угрозах Sauvan'a. Старая лиса, пан сенатор, притворяясь ревнующим, заговорил о них первый. Zubova, обняв его за шею, со слезами во всем призналась, сокрушив еще его нежное сердце доказанной неверностью неблагодарной сестры».

«Пан сенатор, человек хитрый и бывалый, не считался с прошлым, а заботился только о будущем. Но т[ак] к[ак] по делам выходило, что Zubova должна была в скорости быть, в Варшаве и представляться великому князю и благочестивой княгине Ловицкой (княгиня Жанетта Лович, рожд[енная] гр[афиня] Грудзинская, морганатическая супруга вел[икого] князя Константина Павловича. – В. 3.), в образе преследуемой и притесняемой вдовы, одна мысль о публикации этих чувствительных писем новой Элоизы приводила княгиню в трепет. Новосильцев, который независимо от этого должен был сразу ехать в Варшаву, сжалившись над ней и ее невзгодой, обещал проложить путь и дал ей честное слово, что через двенадцать дней, самое большее, все это дело будет улажено, если только до этого часа ему хватит жизни. И слово сдержал. И вот как он уладил дело. Sauvan около двух месяцев уже был в Варшаве и начал дурачить Мазуров водой теплой, водой холодной, магнетизмом, горчицей».

«Приезжает Новосильцев; на следующее утро рано арестуют Sauvan, велят ему надеть платье, просмотренное по всем швам, отводят в тюрьму. Бумаги, всю, какая была, подвижность и квартиру опечатали казенной печатью. Sauvan, будучи трусом, испугался, сократился. Но на следующий день его ведут к Новосильцеву, который его обнимает, извиняется и сам признается в вине, что был принужден поверить важному, но, как оказалось, ложному доносу, отпускает его домой, велит сорвать печати. Счастливый Sauvan, возвратившись

* Русская мысль. 1965. 16 февраля № 2270. Вторник.

к себе, полюбопытствовал, пересмотрены ли были его бумаги. Находит все кроме писем Зубовой и пани Писанковой».

«В то же самое утро высланный фельдъегерь уже вез все эти каракули княгине и Писанковой, которую Новосильцев каламбуря называл «M-me pisse en cu1», запечатанные и по двум отдельным адресам, чтобы чего доброго сестры из ревности не покусались. – «Unі сuіque suum» [1]. В Вильне были уверены, что этот фельдъегерь привез очень важные депеши, что тут дело шло о судьбе нашей страны; никто не догадывался, что это потрепанные уже билеты для входа в сердца двух наших прекрасных женщин. Контрамарки находились во множестве других рук».

СТАНИСЛАВ Моравский продолжает свой рассказ о княгине Текле Зубовой следующим образом:

«Первые шаги ко злу, когда влезешь в болото, неуверены, не смелы и осторожны, но, когда ты раз промочил в нем сапоги, то об остальном не заботишься. Так было и с княгиней Зубовой. Должен ли я срамить мое перо дальнейшим описанием поступков этой непотребной женщины с каменным сердцем и сладострастной как обезьяна? Нет... Из любви к человечеству, за честь человечества мы над всем этим спустим занавес. Представьте себе безстыдные поступки и безстыдство, которое не только не скрывалось перед глазами всего города, но наоборот бравировало все и вся. Представьте себе разнузданную, без удил, озверевшую в компании самых испорченных мужчин, но красивую, но молодую, но богатую Мессалину, окруженную множеством атлетов, лежащих у ее ног, этого будет достаточно, по крайней мере, на этот раз. Лично я ее никогда не знал. Я считал бы для себя уроном когда-либо ее узнать. Писанкову знал, когда она была, как потом расскажу, уже гродненской губернаторшей и, разведшись для тону с Писанко, вышла за Бобиатынского. Знал также Амелию, жену приятеля моего Остроумецкого, наименее красивую, но единственную добродетельную из всех сестер.

«Новосильцеву было хорошо, ел, пил и упивался за счет своей опекаемой и даже жил на чужой счет ... Наша дама все более и более погрязала в распутстве и безстыдстве ... Княгиня дошла до того, я собственными глазами это видел, а кроме меня многие другие, что, когда Зубова переехала в дом Миллеров (в доме Миллеров на Немецкой улипе находилось роскошное казино, в котором давались маскарады, балы и вечера, и гостиница; там также сдавались квартиры. – В. 3.), где в то время я жил напротив ее окон, Новосильцев и Байков, оба пьяные, желая в шутку выкинуть ее в окно, взявши под руки высовывали ее за окно. Ветер поднимал ее платье, в то время не столь богатое нижними юбками. Она пронзительно визжала, а мы снизу по крайней мере

из двадцати окон смотрели на ее открытые для публики прелести. Так, забавляясь постоянно, а, попросту говоря, предаваясь разгулу, приехала она в Варшаву, где произвела мало впечатления. Потом на воды. Наконец, пообтершись немного в манерах, посмела показаться в столице. Была она, как я уже говорил, по положению и чину мужа своего первой дамой при Дворе (это немного превеличено. – В. З.). Было ли это из предубеждения против нее, уже немного гласного в Петербурге, или потому что она была полячкой, или по собственной ее неловкости и недостатку оттенков полировки, которые могут быть только у настоящей аристократки, а у выскочек это только обезьянство, кончилось тем, что смотрели на нее не слишком ласковым оком. А все же, если бы она сумела использовать свое положение по советам Новосильцева, то положение, которое она занимала, принадлежащее обычно только более пожилым женщинам, ей, молодой и все еще красивой, могло бы придать много интересности. Но дьявол не дремал и дул ей в ж... Подвернулся вскоре молодой граф Шувалов, камеръюнкер Двора, т[о] е[сть] младший придворный чин. Обманув полную надежд лису, Новосильцева, который ей уже больше не был нужен, и доказавши тем, что у самой глупой женщины больше хитрости и прыти, чем у разумного мужчины, вышла к великой потехе всего Двора за этого Шувалова, влюбившись в него без памяти как кошка. Для чего? Почему? ... Она из каприза променяла первое имя и первое место в России (?), которое она имела благодаря Zubovu, на последнее, которое ей досталось по положению нового законного мужа.

Хуже, потому что в начале покорный и послушный руке воздыхатель, сразу после свадьбы при первой выходке любимой жены сказал ей как кучер из знаменитой французской комедии: «Ah, c'est; comme ça!» [2] и сразу, следуя национальному импульсу, взялся за кнут. Я при этом не был, хотя бы я и поглядел на это без большого отвращения. Однако все говорили, что муж материальными средствами стал приводить ее к послушанию, покорности и доброте, и что эта система не плохо ему удавалась. Дай ему Бог силы...»

G. Puzynina, w Wilnie i w Dworach Litewskich (1815–1843), Wilno (1928), str. 34-35, пишет, что у пани Валентинович кроме трех замужних были еще «четыре дочки на выданыи одна красивее другой. Она жила в Вильне и исподволь, не спеша, но и не теряя случая и времени, всех выдала хорошо и даже отлично. Младшие ее дочки были старательнее воспитаны чем старшие. О княгине Zubовой говорилось, что, уверенная в своих прелестях, вообще не хотела умственно образовываться, хотя ее муж требовал этого от нее. Рассказывают о ней забавные вещи, а м[ежду] пр[очим] и то, что, будучи уже вдовой, кн[язя] Zubова, разговаривала с Императором Александром, стоя на коленях в кресле и качаясь. Наука ее так пугала, что она не бывала у людей, имеющих репутацию ученых и разумных, говоря о них что это «шельмы, которые будут экзаменовать ее по истории»... Когда Текла в 1826 г[оду] вышла за гр. Шувалова,

Новосильцев, оставшийся после этого на бобах, ядовито спросил пани Валентинович: «Как поживает пани поручица?» желая этим кольнуть низким чином ее зятя Шувалова. Но та, не будь душой, отрезала: «Хочешь говорить о княгине? Не знаешь, что она уже не княгиня, а графиня?».

О дальнейшей жизни Теклы Игнатьевны читаем в записках А. О. Смирновой (Русск. Архив, 1895, 11. стр. 326). Тон рассказа совсем иной, чем у предыдущих авторов. М[ожет] б[ыть] действительно подействовал кнут Андрея Шувалова. В 1828/29 г[оды] зимой Шуваловы «наняли дом Михайлы Голицина, и там собирались только тузы. Все влюблялись в эту польскую волшебницу. Текла Валентинович была сперва замужем за князем Платоном Zubовым; как все старики он ее обожал, баловал как дитя. Ей было 16 лет (не 16, а 19. В 3.), когда он увидел ее в одном из предместий Вильны. Князь умер без завещания и оставил своеогромное состояние и громадное количество бриллиантов жене.

Оставшись вдовой в таких молодых летах с процессом на руках, Текла нашлась среди затруднительных обстоятельств. Только что процесс был выигран (процесса как будто никакого не было, и наследство было разделено между вдовой и братьями князя на основании законов – В. 3.), она поехала в Вену оканчивать свое светское воспитание и встретила там графа Андрея Шувалова, который был перед тем женихом Софьи Нарышкиной (побочной дочери императора Александра I от Марии Антоновны Нарышкиной, рожд[енной] кн[язны] Четвертинской, умершей от чахотки в 1824 г[оду] в возрасте 16-ти лет. – В. 3.), когда она уже была больна (у нее был дом на набережной и 25 тысяч ассигнациями дохода; Александр был очень скуп). Его послали секретарем к Татищеву в Вену ... Текла выучилась говорить по-французски и была принята аристократическим обществом. Тут она вышла замуж за графа Шувалова и поехала во Флоренцию, где они провели год. Свадьба была в Лейпциге в греческой церкви; там родился их старший сын Петр, нынешний посол в Англии. Текла, поселившись в Петербурге, с удивительным тактом сделала себе положение. Когда она представлялась Императрице, я ее видела. Она была как-то пышно хороша; руки, шея, глаза, волосы, у нее все было классически хорошо».

О графе Андрее Петровиче Шувалове Н. Г. Залесов пишет в своих записках (Русск. Старина СХХII (1905), стр. 537): «...Был обер-Гофмаршалом Двора Николая I. Как все Шуваловы он был честолюбив, искателен и вкрадчив. Будучи еще очень молодым человеком, он, чтобы упрочить свое положение при Александре I, задумал жениться на побочной дочери государя от известной Марии Антоновны Нарышкиной, и только смерть невесты помешала его намерению. Когда не удался этот проект, он искание связей променял на богатство и женился на вдове фаворита Екатерины II, князя Зубова, простой виленской шляхтянке Валентинович, которая, однако же принесла ему более миллиона приданого и польско-католические тенденции».

В переписке кн[язя] Петра Андреевича Вяземского с Александром Ивановичем Тургеневым, неоднократно упоминается Текла Шувалова. Милейший Вяземский, как это видно и в других случаях, был склонен идеализировать людей. 19 янв[аря] 1836 он пишет: «...не даром полюбил я ее (Шувалову) за ее поэтическое чувство, которое не увяло в петербургском холоде ... Мы с ней светски ссорились, но я всегда сохранял отменное уважение и симпатию к ней за многие милые и редкие качества ее. Что в ней хорошего и привлекательного, то все природное: она родилась розою без шипов, а если и есть, то есть бывают, шипы, то пристающие от петербургских репейников, да и те не держатся на ней. Когда я еще писал стихи и был на Рейне, я начал было балладу про развалины замка die Brüder, и в героине баллады моей написал я ее портрет. Только это и помню, а все стихи забыл, и в бумагах моих не осталось написанного». У Тургенева видимо был более трезвый взгляд на людей. 28 окт[ября] 1836 он из Москвы пишет Вяземскому: «...Где твоя Шувалова, которая никогда моей не будет? ...» Вяземский отвечает 2 ноября из Петербурга: «О твоей Шуваловой ничего не ведаю; моя больна и остается зимовать в своем Курляндском замке (Руэнтале. – В. З.). За что ты на нее вдруг рассердился? Я уверен, впрочем, что ты виноват. В ней много милого и доброго; есть темные места, в ком их нет? Не было бы красных мест на лице, о коих здесь говорили» (см. Остафьевский Архив, т. III, стр. 284-285, 340, 348).

О Текле Игнатьевне см. также Русск. Стар. XVI (1876), стр. 593; В. И. Туманский, Письма. Чернигов, 1891, стр. 74. Текла, родившаяся 24. IX. 1802, скончалась 25. X. 1873 через 4 месяца после смерти второго мужа, ровесницей которого она была. Шуваловы похоронены рядом в Софийской церкви села Вортемяки Спб. уезда (см. Остафьевский Архив т. III, стр. 447; Вел. Князь Николай Михайлович, Петербургский Некрополь). О браке Платона Зубова см. также: Edward Tomasz Massalski, Z Pamientnikow, str. 265-267; S. Bukar, Pamientniki, Dresden 1871 str. 113-118.

Зубов В.П., проф. гр.

Комментарии

1. Uni cuique suum – Каждому свое (лат.).
2. Ah, c'est; comme ça! – Ах, да, начнем! (франц.).

Проф. гр. В. П. Зубов

ПАМЯТИ А. А. ТРУБНИКОВА (АНДРЕЯ ТРОФИМОВА)*

Ушел еще один из плеяды русского Серебряного Века. 21 декабря сомкнул глаза Александр Александрович Трубников. Кем он был? Прежде всего человеком истинной культуры, не делимой от его природы, вошедшей ему в плоть и кровь, а затем глубоким ценителем и историком искусства и писателем, в эмиграции французским писателем, владевшим чужим языком как родным.

Будучи одним из основателей журнала «Старые годы», сотрудником «Аполлона», причисленным к картинной галерее Императорского Эрмитажа, он оказался участником всех художественных событий последнего десятилетия царской России.

С детских лет бывая почасту и подолгу за границей, напр[имер], Париж он впервые увидел двухгодовалым ребёнком, он рано познакомился с музеями почти всех стран Европы. Благодаря огромной зрительной памяти, он знал, в каком зале и на какой стене какого-либо небольшого музея висит та или иная незначительная картина.

Старинное искусство всех стран Запада не имело для него тайн, но особая его любовь принадлежала Италии. Тут, в Риме, лет 60 тому назад я его встретил впервые, и с тех пор нас связывала неизменная дружба.

Так же живо, как и изобразительное искусство, он ощущал и литературу прошлого, о чем свидетельствуют его французские книги последних 30-ти лет.

Как сын сановного отца, орловского губернатора, он первые школьные годы провёл в прогимназии в Орле, живя летом в родовой усадьбе «Трубников бор» Новгородской губ[ернии], или в поместье «Михнево» Тверской губ[ернии], позже он кончил училище правоведения.

С ранних лет он грезил о прошедших эпохах, рылся в лавках старьевщиков, выкапывая всякие старые мелочи, был по самой своей природе «пассеистом» [1]. Это то состояние духа, которое в то время было в той или иной степени присуще всей тогдашней культурной молодежи и вызвало протест итальянского «футуриста» Маринетти [2]. Пассеист, даже если он живо реагирует на современность, в глубоком своем нутре живёт прошедшим, чувствует себя дома лишь в окружении старинных предметов, в нем дрожат струны, отвечающие только на звуки прошлого.

После русской революции Трубников сразу понял, что мир вступил в другой век, для него чуждый, что он с этим другим веком примириться не может, он видел в себе живой анахронизм, обломок здания, построенного в определенном стиле, в котором нельзя изменить ни одной детали, не разрушив це-

* Русская мысль. 1967. 12 января. № 2568. Четверг. С. 4.

лого, «брошенную марионетку из разрозненного кукольного театра». Он это понял рано и покинул Россию скоро после Февраля, не дожидаясь Октября. Для него не могло быть компромиссов. Даже ради спасения остатков старины он не захотел остаться, как остались некоторые его друзья, поступив, хотя бы и временно, на службу новой власти.

В Западной Европе он еще находил родственные себе отголоски и поэтому в ней обосновался в ожидании конца, но “*La douceur de vivre*” сладости жизни прежних лет он больше и тут не находил. Он в это время много путешествовал по Европе, был также на Ближнем Востоке, в Палестине, а средства к жизни искал в ремесле старьевщика, плодом чего явилась остроумнейшая французская книжка “*Du Musée Impérial au Marché aux Puses*” (1936) [3].

Когда в России около 1906 г. по инициативе В. А. Верещагина [4] возникла в кругу любителей искусства мысль издания журнала, посвящённого старинному искусству, журнала, осуществленного в 1907 г[оду] под именем «Старые годы», Трубников рядом с С. К. Маковским был в числе основателей. Скоро к ним присоединился безвременно умерший барон Н. Н. Врангель, ставший истинной душой этого дела. Меценатом-издателем был П. П. Вейнер, впоследствии принявший на себя и редакторство.

Давая, благодаря своей огромной эрудиции, чрезвычайно ценные работы в «Старых годах», Трубников никогда не хотел «блистать». Он был человеком необычайной скромности, всегда старавшимся проходить незамеченным, больше всего дорожившим своей свободой и независимостью. Таким он остался до конца жизни, когда я хотел отметить в «Русской Мысли» его восьмидесятилетие, он просил меня этого не делать: «засмеют». Последней его волей было, чтобы объявление о его кончине не появлялось ранее его похорон, на кладбище в Медоне, чтобы не заставлять людей ездить так далеко. Т[аким] о[бразом], мы похоронили его в теснейшем кругу самых близких друзей.

Из его работ в «Старых годах» следует особо отметить его участие вместе с Н. Н. Врангелем и С. К. Маковским в ряде статей о русских усадьбах; благодаря этим статьям ныне погибшие дворянские гнезда остались живыми в нашей памяти. Втроём они их объезжали и снимали. Затем отметим подписанную ими троими статью об аракатеевском «Грузине», статьи Трубникова в номерах, посвященных Гатчинскому дворцу, и разные его работы о западном искусстве, в том числе и голландском, прекрасным знатоком которого он был.

Не менее ценными были его статьи на страницах «Аполлона», издававшегося С. К. Маковским. Он тогда еще писал под своим именем, но рядом с последним появлялся и псевдоним Андрея Трофимова. В «Аполлоне» Трубников и Трофимов иногда полемизировали.

Из французских книг, кроме указанной, стоит назвать “*Ciel et décors de France*” [5] (1938), посвященной французской плеяде 16-го века, т.е. Ronsard, Joachim du Bellay etc., “*Le Jardin des Muses Françaises*” [6] (1947), “*Rimeurs et*

poëtraux” [7] (1958) et “La Suisse sans Alpenstock” [8], в которой он описывает некоторые художественные ценности Швейцарии, неизвестные туристам, приезжающим только для того, чтобы лазать по горам. Он готовил, но еще не успел выпустить книгу “En lisant la Bible” [9], посвященную сокровищнице мыслей, связанной с этой грандиозной эпопеей.

Долгая разлука с родиной не стёрла в нём русского человека, он любил русский фольклор, все курьёзы русской провинции, губернскую фауну, наивные вывески. Читатели «Русской Мысли», несомненно, помнят его восхитительные статьи на эти темы. Он любил вспоминать крик татарина: «Халат! Халат! Халат!», красные рубахи мужиков, яркие платки баб, ожерелья из бубликов, мочёные яблоки и морошку. Эти и многие другие образы он называл пинакотеккой воспоминаний, в которую ежевечерне возвращался в своей одинокой комнате. В нём тогда оживал закатившийся мир его молодости.

Но больше старинных безделушек, важнее воспоминаний, было для него проникновение в подлинное искусство. Он писал, что видит в нём отражение Бога во Вселенной, ощущает в его эманациях мировую гармонию, в способности художественного восприятия он видит величайший дар Всевышнего бедным смертным.

Несмотря на преклонный возраст, ему только что исполнилось 83 года, его перо остановилось, не дописав последних строк.

«Смерть мужа праведна
прекрасна,
Как умолкающий орган,
Как луч последний солнца ясна
Блещет, тонет в океан...» (Державин) [10].

Комментарии

1. Был по самой своей природе «пассеистом» ... Пассеизм (от фр. “passé” – прошлое) – пристрастие к старине, любованье прошлым.
2. Протест итальянского футуриста Маринетти ... Филиппо Томмазо Маринетти (итал. Filippo Tommaso Marinetti; 1876–1944) – итальянский писатель, поэт, основатель футуризма. Основал ряд футуристических журналов («Lacerba», «Poesia») и издательство («Poesia»). Автор первого манифеста футуристов (опубликован в парижской «Фигаро» 20 февраля 1909), один из основоположников аэроживописи. В 1914 году посетил Россию по приглашению русских футуристов.
3. Остроумнейшая французская книжка “Du Musée Impérial au Marché aux Puses” (1936) ... “От Императорского Музея до блошиного рынка” (вышла в издательстве “Аргонавты”). Была удостоена премии Французской Академии “Корона” (“Couronne de l’Académie Française”). Издана на русском языке.

- ке в переводе Е. Н. Муравьевой (М., изд. Журнала «Наше Наследие», 1999).
4. По инициативе В. А. Верещагина ... Верещагин Василий Андреевич (1859–1931) – историк искусства, библиограф, библиофил.
 5. “Ciel et décors de France” (1938) ... “Небеса и виды Франции”. Вышла в издательстве “Ашетт” (Hachett). Полное название “Ciel et décors de France, Promenade Sentimentale d’un ci-devant”. Рец.: Шерман О. «Под небом Франции» Андрея Трофимова // Русская Мысль. 1958. №№ 1283, 1284.
 6. “Le Jardin des Muses Françaises” (1947) ... «В садах французских муз». Вышла в парижском издательстве “Les Editions des Quatre Vents”. Рец.: Шерман О. «В садах французских муз» О книге Андрея Трофимова // Русская Мысль. 1958. № 1241.
 7. “Rimeurs et poétraux” (1958) ... “Рифмоплеты и малые поэты”. Вышла в издательстве “Chambriand”.
 8. “La Suisse sans Alpenstock” ... “Швейцария без альпенштока”. Вышла в Цюрихе, в издательстве “Человек и труд” (“Homme et Travail”). Рец.: Шерман О. Швейцария без альпенштока // Русская Мысль. 1959. № 1355.
 9. «En lisant la Bible» – «Чтение Библии» (франц.).
 10. Третья строфа из стихотворения Державина «Урна» (1797), посвященная кончине графа И. И. Шувалова.

Научное издание

Граф Валентин Платонович Зубов

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В двух томах

Том 1

Статьи по российской истории и искусству

Исследовательская серия

«Сотрудники Российского института истории искусств»

Под редакцией А. Ю. Ряпосова

Составление, вступ. статья и комм. Т. Д. Исмагуловой

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Подписано в печать: 29.06.2023 г. Зак.: № 083. Формат: 60х84 ¹/₁₆
Объем: 17,75 п.л. Тираж: 100 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 174,
тел.: (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70
✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>
📌: https://vk.com/asterion_izdatelstvo